

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

ISSN 2542-047X Print
ISSN 2782-2990 Online

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

JURIDICAL JOURNAL OF SAMARA UNIVERSITY

ТОМ 6 • №4 • 2020 ГОД

ЮРИДИЧЕСКОМУ ИНСТИТУТУ

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА – 50 ЛЕТ!

*Уважаемые преподаватели, сотрудники,
студенты, аспиранты и выпускники!*

*Сердечно поздравляю наш коллектив со знаменательной датой
в истории развития Юридического института Самарского университета –
с 50-летием со дня образования!*

Как и 50 лет назад, Юридический институт играет ключевую роль в подготовке уникальных и конкурентоспособных специалистов в области юриспруденции.

За свою полувековую историю Юридический институт показал, что в нем трудятся высококвалифицированные кадры, которые могут и готовы решать сложные задачи в деле развития в Самарском регионе научно-образовательного, инновационно-технологического и культурного центра права. Достигнутые Юридическим институтом результаты – итог работы сильной команды профессионалов, высокого уровня организации, самоотдачи трудового коллектива, плодотворного сотрудничества с работодателями. Уверен, что опыт наших ветеранов, энергия и талант молодых преподавателей стали основой наших сегодняшних достижений и в дальнейшем послужат укреплению лидерских позиций и осуществлению самых смелых стратегических планов.

Желаю всем нам и впредь стабильной деятельности, успехов в развитии, крепкого здоровья, бодрости духа, благополучия, продуктивной работы на благо Самарской области и России!

*Исполнительный директор
Юридического института*

А. Г. Безверхов

Слева направо:

*А. В. Юдин, зам. исп. директора Юридического института по научной работе, д-р юрид. наук, доцент;
Е. С. Крюкова, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, канд. юрид. наук, доцент;
В. Э. Волков, ученый секретарь юридического института, канд. юрид. наук;
В. Д. Рузанова, зав. кафедрой гражданского и предпринимательского права, канд. юрид. наук, доцент;
А. Г. Безверхов, исполнительный директор Юридического института, д-р юрид. наук, проф.;
Т. В. Кленова, зав. кафедрой уголовного права и криминологии, д-р юрид. наук, проф.;
В. В. Полянский, зав. кафедрой государственного и административного права, канд. юрид. наук, проф.;
К. А. Савельев, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики, канд. юрид. наук, доцент;
Ю. С. Норвартян, зам. исп. директора Юридического института по учебной работе, канд. юрид. наук*

Уважаемые коллеги!

*Искренне поздравляю
профессорско-преподавательский
состав, сотрудников, студентов и
выпускников
Юридического института
Самарского университета
со знаменательной датой –
50-летием!*

Становление и развитие юридического образования в Самарской области прошло длительное время, в том числе в непростые для региона и всей страны годы. Тем не менее Юридический институт за эти полвека с честью преодолел все испытания и сейчас вправе гордиться впечатляющими результатами.

Очевидный профессионализм, высокий уровень правовой культуры и правосознания, безусловная востребованность выпускников являются отличительными знаками качества юридического образования в Самарском университете.

Глубокие познания преподавателей Юридического института в области права, их созидательная энергия, а также стремление передать знания и опыт молодому поколению навсегда привязывают студентов сердцем к alma mater и помогают достойно и успешно покорять вершины профессии, нести в жизнь привитые идеи добра, милосердия и справедливости.

Желаю всем реализации планов, движения только вперед и вверх, постоянного совершенствования и поиска путей для достижения новых высот. С юбилеем, Юридический институт!

*Ректор Самарского университета,
доктор экономических наук, профессор*

В. Д. Богатырев

***Уважаемый Артур Геннадьевич!
От имени коллектива Московского
государственного юридического
университета имени
О. Е. Кутафина (МГЮА)
и от себя лично поздравляю Вас,
весь профессорско-преподавательский
состав, студентов, аспирантов
и сотрудников с юбилеем –
50-летием со дня основания
юридического факультета Самарского
национального исследовательского
университета имени академика
С. П. Королева!***

Возглавляемый Вами факультет прошел большой путь становления в качестве одного из ведущих центров Самарской области по подготовке бакалавров, специалистов, магистров и научно-педагогических кадров высшей квалификации по востребованным направлениям юридической специализации. Проводимые учеными факультета фундаментальные и прикладные исследования нацелены на решение актуальных правовых проблем, а их результаты широко используются в законотворческом процессе и правоприменительной практике.

Бережное отношение к классическим традициям высшей школы, глубокие профессиональные знания, практический опыт, целеустремленность и трудолюбие профессорско-преподавательского состава, сотрудников, студентов и выпускников факультета обеспечивают высокий уровень подготовки специалистов и позволяют Институту вносить достойный вклад в развитие юридической науки России, что подтверждается реорганизацией факультета в институт.

Позвольте в этот знаменательный день пожелать всему коллективу юридического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева реализации всех намеченных планов, а также новых творческих идей и научных достижений, дальнейшей плодотворной деятельности на благо образования и науки!

*Ректор
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

В. В. Блажеев

*Декану юридического факультета
Самарского университета,
доктору юридических наук, профессору
Безверхову Артуру Геннадьевичу*

*Участникам Международной научно-
практической
конференции «Юридическая наука и
образование в XXI веке»,
посвященной
50-летию юридического факультета
Самарского университета
(2 октября 2020 года, г. Самара)*

Уважаемые коллеги!

Разрешите поприветствовать вас на столь представительном форуме!

В этом году юридический факультет Самарского университета отмечает свой золотой юбилей. Этот факультет – настоящая кузница юридических кадров: более 10 тысяч юристов за эти годы стали выпускниками этого вуза. Работая в различных сферах, они активно способствуют поддержанию конституционного порядка, развитию правового государства, вносят значительный вклад в развитие науки и формирование правовой среды.

Самарскую Губернскую Думу и юридический факультет Самарского университета связывает многолетнее взаимодействие. Представители данного факультета принимают значимое участие в законотворческой работе, мониторинге правоприменения, правовой и общественной экспертизе проектов нормативных правовых актов, разъяснении законодательства жителям губернии.

Сотрудники вуза умело совмещают преподавательскую и научную деятельность с работой в различных общественных структурах: Общественной палате Самарской области, общественных комиссиях и рабочих группах при комитетах областного парламента, а также в других органах публичной власти.

Совместными усилиями активно развивается Самарское региональное отделение Ассоциации юристов России.

В текущем году в России и в мире произошли весьма значимые изменения в политической, социально-экономической, культурной, экологической и иных сферах. Появились новые государственные и общественные институты, динамично складываются новые правоотношения. Наша страна в настоящее время приняла ряд новых серьезных вызовов.

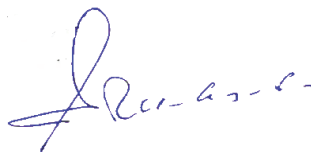
В рамках реализации конституционных изменений, национальных проектов и программ в ближайшей перспективе планируется разработать и принять около 100 федеральных законов в различных отраслях права, включая регулирование научно-образовательной деятельности, в дальнейшем будет принят комплекс нормативных правовых актов регионального и муниципального уровней.

Выражаю уверенность в том, что в рамках данной конференции состоятся активная, «живая» дискуссия и обмен мнениями относительно определения путей развития юридической науки и образования в нашей стране и мире, будут выработаны ценные предложения и рекомендации.

Принципиально важно делать все, чтобы правотворчество, правоприменение, правоохранительная и правозащитная деятельность, социально-экономическая политика, наука и образование, правовое просвещение, оказание бесплатной юридической помощи и другие направления стали мощным объединяющим фактором развития нашего региона, страны и международного сообщества в целом.

От всей души желаю вам новых профессиональных достижений, успехов во всех добрых начинаниях! Крепкого здоровья, семейного счастья, благополучия вам и вашим близким!

*Заместитель председателя
Самарской Губернской Думы –
председатель комитета по законодательству,
законности, правопорядку и противодействию коррупции,
председатель Совета Самарского регионального
отделения Общероссийской
общественной организации
«Ассоциация юристов России»*

Ю. М. Шевцов

*Уважаемый Артур Геннадьевич,
дорогие преподаватели и студенты!*

*Примите самые искренние
поздравления со знаменательной
датой в истории
Самарского национального
исследовательского университета
имени академика С. П. Королева –
50-летием юридического факультета!*

С момента основания факультета коллективом был задан высокий уровень работы и сегодня вы продолжаете благородную миссию по качественной подготовке выпускников в сфере юриспруденции. Среди них – известные ученые, политики, представители юридического сообщества, правоохранительных органов, бизнеса – интеллектуальная профессиональная элита Самарского региона и страны в целом.

Профессия юриста очень востребована. Где бы ни работал каждый ваш выпускник, на протяжении всей жизни он оказывает помощь людям в самых разных жизненных ситуациях, защищая их конституционные права. Созданная на факультете юридическая клиника также является серьезной поддержкой для наших граждан, а студенты здесь имеют уникальную возможность получать и совершенствовать профессиональные навыки.

Позвольте выразить вам, уважаемые педагоги, искреннюю благодарность за ваш труд, а также профессионализм при взаимодействии с Уполномоченным по правам человека в Самарской области!

Вместе мы проводим научно-практические конференции, итогом которых становится повышение мастерства всех тех, кто стоит на защите прав и свобод человека и гражданина. Ваши экспертные заключения помогают при работе с обращениями граждан к Уполномоченному по правам человека.

Желаю всему коллективу новых достижений, перспективных идей, крепкого здоровья и всего самого доброго!

*Уполномоченный по правам человека
в Самарской области*

О. Д. Гальцова

*Уважаемые преподаватели,
сотрудники,
выпускники и студенты
юридического факультета Самарского
университета!*

*От имени судейского сообщества
области и от меня лично примите
самые искренние поздравления
с 50-летием юридического факультета
Самарского университета!*

В 1970 году началась подготовка специалистов на юридическом факультете. Сейчас юридический факультет в составе университета заслуженно является одним из ведущих юридических факультетов и вузов России. Но еще с момента основания факультета полвека назад были заданы высокий уровень и стандарты классического университетского образования, которые поддерживаются и в настоящее время.

Вместе с тем вчера и сегодня факультет динамично развивается, в его стенах ведется непрерывная научно-исследовательская работа, разрабатываются правовые позиции, которые впоследствии получают практическую реализацию в правоприменительной деятельности, идет постоянный поиск новых форм и методов педагогической работы, соответствующих современным реалиям.

Все это становится возможным благодаря преподавателям и сотрудникам факультета, которых отличают не только высокий профессионализм, фундаментальные знания и поисковые научные исследования, творческий подход в науке и образовании, но и такие морально-нравственные качества, как трудолюбие, терпеливость, неравнодушие, инициативность, принципиальность, настойчивость и упорство в достижении намеченных планов.

Именно они позволяют достичь цель подготовки высококвалифицированных специалистов-юристов, которые продолжают свой профессиональный путь, в том числе в судебных органах, и которых отличают умение самостоятельно принимать решения и повышенное чувство ответственности за них, неукоснительное следование принципам законности и защиты прав человека и гражданина, а также добросовестное отношение к возложенным на них обязанностям и служение на благо региона и России в целом. Наше новое поколение специалистов, их пылкий ум и интеллектуальная сила, способность принимать верные решения и выполнять задачи, обусловленные требованиями в соответствии с уровнем развития государства и общества, и есть наш мощнейший стратегический потенциал, который позволит добиваться и в дальнейшем уважения и процветания для нашей страны.

У всех выпускников факультета остается та самая незримая связь с альма-матер. В нашем же случае она еще и профессиональная. Преподаватели факультета оказывают поддержку и принимают активное участие в деятельности органов судейского сообщества как на уровне Российской Федерации, так и на уровне Самарской области.

И как выпускник этого факультета хочу выразить личную благодарность всему профессорско-преподавательскому составу за ваш упорный и славный труд, преданность выбранной профессии и пожелать крепкого здоровья вам и вашим близким, неиссякаемой энергии, счастья, благополучия и дальнейших свершений в научной и преподавательской деятельности.

*Председатель
Самарского областного суда,
председатель Совета судей
Самарской области*

В. В. Кудинов

*Поздравляю коллектив
юридического факультета
Самарского национального
исследовательского университета
имени академика С. П. Королева
с 50-летним юбилеем!*

50 лет – возраст стабильности, показатель зрелости, надежности и опыта. С момента основания факультета коллективом был задан высокий уровень работы, который поддерживается до настоящего времени. Поэтому с уверенностью заявляю, что юридическое образование, которое предоставляет факультет, является брендом на рынке труда специалистов юриспруденции.

Выпускники юридического факультета успешно трудятся в государственных органах законодательной, исполнительной власти, судебной системе, правоохранительных органах, в адвокатуре, нотариате, на предприятиях, в учреждениях различных форм собственности и всегда оправдывают высокое доверие работодателей, которое заслужено долгим и славным трудом коллектива факультета.

Профессорско-преподавательский состав факультета отличает не только профессионализм, но и активная гражданская позиция. Профессора и преподаватели факультета являются членами экспертных советов по вопросам совершенствования законодательства и правоприменительной практики, участвуют в правовом просвещении населения.

Результатами такой всесторонней деятельности факультета являются юридические кадры, которые ориентированы на защиту прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства. Именно такой подход лежит в основе системы юридического образования факультета.

Надеюсь на дальнейшее плодотворное сотрудничество и от всей души желаю всему коллективу крепкого здоровья, счастья, благополучия, новых творческих успехов, продолжения и приумножения лучших традиций отечественной юридической школы, а каждому студенту – найти свое место в жизни, дорожить полученными знаниями, умело применять их на практике во благо человека, общества и государства.

*Начальник ГУ МВД России
по Самарской области
генерал-лейтенант полиции*

A handwritten signature in blue ink, appearing to be 'А. И. Винников'.

А. И. Винников

*Уважаемые преподаватели,
сотрудники, ветераны, студенты
и выпускники юридического факультета!*

*Примите самые искренние
и сердечные поздравления
с замечательным юбилеем,
с 50-летием юридического факультета
Самарского университета!*

Первый выпуск юристов – всего 50 человек – состоялся в 1975 году. Сегодня юридическое образование, которое предоставляет Самарский университет, является своего рода брендом на рынке труда отечественных специалистов в области юриспруденции. Выпускников нашего юрфака можно встретить в государственных органах власти, федеральных ведомствах, международных организациях, национальных компаниях и бизнес-структурах различной отраслевой принадлежности. Это серьезные показатели и высокое доверие работодателей, которое заслужено полувековым славным трудом коллектива факультета.

Много выпускников юридического факультета служат и в надзорных органах, они твердо стоят на защите интересов общества и государства, отстаивают право человека на безопасный труд, на безопасную окружающую среду. Их успехи – это заслуга всего профессорско-преподавательского состава, который не только дает крепкие знания, но и воспитывает в студентах высокую гражданскую позицию личным примером. Преподаватели факультета принимают активное участие в рабочих группах, экспертных советах по вопросам совершенствования законодательства и правоприменительной практики, ведут фундаментальные и прикладные исследования.

От лица выпускников хочу высказать слова благодарности нашим преподавателям за все то, что они нам дали, хочу пожелать им здоровья и благополучия, а факультету – творческого долголетия, прогрессивного развития и высокого рейтинга на рынке образовательных услуг России и мира!

Уверена в том, что выпускники и научно-практические традиции факультета будут еще долго востребованы государством и научным сообществом, надеюсь, что лучшие молодые специалисты будут и впредь пополнять ряды Средне-Поволжского управления Ростехнадзора.

*Руководитель
Средне-Поволжского управления Ростехнадзора*

И. В. Панфилова

Уважаемый Артур Геннадьевич!

*Примите искренние поздравления
с 50-летием
юридического факультета!*

С момента основания коллективом факультета задан высочайший уровень работы, который поддерживается до настоящего времени. Это позволяет подготовить квалифицированных специалистов, работающих в самых разных направлениях юриспруденции, включая адвокатскую деятельность.

Самарский университет обеспечивает значительный вклад в формирование адвокатской корпорации региона.

Большая часть самых успешных адвокатов Палаты адвокатов Самарской области – это выпускники юридического факультета Самарского университета, составляющие гордость адвокатского сообщества области.

Пусть крепкие профессиональные традиции, компетентность и опыт помогают и в будущем успешно двигаться к намеченным целям и оставаться центром притяжения для талантливой и целеустремленной молодежи.

Пусть накопленный опыт способствует воплощению в жизнь новых смелых проектов и реализации намеченных планов.

Желаю Вам успехов, уверенного движения вперед и верности традициям научного лидерства!

*Президент
Палаты адвокатов Самарской области*

Т. Д. Бутовченко

Уважаемый Артур Геннадьевич!

***Примите мои самые искренние
поздравления
по случаю 50-летия
юридического факультета
Самарского национального
исследовательского университета
имени академика С. П. Королева!***

*Провозглашать право и учить ему, решать сомнения и поддерживать
государство — таково назначение доктора юриспруденции...*
У. Цазий

Менялись эпохи, режимы и названия, но юридический факультет во все времена оставался примером строгого следования главенствующей истине: обучать в соответствии с правилами и совестью, гуманностью и профессионализмом. Эти неизменные постулаты сформировали здесь среду, в которой каждый в полной мере способен проявить свои таланты. Сегодня юридический факультет Самарского университета — это уникальное сочетание традиций и инноваций в области юридического образования. С момента своего основания коллективом факультета был задан высокий уровень работы, который, без сомнения, поддерживается и до настоящего времени. Бережно сохраняя достигнутое ранее, под Вашим руководством преподавательский состав транслирует студентам самые современные знания в области юриспруденции, совершенствуя и актуализируя образовательный процесс. В динамично развивающемся обществе это является ключевым фактором формирования профессионально грамотных кадров, способных мыслить самостоятельно и решать любые поставленные цели, содействуя дальнейшему развитию юридической науки и практики в правовом государстве. Выпускники факультета традиционно являются ведущими специалистами в своей области, но главное — они ответственно работают практически в каждой отрасли региона, прославляя alma mater и юридическую науку.

Желаю Вам, как и прежде, оставаться в зените, занимая ведущие позиции в списке лучших юридических вузов страны. Пусть никакие перемены и сомнения не смогут сбить с выбранного курса, а нацеленность на успех будет руководящим направлением в любом начинании. Побед в профессиональной деятельности, личных свершений, гармонии и мира!

Президент нотариальной палаты Самарской области

Г. Ю. Николаева

Уважаемый Артур Геннадьевич!

*От всей души поздравляю
Вас и весь коллектив
юридического факультета Самарского
университета
с 50-летием со дня образования!*

За годы работы Ваш факультет прошел славный путь становления, развития и совершенствования своей деятельности и всегда оставался эталоном юридического образования в регионе.

С момента своего основания педагогическим составом факультета был задан высокий уровень работы, который Вы поддерживаете до настоящего времени. За плечами коллектива преподавателей и сотрудников немало профессиональных высот и огромный труд, направленный на подготовку квалифицированных специалистов. Студенты юридического факультета обладают фундаментальными правовыми знаниями и современным мышлением, способны брать на себя ответственность и принимать верные решения. Среди Ваших выпускников крупные ученые, общественные деятели, видные юристы, руководители и работники судебных органов, прокуратуры и адвокатуры, законодательной и исполнительной власти.

Убежден, что Ваш факультет на долгие годы остается центром юридического сообщества области.

Желаю Вашему коллективу новых достижений, творческого развития, неиссякаемой энергии, а юридическому факультету – процветания и успехов!

*Председатель
Думы городского округа Новокуйбышевск*

 Ю. А. Феропонтов

***Уважаемый Артур Геннадьевич!
Уважаемые преподаватели
и студенты!***

***От лица ООО «Средневожская газовая
компания» поздравляю вас
со знаменательной датой –
50-летним юбилеем
юридического факультета
Самарского университета.***

За полвека юридический факультет подготовил множество талантливых и высококвалифицированных специалистов, которые вошли в кадровый состав органов законодательной и исполнительной власти, судебной системы, правоохранительных органов и крупных промышленных предприятий не только Самарской области, но и других регионов России. Выпускники юридического факультета составляют основу его профессорско-преподавательского состава, который пользуется заслуженным авторитетом в научных кругах и в бизнес-сообществах благодаря своему профессионализму, высокому интеллектуальному потенциалу и творческой энергии.

Выражаю благодарность коллективу факультета за многолетнее сотрудничество и большой вклад в развитие газоснабжения Самарской области. Пусть деятельность юридического факультета и дальше будет ознаменована профессиональными успехами, смелыми проектами и новыми научными достижениями!

Желаю Вам и всему профессорско-преподавательскому составу, а также студентам и аспирантам крепкого здоровья, счастья, благополучия и стабильности!

*Председатель Правления
ООО «СВГК»*

И. В. Аветисян

Подписной индекс 80309
ISSN 2542-047X

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Том 6 • № 4 • 2020 ГОД

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
IURIDICHESKIY VESTNIK SAMARSKOGO UNIVERSITETA
JURIDICAL JOURNAL OF SAMARA UNIVERSITY

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Индексирование в базах данных: eLIBRARY.RU РИНЦ КИБЕРЛЕНИНКА ЛАНЬ CROSSREF

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, с 30.11.2017

Журнал издается с 2015 г. Выходит 4 раза в год

Миссия журнала: отражение результатов оригинальных фундаментальных и прикладных исследований права на общетеоретическом, межотраслевом и отраслевом уровнях для целей совершенствования правотворчества и правоприменения; поддержание научного диалога и дискуссий представителей отечественных и зарубежных научных школ по актуальным вопросам права.

Главный редактор

А. Г. Безверхов, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Заместитель главного редактора

Е. В. Марьина, канд. юрид. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Ответственный секретарь

В. Э. Волков, канд. юрид. наук (Самарский университет, Самара, РФ)

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, г. Самара,
ул. Акад. Павлова, 1.

Тел.: +7(846) 3379963, 3379936

E-mail: Jjournal@inbox.ru

www: http://http://journals.ssau.ru/jjsu

Издатель: Самарский университет

Центр периодических изданий Самарского университета

443086, Российская Федерация, г. Самара,
Московское шоссе, 34, корп. 22а, 312 б.

Литературное редактирование, корректура

Т. А. Мурзинова

Компьютерная верстка, макет

Т. А. Мурзинова

Информация на английском языке

М. С. Стрельников

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-680026 от 13 декабря 2016 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Подписной индекс в каталоге

АО Агентство «Роспечать» 80309

ISSN 2542-047X

Прежнее название – «Юридический вестник Самарского государственного университета»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-62511 от 27 июля 2016 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). ISSN 2410-8707

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+ Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

Подписано в печать 27.12.2020.

Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Печать оперативная.

Печ. л. 19,5.

Тираж 200 экз. (первый завод – 50 экз.). Заказ №

Отпечатано в типографии Самарского университета

443086, Российская Федерация, г. Самара,
Московское шоссе, 34.

www: http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit

С 2015 г. полнотекстовая версия журнала размещается на сайте **Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU**.

С 2015 г. журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Редакционная коллегия:

Д. Б. Абушенко, д-р юрид. наук, доц. (Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, РФ)

А. А. Аубакирова, д-р юрид. наук, доц., академ. проф. (Алматинская Академия МВД имени Макана Есбулатова, Алматы, Республика Казахстан)

С. Ф. Афанасьев, д-р юрид. наук, проф. (Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, РФ)

Г. А. Василевич, д-р юрид. наук, проф., засл. юрист Республики Беларусь (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь)

Л. В. Головкин, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ)

Е. Ю. Грачева, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

Мояня Гунева, д-р права, проф. (Бургасский свободный университет, Бургас, Болгария)

В. В. Долинская, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

Драган Боланча, д-р права, проф. (Сплитский университет, Сплит, Хорватия)

Н. Г. Жаворонкова, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

Т. В. Кленова, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Борис Кривокапич, д-р права, ординарный профессор (Университет «Унион – Никола Тесла», Белград, Сербия)

В. А. Лазарева, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

В. В. Полянский, канд. юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

С. Б. Россинский, д-р юрид. наук, доц. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

В. Д. Рузанова, канд. юрид. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

О. Ю. Рыбаков, д-р юрид. наук, д-р филос. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

Е. А. Трешева, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Р. Л. Хачатуров, д-р юрид. наук, проф. (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, РФ)

Н. А. Шевелева, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, РФ)

И. В. Шестерякова, д-р юрид. наук, доц. (Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, РФ)

Б. В. Яцеленко, д-р юрид. наук, проф. (Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) Москва, РФ)

© Самарский университет, 2020

Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

Subscription Index 80309
ISSN 2542-047X

**JURIDICAL
JOURNAL
OF SAMARA UNIVERSITY**

Vol. 6 • № 4 • 2020

JURIDICAL JOURNAL OF SAMARA UNIVERSITY
IURIDICHESKIY VESTNIK SAMARSKOGO UNIVERSITETA
ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

MAGAZINE FOUNDER AND PUBLISHER
FEDERAL STATE AUTONOMOUS EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY» (SAMARA UNIVERSITY)

Indexing in databases: LIBRARY.RU RINTS LAN CROSSREF

The Journal is included by the HAC in the List of leading scientific editions, where basic scientific results of theses for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published, from c 30.11.2017

Journal is published since 2015. It is published 4 times a year

Mission of the journal: reflection of the results of original fundamental and applied research of law at the general theoretical, intersectoral and sectoral levels for the purpose of improving law-making and law enforcement; maintaining a scientific dialogue and discussions of representatives of domestic and foreign scientific schools on pressing issues of law.

Chief editor

A. G. Bezverkhov, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

Deputy chief editors

E. V. Marina, Candidate of Legal Sciences, associate professor (Samara National Research University, Samara, RF)

Executive editor

V. E. Volkov, Candidate of Legal Sciences (Samara National Research University, Samara, RF)

Address of editorial staff:

1, Acad. Pavlov Str., Samara, 443011, Russian Federation.

Tel.: +7(846) 337-99-63, 337-99-36

E-mail: Jjournal@inbox.ru

www: <http://http://journals.ssau.ru/jjsu>

Publisher: Samara National Research University

Centre of Periodical Publications of Samara University

312 b, building 22 a, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Literatory editing, proofreading T. A. Murzinova

Computer makeup, dummy T. A. Murzinova

Information in English M. S. Strelnikov

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС

77-680026 dated 13 December 2016, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

Subscription Index in the Agency «Rospechat»

Catalogue 80309

ISSN 2542-047X

Previous title – «Juridical Journal of Samara State University»

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-62511

dated 27 July 2015, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

ISSN 2410-8707

Business model: funded by the founder.

0+ Free price

Authors articles do not necessarily reflect the views of the publisher

Passed for printing 27.12.2020.

Format 60x84/8.

Litho paper. Instant print.

Print. sheets 19,5.

Circulation 200 copies (first printing – 50 copies).

Order №

Printed on the printing house of Samara University

34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Since 2015 the full-text version of the journal is placed on the site of **Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU**.

Since 2015 the Journal is included in the **Russian Science Citation Index**.

Editorial Board:

D. B. Abushenko, Dr. of Law, associate professor (Ural State Law University, Ekaterinburg, RF)

A. A. Aubakirova, Dr. of Law, associate professor, academic professor (The Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan)

S. F. Afanasiev, Dr. of Law, professor (Saratov State Law Academy, Saratov, RF)

G. A. Vasilevich, Dr. of Law, professor, honored layer of the Republic of Belarus (Belorussian State University, Minsk, Republic of Belarus)

L. V. Golovko, Dr. of Law, professor (Lomonosov Moscow State University, Moscow, RF)

E. Yu. Gracheva, Dr. of Law, professor (Kutafin Moscow State Law University, Moscow, RF)

Momyana Guneva, Dr. of Law, professor (Burgas Free University, Burgas, Bulgaria)

V. V. Dolinskaya, Dr. of Law, professor (RF, Moscow, Kutafin Moscow State Law University)

Dragan Bolancha, Dr. of Law, professor (University of Split, Split, Croatia)

N. G. Zhavoronkova, Dr. of Law, professor (Kutafin Moscow State Law University, Moscow, RF)

T. V. Klenova, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

Boris Krivokapich, Dr. of Law, professor (University «Union – Nikola Tesla», Beograd, Serbia)

V. A. Lazareva, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

V. V. Polyanskiy, Candidate of Legal Sciences, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

S. B. Rossinskiy, Dr. of Law, associate professor (Kutafin Moscow State Law University, Moscow, RF)

V. D. Ruzanova, Candidate of Legal Sciences, associate professor (Samara National Research University, Samara, RF)

O. Yu. Rybakov, Dr. of Law, Dr. of Philosophical Sciences, professor (Kutafin Moscow State Law University, Moscow, RF)

E. A. Treshcheva, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

R. L. Khachaturov, Dr. of Law, professor (Togliatti State University, Togliatti, RF)

N. A. Sheveleva, Dr. of Law, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, RF)

I. V. Shesteryakova, Dr. of Law, associate professor (Saratov State Law Academy, Saratov, RF)

B. V. Yatsenko, Dr. of Law, professor (All-Russian State University of Justice, Moscow, RF)

© Samara University, 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

СОДЕРЖАНИЕ

СОБЫТИЯ

Юридическому институту Самарского университета – 50 лет! 7

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Макутчев А. В. Критархия как особая форма государства (на примере Сомали) 17

ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Фоменко Р. В. Значение реформ 50-х годов XVI в. как институциональных мер противодействия коррупции 26

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Рахматулина Р. Ш. Объекты цифрового дизайна: особенности правового регулирования 33

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Елаев А. А. Об отдельных проблемах присвоения звания «Ветеран труда»: анализ законодательства и правоприменительной практики 38

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Коновальчук М. В. Справедливость в уголовном праве: материальная или идеальная категория? 43

Ходусов А. А. Эпистемологический вызов уголовному праву в аспекте систематизации форм мошенничества в спорте 47

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Теохаров А. К., Честнов А. В. Уголовное наказание в виде ареста: проблемы и перспективы 52

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Тарасов А. А. Международные стандарты прав человека и российское уголовное правосудие 61

Белоносков В. О. Об уголовно-процессуальном законотворчестве в современных условиях 67

Муравьев К. В. Соразмерность процессуальных ограничений грозящему наказанию и экономия принуждения при выборе меры пресечения 72

Кувалдина Ю. В. Особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением: последствия принятой к закону поправки 80

Шарипова А. Р. Различия реализации общей правовой модели пересмотров судебных актов в уголовном и арбитражном, гражданском, административном судопроизводствах 88

Шестакова Л. А. Влияние семейно-родственных отношений на реализацию отдельных институтов уголовно-процессуального права: постановка проблемы 96

КРИМИНАЛИСТИКА И СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Корсаков К. А., Конин В. В., Сидоренко Е. В. Разумный срок уголовного судопроизводства: криминалистическая характеристика 101

Соколов А. Б. Тактический прием: логика определения понятия нуждается в пересмотре 112

Сергеева О. В., Зиненко Ю. В. Некоторые аспекты проведения судебно-медицинской экспертизы в случаях ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей медицинскими работниками 120

Карпов С. Ю., Садовский В. В. Особенности первоначального этапа расследования уголовных дел, сопряженных с поджогами 126

Трибуна молодого ученого

Дулгер А. В. Правовая политика антисоветского правительства А. В. Колчака в сфере налогов 131

Губина Е. Н., Давитавян Д. В. Защита прав взыскателя в исполнительном производстве: проблемы и перспективы развития 136

Талалаев К. А. Уголовное преследование: проблемы определения 142

Сырецкий М. В. Видеорегиистратор – источник криминалистически значимой информации при расследовании преступлений, связанных с нарушениями правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в сфере пассажирских перевозок 146

Требования к оформлению статей 153

CONTENTS

EVENTS

- The Law Institute of Samara University is 50 years old! 7

THEORY OF LAW AND STATE

- Makutchev A. V.** Kritarchy as a special form of state (on the example of Somalia) 17

HISTORY OF LAW AND STATE

- Fomenko R. V.** Role of the reforms of the 1550-ies as institutional anti-corruption measures 26

CIVIL LAW

- Rakhmatulina R. Sh.** Digital design objects: features of legal regulation 33

LABOR LAW AND SOCIAL SECURITY LAW

- Elaev A. A.** On certain problems of conferment of the title «Labor veteran»: analysis of legislation and law enforcement practice 38

CRIMINAL LAW

- Konovalchuk M. V.** Justice in criminal law: material or ideal category? 43

- Khodusov A. A.** Epistemological challenge to criminal law in the aspect of systematization of forms of fraud in sports 47

CRIMINAL AND PENAL LAW

- Teokharov A. K., Chestnov A. V.** Criminal punishment in the form of arrest: problems and prospects 52

CRIMINAL PROCEDURE

- Tarasov A. A.** International human rights standards and Russian criminal justice 61

- Belonosov V. O.** On criminal procedure law-making in the modern context 67

- Muravev K. V.** Proportionality of procedural restrictions to the threatened punishment and economy of coercion when choosing a measure of restraint 72

- Kuvaldina Ju. V.** Special procedure of trial in case of consent of the accused with the charge brought: the consequences of the amendment to the law 80

- Sharipova A. R.** Differences in the implementation of the general legal model for reviewing judicial acts in criminal and arbitration, civil and administrative proceedings 88

- Shestakova L. A.** Influence of family and kinship relations on the implementation of certain institutions of criminal procedure law: problem statement 96

CRIMINALISTICS AND FORENSIC ENQUIRY

- Korsakov K. A., Konin V. V., Sidorenko E. V.** Reasonable time of criminal proceedings: criminalistic character 101

- Sokolov A. B.** Tactical technique: definition logic needs revision 112

- Sergeeva O. V., Zinenko Y. V.** Some aspects of forensic medical examination in cases of improper performance of professional duties by medical professionals 120

- Karpov S. Yu., Sadovsky V. V.** Peculiarities of investigation of criminal cases associated with arsons 126

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

- Dulger A. V.** Legal policy of anti-Soviet A. V. Kolchak's government in the sphere of taxes 131

- Gubina E. N., Davitavyan D. V.** Protection of the rights of the judgment creditor in enforcement proceedings: challenges and prospects for development 136

- Talalaev K. A.** Criminal prosecution: the problems of definition 142

- Syretsky M. V.** Video recorder is a source of criminally significant information in investigating crimes related to violations of road traffic and vehicle operation in the passenger traffic sphere 146

- Requirements to the design of articles* 153

СОБЫТИЯ EVENTS

ЮРИДИЧЕСКОМУ ИНСТИТУТУ САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА – 50 ЛЕТ!

THE LAW INSTITUTE OF SAMARA UNIVERSITY IS 50 YEARS OLD!

*Юридический институт
Самарского университета, 2020*

*Первый выпуск юридического факультета
Куйбышевского государственного университета, 1975*

В 2020 году Юридическому институту Самарского университета (ранее – юридическому факультету Куйбышевского государственного университета, Самарского государственного университета, Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева) исполнилось пятьдесят лет.

Высшее юридическое образование в Самарской области имеет давние традиции. С середины 30-х годов прошлого века в г. Куйбышеве функционировал филиал Саратовского юридического института им. Курского. Позднее здесь был создан филиал Всесоюзного юридического заочного института (ВЮЗИ), готовивший специалистов-юристов по заочной форме обучения. Всего к 1960 году ВЮЗИ имел 6 заочных факультетов (Москва, Куйбышев [Самара], Краснодар, Хабаровск, Горький [Нижний Новгород], Иваново).

В Куйбышевском государственном университете с 1970 г. началась подготовка юристов по очной форме обучения, вначале в рамках гуманитарного факультета. Первый выпуск юристов состоялся в 1975 г., он был небольшим – всего 50 специалистов. До настоящего времени в Юридическом институте трудятся трое выпускников первого выпуска – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, д.ю.н. В. А. Лазарева, заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права, к.ю.н. В. Д. Рузанова, профессор

кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права, д.ю.н. Е. А. Трещева.

В 1980 г. в состав юридического факультета вошел Куйбышевский филиал Всесоюзного юридического заочного института. Именно двуединое основание – с одной стороны, классический государственный университет, с другой – ВЮЗИ – предопределило уверенное и стабильное развитие юридического факультета на долгие годы. Юридический институт и сегодня поддерживает самые тесные отношения с Московским государственным юридическим университетом имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

21 октября 2020 г. ректор МГЮА В. В. Блажеев выступил в рамках всероссийского совещания с инициативой образования Содружества ВЮЗИ на базе многолетнего сотрудничества научных и образовательных школ образовательных организаций, входивших в общую филиальную систему Всесоюзного юридического заочного института (ВЮЗИ), основываясь на взаимной заинтересованности в развитии учебного, методического и научного сотрудничества в сфере юриспруденции, стремясь к наиболее полному и рациональному использованию профессионального и научного потенциала, в целях достижения значимых результатов как в учебно-методическом, так и в научном развитии соответствующих образовательных организаций (факультетов, институтов).

Первым деканом юридического факультета Куйбышевского госуниверситета был кандидат юридических наук, доцент Федор Сергеевич Абдула (1976–1978 гг.). В течение ряда лет Ф. С. Абдула руководил кафедрой административного, трудового и природоохранительного права. В дальнейшем факультет возглавляли кандидат экономических наук, доцент Владимир Яковлевич Сизоненко (1979–1982 гг.), доктор экономических наук, профессор Юрий Ильич Любимцев (1982–1987 гг.), кандидат юридических наук, доцент Любовь Петровна Рожкова (1987–1988 гг.). С октября 1988 г. до сентября 2013 г. на должности декана трудился заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент Александр Александрович Напреенко. С 2013 г. должность декана юридического факультета (с 1 декабря 2020 г. – исполнительного директора Юридического института) занимает доктор юридических наук, профессор Артур Геннадьевич Безверхов.

В институте подготовку юристов осуществляют шесть кафедр: кафедра теории и истории государства и права и международного права (заведующий кафедрой – доктор юридических наук, профессор Артур Геннадьевич Безверхов); кафедра государственного и административного права (заведующий кафедрой – кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Самарской области Виктор Владимирович Полянский); кафедра уголовного права и криминологии (заведующий кафедрой – доктор юридических наук, профессор Татьяна Владимировна Кленова); кафедра уголовного процесса и криминалистики (заведующий кафедрой – кандидат юридических наук, доцент Константин Анатольевич Савельев); кафедра гражданского и предпринимательского права (заведующий кафедрой – кандидат юридических наук, доцент Валентина Дмитриевна Рузанова); кафедра гражданского процессуального и предпринимательского права (заведующий кафедрой – доктор юридических наук, доцент Андрей Владимирович Юдин).

Фундаментальные и прикладные исследования на кафедрах Юридического института ведутся по следующим основным научным направлениям:

- Конституционно-правовые проблемы гармонизации публичной власти;
- Правовая охрана цифровой экономики;
- Безопасность и оптимизация уголовной политики;
- Цифровизация уголовного процесса и криминалистики;
- Концептуальные основы модернизации законодательства в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;
- Процессуальные формы защиты гражданских прав в условиях цифровой экономики;
- Космическое и международное право и деятельность;
- Правовое регулирование противодействия коррупции: тенденции и перспективы.

Юридический институт выступает инициатором проведения научных мероприятий по актуальным проблемам государства и права – международных, всероссийских и региональных конференций, круглых столов, семинаров в самых различных форматах и на самых разных площадках.

При всех кафедрах Юридического института действует аспирантура, в которой обучаются в основном выпускники института. Аспиранты института, достигшие выдающихся успехов в учебной и научной деятельности, получают стипендии Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации.

Юридическое образование было и продолжает оставаться высокой социально-политической ценностью, поскольку «юрфаки» готовят своих выпускников к таким важным для российского общества и государства видам профессиональной деятельности, как нормотворческая, правоприменительная, правоохранительная, экспертно-консультационная, организационно-управленческая. Сегодня предъявляются еще более взыскательные требования к компетенциям будущих юристов. Качество юридического образования является социально-политическим показателем. Оно понимается как соответствие юридическому образованию жизненным потребностям государства, общества, отдельного человека. Цели образовательной деятельности по подготовке высококлассного юриста – получение совокупности компетенций, интеллектуального и нравственного развития, позволяющих в любых случаях обеспечить правильное правоприменение. Поэтому качественная подготовка юристов представляется задачей общегосударственного значения. Классическая система подготовки юристов основана на получении ими прежде всего теоретических знаний. Ускорение в обществе темпов социальных, экономических, технологических перемен, необходимость интеграции в европейскую правовую систему требуют инновационного обучения, в рамках которого активно вводится переход от учебной деятельности к профессиональной юридической практике. Учебные дисциплины в этом случае содержат в себе элементы правовой деятельности, а также решение практико-ориентированных задач. В ходе текущей образовательной реформы Юридический институт предпринял большие усилия по формированию практико-ориентированного подхода к обучению юристов. Значительно увеличено количество учебных часов, выделяемых на прохождение различных практик. В настоящее время в Юридическом институте действует одна из лучших в России юридических клиник. Прием экзаменов по основным дисциплинам включает в себя не только теоретические вопросы, но и практические задания.

Миссия Юридического института состоит в подготовке высокообразованных, конкурентоспособных специалистов в области права с фун-

даментальными правовыми знаниями, высокой культурой и нравственностью, способных понимать сущность и социальную значимость своей профессии, обладающих глубоким уважением к закону, ценностям правового государства, профессиональной этикой, чувством долга и ответственностью за судьбы людей, обеспечивающими решение приоритетных задач социально-экономического, политического и культурного развития Самарского региона и Российской Федерации (в соответствии с существующими и перспективными потребностями российского общества и государства), а также в формировании и развитии в Самарском регионе научно-образовательного, инновационно-технологического и культурного центра права.

Информация о кафедрах Юридического института Самарского университета приводится далее – в материалах, подготовленных коллективом каждой кафедры.

Исполнительный директор Юридического института, доктор юридических наук, профессор

А. Г. Безверхов

КАФЕДРА ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Кафедра теории и истории государства и права и международного права имеет давнюю и сложную историю с точки зрения структурных преобразований. Кафедра была образована в июне 1981 г. в результате выделения из кафедр уголовного права и процесса и гражданского права и процесса. Первоначально кафедра именовалась кафедрой теории государства и права и советского строительства. Этой кафедрой в разное время руководили кандидат юридических наук, доцент Виктор Владимирович Полянский (1981–1982 гг.) и кандидат юридических наук, доцент Наталья Алексеевна Боброва (1982–1985 гг.).

В результате деления кафедры теории государства и права и советского строительства была создана в 1992 г. кафедра теории и истории государства и права. С марта 1985 г. по декабрь 1993 г. кафедрой теории и истории государства и права руководила кандидат юридических наук, доцент Любовь Петровна Рожкова. В декабре 1993 года Л. П. Рожкова была избрана депутатом Государственной думы Российской Федерации первого созыва от 1152-го избирательного округа (Самарская область). В Думе она была членом депутатской группы «Новая региональная политика», являлась председателем Комитета по образованию, культуре и науке.

С января 1994 г. по 2017 г. кафедрой руководил кандидат юридических наук, доцент, заслу-

женный юрист Российской Федерации Александр Александрович Напреенко, который одновременно около четверти века (с 12 октября 1988 г. по 31 августа 2013 г.) работал деканом юридического факультета.

В 1999 году кафедра стала называться кафедрой теории и истории государства и права и международного права.

С 2017 по 2018 г. обязанности заведующего кафедрой теории и истории государства и права и международного права исполняла кандидат исторических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации Татьяна Федоровна Юдина.

С 2018 г. по настоящее время кафедру возглавляет доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации Артур Геннадьевич Безверхов, исполнявший с 2013 по 2015 г. обязанности декана юридического факультета, в 2015 г. избранный на должность декана юридического факультета, а с 1 декабря 2020 г. занимающий должность исполнительного директора Юридического института Самарского университета.

Специфика кафедры состоит в том, что ее учебные, учебно-методические и научно-прикладные разработки многие годы объединяют в себе триединое направление: теоретико-правовое, историко-правовое и международно-правовое.

Кафедра поддерживает тесные связи со многими научными учреждениями и вузами России, ближнего и дальнего зарубежья. Преподаватели кафедры организуют и активно участвуют в международных и всероссийских научных и методических конференциях, круглых столах, публикуют учебные пособия, монографии и научные статьи в изданиях различного уровня, в т. ч. входящих в базы международного цитирования (Scopus, Web of Science и др.). В рамках разрабатываемых научных направлений в области теории и истории права, международного права преподаватели кафедры участвуют в конкурсах грантов и реализации грантовых проектов.

Кафедра оказывает необходимую консультационную и организационную помощь Студенческому научному обществу (СНО) Юридического института и авангарду СНО – стипендиатам Оксфордского Российского фонда юридического факультета.

Кафедра теории и истории государства и права и международного права выступает в качестве фундаментальной (базовой) кафедры для студентов Юридического института Самарского университета. На кафедре читают такие учебные курсы, как: «Теория государства и права», «История государства и права Российской Федерации», «История государства и права зарубежных стран», «Международное право», «Римское право», «Космическое право»,

«Философия права», «История политических и правовых учений», «Правовая охрана собственности» и др.

С 2017 года начал осуществляться набор на магистерскую программу «Международное право», весьма востребованную абитуриентами. Цель указанной магистерской программы – подготовка высококвалифицированных специалистов в области международного права. Руководитель магистерской программы «Международное право» – доктор юридических наук, профессор Самарского университета и профессор университета Унион-Никола Тесла (г. Белград, Сербия) Борис Кривокапич.

На кафедре ведется подготовка кадров высшей научной квалификации в рамках направления 12.00.01 – Теория и история права и государства, история учений о праве и государстве. Кафедра осуществляет научную экспертизу диссертационных работ.

За четверть века существования кафедры сложился коллектив преподавателей и сотрудников, большая часть которых трудится на кафедре продолжительное время. С момента создания кафедры на ней работает к.и.н, доцент Т. Ф. Юдина и к.ю.н., доцент С. И. Красов, более двадцати лет – к.ю.н., доцент Ю. Е. Пермяков, около двадцати лет – к.ю.н., доцент М. Ю. Спирин. Научно-педагогический коллектив кафедры представлен также д.ю.н. Ю. В. Оспенниковым, к.ю.н., доцентом А. И. Розенцвайг, к.ю.н., доцентом М. А. Никищенковой, старшими преподавателями И. В. Очкасовой и Р. В. Силантьевым, а также ассистентом Г. Р. Григоряном.

С 2016 года в составе кафедры работает известный ученый-юрист, крупный специалист по международному праву, доктор юридических наук, профессор Борис Кривокапич (г. Белград, Сербия).

В памяти коллег навсегда останутся талантливые преподаватели кафедры, к сожалению, ушедшие из жизни: доцент А. И. Лясковский, доцент С. И. Ерофеев, старший преподаватель Ю.П. Фадеев.

Основное научное внимание уделяется вопросам методологии, теории и истории права и государства, проблемам публичного международного права. Стратегические научные направления развития кафедры – «Закономерности развития государства, права и управления» (2009 г.), «Космическое и международное право и деятельность» (2016 г.), «Правовое регулирование противодействия коррупции: тенденции и перспективы» (2018 г.).

Заведующий кафедрой теории и истории государства и права и международного права Самарского университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор
А. Г. Безверхов

КАФЕДРА ГОСУДАРСТВЕННОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

Кафедра государственного и административного права – ведущий научно-методический и исследовательский центр в области публичного права, объединяющий специалистов в соответствующих областях юриспруденции – педагогов, теоретиков и практиков. Научно-педагогический коллектив кафедры на сегодняшний день представляет собой авторитетную научную школу российского публичного права.

Исторически преподавание дисциплин публично-правового цикла в Самарском государственном университете связано с двумя кафедрами: кафедрой теории государства и права и советского строительства и кафедрой административного, трудового и природоохранительного права.

Научная школа кафедры сформировалась под влиянием двух значительных направлений в советском государственном праве – московского (МГУ имени М. В. Ломоносова, ВЮЗИ (МГЮА(У)) и воронежского (Воронежский государственный университет). Большой вклад в развитие государственно-правовой науки и образования в Самаре (тогда – г. Куйбышев) был сделан Виктором Осиповичем Лучиным – выдающимся отечественным ученым, судьей Конституционного Суда Российской Федерации в отставке, доктором юридических наук, профессором, заслуженным деятелем науки Российской Федерации, заслуженным юристом Российской Федерации, который долгое время работал на юридическом факультете Куйбышевского государственного университета. Традиции московского юридического образования были привнесены в Куйбышевский государственный университет кандидатом юридических наук, доцентом Игорем Трофимовичем Беспалым, кандидатом юридических наук, доцентом Виктором Владимировичем Полянским.

Кафедра государственного и административного права была создана в 1991 году на базе кафедры административного, трудового и природоохранительного права. С 1991 года кафедру государственного и административного права возглавлял кандидат юридических наук, доцент Игорь Трофимович Беспалый, с сентября 2000 года по настоящее время кафедрой заведует профессор Виктор Владимирович Полянский.

Сегодня профессорская корпорация кафедры представлена заведующим кафедрой, кандидатом юридических наук, профессором, заслуженным юристом Самарской области Виктором Владимировичем Полянским, а также одним из ведущих ученых Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктором юридических наук Ниной Михайловной Колосовой. Длительное время на кафедре работала заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Надежда Александровна Михалева, внесшая большой вклад в формирование кадровой основы и развитие научно-го направления кафедры.

Основное направление научных интересов творческого коллектива кафедры сформировалось под влиянием исследований вопросов гармонизации публичной власти, проведенных под руководством профессора В. В. Полянского. Результаты осмысления пределов и перспектив гармонизации публично-правовых отношений выразились в новых направлениях юридической мысли, заданных молодыми сотрудниками кафедры. В фокусе их внимания находятся вопросы гармонизации разделения властей (доценты С. А. Осетров, Я. Ю. Смирнов), институтов избирательного права (доценты О. Ю. Соломатина, С. В. Симонова), информационных отношений (доцент В. Э. Волков), миграционной политики (доцент Е. Ю. Стаханова), защиты прав человека (доцент М. А. Паладьев).

Кафедра государственного и административного права Самарского университета совместно с Избирательной комиссией Самарской области и при поддержке Правительства Самарской области, Самарской губернской думы, других органов власти и организаций частного сектора проводит ежегодную научно-практическую конференцию по публично-правовым направлениям исследований, имеющую статус международного научного форума.

Большое внимание сотрудники кафедры уделяют реализации научных идеалов в практической деятельности, многие из них работают в органах публичной власти (в администрации губернатора Самарской области, Правительстве Самарской области, министерствах и иных органах исполнительной власти Самарской области, Избирательной комиссии Самарской области), в адвокатуре, успешно занимаются частной юридической практикой. Благодаря усилиям заведующего кафедрой, профессора В. В. Полянского кафедра государственного административного и права представлена в различных экспертных и общественно-политических институтах регионального и федерального уровня. Виктор Владимирович является членом Общественной палаты Самарской области, представляет самарскую школу публичного права в экспертных рабочих группах и советах при профильном комитете Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, Общественной палате Российской Федерации, губернаторе и Правительстве Самарской области, Самарской губернской думе, других органах публичной власти. Представители кафедры входят в состав различных общественных советов и консультативных органов при органах исполнительной власти Самарской области, органах местного самоуправления.

Заведующий кафедрой государственного и административного права, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный юрист Самарской области, кандидат юридических наук, профессор

В.В. Полянский

КАФЕДРА ГРАЖДАНСКОГО И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

Кафедра гражданского и предпринимательского права, возглавляемая кандидатом юридических наук, доцентом Валентиной Дмитриевной Рузановой, является фундаментальной выпускающей кафедрой, обеспечивающей подготовку юридических кадров по частноправовому направлению. Кафедра создана в 2000 году в результате разделения кафедры гражданского права и процесса на кафедру гражданского процессуального и предпринимательского права и кафедру гражданского и предпринимательского права.

Преподавательский коллектив кафедры – это сочетание зрелости и молодости. Длительное время в его составе плодотворно трудились представители старшего поколения: кандидат юридических наук, доцент, Заслуженный юрист Российской Федерации Валерия Витальевна Качанова, кандидаты юридических наук, доценты Антонина Павловна Еремкина, Николай Васильевич Плюхин, Нина Викторовна Калпина. Они внесли огромный вклад в становление и развитие кафедры как научного, учебного и воспитательного структурного подразделения юридического факультета.

В настоящее время на кафедре работают 28 преподавателей и сотрудников, один из которых является доктором юридических наук, и семнадцать – кандидатами юридических наук. За годы существования кафедры сотрудниками, аспирантами и соискателями защищено тридцать кандидатских и одна докторская диссертации.

Насыщенной и плодотворной является научная жизнь членов коллектива, занимающихся на базе созданных при кафедре Центра частноправовых исследований и НОЦ «Экспертно-правовой центр», изысканиями в различных областях частного права, а также межотраслевыми и междисциплинарными исследованиями по проблемам правового режима генетической информации в рамках реализации научного проекта РФФИ. Так, в целях выполнения задач проекта в 2019 и 2020 гг. преподаватели приняли участие в работе ежегодной Международной конференции European Human Genetics Conference, проводимой в Швеции и Германии, на которой представили свои доклады, вызвавшие интерес международной научной общности.

Членами кафедры издано более тысячи научных, учебных и учебно-методических трудов. Их достижения в сфере гражданского, корпоративного, семейного, жилищного, страхового права, нотариальной деятельности и др. широко известны в среде ученых и практических работников. Многие учебники используются в учебном процессе других вузов России.

Преподаватели кафедры являются организаторами и участниками многочисленных научно-практических конференций различного уровня, круглых столов и семинаров, выступления на которых всегда интересны и содержательны.

Кафедра развивает учебные и научные связи как с профильными кафедрами вузов России и

стран СНГ, так и с известными учеными, взаимодействует с Судом по интеллектуальным правам, активно участвуя в проводимых им мероприятиях.

Смысл работы коллектива кафедры заключается в подготовке и воспитании высококвалифицированных юридических кадров, поэтому преподаватели постоянно повышают свою квалификацию, широко применяют инновационные методы обучения, проводят научную работу со студентами, развивая их публикационную активность, воспитывают в них высокие моральные качества и прививают интерес к будущей профессии. Преподаватели стремятся сформировать у студентов активную жизненную позицию, привлекая их к участию в социально значимых мероприятиях, например к работе в качестве наблюдателей во время проведения выборов различного уровня.

Знаковыми для коллектива кафедры являются проведение со студентами научно-учебного мероприятия «Цивилистическая битва», организация совместно с другими вузами серии молодежных видеоконференций (по гражданскому и семейному праву). Коллективом проводятся постановочные учебные процессы, олимпиады, научные кружки, деловые игры. Так, в целях реализации указанного проекта РФФИ в рамках известного Молодежного форума Приволжского федерального округа «Волга 2.0» в июле 2019 г. была организована I Международная научно-практическая конференция «Правовое регулирование геномных исследований: взгляд молодежи». В декабре 2019 г. была проведена Всероссийская олимпиада студентов «Правовое регулирование отношений в сфере геномных исследований», в которой приняли участие более 100 студентов бакалавриата и магистратуры из 10 высших учебных заведений страны (городов Самары, Москвы, Санкт-Петербурга, Орла, Саратова, Брянска). Студенты, занимающиеся научными исследованиями под руководством преподавателей кафедры, неоднократно отмечались различными формами признания их достижений.

Визитной карточкой кафедры явилась проводимая в течение 9 лет (начиная с 2001 г.) научная конференция молодых ученых «Актуальные проблемы частноправового регулирования», многие из участников которой благодаря приобщению их к науке впоследствии стали известными учеными.

Члены коллектива активно участвуют в осуществлении дополнительного образования, занимаются социальными проектами и общественной деятельностью. Так, важными социальными проектами явились сотрудничество с общественными организациями инвалидов и участников боевых действий (в частности, с общественными организациями «Десница», «Боевое братство»), участие в реализации регионального проекта «Правовое просвещение граждан» и др. Преподаватели кафедры выступают в качестве независимых экспертов в различных структурах (общественных и экспертных советах, комиссиях и др.), являются членами квалификационной коллегии судей Самарской области, длительное время активно работали в Общественной палате Самарской области и др.

В 2019 г. коллектив кафедры заслуженно стал Лауреатом Юридической премии «Юрист года в Самарской области» в номинации «За выдающийся вклад в развитие науки и формирование правовой среды».

На кафедре длительное время успешно трудятся: заведующий кафедрой В. Д. Рузанова, д.ю.н., профессор Ю. Г. Лескова, к.ю.н., доценты М. В. Батынов, М. Н. Бронникова, Е. И. Воронина, А. А. Инюшкин, Е. С. Крюкова, Я. А. Максимкин, Л. Ю. Малинина, И. В. Маркова, С. В. Мартышкин, С. В. Осипова, Ю. С. Поваров, Е. В. Рузанова, Н. М. Савельева, П. В. Сокол, Р. А. Сошников, Н. Г. Фроловский; старшие преподаватели Н. В. Волкова, Д. А. Камышников, С. К. Лисецкий, В. В. Рязанова, Л. А. Шемонаева.

**Заведующий кафедрой гражданского
и предпринимательского права, почетный
работник высшего профессионального образования
Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
В. Д. Рузанова**

КАФЕДРА ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

Кафедра гражданского процессуального и предпринимательского права была основана в 1973 году. Первоначальное название кафедры – кафедра гражданского права и процесса. В 2000 году произошло разделение кафедры гражданского права и процесса на кафедру гражданского процессуального и предпринимательского права и кафедру гражданского и предпринимательского права.

Заведующими кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права были: 1973–1989 гг. – Николай Иванович Коняев, доктор юридических наук, профессор; 1989–2018 гг. – Евгения Александровна Трещева, доктор юридических наук, профессор; 2019 г. – по настоящее время – Андрей Владимирович Юдин, доктор юридических наук, доцент.

Уникальность кафедры состоит в том, что ее научные разработки последовательно многие годы объединяют в себе как вопросы правового регулирования предпринимательской деятельности, так и проблемы защиты прав граждан и организаций в судах общей юрисдикции и арбитражных судах.

Кафедра поддерживает тесные связи со многими научными учреждениями и вузами России. Преподаватели кафедры активно участвуют в международных и российских научных конференциях, публикуются в изданиях различного уровня, в т. ч. входящих в базы международного цитирования (Scopus, Web of Science и другие). Преподаватели кафедры неоднократно одерживали победы в конкурсе Грантов Президента РФ и других значимых конкурсах.

На кафедре подготовлены 4 доктора юридических наук и 51 кандидат юридических наук.

На кафедре читаются следующие учебные курсы: «Гражданский процесс», «Арбитражный процесс», «Предпринимательское право», «Коммерческое право», «Финансовое право», «Банковское право», «Исполнительное право», «Налоговое право» и др. Кафедра реализует магистерскую программу «Защита гражданских прав», пользующуюся неизменной популярностью у абитуриентов.

Члены кафедры активно проводят работу по организации научно-практических конференций различного уровня, посвященных проблемам правового регулирования общественных отношений, процессуального права, финансового права и др.

Профессора кафедры выступают в качестве официальных оппонентов по защитах диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук. Кафедра выступает в качестве ведущей организации по диссертациям на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

В работе кафедры активно участвуют работодатели – практические работники судов общей юрисдикции и арбитражных судов, органов прокуратуры, адвокатуры, нотариата, руководители юридических служб крупных корпораций и другие.

Преподаватели кафедры постоянно привлекаются в качестве экспертов и представителей общественности в работе органов власти различного уровня (прокуратуры Самарской области, Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда, Самарского областного суда, Государственной инспекции финансового контроля Самарской области; Избирательной комиссии Самарской области, Межрайонной инспекции ФНС России по крупнейшим налогоплательщикам по Самарской области и др.), а также в работе общественных объединений (Ассоциации юристов России и др.).

Со студентами активно ведется работа в рамках научных кружков – по финансовому, банковскому праву, по гражданскому процессу, предпринимательскому праву, а также организуются деловые игры, прежде всего учебные судебные процессы по гражданским делам.

В штатный состав кафедры на настоящий момент входят: А. В. Юдин, зав. кафедрой, доц., д.ю.н.; Е. А. Трещева – проф., д.ю.н.; О. В. Исаенкова – проф., д.ю.н.; В. А. Свиридов – доц., к.ю.н.; Р. З. Юсупов – доц., к.ю.н.; О. В. Грицай – доц., к.ю.н.; В. В. Котлярова – доц., к.ю.н.; Э. Г. Балашова – доц., к.ю.н.; М. А. Агаларова – ст. преп., к.ю.н.; С. С. Татарина – ст. преп.; Е. Н. Губина – ст. преп.; Л. А. Шаропова – асс.; Ю. Ю. Якубяк – асс.

Заведующий кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права, доктор юридических наук, доцент

А. В. Юдин

Профессор кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права, почетный работник высшего образования Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Е. А. Трещева

КАФЕДРА УГОЛОВНОГО ПРАВА И КРИМИНОЛОГИИ

История кафедры уголовного права и криминологии началась с создания научной школы уголовного права и криминологии в Куйбышевском государственном университете еще в рамках гуманитарного факультета. Ее родоначальником является Эдуард Филиппович Побегайло, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик РАЕН. Э. Ф. Побегайло жил в г. Куйбышеве немного лет. Замещал должность заведующего кафедрой Куйбышевского государственного университета в 1971–1974 гг. За это время успел увлечь многих студентов идеей «подпитывания уголовного права достижениями криминологической науки», в том числе Олега Викторовича Старкова, которого по сей день выделяет в ряду своих многочисленных учеников. О. В. Старков в 1975 г. с отличием окончил гуманитарный факультет Куйбышевского государственного университета по специальности «Правоведение», а в 1998 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Криминологические проблемы исполнения уголовного наказания» (научный консультант – Э. Ф. Побегайло), позже стал главным редактором журнала «Российский криминологический взгляд», соучредителем и почетным вице-президентом Российской криминологической ассоциации.

Кафедра уголовного права и криминологии выделилась в самостоятельное структурное подразделение в 1992 г. Возглавляли кафедру Петр Васильевич Коробов, кандидат юридических наук, доцент, и Тимофей Трофимович Дубинин, кандидат юридических наук, доцент, поочередно. С 2002 г. руководит кафедрой Т. В. Кленова, доктор юридических наук, профессор.

В истории формирования уголовно-правовой школы особое место заняли Алексей Леонович Цветинович, доктор юридических наук, профессор, и Виктор Павлович Малков, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, которые много творческой энергии и души отдавали студентам и молодым ученым. В. П. Малков осуществил научное консультирование по двум докторским диссертациям, выполненным на кафедре: Татьяны Владимировны Кленовой на тему «Основы теории кодификации уголовно-правовых норм» (2001 г.) и Артура Геннадьевича Безверхова на тему «Имущественные преступления» (2002 г.).

В настоящее время на кафедре уголовного права и криминологии сформировалась положительно оцененная юридическим сообществом научная школа по направлениям: научные основы кодификации уголовно-правовых норм (под руководством доктора юридических наук, профессора Т. В. Кленовой.); уголовно-правовая охрана экономических и управленческих отношений (под руководством доктора юридических наук, профессора А. Г. Безверхова).

На кафедре открыта магистратура «Уголовное право и уголовная юстиция» (ранее – «Теория и практика применения уголовного закона»), руководитель – доктор юридических наук, профессор Т. В. Кленова.

Подготовлены 3 доктора наук и 26 кандидатов наук.

Научная компетентность и активное участие в социально значимой деятельности коллектива кафедры были подтверждены в 2017 г. в связи с получением гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов, по проекту № 17-1-008568 «Дорожная карта ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него (2018–2021 гг.)», заявленного Союзом женщин Самарской области при научном обеспечении кафедрой уголовного права и криминологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева.

Члены коллектива кафедры активно участвуют в законопроектной и экспертно-аналитической работе. Это стало основанием вручения в разные годы премий «Юрист года в Самарской области» кандидату юридических наук, доценту О. А. Адоевской, доктору юридических наук, профессору А. Г. Безверхову, кандидату юридических наук, доценту Д. В. Голенко, кандидату юридических наук И. Т. Идрисову, доктору юридических наук, профессору Т. В. Кленовой, кандидату юридических наук О. В. Климановой, кандидату юридических наук Ю. С. Норвартяну, кандидату юридических наук, доценту О. А. Мотину, старшему преподавателю В. К. Смородинову, доктору социологических наук, профессору Н. П. Щукиной.

В разные годы лауреатами конкурса «Молодой ученый Самарской области» становились кандидаты юридических наук, доцент О. А. Адоевская, кандидат юридических наук, доцент Д. В. Голенко, кандидат юридических наук О. В. Климанова, кандидат юридических наук Ю. С. Норвартян.

В преподавательский состав кафедры вошли успешные практические работники и по праву заняли почетное место в ряду преподавателей. Это кандидат юридических наук, доцент Андрей Викторович Жуков, директор филиала Федеральной кадастровой палаты Росреестра по Самарской области; старший преподаватель Надежда Ивановна Мерзликина, имеющая звание «Почетный работник Прокуратуры РФ» и классный чин «Старший советник юстиции»; старший преподаватель, почетный работник Прокуратуры РФ Владимир Кузьмич Смородинов, который на протяжении многих лет работал в прокуратуре Самарской области, затем занимал должность заместителя руководителя Управления Судебного департамента при Верховном Суде РФ по Самарской области; заместитель декана

Александр Дмитриевич Терентьев, полковник юстиции, занимавший должность председателя военного трибунала Куйбышевского гарнизона города Куйбышева; кандидат юридических наук, доцент, федеральный судья Инна Геннадьевна Шевченко.

Получившая общественное признание научная школа, сложившаяся на кафедре уголовного права и криминологии, нацелена на раскрытие фундаментальных основ российского уголовного права, гарантирование его принципов, развитие уголовного права во взаимосвязи с криминологией, уголовно-исполнительным правом и уголовно-процессуальным правом.

Заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, почетный работник высшего образования Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Т. В. Кленова

КАФЕДРА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

Кафедра уголовного процесса и криминологии ведет свою историю с 1973 года. В течение многих десятилетий ее возглавлял выдающийся советский и российский ученый-юрист, видный специалист теории следственных действий и доказывания в уголовном процессе, д.ю.н., профессор С. А. Шейфер. В 1992 году на базе кафедры уголовного права и процесса были организованы кафедра уголовного процесса и криминологии под руководством д.ю.н., профессора С. А. Шейфера и кафедра уголовного права и криминологии.

С 2005 по 2017 год кафедрой заведовала доктор юридических наук, профессор Валентина Александровна Лазарева, один из самых известных ученых-процессуалистов в России. С 2017 года по настоящее время заведующим кафедрой является к.ю.н., доцент Константин Анатольевич Савельев.

Научную и преподавательскую деятельность на кафедре блестяще осуществляют д.ю.н., профессор А. А. Тарасов и д.ю.н., профессор В. О. Белоносов.

Успешно совмещают научную и преподавательскую деятельность доценты кафедры: к.ю.н. Т. Ю. Проскурина, к.ю.н. А. С. Таран, к.ю.н. Ю. В. Кувалдина, к.ю.н. Д. В. Дробинин, к.ю.н. А. Ю. Шапошников, к.ю.н. В. В. Иванов, к.ю.н. Д. А. Лобачев, к.ю.н. Ю. А. Кузовенкова, к.ю.н. Л. А. Шестакова, к.ю.н. Е. В. Марьина, к.ю.н. А. В. Шуваткин, к.ю.н. И. Л. Бедняков, а также ст. преподаватель, к.ю.н. Л. А. Сержантова.

Наличие большого коллектива высокопрофессиональных ученых позволяет кафедре уголовного процесса и криминологии принимать участие в масштабных научных проектах. Так, еще в конце 70-х годов кафедрой совместно с ВНИИ

Прокуратуры СССР осуществлялось подробное исследование проблем возникновения следственных ошибок, ставшее основой для их теоретического и практического анализа на самом высоком уровне.

Стали классическими работы профессора С. А. Шейфера, посвященные собиранию доказательств теории следственных действий. Большое внимание теоретиков и практиков привлекают работы профессора В. А. Лазаревой, о чем свидетельствует их высочайший индекс цитирования. Значительный вклад в разработку проблем оптимизации уголовного судопроизводства внес профессор А. А. Тарасов.

Уже 4 издания выдержал подготовленный коллективом кафедры для студентов магистратуры учебник «Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики». Пользуется популярностью и учебник для бакалавриата и специалитета «Уголовный процесс».

На кафедре осуществляется подготовка студентов по магистерской программе «Уголовный процесс и криминалистика». Также на кафедре реализуется программа послевузовского профессионального образования по специальности 12.00.09 – Уголовный процесс. Руководство аспирантами осуществляют профессора кафедры.

На базе кафедры открыта научно-образовательная лаборатория. Лаборатория оснащена специальной криминалистической техникой и аппаратурой, позволяющей студентам наглядно увидеть принципы и методы работы со следами и вещественными доказательствами. Для более полного представления о содержании разделов криминалистики лаборатория оборудована стендами, витринами и коллекциями.

На учебных занятиях используются современные криминалистические средства: видео- и аудиоаппаратура; средства для работы с различными следами; комплекты, сумки и чемоданы криминалиста и следователя; обучающие компьютерные программы. Студенты приобретают навыки по выявлению, фиксации и изъятию следов; моделированию следственных ситуаций; составлению документов, их оформлению и т. д.

В дальнейшем выпускники успешно трудоустраиваются в правоохранительные органы и иные юридические службы.

Активно развивается на кафедре и студенческая наука – действует научный студенческий кружок. На заседаниях кружка поднимаются актуальные вопросы уголовно-процессуального права, встречи проходят в формах обсуждения, круглого стола, дискуссионного клуба. На встречи приглашаются практикующие юристы, в том числе сотрудники правоохранительных органов.

Заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики, кандидат юридических наук, доцент

К. А. Савельев

ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ

На юридическом факультете давно и успешно действует диссертационный совет по юридическим наукам. Он был открыт впервые в Самарской области в 1997 г. при Самарском государственном университете по специальностям: 12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право (по юридическим наукам) и 12.00.09 – Уголовный процесс (по юридическим наукам). На протяжении 17 лет диссертационный совет возглавлял заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Соломон Абрамович Шейфер.

С 2014 г. председателем диссертационного совета является доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного права и криминологии Самарского университета Татьяна Владимировна Кленова. Заместители председателя – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского университета Валентина Александровна Лазарева и профессор, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации Лев Леонидович Кругликов, который представляет Ярославский государственный университет. Ученым секретарем утвержден кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Самарского университета Юрий Сергеевич Норвартян.

Диссертационный совет по юридическим наукам несколько раз переутверждался (К 063.94.07, К.212.218.03, ДМ 212.218.09). 1 ноября 2016 г. совет по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Д 212.215.09 открыт на базе Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева.

Доктора наук, вошедшие в состав диссертационного совета, обеспечивают высокий уровень требований к диссертациям, представляемым к защите. Научные заслуги и эффективная работа в высшей школе подтверждаются участием многих членов диссертационного совета в законопроектной, экспертно-аналитической работе в интересах (по поручениям) органов государственной власти Российской Федерации или при органах государственной или региональной власти субъектов Российской Федерации. А. Г. Безверхов, Л. Л. Кругликов и В. А. Лазарева – члены Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации. А. Г. Безверхов избран в 2015 г. и повторно в 2019 г. в Высшую квалификационную коллегию судей Российской Федерации. Т. В. Кленова – член рабочей группы по содействию реформам правосудия при Общественной палате Российской Федерации, член бюро Союза криминалистов и криминологов и председатель его филиала. В. А. Якушин, ректор Волжского университета имени В. Н. Татищева, активно участвует в работе Российского союза ректоров.

Юридический институт Самарского университета, А.Г. Безверхов и В.Д. Богатырев (в центре) преподаватели и студенты, 2020

А. В. Иванчин – председатель Ярославского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», член Общественной палаты Ярославской области, эксперт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. С. Б. Россинский является заместителем председателя правления Ассоциации юридического образования, членом Совета УМО по юридическому образованию. А. Г. Безверхов, В. О. Белоносов, Т. В. Кленова и А. В. Юдин включены в Научно-консультативный совет при прокуратуре Самарской области. Т. В. Кленова и А. В. Юдин – члены Экзаменационной комиссии Самарской области по приему квалификационного экзамена на должность судьи.

Л. Л. Кругликов имеет ученое звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени и знаком отличия «За заслуги перед городом Ярославлем». Л. В. Лобановой присвоено почетное звание «Заслуженный работник Высшей школы РФ». Р. А. Ромашов имеет специальное звание генерал-майора внутренней службы и ученое звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», награжден нагрудным знаком «За верность долгу». Н. А. Боброва награждена почетным знаком «Патриот России».

Результативность научной деятельности членов диссертационного совета отражена в показателях цитирования в библиографической базе

данных РИНЦ, а также в зарубежных изданиях, отражаемых в базе данных Web of Science или Scopus. У большинства докторов юридических наук, заявленных в состав совета, высокий показатель цитирования в научных изданиях, включенных в библиографическую базу данных РИНЦ (по состоянию на 27 декабря 2020 г., В. А. Лазарева – 4167; Л. Л. Кругликов – 4078; Р. А. Ромашов – 3883; Л. В. Лобанова – 2107; А. Г. Безверхов – 1750; С. Б. Россинский – 1714; Е. В. Благов – 1685; А. А. Тарасов – 1205; Т. В. Кленова – 1137), имеются высокие показатели h-индекса (В. А. Лазарева – 32; Р. А. Ромашов – 21; С. Б. Россинский – 21; Л. Л. Кругликов – 20).

Итог работы диссертационного совета – 106 соискателям была присуждена ученая степень кандидата юридических наук и 2 соискателям – доктора юридических наук.

Подготовка научных кадров высшей квалификации по юридическим наукам – это значимое направление интеграции науки и практики, важное для выполнения современных задач развития Российской Федерации, Самарской области и других регионов Поволжья.

**Председатель Диссертационного совета
Д 212.215.09, заведующий кафедрой уголовного
права и криминологии, почетный работник
высшего образования Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор**

Т. В. Кленова

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА THEORY OF LAW AND STATE

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-4-17-25
УДК 342.395

Дата: поступления статьи / Submitted: 02.08.2020
после рецензирования / Revised: 10.09.2020
принятия статьи / Accepted: 27.11.2020

Научная статья / Scientific article

А. В. Макучев

Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого, г. Тула, Российская Федерация
E-mail: mackutcheve@gmail.ru

КРИТАРХИЯ КАК ОСОБАЯ ФОРМА ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ СОМАЛИ)

Аннотация: Статья посвящена анализу характерных черт критархии – специфического устройства общества, основанного на власти судебных органов. Специалисты зачастую рассматривают критархию в первую очередь как социальную или правовую систему, некоторые считают ее политическим режимом. Автор статьи предпринял попытку исследовать критархию как форму государства, совокупность политического и правового компонентов (способов организации высших органов власти, территориального устройства власти, методов ее осуществления), способную в традиционных обществах заменить привычные формы государства. Критархия считается исторической, не встречающейся ныне формой общественного и государственного устройства. Тем не менее Сомали в период с конца 1980-х гг. до наших дней, по мнению автора, является современным примером критархии. В условиях слабого, несостоявшегося государства сомалийское общество вернулось к традиционному укладу, что создало основу для критархии. Автор анализирует суды как замену стандартной системы государственного устройства, сомалийское право (синтез обычного и исламского права) как аналог стандартных правовых систем, демонстрирует жизнеспособность критархии как формы государства в условиях отсутствия в обществе традиций привычных форм государства.

Ключевые слова: критархия, формы государства, суды, Сомали, Союз исламских судов, несостоявшееся государство, обычное право, шариат.

Цитирование. Макучев А. В. Критархия как особая форма государства (на примере Сомали) // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 4. С. 17–25. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-17-25>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

A. V. Makutchev

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russian Federation
E-mail: mackutcheve@gmail.ru

KRITARCHY AS A SPECIAL FORM OF STATE (ON THE EXAMPLE OF SOMALIA)

Abstract: The article analyzes the characteristic features of kritarchy – a specific structure of society based on the power of the courts. Experts consider kritarchy primarily as a social or legal system, and some consider it a political regime. The author of the article attempted to study kritarchy as a form of state, a set of political and legal components (methods of organization of higher authorities, territorial structure of power, ways of its implementation) that can replace the usual forms of state in traditional societies. Kritarchy is considered a historical form of social and state structure that is not found today. Nevertheless, Somalia from the late 1980-ies to the present day, according to the author, is a modern example of kritarchy. In a weak, «failed state», Somali society returned to a traditional way of life that created the basis for kritarchy. The author analyzes the courts as a substitute for the standard system of government, Somali law (a synthesis of customary and Islamic law) as an analog of standard legal systems, it demonstrates the viability of kritarchy as a form of state in the absence of traditions of usual forms of state in society.

Key words: kritarchy, forms of state, courts, Somalia, Islamic Courts Union, failed state, customary law, Sharia.

Citation. Makutchev A. V. *Kritarkhiya kak osobaya forma gosudarstva (na primere Somali)* [Kritarchy as a special form of state (on the example of Somalia)]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 4, pp. 17–25. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-17-25> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Александр Валерьевич Макучев – кандидат исторических наук, доцент кафедры правовых дисциплин, Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого, 300026, г. Тула, пр. Ленина, 125.

Тема кандидатской диссертации: «Тульский губернский революционный трибунал в 1918–1923 гг.». Автор 29 научных работ, в том числе монографии «Приговор окончательный, обжалованию не подлежит...»: революционные трибуналы в советской России в годы гражданской войны» (2012).

Область научных интересов: история мирового государства и права, сравнительное государствоведение.

© Alexander V. Makutchev – Candidate of Historical Sciences, assistant professor of the Department of Law Disciplines, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Avenue, Tula, 300026, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Tula provincial revolutionary Tribunal in 1918–1923». Author of 29 scientific works, including the monograph «The verdict is final, is not subject to appeal...»: revolutionary tribunals in Soviet Russia during the civil war» (2012).

Research interests: history of the world state and law, comparative political science.

Одной из древнейших форм общественного и государственного устройства является критархия, или критократия, – система отношений, построенная на господстве судов в жизни общества. При этом в науке нет принципиальной ясности, чем считать критархию – социальной системой, правовой системой, политическим режимом или формой государства.

Термин «критархия» был предложен в 1844 г. английским писателем Р. Саути и дословно с греческого языка переводится как «власть судов». Критархия считается сугубо исторической формой правовой и политической системы, не имеющей выражения в современном мире, поэтому попытки определить ее в основном осуществляются на основе исторических примеров. Складывание критархии связывают с правлением библейских судей в племенной конфедерации древнего Израиля в период времени, описанный в Книге Судей, после завоевания Иисусом Навином Ханаана и до объединения царства при Сауле. Также примерами критархии считают общественное устройство народов Ирландии V в. до н. э. – V в. н. э., Исландии в IX–XIII вв. и Фризии в XVI в. [1, p. 109]

Однако пример критархии можно встретить и в современном мире – это Сомали, с начала 1990-х гг. характеризующееся как несостоявшееся государство [2, p. 29]. На примере этого африканского государства, в частности анализа его общественного, правового и политического устройства, попытаемся доказать, что критархия является не просто социальной системой с элементами правовой и политической регламентации, но особой формой государства, способной заменить собой в специфических условиях привычные формы государства. Для этого выявим наличие у сомалийской критархии политического и правового компонентов, заложенных в определение формы государства как совокупности способов организации высших органов власти, территориального устройства власти и методов ее осуществления [3, с. 667].

Основой политического компонента формы государства является наличие государственного аппарата с властными функциями и обозначенной территорией. В этом контексте критархия стала альтернативой несостоявшемуся государству в Сомали. Несостоявшимися государствами современные исследователи называют государственные образования, которые не способны поддерживать свое политическое и экономическое существование [4, с. 326].

В 1991 г. центральное правительство Сомали было распущено после свержения диктатора М. Сиада Барре. С тех пор оно фактически не имеет централизованного управления, несмотря на усилия ООН по восстановлению правительства [5, с. 356].

В 1886 г. британцы установили свое господство в северной части Сомали, образовав колонию Британское Сомали (Сомалиленд). Италия добилась контроля над южным Сомали к 1927 г. В июле 1960 г. бывшее Итальянское Сомали объединилось с Сомалилендом, чтобы стать независи-

мой Республикой Сомали. Однако полноценного государства не сложилось, в 1990-е гг. Сомали распалось на несколько автономных государственных образований. Исследователи связывают этот факт с тем, что среди сомалийских кланов никогда не было традиций централизованной государственности, попытки европейских колонизаторов насадить их искусственно в итоге оказались несостоятельными [6, с. 141]. Аналогично произошло со многими заимствованными в колониальный период правовыми институтами: как отмечает Ю. А. Тихомиров, «внешние правовые формы нередко неэффективны из-за наполненности их традиционно-укладным содержанием» [7, с. 134].

В октябре 1969 г. власть в Сомали в результате переворота захватила армия во главе с генерал-майором М. Сиадом Барре, который распустил парламент и ограничил политические права. После некоторых первоначальных успехов, связанных с поддержкой СССР озвученного Сиадом Барре курса построения социализма, экономика страны снова начала стагнировать [6, с. 142]. Засуха 1974 г., провальная война с Эфиопией и прекращение помощи со стороны СССР ослабили центральную власть и вызвали клановые конфликты. С этого времени Сомали деградировало как государство: в 1988 г. началась гражданская война. Международная финансовая помощь прекратилась, что вызвало раскол в рядах последователей Сиада Барре. Его власть окончательно пала в 1991 г., но конфликт, направленный против диктатуры, в итоге перерос в межклановую борьбу, которую не смогло прекратить формирование Переходного федерального правительства. Из-под контроля правительства в 1991 г. вышел Сомалиленд, остающийся непризнанным государством, существенную автономию получили Пунтленд и другие регионы, фактически Сомали стало конфедерацией. Провозглашение федерализма в 2012 г. можно считать признанием кланового фрагментализма (трайбализма) и невозможности возродить централизованную систему управления.

Традиционно в европейских исследованиях и СМИ политическую ситуацию в Сомали после 1991 г. принято описывать как анархию со свойственными ей беззаконием, упадком хозяйства и т. п. Определенные объективные предпосылки для этого есть, однако нужно помнить, что такое представление о ситуации внутри сомалийского общества во многом объясняется разницей в правовой культуре между Европой и Африкой. Европейский взгляд рассматривает правительство как институт, превосходящий анархию, необходимый для предотвращения конфликтов, развития экономики, обеспечения общественных благ. Но привычный европейцам институт сильного и эффективного государства не является безусловным авторитетом во многих африканских обществах [8, с. 690]. Такой подход также не учитывает ситуации до распада государства, которая могла быть существенно хуже той, что наблюдается при анархии, при этом он является еще и способом привлечения внимания к за-

щите европейских интересов в регионе, например безопасности полетов и судоходства.

В течение года, последовавшего за распадом государства, гражданская война и засуха привели к гибели 300 тысяч сомалийцев [9, с. 133]. В докладах международных организаций обычно выражается опасение по поводу клановых войн и анархии в Сомали, низкого уровня жизни населения, опасности распространения массовых заболеваний [1, р. 192]. Общепринятая точка зрения заключается в том, что Сомали является страной хаоса и войны, а отсутствие единого государства наносит ущерб развитию страны.

Однако некоторые современные исследователи высказывают мнение, что масштабы анархии и безвластия в Сомали преувеличены, а безгосударственность не столь опасна. Так, П. Лисон указывает: «Если государственное хищничество идет бесконтрольно, правительство может не только не увеличивать социальное благосостояние, но и снижать его ниже уровня в условиях безгосударственности. Крах правительства в Сомали открыл возможность для прогресса» [8, с. 691]. Исследователь изучил влияние безгосударственности на экономику и социальную сферу Сомали, сравнив 18 ключевых показателей начала 2000-х гг. с показателями 1991 г., когда центральное правительство пало. Не романтизируя безгосударственность Сомали, исследователь пришел к выводу, что почти по всем показателям состояние Сомали стало лучше, чем это было до падения правительства. Это улучшение стало возможным благодаря оживлению в ключевых секторах экономики и общественных благ в отсутствие государственного «хищничества» [8, с. 692]. Так, продолжительность жизни стала выше, смертность женщин при родах снизилась более чем на 30 %, доступ к медицинским услугам увеличился более чем на 25 %, а уровень бедности сократился на 20 %. ВВП на душу населения в начале 2000-х гг. был ниже, чем в 1989–1990 гг., но, по данным П. Лисона, руководители компаний в плановой экономике при М. Сиаде Барре завышали данные по отчетной продукции для выполнения планов [8, с. 692]. До распада центрального правительства недоедание и голод были обычным явлением [10, с. 359], а средний показатель потребления калорий населением был один из самых низких в мире, что было связано с тем, что правительство 90 % бюджетных расходов тратило на военные и административные нужды [11, с. 2033].

В 1990-х гг. сомалийская экономика, освободившись от государственного контроля, давала стабильный рост. Вырос объем трансграничной торговли скотом с Кенией, расширился рынок транспортных услуг [12, с. 3]. Курс национальной валюты (сомалийского шиллинга), несмотря на отсутствие в Сомали центрального банка и казначейства, также был стабилен на протяжении 1990-х гг., в отличие от периода 1983–1990 гг., когда среднегодовое обесценивание по отношению к доллару США составляло более 100 % [13, с. 10].

Лишь два показателя развития, изученных П. Лисоном, продемонстрировали снижение в сравнении с периодом до падения центрального правительства – грамотность взрослого населения и охват населения учреждениями образования, но это можно объяснить тем, что до начала 1990-х гг. образование в Сомали полностью финансировалось за счет иностранной помощи [8, с. 698]. При этом общественные блага в стране действительно остаются низкими, особенно в сельских районах. Например, проблемы безопасности, затрагиваемые западными исследователями и СМИ, имеют место, однако их следует интерпретировать в контексте местных представлений о безопасности. Так, кланы облагают население налогом за проезд по дорогам, которые они контролируют, однако эти налоги существенно ниже, чем были при правительстве. Кроме того, в стране нет единой системы налогообложения, нет таможенных пошлин. Взамен уплаты налога кланы обеспечивают безопасность граждан на своей территории, а наемные ополченцы защищают предприятия, морские порты, крупные рынки и торговые конвои [13, с. 9]. В условиях отсутствия единого правительства подобный примитивный в глазах европейцев подход можно считать оправданным.

Формально высшими политическими органами в Сомали являются образованное в 2004 г. при международном посредничестве Переходное федеральное правительство и созданный в 2006 г. парламент. Однако они не обрели реальной власти за пределами столицы Могадишо и скорее являются одной из противоборствующих фракций [6, с. 143]. В Пунтленде, Сомалиленде и нескольких других регионах действуют собственные правительства, однако ни одно из них не обладает даже основными характеристиками, которые считаются обязательными для правительства. Например, эти правительства не имеют монополии на закон или его применение. Реальную политическую власть в таких условиях в Сомали осуществляют суды – основа критархии. В условиях слабости центрального правительства критархия взяла на себя не только судебные, но и политические функции, во многом заменив собой государственный аппарат. Суды в таком контексте можно считать проявлением оригинальных юридических конструкций, о которых говорит Ю. А. Тихомиров: «Современный этап развития африканской правовой семьи по-прежнему характеризуется “правовой многослойностью”, но с более отчетливой тенденцией к оригинальным юридическим конструкциям и способом правовой регламентации» [7, с. 134].

Суды создаются и финансируются не централизованно, а кланами. В условиях безгосударственности разрешение споров судами является оптимальным вариантом и представляет собой важное улучшение ситуации в области правопорядка по сравнению с периодом до 1991 г. [12, с. 3]. В наиболее организованном виде включенная в государственный аппарат система судов сформировалась

в Сомалиленде, где посредством межклановых соглашений была создана система управления, включающая, помимо президента и совета министров, независимые суды старейшин. Эти суды избирают президента и отвечают за разрешение внутренних конфликтов [14, с. 44].

До распада государства сомалийские суды строились на светском и обычном праве, нормы шариата же применялись лишь для рассмотрения гражданских дел, в том числе по вопросам семьи, брака, развода и наследования. Как отмечает Р. Леже, «мусульманское право обладает способностью к эффективному управлению обществом в той мере, в какой оно оставляет обычая, государственным властям или частным лицам определенную компетенцию» [15, с. 248]. Религиозная норма является обязательной только в отношении «предписанных и запрещенных поступков», поступки же «рекомендуемые» или «достойные порицания» остаются в ведении светских источников, как и «не имеющие значения» для религиозных норм.

С начала 1990-х гг. система судов включает суды старейшин, работающие по нормам обычного права, и шариатские суды.

Рассмотрение и разрешение споров с использованием обычного права осуществляются судами старейшин в соответствии с определенными правилами. Обязанности судьи может исполнять любой член клана, однако обычно эта обязанность возлагается на старейшин (*odaayal*), которые выступают в качестве посредников и помогают урегулировать споры на основе прецедентов и обычаев. Старейшины играют главную роль в организации суда, рассматривают доказательства, заслушивают показания, выносят решение и определяют штрафы.

Судебная процедура напоминает привычный для европейцев третейский суд. Как только совершено правонарушение, делегация старейшин (*ergo*) начинает посредничество в споре. Число судей, участвующих в деле, как правило, составляет от двух до десяти человек [6, с. 148]. Если преступник и жертва принадлежат к разным кланам, в делегацию включают представителей обоих кланов или задействуют нейтральные кланы. Кланов обязаны провести необходимые расследования по факту инцидента, определить причины его возникновения и причиненный ущерб. В соответствии с традиционной процедурой разбирательство проводится публично и в устной форме, обычно на открытом воздухе под деревом, однако в последнее время местом суда стали закрытые помещения [14, с. 128]. Если какой-либо факт оспаривается, то его достоверность должна быть подтверждена показаниями трех свидетелей; если это невозможно, то нужно принести клятву. Как только разбирательство дела завершено, старейшины оглашают решение, после чего кланы имеют возможность его обсудить и дать свой ответ от имени всего клана: либо принять решение, либо возразить против него. Если одна из сторон отвергает решение старейшин, они организуют новое слушание, всего та-

ковых может быть три, причем каждый раз состав старейшин меняется [6, с. 150]. Решения суда старейшин подкрепляются не только силой традиций, но и особой формой поручительства, называемой *джилибом*. Лица, демонстрирующие неуважение к закону и невосприимчивость к исправлению их поведения посредством давления со стороны клана, объявляются вне закона [16, с. 165].

Шариатские суды активно создавались в Сомали с 1991 г. по инициативе лидеров кланов и ополчений, религиозных деятелей. На них были возложены три функции: руководство ополчением, которое следит за безопасностью и ловит преступников; вынесение решений и определений по гражданским и уголовным делам; организация содержания под стражей осужденных. Благодаря наличию таких судов снизилось число конфликтов между кланами, сформировались относительно безопасные условия для торговли [6, с. 145]. В условиях безвластия шариатские суды, помимо собственно функций правосудия, со временем стали заниматься организацией образования и здравоохранения, обеспечением безопасности и реализации исполнения собственных решений путем формирования полицейских подразделений.

Структура шариатских судов Сомали включает стандартную иерархию: председателя, заместителя председателя и четырех судей. Единого подхода к судопроизводству нет, каждый суд может по-своему интерпретировать исламскую богословско-правовую школу (*мазхаб*). Из-за отсутствия системы профессионального обучения судей шариатские суды не работают в соответствии с какой-либо формальной процедурой [6, с. 148].

Официального признания центральным правительством шариатские суды не получили, причина тому – опасность распространения через этот институт исламского фундаментализма. Так, при попытке Переходного федерального правительства включить шариатские суды в систему официального правосудия было арестовано около 70 шариатских судей из числа воинствующих исламских священнослужителей [14, с. 48]. До 1992 г. режим военной диктатуры подавлял деятельность исламских организаций. Но после падения правительства многие исламские группировки включились в работу по организации шариатских судов, преследуя как сугубо религиозные цели, так и цели захвата власти. Наиболее влиятельной из таких группировок стал Союз исламских судов (далее – СИС).

Первые шариатские суды были образованы исламскими священнослужителями из клана Хавийе – крупнейшего и наиболее влиятельного в Сомали. Фактически исламские суды стали выражением и закреплением клановой власти Хавийе в Могадишо и гарантировали защиту интересов клана, в том числе торговых [14, с. 52]. В 1996–1999 гг. другие сомалийские кланы последовали этому примеру. Чтобы объединить суды в иерархичную организацию, а также в целях консолидации ресурсов и власти по всем направлениям, а не только внутри кланов в 2000 г. был образован СИС

во главе с Высшим исламским судом. Этот суд взял на себя отношения СИС с внешним миром и командование вооруженными силами СИС, которые были сформированы из ополчений отдельных судов и начали движение на юг, занимая территории, формально находившиеся под властью Переходного федерального правительства.

Помимо административных функций, шариатские суды взяли на себя ответственность за прекращение грабежей и наркоторговли, а также уничтожение противоречащих исламу явлений действительности, в частности западных и индийских кинофильмов, «распутной» музыки и т. п. Ввиду этого в мировых СМИ шариатские суды в Сомали стали восприниматься как проявление исламского фундаментализма, хотя до реализации крайних форм исламского права, таких как отрубание рук ворам, они не дошли [16]. Формированию негативного образа СИС способствовали и действия сил специального назначения в структуре организации, которые ныне известны как радикальное движение «Аш-Шабааб». Экстремисты «Аш-Шабааб» были замечены в похищениях и убийствах правительственных солдат и командиров, акциях устрашения против населения. Эти инциденты способствовали восприятию СИС в мире как организации по подобию Талибана, хотя СИС официально извинялся за каждый подобный инцидент и пытался дать понять, что действия «Аш-Шабааб» не отражают политики СИС [17].

Оппозицию СИС сформировали Эфиопия, опасавшаяся усиления исламизма у своих границ, и США, которые в ответ на растущую мощь СИС создали из группы военизированных формирований Альянс за восстановление мира и борьбу с терроризмом.

Амбиции руководства СИС по получению политического контроля над Сомали обусловили его конфронтацию с Альянсом. В 2006 г. между СИС и Альянсом начались мелкие стычки за контроль над районами Могадишо, которые в итоге привели к полномасштабному вооруженному конфликту. К лету 2006 г. силы СИС захватили основную базу Альянса в Могадишо. Разгромив Альянс, СИС ввел шариатские порядки в столице и объявил, что закон и порядок вернулись в Могадишо впервые за 15 лет. Это событие было воспринято с энтузиазмом на внутреннем и даже международном уровнях, но дальнейшие действия СИС по расширению контролируемых территорий вызвали противодействие со стороны Эфиопии. СИС давал повод для опасений, предъявляя претензии на Огаден и Северо-Восточную провинцию Кении – регионы, населенные преимущественно сомалийцами, но находящиеся в составе Эфиопии и Кении соответственно [18].

Должностные лица исламских судов с обременением контроля над столицей стали все более критично высказываться в адрес официального Переходного федерального правительства, а также Эфиопии, которая опасалась радикализации собственного мусульманского населения. Почву для

этих опасений давала активность радикальных исламистских элементов в СИС. Хотя изначально СИС объединял мусульман от умеренных до радикальных взглядов, ключевые активисты организации не избегали радикальных и антизападных высказываний, что только усиливало позиции исламистов из «Аш-Шабааб» в организации [18]. Радикалы не имели особой популярности среди населения, но посредством влияния на фракции внутри СИС стали оказывать влияние и на политику всей организации [19].

К середине лета 2006 г. Эфиопия добилась от Переходного федерального правительства права разместить воинский контингент на территории Сомали, в 250 км от Могадишо. К осени 2006 г. войска СИС атаковали силы Переходного федерального правительства. Полному разгрому правительственных войск помешало лишь вмешательство Эфиопии. С 26 декабря 2006 г. СИС под давлением эфиопской регулярной армии отступал на всех фронтах, теряя захваченные территории. В считанные дни силы СИС были вынуждены сдать Могадишо и отступить на юг, к кенийской границе. Организация была официально распущена, а ее лидеры бежали за границу. Однако группировка «Аш-Шабааб», уцелевшая при разгроме сил СИС, уже в 2009 г. вновь начала нападения на правительственные объекты, которые не прекращаются до сих пор.

Помимо военных просчетов, недостаточного профессионализма солдат организации и поддержки официального правительства со стороны США и Эфиопии, к причинам поражения СИС можно отнести искажение лидерами движения изначальной полицентрической сути критархии. Попытка объединить многочисленные суды в единую структуру обострила межфракционные споры, усилила позиции радикалов и во многом дискредитировала идею критархии в глазах населения. Сомалийский пример демонстрирует, что по своей сути критархия ближе к анархии, чем к жесткой централизованной власти. Она представляет собой политическую систему без института политического правления, это не власть законодателей, судей или какой-либо другой категории привилегированных чиновников. Судьи в критархии не должны издавать законы, а лишь находить пути и средства разрешения конфликтов законным путем.

Правовой компонент сомалийской критархии включает комплекс норм обычного права под названием хеер (хеер) и нормы исламского права (шариат). Хотя четкого разграничения между ними нет, различия между обычным и исламским правом в Сомали можно символически обозначить так: «...шариат относится к Богу, хеер принадлежит обществу» [16, с. 164]. Несмотря на значимость ислама для сомалийского общества, религии редко удавалось превзойти клановую идентичность, поэтому слияния обычных и шариатских судов не произошло [6, с. 144]. На практике при распаде единого государства в северных регионах (Пунтленде и

Сомалиленде) роль шариата была ограничена властью старейшин, в остальных же регионах попытки построить правовую систему привели к господству исламского права [21, р. 203].

Нормы исламского права в Сомали мало отличаются от принятых в других мусульманских странах, поэтому более подробно рассмотрим основы сомалийского обычного права. Как отмечает В. Е. Чиркин, обычное право – это система почти исключительно устных правовых обычаев, сохраняемых в памяти старейшинами племен и передаваемых другим поколениям [22, с. 129]. Сфера действия обычного права ограничена законами (некоторые брачно-семейные, наследственные отношения, землепользование, охота, рыболовство), при этом целостный статус человека обычное право не определяет, основы статуса и многие его основные права установлены другими нормами [22, с. 131].

Хеер как система обычного права объединяет только правила поведения, касающиеся защиты личности и собственности, брака, войны, использования природных ресурсов и социальных контактов между кланами, а также правила наказания за проступки, такие как убийство или кража. Как указывал главный исследователь этих норм М. ван Ноттен, хеер гармонирует с понятием естественного права, его ближайшим аналогом в других обществах является система, полностью основанная на обычном, а не статутном праве [1, р. 122]. Обычное право традиционно играет важную роль в тех случаях, когда другие правовые системы не работают, и в государствах со слабыми или коррумпированными правительствами.

Хеер не имеет никакой институциональной структуры и письменного выражения. М. Сиад Барре пытался реформировать его и упразднить аспекты, не соответствовавшие социалистическим принципам режима. После падения режима Сиада Барре обычное право вернуло себе главенство над статутным правом Сомали, оно особенно популярно в сельской местности, вдали от формальных органов власти. К середине 1990-х гг. 80–90 % всех споров и уголовных дел в Сомали решались на основе норм обычного права [6, с. 147].

В качестве идеологического стержня сомалийского обычного права исследователи выделяют свободу личности от подчинения чему-либо, кроме принципов естественного права, т. е. норм, лежащих в основе любой стихийной социальной организации людей. Эти нормы подразумевают определенные универсальные права индивидов – право собственности, свободу договора и т. п. [6, с. 149]. Суды как основа критархии в таком обществе выполняют лишь роль регулятора в спорных ситуациях, но не центра политической власти. Даже суды, полиция и другие организации, занимающиеся повседневным поддержанием законности, лишены привилегий или иммунитета, они не обладают монополией на принуждение, а сами судебные и полицейские услуги предлагаются на свободном рынке [1, р. 193].

Сомалийское общество традиционно строится вокруг клановой системы, подразделяющейся на подкланы и племенные группы (дийя), связанные между собой семейными узами либо договорами. Р. Давид подчеркивал, что африканские правовые нормы «сосредоточены на группах (трибах, кастах, деревнях и т. д.), взятых вне времени, а не на их более изменчивых элементах, как-то: индивидах или семьях» [23, с. 378]. Так, брак – это скорее альянс двух семей, чем союз двух людей. Справедливым же считается прежде всего то, что обеспечивает сплоченность группы и восстанавливает согласие и взаимоотношения между ее членами. При этом нельзя сказать, что личность игнорируется, она признается, но в отношении внешнего мира в качестве единого субъекта выступает группа [23, с. 378].

Хеер в таких условиях полицентричен – различные группы в сомалийском обществе по-разному его интерпретируют. Несмотря на это, он имеет ряд общепринятых принципов.

1. Невозможность преступления без жертвы: для того, чтобы преступление считалось таковым, либо жертва, либо член ее семьи должны выступить с заявлением о защите своих прав. Если жертва мужчина, то его отец, братья или дяди могут подать жалобу, если жертвой является женщина, то жалобы могут быть поданы мужчинами из ее семьи или мужчинами из семьи ее мужа. Такое понимание преступности и виктимности относится как к краже имущества и телесным повреждениям, так и, например, к пиратству. Пойманные пираты нередко объясняют свои действия тем, что они отвечают на разграбление сомалийских вод иностранными кораблями, тем самым заявляют о нарушении своих прав, без чего невозможна их защита [14, с. 126]. Характерно, что в этом подходе проявляется понимание снимающих ответственность обстоятельств, свойственное обычному праву: деяния не преступны, если лицо отвечает на преступные действия иных лиц без каких-либо пределов [14, с. 114].

2. Выраженность правосудия в материальной компенсации потерпевшему. Обычное право Сомали измеряет преступления категориями права собственности, оно носит компенсаторный характер, а не карательный. Поэтому, к примеру, хеер не подразумевает тюремного заключения. Если обвиняемый будет признан виновным, то им должна быть выплачена определенная материальная компенсация жертве. Если же возмещение невозможно, в счет компенсации полагается уплатить жертве или ее семье определенное количество голов скота [1, р. 129]. Штраф уплачивается непосредственно жертве, а не государству, причем видных общественников деятелей, которые нарушают закон, нередко обязывают уплатить штраф в двукратном размере, в чем также проявляется определенное понимание сомалийцами принципа справедливости [14, с. 125]. При этом смертная казнь допускается, за взятую жизнь надо отдать жизнь (формы вины не имеют значения), но в большинстве случаев возможен откуп от казни [15, с. 155].

3. Отсутствие монополии на правосудие или поддержание законности: любой человек может выступать в качестве полицейского или судьи в пределах своего клана или подклана. Так, каждый член клана обязан препятствовать преступлениям, участвовать в ополчении. Упомянутое пиратство самим участниками нападений зачастую описывается как «полицейская операция» по борьбе с иностранными браконьерами [14, с. 126]. Приговор приводится в исполнение семьей жертвы или же трудоспособными членами клана в пределах района, где приговор должен быть приведен в исполнение.

4. Возможность круговой поруки за преступления, совершенные членом клана или подклана. Если преступник не имеет возможности компенсировать причиненный им вред, выплата штрафа осуществляется кланом. Это, с одной стороны, способствует сплочению кланов и подкланов, так как каждый член общности несет ответственность за действия другого; с другой – такой механизм можно считать своего рода страхованием, позволяющим гарантировать жертве должное возмещение ущерба, препятствовать кровной мести и поддерживать относительную гармонию между кланами [1, р. 191]. В силу такого подхода к ответственности современные авторы указывают, что индивидуализм и вытекающее из него понятие «субъективное право» – основные понятия современного права – несовместимы с традициями обычного права, которое не столько обеспечивает соблюдение прав индивида, сколько регулирует его отношения с группой людей [24, с. 102].

5. Охрана традиционных семейных ценностей сомалийцев: обязательность приданого для отца невесты, право вдовца жениться на сестре умершей жены (левират), наследование вдовы братом умершего, штраф за отказ от согласованного брака [1, р. 192].

6. Регулирование использования водных, пастбищных и других природных ресурсов внутри кланов и между ними для избегания конфликтов [6, с. 156].

Разумеется, не следует идеализировать правовую основу сомалийской критархии: ей свойственны определенные существенные недостатки. Хеер зачастую основан на коллективных интересах кланов и благоприятствует демографически и экономически сильным общностям, а при решении межклановых споров, когда принятые в кланах обычаи разнятся, его эффективность существенно снижается. Ввиду круговой поруки члены клана являются заложниками интересов всего клана, возможно давление на потерпевших с целью отказа от компенсации во благо межклановых отношений. Кроме того, нормы обычного права исторически не соответствуют современным общепринятым нормам равенства, привычным для значительной части населения планеты. Так, уже упоминались практики вдовьего наследования, или «думаал» (вдова обязана выйти замуж за деверя, а вдовец имеет право жениться на свояченице), предусмо-

трены также «годобтир» (принудительный брак девушки с членом другого клана в рамках компенсационной выплаты или межкланового урегулирования), принуждение жертв изнасилования к вступлению в брак с преступником, запрет наследования по женской линии [1, р. 124].

Тем не менее, несмотря на недостатки, обычное право зачастую является основой общественных отношений в безгосударственном Сомали. Хеер и суды рассматриваются как опора в поддержании социальных отношений внутри кланов и между кланами, как «клей, который предотвращает скатывание в анархию» [1, р. 195].

Таким образом, на наш взгляд, пример Сомали показывает, что критархия представляет собой не исключительно социальную систему, правовой или политический режим, а обладает чертами формы государства, так как объединяет в себе все указанные компоненты. Критархия подразумевает отсутствие единого политического центра, эти функции выполняют многочисленные суды. Они не только осуществляют правосудие, но и обеспечивают охрану правопорядка. При этом попытки централизации всей системы судов, как показывает пример Союза исламских судов, противоречат сути критархии.

Правовой основой критархии может быть как обычное право (например, сомалийский хеер – комплекс норм устного обычного права, передающегося от поколения к поколению через старейшин кланов), так и религиозное (к примеру, шариат). Несмотря на отсутствие единого источника норм права, эта правовая основа связывает между собой суды в единый институт управления.

Критархию нельзя считать стандартной формой государства, она может функционировать лишь в особых условиях – в несостоявшихся государствах, в которых отсутствует сильная центральная власть и традиции такой власти. В таких государственных образованиях критархия может быть вполне эффективной и обеспечивающей необходимые общественные блага формой государства.

Библиографический список

1. Van Notten M. *The Law of the Somalis: A Stable Foundation for Economic Development in the Horn of Africa*. Trenton: Red Sea Press, 2005. 255 p.
2. Hashim A. B. *The Fallen State: Dissonance, Dictatorship, and Death in Somalia*. Lanham: University Press of America, 1997. 151 p.
3. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. Москва: ИНФРА-М, 2003. 703 с. URL: <http://law.niv.ru/doc/dictionary/big-legal/index.htm>.
4. Olivier N. *Fragile and Failed States: Critical Perspectives on Conceptual Hybrids* // *International Political Science Review*. 2013. № 33-1. P. 326–341. DOI: <http://doi.org/10.1177/0192512113480054>.
5. Coyne C. *Reconstructing Weak and Failed States: Foreign Intervention and the Nirvana Fallacy* // *Foreign Policy Analysis*. 2006. № 2 (4). P. 343–360. URL: <https://ssrn.com/abstract=887414>.

6. Kreijen G. *State Failure, Sovereignty and Effectiveness: Legal Lessons from the Decolonization of Sub-Saharan Africa*. Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 2004. 386 p. URL: <http://bookre.org/reader?file=792293>.
7. Тихомиров Ю. А. *Курс сравнительного правоведения*. Москва: НОРМА, 1996. 432 с. URL: <http://publik-hse.narod.ru/Tikhomirov.doc>.
8. Leeson P. T. *Better off stateless: Somalia before and after government collapse* // *Journal of Comparative Economics*. 2007. Vol. 35. P. 689–710. URL: <https://ssrn.com/abstract=879798>.
9. Prendergast J. *Crisis Response: Humanitarian Band-Aids in Sudan and Somalia*. London: Pluto Press, 1997. 172 p.
10. Samatar A. *Merchant capital, International Livestock trade, and Pastoral Development in Somalia* // *Canadian Journal of African Studies*. 1987. Vol. 21, № 3. P. 355–374.
11. Mubarak J. *The Hidden Hand Behind the Resilience of the Stateless Economy in Somalia* // *World Development*. 1997. № 25. P. 2027–2041. DOI: [http://doi.org/10.1016/S0305-750X\(97\)00104-6](http://doi.org/10.1016/S0305-750X(97)00104-6).
12. Nenova T., Harford T. *Anarchy and Invention. Public Policy for the Private Sector*, 2004, no. 280, pp. 1–4. URL: <http://hdl.handle.net/10986/9655>.
13. Little P. D. *Somalia: Economy Without State*. Blumington: International African Institute, 2003. 206 p.
14. Menkhaus K. *Somalia: State Collapse and the Threat of Terrorism*. New York: Oxford University Press, 2004. 92 p.
15. Леже Р. *Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход: пер. с фр. А. В. Грядова*. Москва: Волтерс Клувер, 2009. 584 с. URL: <https://obuchalka.org/2017092996700/velikie-pravovye-sistemi-sovremennosti-sravnitelno-pravovoi-podhod-raimon-l-2010.html>.
16. Fredriksson M., Arvanitakis J. *Property, Place and Piracy*. London: Routledge, 2017. 258 p. DOI: <http://doi.org/10.4324/9781315180731>.
17. Barnes C. *The Rise and Fall of Somalia's Islamic Courts*. Chatham House. 2007. URL: <http://www.chathamhouse.org.uk/pdf/research/africa/bpsomalia0407.pdf>.
18. Santoro L. *Islamic Clerics Combat Lawlessness in Somalia* // *The Christian Science Monitor*. 2002. URL: <https://www.csmonitor.com/1999/0713/p1s2.html>.
19. *Background Information on Other Terrorist Groups* // United States Department of State. 2018. URL: https://www.globalsecurity.org/security/library/report/2004/pgt_2003/pgt_2003_31759pf.htm.
20. Casey G. *Libertarian Anarchy: Against the State*. London: Bloomsbury Publishing, 2012. 208p. URL: https://archive.org/details/podcast_austrian-scholars-conference-2_libertarian-anarchy-against-t_1000118032685;https://readli.net/libertarian-anarchy.
21. Tobin B. *Indigenous Peoples, Customary Law and Human Rights*. London: Routledge, 2014. 304 p.
22. Чиркин В. Е. *Современные глобальные модели основных прав человека: новый подход* // *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина*, 2015. № 5. С. 127–134. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25062148>.
23. Давид Р., Жоффре-Спинози К. *Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова*. Москва: Междунар. отношения, 1996. 400 с. URL: http://socio.isu.ru/ru/chairs/krs/sotrudniki/david_rene_ osnovnye_pravovye_sistemy_sovremennosti.pdf.
24. *Сравнительное правоведение / под ред. Е. Е. Амплеевой, И. Л. Честнова*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. 104 с. URL: <https://b-ok.global/book/3504448/15965d>.

References

1. Van Notten M. *The Law of the Somalis: A Stable Foundation for Economic Development in the Horn of Africa*. Trenton: Red Sea Press, 2005, 255 p.
2. Hashim A. B. *The Fallen State: Dissonance, Dictatorship, and Death in Somalia*. Lanham: University Press of America, 1997, 151 p.
3. Bol'shoi iuridicheskii slovar'. Pod red. A. Ia. Sukhareva, V. E. Krutskikh [Sukharev A. Yu., Krutskikh V. E. (Eds.) *Large legal dictionary*]. Moscow: INFRA-M, 2003, 703 p. Available at: <http://law.niv.ru/doc/dictionary/big-legal/index.htm> [in Russian].
4. Olivier N. *Fragile and Failed States: Critical Perspectives on Conceptual Hybrids*. *International Political Science Review*, 2013, no. 33–1, pp. 326–341. DOI: <http://doi.org/10.1177/0192512113480054>.
5. Coyne C. *Reconstructing Weak and Failed States: Foreign Intervention and the Nirvana Fallacy*. *Foreign Policy Analysis*, 2006, no. 2 (4), pp. 343–360. URL: <https://ssrn.com/abstract=887414>.
6. Kreijen G. *State Failure, Sovereignty and Effectiveness: Legal Lessons from the Decolonization of Sub-Saharan Africa*. Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 2004, 386 p. Available at: <http://bookre.org/reader?file=792293>.
7. Тихомиров Ю. А. *Курс сравнительного правоведения [Comparative law course]*. Moscow: NORMA, 1996, 432 p. Available at: <http://publik-hse.narod.ru/Tikhomirov.doc> [in Russian].
8. Leeson P. T. *Better off stateless: Somalia before and after government collapse*. *Journal of Comparative Economics*, 2007, vol. 35, no. 4, pp. 689–710. Available at: <https://ssrn.com/abstract=879798>.
9. Prendergast J. *Crisis Response: Humanitarian Band-Aids in Sudan and Somalia*. London: Pluto Press, 1997, 172 p.
10. Samatar A. *Merchant capital, International Livestock trade, and Pastoral Development in Somalia*. *Canadian Journal of African Studies*, 1987, Vol. 21, no. 3, pp. 355–374.
11. Mubarak J. *The Hidden Hand Behind the Resilience of the Stateless Economy in Somalia*. *World Development*, 1997, no. 25, pp. 2027–2041. DOI: [http://doi.org/10.1016/S0305-750X\(97\)00104-6](http://doi.org/10.1016/S0305-750X(97)00104-6).
12. Nenova T., Harford T. *Anarchy and Invention. Public Policy for the Private Sector*, 2004, no. 280, pp. 1–4. Available at: <http://hdl.handle.net/10986/9655>.
13. Little P. D. *Somalia: Economy Without State*. Blumington: International African Institute, 2003, 206 p.
14. Menkhaus K. *Somalia: State Collapse and the Threat of Terrorism*. New York: Oxford University Press, 2004, 92 p.
15. Lezhe R. *Velikie pravovye sistemy sovremennosti: sravnitel'no-pravovoi podkhod: Per. s fr. A. V. Griadova* [Great legal systems of our time: comparative legal approach: translated from French by A. V. Griadov].

- Moscow: Volters Kluver, 2009, 584 p. Available at: <https://obuchalka.org/2017092996700/velikie-pravovie-sistemi-sovremennosti-sravnitelno-pravovoi-podhod-raimon-1-2010.html> [in Russian].
16. Fredriksson M., Arvanitakis J. Property, Place and Piracy. London: Routledge, 2017, 258 p. DOI: <http://doi.org/10.4324/9781315180731>.
17. Barnes C. The Rise and Fall of Somalia's Islamic Courts. Chatham House, 2007. Available at: <http://www.chathamhouse.org.uk/pdf/research/africa/bpsomalia0407.pdf>.
18. Santoro L. Islamic Clerics Combat Lawlessness in Somalia. *The Christian Science Monitor*, 2002. Available at: <https://www.csmonitor.com/1999/0713/p1s2.html>.
19. Background Information on Other Terrorist Groups. United States Department of State, 2018. Available at: https://www.globalsecurity.org/security/library/report/2004/pgt_2003/pgt_2003_31759pf.htm.
20. Casey G. Libertarian Anarchy: Against the State. London: Bloomsbury Publishing, 2012, 208 p. Available at: https://archive.org/details/podcast_austrian-scholars-conference-2_libertarian-anarchy-against-t_1000118032685; <https://readli.net/libertarian-anarchy>.
21. Tobin B. Indigenous Peoples, Customary Law and Human Rights. London: Routledge, 2014. 304 p.
22. Chirkin V. E. Sovremennye global'nye modeli osnovnykh prav cheloveka: novyi podkhod [Modern global models of fundamental human rights: a new approach]. Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)], 2015, no. 5, pp. 127–134. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25062148> [in Russian].
23. David R., Jauffret-Spinosi C. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti. Per. s fr. V. A. Tumanova [Basic legal systems of modernity. Translated from French by V. A. Tumanov]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 1996, 400 p. Available at: http://socio.isu.ru/ru/chairs/krs/sotrudniki/david_rene_osnovnye_pravovye_sistemy_sovremennosti.pdf [in Russian].
24. *Sravnitel'noe pravovedenie. Pod red. E. E. Ampleevoi, I. L. Chestnova* [Ampleeva E. E., Chestnova I. L. (Eds.) Comparative law]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskii iuridicheskii institut (filial) Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii, 2017, 104 p. Available at: <https://b-ok-global/book/3504448/15965d> [in Russian].

ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА HISTORY OF LAW AND STATE

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-4-26-32
УДК 340

Дата: поступления статьи / Submitted: 11.08.2020
после рецензирования / Revised: 12.09.2020
принятия статьи / Accepted: 27.11.2020

Научная статья / Scientific article

Р. В. Фоменко

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: fomenkorv@yandex.ru

ЗНАЧЕНИЕ РЕФОРМ 50-Х ГОДОВ XVI В. КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Аннотация: В статье рассматриваются предпосылки осуществления, характер и значение институциональных мер противодействия коррупции на уровне местного управления в России в ходе реформ 50-х годов XVI в. Поднимаются проблемы эволюционного развития или целенаправленного создания новых способов сочетания на местном уровне публичных и частных интересов, взаимозаменяемости и взаимодополняемости разных форм государственного управления, губного и земского самоуправления. В статье показано, что в поисках возможностей противодействия злоупотреблениям со стороны кормленщиков центральная власть наделяет широкими полномочиями органы губного и земского самоуправления. Но полностью отказаться от наместничьей системы государство сможет только к началу XVII в. В свою очередь, в деятельности губных и земских органов также проявляются коррупционные издержки, что вынуждает государство как создавать дополнительные внутренние институциональные механизмы, так и возлагать антикоррупционные ожидания на новые бюрократические органы – воевод, становящихся продолжением приказной системы на местах.

Ключевые слова: право Русского государства конца XV – XVI вв., коррупция, наместничье управление, кормление, губное и земское самоуправление, воеводское управление.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта № 18-411-630004 «Конкретно-исторические формы коррупции в Московском государстве (XV–XVI вв.)» при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Самарской области.

Цитирование. Фоменко Р. В. Значение реформ 50-х годов XVI в. как институциональных мер противодействия коррупции // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 4. С. 26–32. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-26-32>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

R. V. Fomenko

Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics, Samara, Russian Federation
E-mail: fomenkorv@yandex.ru

ROLE OF THE REFORMS OF THE 1550-IES AS INSTITUTIONAL ANTI-CORRUPTION MEASURES

Abstract: The article considers the prerequisites for the implementation, nature and significance of institutional measures to counter corruption at the local government level in Russia during the reforms of the 50-ies of the XVI century. The problems of evolutionary development or deliberated formation of new ways of combining public and private interests at the local level, interchangeability and complementarity of different forms of state administration, regional and local self-government are put. The article shows that in the search for ways to counteract abuse by vicegerent, the Central government gives wide powers to the bodies of local self-government. But the state will be able to completely abandon the vicegerent system only by the beginning of the XVII century. In turn, corruption costs were also evident in the activities of local authorities, which forces the state to create additional internal institutional mechanisms, and to impose anti-corruption expectations on new bureaucratic bodies – voivodes, which were becoming a local continuation of the prikaz system.

Key words: law of Russian state of the end of the XV – XVI centuries, corruption, vicegerent government, губное and zemstvo (public) self-government, voivodes government.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Samara Region within the framework of the research project № 18-411-630004 «Specific historical forms of corruption in the Moscow state (XV–XVI centuries)».

Citation. Fomenko R. V. *Znachenie reform 50-kh godov XVI v. kak institutsional'nykh mer protivodeistviia korrupsii* [Role of the reforms of the 1550-ies as institutional anti-corruption measures]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 4, pp. 26–32. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-26-32> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Роман Владимирович Фоменко – кандидат исторических наук, доцент кафедры связей с общественностью,

© Roman V. Fomenko – Candidate of Historical Sciences, assistant professor of the Department of Public Relations,

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, 443010, Российская Федерация, г. Самара, ул. Льва Толстого, 23.

Тема кандидатской диссертации: «Мексиканская политика Вудро Вильсона (1913–1917 годы)». Автор более 20 научных работ, в том числе коллективной монографии «Источники русского городского права XIII–XVIII вв.» (2016).

Область научных интересов: история русского права XV–XVII веков, история внешней политики США начала XX в.

В конце XV – начале XVI в. в условиях завершения объединения русских земель, стремительного роста территории Московского государства возникает проблема приспособления к новым условиям системы управления. Вступившая в кризис, в завершающий этап своего существования, феодально-удельная система перестает выражать более сложные публичные интересы. С максимальной полнотой это проявилось в период боярского правления 1538–1547 гг., ознаменовавшего пик кризиса в условиях ослабления великокняжеской власти, но в то же время и придавшего импульс последующим преобразованиям эпохи Ивана IV.

К середине XVI в. централизация власти и управления в тех или иных формах предстает объективно необходимым условием решения ключевых внутренних и внешнеполитических проблем страны. Однако конкретные формы протекания этих процессов и их целенаправленного регулирования, сочетание публичных и частных интересов, сложность и противоречивость этих во многом новых публичных интересов (с началами как «государства», так и «земли») и, конечно же, использованные методы, результаты и издержки становятся объектом острых идеологических и научно-исторических дискуссий современников и потомков.

Одной из острейших в данном контексте можно считать проблему осуществления институциональных мер противодействия коррупции в ходе формирования механизмов местного управления в период правления Ивана IV, эффективности и коррупционных издержек этих механизмов. Для постановки этой проблемы представляется необходимым обозначить ряд общих и конкретных вопросов, подробное рассмотрение которых, конечно же не может являться целью данной статьи.

1. Каким образом эволюционировало местное управление в первой половине XVI в., к моменту начала реформ Ивана Грозного? Какие факторы определяли его развитие и в каком направлении?

2. Какое влияние на становление системы местного управления оказали трансформация центрального управления, особенности политического и социально-экономического развития страны, изменение расстановки сил общественных классов?

3. Были наместничье управление и кормления изначально вынужденными временными механизмами или неудачным нововведением в условиях перехода от удельной системы к объединенному государству и централизации управления?

Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics, 23, Leo Tolstoy Street, Samara, 443010, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Mexican Policy of Woodrow Wilson (1913–1917)». Author of 20 scientific works, including collective monograph: «Sources of Russian urban law of XIII–XVIII centuries» (2016).

Research interests: history of Russian law of XV–XVII centuries, US foreign policy history (beginning of the XX century).

Насколько глубокое влияние оказала на систему местного управления отмена кормлений?

4. В какой мере губная и земская реформы способствовали развитию на местах автономно-инициативных начал, местного самоуправления? Как сочетались воля государственной власти и инициативность местных миров в реализации этих начал?

5. Обоснованно говорить о взаимозаменяемости или же в большей степени взаимодополняемости государственного управления на местах и местного самоуправления в различных формах?

6. Насколько устойчивым оказался феодальный правовой партикуляризм, были реформы Ивана Грозного нацелены только лишь на его преодоление или в определенной мере на учет? Какое влияние на территориальные особенности местного управления оказало стремительное расширение территории государства, включение в его состав новых разнородных частей?

7. При каких условиях зарождалась новая, перспективная в будущем форма местного управления – воеводское управление? Насколько его появление было следствием решения частных управленческих задач в условиях военного присоединения новых территорий или оно изначально стало отражением развития приказной системы на местах?

8. Какой характер носили и насколько существенными были коррупционные издержки местного управления? В какой мере они осознавались верховной властью? Насколько эффективные способы противодействия коррупции были созданы?

9. Насколько глубоким было понимание актуальных проблем коррупции самими реформаторами? Насколько целенаправленно они стремились реализовать институциональные возможности преобразований либо же решали конкретно-инструментальные задачи? Как на осуществление реформ повлияли личностные качества царя и его окружения в условиях как совпадения, так и столкновения интересов, ценностей и установок?

10. Удалось ли в ходе реформ сформировать эффективные институциональные механизмы местного управления в контексте противодействия коррупции? Насколько они оказались устойчивыми и перспективными?

На рубеже XV–XVI вв. в условиях территориального расширения Русского государства и ликвидации удельного правления, начала централизации великокняжеская власть сталкивается с необходимо-

стью построения новых форм местного управления, позволяющих реализовать общегосударственные фискальные и административно-судебные интересы. Первой такой формой становится система наместничества и кормлений. Уже в Белозерской уставной грамоте 1488 г. содержатся свидетельства первых попыток верховной власти институционализировать кормления и деятельность наместника на уровне отдельной местности. Грамота регламентирует порядок предоставления кормов и уплаты пошлин, их размеры, устанавливает структуру и численность аппарата наместника. Устанавливается и противовес власти наместника со стороны местной общины – участие в судебном процессе сотского и «добрых людей» [1, с. 192–195].

Еще более детально такие механизмы отражены в Судебнике 1497 г. (ст. 38, 65) [1, с. 59, 62]. Самое главное – Судебник впервые устанавливает правовые основания местного управления в общегосударственном масштабе. В связи с быстрым угасанием удельной системы наместничество и кормления стремительно приобретают на территории Русского государства универсальный характер. Но насколько глубоко институционализированной оказалась новая система местного управления, насколько полно она выполняла свои функции? Для начала остановимся на этих функциях. Одной из основных функций кормлений изначально стало вознаграждение за службу служилой аристократии, то есть важную, если не преобладающую, роль в его формировании играла необходимость удовлетворения частных интересов кормленщиков. Очевидно, это создавало препятствия для полноценной бюрократизации управления. Как отмечает А. А. Зимин, исполнение наместником и волостелем своих обязанностей было лишь эпизодом их служилой деятельности [2, с. 436].

С точки зрения реализации публичных интересов наместничество изначально имело ряд очевидных существенных недостатков. Во-первых, сама верховная власть жаловала кормлением как наградой. И в данном контексте не столь важно, в какой мере эта награда давалась за прошлые (преимущественно военные) заслуги либо же обуславливалась местническими соображениями. В любом случае кормленщики сами должны были выстраивать аппарат управления, организовывать его работу, пусть и в пределах, очерченных законодательством. Им надлежало самим изыскивать материальные ресурсы, предпринимать организационные усилия для осуществления управления и суда, и все это изначально и с ведома верховной власти определялось частным интересом. Объективно заинтересованность кормленщиков в кормах и судебных пошлинах в явно недостаточной мере сочеталась с обеспечением публичного интереса поддержания правопорядка и справедливого суда. Как отметил Н. Е. Носов, наместники были более заинтересованы не «в бездоходном порядке, а в доходном беспорядке» [3, с. 336–337]. Не случайно в последующей традиции не отдельные пороки, а кормления сами по себе часто рассматривались как проявление коррупции.

Верховная власть не могла изначально не принимать недостатков кормлений, но была вынуждена мириться с ними в условиях распада удельной системы и отсутствия заменяющих ее готовых институциональных механизмов как центрального, так и местного управления, а также при необходимости удовлетворять частные интересы служилой знати. При этом на местах начинали создаваться или использовались уже имеющиеся, противовесы: городские приказчики, старосты, «лучшие люди». Так, в конце своего правления Василий III повелел избрать в Новгороде 48 целовальников («лучших людей»), чтобы каждый месяц четверо из них участвовали в суде с тиунами наместника. К двум новгородским наместникам же в качестве контрольной инстанции был приставлен «купецкий староста», причем летопись прямо и бесхитростно называет мотивы данной меры – «судили по мзде» [4, с. 17]. Выражающие интересы местных миров, пусть даже в формирующейся общекорпоративной окраске (дворянской, посадской), эти меры и механизмы были призваны минимизировать негативные черты наместничества, способствовать согласованию разнородных частных интересов с интересами публичными.

И все же в какой степени удалось достичь этих целей? По мнению В. А. Аракчеева, даже к середине XVI в. государственный строй Русского государства сохранял архаичность и не позволял обеспечить институциональную связь с населением. Отсутствие такой связи и должны были обеспечить обширные полномочия кормленщиков. «Власть наместников с боярским судом в миниатюре копировала власть государя, усвоив такое ее важное качество, как синкретичность – слитность, нерасчлененность административных, судебных и фискальных полномочий» [5, с. 17]. Будучи слабо институционализированным механизмом, «в толщу тяглых миров» власть наместника не проникала. Бросается в глаза и партикулярный характер контрольных и компенсаторных мер, их связь с конкретными общинами.

Наместничество и кормления, таким образом, оказались вынужденной заменой удельного управления. С 30–40-х гг. XVI в. в источниках начинается резкое обличение пороков новой системы местного управления как влекущих самые негативные последствия в масштабах всей страны. Вот насколько драматично описывает проблему Никоновский летописец: «Многие грады и волости пусты учинили наместники и волостели, из многих лет, презрев страх Божий и государьские уставы и много злокозненных дел на них учиниша; не быша им пастыри и учителя, а сотворишася им гонители и разорители. Также тех градов и волостей мужичья многие коварства содеяша и убийства их людем: и как едут с кормленей, и мужики многими иски отыскивают, и много в том кровопролития и осквернения душам содеяша, и многие наместники и волостели и старого своего стяжания избышка, животов и вотчин» [6, с. 267].

С 50-х гг. рупором обличительной оценки местничества становится сама верховная власть. Судебник 1550 г. ограничивал власть наместников устанавливая на общегосударственном уровне более жесткий и конкретизированный контроль управления и суда со стороны выборных старост и целовальников, представителей местных миров. В том числе предусматривалось ведение делопроизводства земским дьяком [1, с. 109–113]. В качестве одной из мишеней Ивана IV кормленщики предстают в царских вопросах к Стоглавому собору [7, с. 37]. В 1556 г. провозглашается торжественная отмена кормлений [8, с. 37–38].

В сочетании с завершающей стадией губной и земской реформ отмена кормлений часто по умолчанию рассматривается как единовременный решительный акт, ведущий к ликвидации местничества и замене его местным самоуправлением во всех сферах деятельности. Однако при более детальном внимании становится очевидно, что это было совершенно не так. Действительно, хотя провозглашение отмены кормлений и создание губных и земских органов должны были привести к отмене наместнической системы, возникают вопросы: 1) Чем была мотивирована и насколько решительно была настроена верховная власть в реализации этих намерений? 2) В какой степени и насколько быстро эти намерения удалось воплотить? 3) Наконец, насколько действенными оказались данные институциональные меры с точки зрения противодействия коррупции?

А. А. Зимин и Р. Г. Скрынников обратили внимание на то, что Приговор о кормлениях дошел до нас в пафосной литературно-публицистической обработке, предположительно со стороны А. Адашева. Зимин даже поставил вопрос о самом существовании Приговора как юридического акта [2, с. 426–427; 9, с. 57–58]. На самом деле, власть и до эпохи Ивана Грозного использовала торжественные, подчас гиперболизированные формулировки (в том числе антикоррупционной направленности), прямо обличая местничество в правовых актах, например губных грамотах [10, с. 164]. Очевидно, реформаторы середины XVI в. все же стремились коренным образом усовершенствовать местное управление, однако ликвидация местничества никогда не была самоцелью и не определялась одними лишь антикоррупционными соображениями. Известно, что в некоторых частях государства (например, в псковских пригородах) местничество и кормления восстанавливались уже после их ликвидации еще при Иване Грозном [2, с. 434, 11, с. 263]. Исследователи находят кормленные грамоты, датированные концом XVI в. [5, с. 17]. Сохранение наместничьего управления прямо подтверждают Судебник 1589 г. и Сводный Судебник 1606–1607 гг. Здесь, очевидно, отражается завершающий этап существования этого института – содержатся требования выборности старост и целовальников, где «наперед сего» их еще не было [7, с. 135, 192–193]. Суд волостеля с тиуном еще упоминается как действующий орган

в уставной грамоте Устюжне Железнопольской 1614 г. [12, с. 12]. Во многих городах и уездах – не только приграничных, но и в Центральной России, – местничество просуществовало вплоть до его трансформации в начале XVII в. в воеводское управление.

Чем можно объяснить столь длительное существование «прогнившего» еще до прихода к власти Ивана Грозного института кормлений даже после его «отмены»? Несмотря на официальные декларации, губная и земская реформы, как уже говорилось, были вызваны отнюдь не только стремлениями верховной власти преодолеть злоупотребления, присущие системе кормлений. В них, как известно, проявились динамично и противоречиво меняющиеся сословно-классовые отношения, отразившие усиление роли дворянства и посадской верхушки, но все же при сохранении значительного влияния феодальной аристократии. Выразилось и стремление верховной власти обеспечить доступными способами централизацию в условиях пока еще не сформированной бюрократической «вертикали власти». Отразились, конечно же, растущие фискальные аппетиты государства. Но в контексте темы данного исследования остановимся на вопросе: насколько оправдала себя декларируемая антикоррупционная направленность реформ?

Намереваясь создать на общегосударственном уровне губные и земские учреждения, верховная власть, очевидно, исходила из посылки, что эта мера сама по себе должна была способствовать снижению злоупотреблений местной власти, ведь выборные, как казалось, изнутри представляли свои собственные миры и их интересы в противоположность назначаемым извне кормленщикам. При этом чуть ли не по умолчанию предполагалось, что эти самые местные интересы будут сочетаться с интересами верховной власти, которой «всего-то» надо обеспечить приемлемый правопорядок, фискальные интересы государства и классовую эксплуатацию при сохранении социального мира. Подобные умозаключения на первый взгляд имели свою логику и неоднократно воспроизводились реформаторами и более поздних эпох. Но в том-то и дело, что интересы местных миров, во-первых, не совпадали автоматически с интересами общегосударственными: чтобы хотя бы отчасти достичь данной цели, государству еще требовалось приложить немалые усилия. Во-вторых, крайне неоднородными были сами местные интересы, представляемые губными и земскими органами. Как уже отмечалось, они отражали сложную и противоречивую картину сословно-классовых изменений. Наконец, какие бы корпоративные интересы ни представляли новые учреждения (отражая рост влияния дворянства или же еще более широких слоев – верхушки посада и черносошного крестьянства), объективно возрастало влияние и частных корыстных интересов новых носителей власти, то есть, будучи призваны противодействовать коррупции, губные и земские органы сами не могли быть свободны от коррупционных издержек.

Эти издержки раскрывались не сразу. Источники свидетельствуют, что на этапе становления губных органов выборные могли тяготиться исполнением своих обязанностей. Приговор о разбойных делах 1555 г. говорит о губных старостах, которые отказываются целовать крест «и дел не делают», вводя в качестве наказания за проступок помещение в тюрьму «на время» [8, с. 34]. Очевидно, отсутствие официального вознаграждения со стороны государства в сочетании с высокой ответственностью не делали изначально должность губного старосты безусловно привлекательной. И все же как под влиянием борьбы самих общин против злоупотреблений кормленщиков, так и в результате энергичных институциональных мер государства новые губные и земские учреждения укоренялись – и в своих функциях, и в своих дисфункциях. Верховная власть была вынуждена искать способы противодействия коррупции теперь уже в отношении вновь создаваемых органов местного самоуправления.

Первыми из таких способов ожидаемо становились карательные меры. Внимание исследователей привлекла жесткость формулировок законодателя, угрожавшего земским «выборным головам» смертной казнь за широкий перечень преступлений – за взятку, «силы, обиды и продажи», за нарушение процессуальных правил обыска и суда, за укрывательство «лихих людей» местным населением. По замечанию Н. Е. Носова, кормленщикам верховная власть никогда так не угрожала [3, с. 304]. Однако, как бывает в подобных ситуациях, одними лишь репрессивными мерами государство не могло решить сложившуюся проблему. Таким образом, едва создав новые управленческие институты, направленные на повышение эффективности местного управления, власть была вынуждена искать дополнительные институциональные способы контроля этих институтов.

Одним из таких способов стало еще большее расширение принципа коллегиальности в деятельности губных органов – вплоть до реализации принципа круговой ответственности: «Розбойные и татинные дела делать по сему списку, съехався в одно место... с выти по человеку» [13, с. 302]. Представители с мест должны под страхом наказания должны были сами предоставить информацию о «лихих людях», а соседи преступника могли привлекаться к материальной ответственности за сам факт пребывания по соседству [11, с. 279]. Очевидно, вводя взаимный контроль старост и общин, государство решало более широкие задачи – стремилось привлечь население к поддержанию более устойчивого правопорядка. Но очевиден и антикоррупционный аспект этих мер – создание дополнительного механизма, обеспечивающего деятельность губных органов в нужном направлении.

Другой мерой институционального характера было введение двух губных старост на одной подведомственной территории. Двойное назначение встречалось и прежде, с двумя наместниками в од-

ном уезде, но если прежде это объяснялось значительной судебной загруженностью кормленщиков и не было общим правилом, то двойное назначение губных старост стало повсеместной практикой. Тем самым подрывался принцип единоначалия, и делалось, это, видимо, преимущественно с антикоррупционной целью: «А меж себя старостам и целовалником друг на другом того смотреть, чтоб посулов и поминков однолично никто ни у кого не имал. А который староста и целовалник учнет посулы имать в розбойных и татинных делех и им на того сказати царю великому князю или его бояром, которым приказаны розбойные дела» [13, с. 305].

Наконец, институциональным дополнением, а постепенно и противовесом органам местного самоуправления становятся воеводы. Как замечает А. А. Зимин, уже в 30-е годы XVI в. в связи с осложнением внешнеполитического положения правительство почти ежегодно отправляло воевод в южные и западные приграничные города. Хотя они и выступали в качестве военных руководителей, но назначались часто из наместников на местах и, соответственно, осуществляли одновременно судебно-административные функции [2, с. 191–192]. В качестве собственно администраторов воеводы фигурируют с 50-х годов XVI в. – не в результате специальных реформ, а в процессе освоения вновь покоренных территорий Среднего и Нижнего Поволжья. Управление и освоение нового края долгое время требовало чрезвычайных мер [14, с. 3–4, 38]. Имеющиеся институты – наместничье управление, губное и земское самоуправление, – были практически не реализуемы на территории с несмирившимся иноконфессиональным иноэтничным населением, со слабо интегрированными местными общинами, с еще не сформированным служилым землевладением. В таких условиях центральная власть оказалась перед необходимостью создания оперативного управленческого института, который мог быть встроен в формирующуюся приказную бюрократическую систему.

В начале XVII в. воеводское управление получает общегосударственное распространение, окончательно сменив наместничество и вступив в оперативное взаимодействие с органами местного самоуправления, в первую очередь усилившимися и укоренившимися к тому моменту губными органами. В отношении последних воеводы и выступают в качестве противовеса, в том числе антикоррупционного. Как показал Е. С. Бутрин на примере Шуи 10–20-х годов XVII в., в некоторых ситуациях воеводы предстают как защитники местных общин от произвола и поборов губных старост [15, с. 24–25]. Примечательно, что в последующие десятилетия, очевидно, более типичной становится обратная ситуация – когда общины, по крайней мере посадские и купеческие верхи, воспринимают губных старост как часть надлежавшей «пошлины», а воевод – как внешние источники злоупотреблений [16, с. 584].

В первой половине XVI в. Русское государство сталкивается с необходимостью полномасштаб-

ной трансформации системы местного управления. Удовлетворяя частные интересы кормленщиков, великокняжеская власть рассчитывала на то, что в отличие от удельных князей они смогут стать проводниками централизации на местах. К середине XVI в. верховная власть не только сама признает системные злоупотребления наместников и волостелей, неэффективность кормлений, но и провозглашает их отмену. Хотя наместничье управление просуществует еще до начала XVII в., с середины XVI в. в дополнение и на смену ему приходит губное и земское самоуправление. В том числе местное самоуправление предстает как институциональный механизм противодействия злоупотреблениям наместничества. Но и новые институты изначально оказались несвободны от коррупционных издержек, что привело центральную власть к необходимости предпринимать дополнительные меры, в том числе институционального характера: расширять принципы коллегиальности в их деятельности, вводить двух губных старост на одной подведомственной территории. Наконец, по мере возрастания роли воевод на местах, расширения их полномочий в сочетании с развитием приказной системы роль антикоррупционного противовеса органам самоуправления начинает выполнять воеводское управление. Таким образом, в ходе осуществления реформ 50-х годов XVI в. и в дальнейшем мы видим динамичную противоречивую картину формирования институциональных мер, способствовавших усложнению системы местного управления и выведению проблемы коррупции в ходе борьбы с ней на более сложный уровень.

Библиографический список

1. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 2. Москва, 1984. 520 с. URL: https://eknigi.org/gumanitarnye_nauki/77468-rossijskoe-zakonodatelstvo-x-xx-vekov-v-9-t-t-2.html.
2. Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного: очерки социально-экономической и политической истории России в XVI в. Москва, 1960. 511 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=215975&p=1>.
3. Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания по земской реформе Ивана Грозного. Ленинград, 1969. 606 с. URL: <https://booksee.org/book/722264>.
4. Полное собрание русских летописей. Т. 20. Ч. 1. Львовская летопись. Москва, 1910. 418 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/437926>.
5. Аракчеев В. А. Наместники в России XVI века // Вопросы истории. 2010. № 1. С. 3–19. URL: https://docplayer.ru/26207158-Namestniki-v-rossii-xvi-veka.html#show_full_text.
6. Полное собрание русских летописей. Т. 13: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (Продолжение). Москва, 2000. 728 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/678287>.
7. Памятники российского права: в 35 т. Т. III. Кн. II. Москва, 2014. 487 с.
8. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в. / под ред. Н. Е. Носова. Ленинград, 1986. 262 с. URL: <http://moscowstate.ru/nosov-n-e-otv-red-zakonodatelnye-akty-russkogo-gosudarstva-vtoroj-poloviny-xvi-pervoj-poloviny-xvii-veka-v-2-h-chastyah/>.
9. Скрынников Р. Г. Иван Грозный. Москва, 1983. 243 с. URL: http://militera.lib.ru/bio/skrynnikov_rg/index.html.
10. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук. Санкт-Петербург, 1836. Т. III. 491 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book3032/9538>.
11. Бовыкин В. В. Русская земля и государство в эпоху Ивана Грозного: Очерки по истории местного самоуправления в XVI в. Санкт-Петербург, 2014. 432 с. URL: <http://moscowstate.ru/bovykin-v-v-russkaya-zemlya-i-gosudarstvo-v-epohu-ivana-groznogo-ocherki-po-istorii-mestnogo-samoupravleniya-v-xvi-v>.
12. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук. Санкт-Петербург, 1836. Т. III. 496 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book3032/9538/>.
13. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в. Т. IV / сост. А. В. Антонов. Москва, 2008. 632 с. URL: <http://moscowstate.ru/antonov-a-v-baranov-k-v-sost-akty-služihlyh-zemlevladel'tsev-xv-nachala-xvii-vekatom-1-4/>.
14. Ермолаев И. П. Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII вв. (Управление казанским краем). Казань, 1982. 224 с. URL: <http://moscowstate.ru/ermolaev-i-p-srednee-povolzhe-vo-vtoroj-polovine-xvi-xvii-vv-upravlenie-kazanskim-kraem/>.
15. Бутрин Е. С. Губная и воеводская администрация в Шуе XVII в.: эволюция судебных и административных полномочий // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 2. С. 24–31. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30000070>.
16. Памятники русского права: в 8 выпусках. Москва, 1959. Вып. V. 667 с. URL: <https://eknigi.org/istorija/124161-pamyatniki-russkogo-prava-8-vypuskov.html>.

References

1. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X – XX vv.: v 9 t. T. 2* [Russian legislation of the X – XX centuries: in 9 vols. Vol. 2]. Moscow, 1984, 520 p. Available at: https://eknigi.org/gumanitarnye_nauki/77468-rossijskoe-zakonodatelstvo-x-xx-vekov-v-9-t-t-2.html [in Russian].
2. Zimin A. A. *Reformy Ivana Groznogo: ocherki sotsial'no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii Rossii v XVI v.* [Reforms of Ivan the Terrible: essays on the socio-economic and political history of Russia in the XVI century]. Moscow, 1960, 511 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=215975&p=1> [in Russian].
3. Nosov N. E. *Stanovlenie soslovno-predstavitel'nykh uchrezhdenii v Rossii. Izyskaniia po zemskoi reforme Ivana Groznogo* [Formation of estate-representative institutions in Russia. Survey on the Zemstvo reform of Ivan the Terrible]. Leningrad, 1969, 606 p. Available at: <https://booksee.org/book/722264> [in Russian].
4. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 20. Ch. 1. L'vovskaia letopis'* [Complete collection of Russian chronicles. Vol. 20. Part 1. Lvov Chronicle]. Moscow, 1910, 418 p. Available at: <https://www.prlib.ru/item/437926> [in Russian].

5. Arakcheev V. A. *Namestniki v Rossii XVI veka* [Vicegerents in Russia of the XVI century]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2010, no. 1, pp. 3–19. Available at: https://docplayer.ru/26207158-Namestniki-v-rossii-xvi-veka.html#show_full_text [in Russian].
6. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 13: Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarshei ili Nikonovskoi letopis'iu (Prodolzhenie)* [Complete collection of Russian chronicles. Vol. 13: Annalistic collection, called the Patriarch or Nikon Chronicle (Continued)]. Moscow, 2000, 728 p. Available at: <https://www.prlib.ru/item/678287> [in Russian].
7. *Pamiatniki rossiiskogo prava: v 35 t. T. III. Kn. II* [Monuments of Russian law: in 35 vols. Vol. III. Book. II]. Moscow, 2014, 487 p. [in Russian].
8. *Zakonodatel'nye akty Russkogo gosudarstva vtoroi poloviny XVI – pervoi poloviny XVII v. Pod red. N. E. Nosova* [Nosov N. E. (Ed.) Legislative acts of the Russian state of the second half of the XVI – the first half of the XVII century]. Leningrad, 1986, 262 p. Available at: <http://moscowstate.ru/nosov-n-e-otv-red-zakonodatelnye-akty-russkogo-gosudarstva-vtoroj-poloviny-xvi-pervoj-poloviny-xvii-veka-v-2-h-chastyah/> [in Russian].
9. Skrynnikov R. G. *Ivan Groznyi* [Ivan the Terrible]. Moscow, 1983, 243 p. Available at: http://militera.lib.ru/bio/skrynnikov_rg/index.html [in Russian].
10. *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiiskoi imperii Arkheograficheskoi ekspeditsiei Imperatorskoi akademii nauk* [Acts collected in the libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences]. Saint Petersburg, 1836, vol. III, 491 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book3032/9538> [in Russian].
11. Bovykin V. V. *Russkaia zemlia i gosudarstvo v epokhu Ivana Groznogo: Ocherki po istorii mestnogo samoupravleniia v XVI v.* [Russian land and state in the era of Ivan the Terrible: Essays on the history of local government in the XVI century]. Saint Petersburg, 2014, 432 p. Available at: <http://moscowstate.ru/bovykin-v-v-russkaya-zemlya-i-gosudarstvo-v-epokhu-ivana-groznogo-ocherki-po-istorii-mestnogo-samoupravleniya-v-xvi-v> [in Russian].
12. *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiiskoi imperii Arkheograficheskoi ekspeditsiei Imperatorskoi akademii nauk* [Acts collected in the libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences]. Saint Petersburg, 1836, vol. III, 491 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book3032/9538> [in Russian].
13. *Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev XV – nachala XVII v. T. IV. Sost. A. V. Antonov* [Antonov A. V. (Ed.) Acts of service class of landowners of the XV – beginning of the XVII century]. Moscow, 2008, 632 p. Available at: <http://moscowstate.ru/antonov-a-v-baranov-k-v-sost-akty-sluzhilyh-zemlevladel'tsev-xv-nachala-xvii-veka-tom-1-4> [in Russian].
14. Ermolaev I. P. *Srednee Povolzh'e vo vtoroi polovine XVI – XVII vv. (Upravlenie kazanskim kraem)* [Middle Volga region in the second half of the XVI – XVII centuries. (Management of the Kazan region)]. Kazan, 1982, 224 p. Available at: <http://moscowstate.ru/ermolaev-i-p-srednee-povolzhe-vo-vtoroj-polovine-xvi-xvii-vv-upravlenie-kazanskim-kraem/> [in Russian].
15. Butrin E. S. *Gubnaia i vovodskaia administratsiia v Shue XVII v.: evoliutsiia sudebnykh i administrativnykh polnomochii* [The local magistrate and the vovoda in the 17th century town of Shuya: evolution of judicial and administrative powers]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2017, no. 2, pp. 24–31. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30000070> [in Russian].
16. *Pamiatniki russkogo prava: v 8 vyp.* [Monuments of Russian law: in 8 issues]. Moscow, 1959, Issue V, 667 p. Available at: <https://eknigi.org/istorija/124161-pamyatniki-russkogo-prava-8-vypuskov.html> [in Russian].

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО CIVIL LAW

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-4-33-37
УДК 347.782

Дата: поступления статьи / Submitted: 07.10.2020
после рецензирования / Revised: 03.11.2020
принятия статьи / Accepted: 27.11.2020

Научная статья / Scientific article

Р. Ш. Рахматулина

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: rimin@mail.ru

ОБЪЕКТЫ ЦИФРОВОГО ДИЗАЙНА: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация: Статья посвящена объектам цифрового дизайна. Автор анализирует признаки объектов дизайна, рассматривает влияние цифровых технологий на создание дизайнерских объектов. Предлагает для объектов дизайна как для произведений искусства ввести признак оригинальности. Цифровые технологии придают импульс и иное значение объектам дизайна. Дизайнер, используя цифровую технику, сочетает различные виды технологий. Оригинальность дизайнерского продукта будет складываться из разных составляющих: восприятие пользователями объекта, удобство, мода, дизайн креативного использования и обработки информации и другие интересные и удобные элементы. В дизайне становятся востребованными объекты, созданные технологией искусственного интеллекта. Для объектов, созданных технологией искусственного интеллекта, критерий оригинальности будет поставлен под сомнение, так как в зарубежной практике (США, Англия) этот критерий несет в себе индивидуальность автора, но новизна может с легкостью определяться машиной. Отсюда автор статьи предлагает исключительное право на объект, созданный машиной, предоставить автору программного продукта.

Ключевые слова: объекты дизайна, объекты цифрового дизайна, признаки объектов дизайна, новизна, оригинальность, интерактивность, форма объекта цифрового дизайна, эстетика, функциональность, объекты авторского права.

Цитирование. Рахматулина Р. Ш. Объекты цифрового дизайна: особенности правового регулирования // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 4. С. 33–37. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-33-37>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

R. Sh. Rakhmatulina

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
E-mail: rimin@mail.ru

DIGITAL DESIGN OBJECTS: FEATURES OF LEGAL REGULATION

Abstract: The article is devoted to digital design objects. The author analyzes the features of design objects, examines the influence of digital technologies on the creation of design objects. It is suggested to enter the sign of originality for design objects as for works of art. Digital technologies give an impulse and a different meaning to design objects. The designer combines various types of technologies using digital technology. Thus, the originality of the design product will consist of different components: user perception of the object, convenience, fashion, design of creative use and processing of information, and other interesting and convenient elements. Objects created by artificial intelligence technology are becoming popular in design. For objects created by artificial intelligence technology, the criterion of originality will be questioned, since in foreign practice (USA, England), the criterion of originality carries the author's personality, but the novelty can be easily determined by the machine. Hence, it is proposed to grant the author of the software product the exclusive right to the object created by the machine.

Key words: design objects, digital design objects, features of design objects, novelty, originality, interactivity, form of a digital design object, aesthetics, functionality, copyright objects.

Citation. Rakhmatulina R. Sh. *Ob"ekty tsifrovogo dizaina: osobennosti pravovogo regulirovaniia* [Digital design objects: features of legal regulation]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 4, pp. 33–37. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-33-37> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© **Римма Шамильевна Рахматулина** – кандидат юридических наук, доцент, доцент департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 109456 г. Москва, 4-й Вешняковский проезд, 4.

Тема кандидатской диссертации: «Авторский договор с участием иностранных лиц». Автор 70 научных работ, в том числе коллективной монографии: «Концепция частного и публичного права России. Азбука частного права»

© **Rimma Sh. Rakhmatulina** – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity, Financial University under the Government of the Russian Federation, 4, 4 Veshnyakovsky proezd, Moscow, 109456, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Copyright agreement with participation of foreign persons». Author of 70 scientific works, including monograph: «The concept of private and public law in Russia. ABC of private law» (2015); text-

(2015); учебного пособия для магистрантов «Проблемы интеграции частного и публичного права» (2017).

Область научных интересов: право интеллектуальной собственности.

Объекты дизайна в материальном мире представлены в качестве творческого воплощения различных дизайнерских идей в товарах широкого потребления, декоративно-прикладного искусства, пищевой промышленности, архитектуре и т. д. Дизайнер решает функциональные и эстетические задачи. В современном мире дизайн оказывает с помощью эстетических свойств и визуализации определенный эффект, хотя раньше дизайн не всегда был эстетичным, был более практичным. При этом на современные объекты дизайна оказывают влияние цифровые технологии, которые являются часто основой их создания.

Цифровые технологии придают импульс и иное значение объектам дизайна. Дизайнер, используя цифровую технику, сочетает различные виды технологий. Так, например, в дизайне интерьеров – это углеродное волокно, «умное стекло», в световом дизайне – это LED-технологии, в транспортном дизайне – Vehicle 2 Vehicle (V2V) и т. д. Современный цифровой дизайн – это соединение нового стиля, моды, эстетики, функциональности, визуальных конструкций цифровых изображений с помощью программных продуктов.

Объекты дизайна – это произведения, которые могут иметь аналоговые и цифровые формы (объекты цифрового искусства) и в соответствии с нормой п. 1 ст. 1259 ГК РФ являются объектами авторского права. Авторское право охраняет объекты цифрового дизайна через эстетически выраженные формы художественного (цифрового) творчества.

Дизайн промышленных товаров – это конструирование и решение определенной задачи через творчество и функциональность. При создании цифровых объектов дизайнеры используют технологии как инструмент, сочетая различные художественные и технические приемы. При этом объекты промышленного дизайна охраняются нормами патентного права и регистрируются в качестве промышленных образцов, охватывая массовую продукцию. В отличие от объектов авторского права промышленные образцы охраняются ограниченное время. В соответствии с нормой ст. 1363 ГК РФ промышленный образец охраняется в течение 5 лет, но может продлеваться не более чем на двадцать пять лет, считая с даты подачи заявки на выдачу патента, и должен обладать признаком новизны и оригинальности. Новизна предполагает создание нового объекта. Однако, как показывает практика, новизна в таких объектах носит относительный характер, а это подтверждается тем, что аналогичные промышленные образцы сравниваются на предмет их изменений, которые связаны с другой составляющей – оригинальностью. Совсем небольшие изменения могут помочь модифицировать изделие и создать оригинальный результат. В этой связи оригинальность,

book: «Problems of integration of private and public law» (2017)

Research interests: intellectual property law.

как и в судебной практике многих стран по авторскому праву, в праве промышленной собственности коррелирует с признаком индивидуальности и творческим подходом, присущим отдельно взятому дизайнеру, например при создании одежды, мебели и т. д. Оригинальность дизайнерского продукта будет складываться из разных составляющих: восприятия пользователями объекта, удобство, мода, дизайна креативного использования и обработки информации и других интересных и удобных элементов.

Если сравнивать объекты цифрового дизайна в виртуальном пространстве как объекты авторского права с другими объектами дизайна не только в цифровой форме, необходимо подчеркнуть, что новизна и оригинальность машины будут просчитаны, если будет введена специальная алгоритмизация объектов. Целесообразно привести пример ввода Всемирной организацией интеллектуальной собственности онлайн-сервиса WIPO PROOF¹. Данный сервис будет служить доказательством создания в определенный момент цифрового файла. Такое доказательство должно стать дополнительным способом защиты файла, который датируется временем его создания, и каждый обратившийся к серверу получает свой токен, который также будет храниться на специальных серверах ВОИС в Швейцарии. Предполагается, что эта услуга будет служить дополнением существования и создания ценных цифровых творческих результатов.

Цифровой дизайн и цифровое искусство не возникли спонтанно. Цифровое искусство «тесно связано с художественными течениями предыдущих периодов, в частности с дадаизмом, “Флюксусом” и концептуальным искусством» [1, с.11].

Дадаизм – это авангардное искусство, отрицающее традиционное. Само слово «дада» имеет множество значений и не имеет какой-то конкретики. После Первой мировой войны многие стали задумываться о бессмысленности войны, а творческая прослойка (дадаисты) решили создать свой художественный стиль, который, на их взгляд, будет транслировать миру иные ценности и идеи и бороться с буржуазным обществом, развязавшим войну. В дадаизме художник, чтобы выразить свои идеи, использует случайные предметы и материалы. Дадаизм оказал влияние и на другие течения. Так, концептуальное искусство заявляет о том, что идеи и концепции в произведении – это важные составляющие, которые влияют на формы выражения. Данное направление стало развиваться в шестидесятые годы двадцатого столетия, стремясь изменить многие привычные способы представления объектов искусства, считая главным концепцию произведения и передачу его идеи. Дадаисты

¹ <https://www.wipo.int/portal/ru/index.html> (дата обращения: 01.10.2020).

стали использовать разные способы, которые со временем совершенствовались и в настоящее время являются целыми направлениями в искусстве (коллаж, фроттаж, граттаж, аэрографы, рейографы, декалькомания), а также послужили основой цифрового дизайна.

Главными целями дизайнера являются одновременно эстетика и решение поставленной задачи по улучшению окружающей жизни. В продукции с цифровым дизайном эстетика влияет на многие факторы. Визуальная эстетика – это не только красота и креативность, но и задача создать простые и понятные вещи. Визуализация – это инструментальный, который позволяет увидеть результат.

«Эстетичность, – как указывает Т. В. Кузнецова, – способствует познанию, активизирует его, служит нашей ориентации в окружающем мире. Характерный пример приводит авиаконструктор Антонов: интуитивно наиболее красивая форма обычно оказывается и наиболее целесообразной, как это потом показывает расчет» [2, с. 6]. В переводе с греческого «эстетический – способный чувствовать. Этот термин связан с чем-то возвышенным, духовным. Философы связывают это понятие со способом мышления и созерцания прекрасного» [3, с. 376]. Также этот признак связан с восприятием и усвоением.

Еще И. Кант рассматривал эстетику «как науку, служащую основой для отнесения произведений к различным категориям прекрасного. Им выделены словесное искусство, изобразительное искусство, искусство игры ощущений» [4, с. 367].

Однако другой философ – А. Ф. Лосев – определял эстетику «через восприятие различных форм окружающего нас мира» [5, с. 623]. Познание окружающего мира происходит через связи науки и различные виды искусства, а значит, через сферу эстетического.

Техническая эстетика как наука развивается в результате взаимодействия красоты, науки, технологий. Техническая эстетика многофункциональна и используется при создании цифрового дизайна. Эстетические результаты цифрового дизайна основаны на интуитивном поиске необходимого эстетического продукта, который базируется на художественном творчестве, а также создается с помощью специальных профессиональных знаний. В этой связи необходимо отметить, что для различных объектов дизайна эстетика является удобной и визуально привлекает. Так, например, для посетителей разных интернет-сайтов привлекательность – это краткосрочное воздействие, но удобство и красота с одновременной функциональностью являются основой взаимодействия и задачей дизайна.

В дизайне можно выделить разные виды в зависимости от сферы применения: промышленный дизайн, графический дизайн, дизайн среды, дизайн управления. На современном этапе развития дизайн-индустрии первостепенное значение имеет цифровой дизайн (Digital-дизайн), который используется сейчас во всех направлениях дизайна. Цифровой дизайн также имеет свои направле-

ния – это и вэб-дизайн, дизайн приложений, интерфейсов и т. д. Задачей цифрового дизайнера является, с одной стороны, красота, а с другой – одновременная эстетика, быстрота и функциональность. Во главу угла диджитал-дизайнера ставится задача разобраться не только с эффектом и красотой, но и удобством взаимодействия с разными продуктами, которые являются цепочкой одного процесса.

Цифровые технологии и цифровое искусство, используемые дизайнерами, прочно входят в нашу жизнь и постоянно изменяются. Некоторые цифровые ресурсы используют технологии искусственного интеллекта для создания объектов изобразительного искусства. Так, сервис (нейросеть) AI Portraits Ars может преобразовать любую фотографию в портрет эпохи Возрождения. Как отмечают и иностранные авторы: «Новые медиа и Интернет продолжают предоставлять новые возможности для творчества. Искусственный разум спорит с традиционными понятиями об авторстве» [6].

В этой связи для цифровых объектов авторского права в виртуальном пространстве необходимо вводить на законодательном уровне такой критерий охраноспособности, как оригинальность. При этом с оригинальностью будет соседствовать относительная новизна. Для цифровых объектов, созданных технологией искусственного интеллекта, критерий оригинальности будет поставлен под сомнение, так как в зарубежной практике (США, Англия) этот критерий несет в себе индивидуальность автора, но новизна может с легкостью определяться машиной.

Отсюда предлагается исключительное право на объект, созданный машиной, предоставить автору программного продукта.

Правовое регулирование объектов дизайна, как в целом, так и в цифровой форме недостаточно обеспечивает охрану дизайна. В соответствии с национальными законодательными актами об авторском праве защита объектов дизайна определяется каждым государством самостоятельно. В соответствии с Директивой Европейского Парламента и Совета № 98/71/ЕС от 13 октября 1998 г. о правовой охране дизайна и Регламентом Совета (ЕС) № 6/2002 от 12 декабря 2001 г. о дизайнах Сообщества объекты дизайна должны обладать признаками новизны и индивидуального характера [7, с. 300]. При этом новизна определяется в сравнении с аналогичными объектами, а индивидуальный характер – индивидуальностью и оригинальностью представленной модели дизайна. При этом цифровые устройства позволяют производить разные действия и творческие манипуляции, тем не менее многие художники, дизайнеры используют при создании объектов авторского права исходные программные продукты, поэтому могут быть созданы идентичные и похожие цифровые объекты. Использование различных сервисов по регистрации файлов станет повсеместным, в них будут запрограммированы творческие объекты, а технологии искусственного интеллекта будут помогать проводить поиск и анализ данных об объектах авторского права на пред-

мет их производного характера в отличие от оригинальных объектов. Виртуальное пространство открывает перед дизайнерами новые возможности для творчества с использованием взаимодействия разных пользователей. Как отмечает М.Н. Долгих: «Структура дизайна в диджитал представляет собой скорее ризоматическую организацию, чем иерархически выстроенные связи» [8, с. 90]

Создание в цифровых дизайнерских продуктах различных взаимодействий пользователей может дать толчок широкому развитию цифровых объектов дизайна. Цифровые объекты дизайна с разными бизнес-технологиями уже широко используются предпринимателями для продвижения своих продуктов и для новых возможностей бизнеса.

Например, сеть пиццерий Pizza Hut на своих аккаунтах демонстрирует виртуальный стол для заказа пиццы, с помощью которого посетители смогут выбрать пиццу, любую по размерам и ингредиентам. Виртуальный дизайн, как и дизайн в других областях, – это решение определенной задачи, эффективность такой задачи зависит от творчества, от умения дизайнера, от развития визуального искусства, техники и технологий. Технологии искусственного интеллекта также широко станут использоваться в дизайнерской практике. Виртуальность – это состояние потенциального взаимодействия, где реальность ощущается через некие образы. Виртуальная реальность представлена с помощью компьютерных программ, которая погружает любого пользователя в мир, созданный компьютерами. При этом виртуальная реальность – это совокупность идей, образов, символов, которые служат инструментом познания. В соответствии с п. 3.9 ГОСТ Р 57721-2017² виртуальная реальность – это высокоразвитая форма виртуальной среды, обладающая высокой степенью достоверности визуализации, имитирующая как воздействие на изучаемый объект, так и реакции на это воздействие. Объекты цифрового дизайна помогают погрузиться в виртуальный мир через различные виды цифрового и физического взаимодействия. Примерами такого цифрового взаимодействия являются различные игры, тренинги, вебинары и т. д., оказывающие физическое воздействие и влияющие на восприятие через виртуальные коммуникации.

Объекты авторского права должны иметь объективную форму и быть созданы творческим трудом. Объекты цифрового дизайна не имеют материальных носителей. В таких объектах в большей степени соотносится форма и содержание, при этом, изменив форму, мы получим измененное содержание. Перевод произведений дизайна из аналоговой формы в цифровой формат не будет переработкой и появлением нового производного объекта. В данном случае следует говорить о техническом и организационном содействии (подп. 2 п. 1 ст. 1228 ГК РФ).

На наш взгляд, необходимо в отношении объектов цифрового дизайна как объектов авторского права выделить наряду с творческим содержани-

ем, объективной формой также признаки новизны, оригинальности, интерактивности. С признаком новизны связан функционально-технический и эргономический признак. С признаком оригинальности – эстетические особенности.

Интерактивность – это взаимное действие, так как образовано это понятие от двух английских слов *inter* и *act*. Данное понятие очень часто используют, подразумевая восприятие и усвоение традиционных аналоговых объектов искусства. Но вместе с тем в отношении цифровых объектов искусства информационное взаимодействие (интерактивность) способствует использованию многообразных форм цифрового искусства, куда, например, входят различные инсталляции, 3D-эффекты и другие технологии.

Функционально-технический признак выражен в самой конструкции продукта дизайна в соответствии с его проектированием. Такая конструкция должна быть полезна, технологична, чтобы иметь популярность среди пользователей этой продукции.

Эргономический признак в дизайне связан с удобством использования и применим в дизайне управления, оптимизирует взаимодействие человека и машины, а также используемых человеком технических устройств.

Эстетичность взаимодействует с другими признаками продукта дизайна, отличает его от других схожих объектов. Как указывает Андреа Де Гаспари, «особое внимание должно быть также уделено идентификации произведения искусства, которое должно быть идентифицировано с достаточной точностью и объективностью и поэтому не должно состоять только из простого эстетического эффекта, субъективно воспринимаемого наблюдателем» [9, с. 144].

В отличие от других объектов авторского права, в цифровых произведениях (объектах дизайна) трудно определить оригинал и копию. Значимым признаком цифровых объектов дизайна является их *распространение*. Благодаря Интернету и развитию новых технологий цифровые объекты распространяются с большой скоростью в сети. Различные технологии влияют на сам процесс распространения и появления новых его способов. По справедливому утверждению Ю. С. Харитоновой, «созданные с помощью алгоритмов объекты, легче учитывать, контролировать, открывать доступ и получать прибыль» [10, с. 62]. Отметим, что в этой ситуации необходимы определенные стандарты, где будут закреплены положения, связанные с охраной любого цифрового творческого объекта.

Таким образом, цифровой дизайн – это конструирование в цифровой среде любого наполнения; если это наполнение носит творческий характер и имеет объективную форму, то признается объектом авторского права (сайт, видеоролик, текст, фотографии и т. д.). Так, например, характеризуя интернет-сайт как объект авторского права, необходимо обратить внимание на такие его элементы, как расположение материалов и данных, цвет, шрифт, значки, фигуры и др. При этом в одном из дел суд оценил, будут ли такие элементы ди-

² ГОСТ Р 57721-2017. URL: <http://docs.cntd.ru> (дата обращения 12.09.2020).

зайна иметь технический и информационный характер³.

При наличии тождественности у объектов дизайна (объектов авторского права) необходимо сравнить охраноспособные элементы объектов. Элементы сравниваемых объектов дизайна могут быть признаны похожими, если имеют сходство, которое определить по объективным причинам не всегда возможно. Поэтому в большинстве своем объекты цифрового дизайна могут иметь свои особенности и элементы охраны, а могут быть стилизованными версиями различных технологий и программ.

Библиографический список

1. Пол Кристиана. Цифровое искусство. Москва: Ад Маргинем Пресс. Музей современного искусства «Гараж», 2020. 272 с.
2. Кузнецова Т. В. Эстетика в XX веке: основные тенденции // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2013. № 4 (12). С. 4–12. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21106254>.
3. Лосев А. Ф., Шестаков В. П. История эстетических категорий. Москва, 1965. 376 с. URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/ehstetika/losev_a_f_shestakov_v_p_istorija_ehsteticheskikh_kategorij/34-1-0-3755.
4. Кант И. Критика способности суждения. Москва: Искусство, 1994. 367 с. URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/istorija_nemeckaja_klassicheskaja/kant_i_kritika_sposobnosti_suzhdenija/12-1-0-2706.
5. Лосев А. Ф. Эстетика возрождения. Москва: Мысль, 1978. 623 с. URL: https://lib.rmvoz.ru/sites/default/files/fail/aleksey_losev_estetika_vozrozhdeniya.pdf.
6. Буккафуско К. Теория происхождения авторского права // Правовое обозрение Вирджинии, 2016. URL: <https://ssrn.com/abstract=2664891> (дата обращения: 15.03.2020).
7. Европейское право интеллектуальной собственности: основные акты Европейского Союза / под общ. ред. Е. А. Павловой. Москва: Статут, 2016. 864 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29348212>.
8. Долгих М. Н. Дизайн и виртуальная среда: дигитальные ландшафты в аспекте гибридных медиа // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 379. С. 86–91. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21356715>.
9. Андреа Де Гаспари. Защита внешнего вида промышленного продукта посредством знаков формы, промышленных образцов или авторских прав: правовая перспектива и практический подход ЕС // Интеллектуальные права: вызовы XXI века: материалы Междунар. конф. (г. Томск, 14–16 ноября 2019 г.). Томск: Изд. дом Томского гос. ун-та, 2019. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/%20vital/access/manager/Repository/vtls:000669454>.
10. Харитоновна Ю. С. К вопросу об охраноспособности результата деятельности искусственного интеллекта // Право будущего: интеллектуальная собственность, инновации, интернет: ежегодник. 2018. Вып. 1. С. 52–64. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36930734>.

³ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.05.2014 № 17АП-3730/2014-ГК по делу № А60-33580/2013. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Christian Paul. *Tsifrovoe iskusstvo* [Digital art]. Moscow: Ad Marginem Press. Muzei sovremennogo iskusstva «Garazh», 2020, 272 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=612874&p=1> [in Russian].
2. Kuznetsova T. V. *Estetika v XX veke: osnovnye tendentsii* [Main trends in the XX century aesthetics]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik finansovogo universiteta* [Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University], 2013, no. 4 (12), pp. 4–12. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21106254> [in Russian].
3. Losev A. F., Shestakov V. P. *Istoriia esteticheskikh kategorii* [History of aesthetic categories]. Moscow, 1965, 376 p. Available at: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/ehstetika/losev_a_f_shestakov_v_p_istorija_ehsteticheskikh_kategorij/34-1-0-3755 [in Russian].
4. Kant I. *Kritika sposobnosti suzhdeniia* [Critique of Judgment]. Moscow: Iskusstvo, 1994, 367p. Available at: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/istorija_nemeckaja_klassicheskaja/kant_i_kritika_sposobnosti_suzhdenija/12-1-0-2706 [in Russian].
5. Losev A. F. *Estetika vozrozhdeniia* [Aesthetics of the Renaissance]. Moscow: Mysl', 1978, 623 p. Available at: https://lib.rmvoz.ru/sites/default/files/fail/aleksey_losev_estetika_vozrozhdeniya.pdf [in Russian].
6. Buccafusco Ch. *Teoriia proiskhozhdeniia avtorskogo prava* [A Theory of Copyright Authorship]. *Pravovoe obozrenie Virdzhinii* [Virginia Law Review], 2016. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2664891> (accessed 15.03.2020) [in English].
7. *Evropeiskoe pravo intellektual'noi sobstvennosti: osnovnye akty Evropeiskogo Soiuz. Pod obshch. red. E. A. Pavlovoi* [European intellectual property law: main acts of the European Union]. Moscow: Statut, 2016, 864 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29348212> [in Russian].
8. Dolgikh M. N. *Dizain i virtual'naia sreda: digital'nye landshafty v aspekte gibridnykh media* [Design and virtual environment: digital landscapes in the aspect of hybrid media]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2014, no. 379, pp. 86–91. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21356715> [in Russian].
9. Andrea De Gaspari. *Zashchita vneshnego vida promyshlennogo produkta posredstvom znakov formy, promyshlennykh obratstov ili avtorskikh prav: pravovaia perspektiva i prakticheskii podkhod ES* [Protection of the appearance of an industrial product by means of form marks, industrial designs or copyrights: legal perspective and practical approach of the EU]. In: *Intellektual'nye prava: vyzovy XXI veka: materialy Mezhdunarodnoi konferentsii (g. Tomsk, 14–16 noiabria 2019 g.)* [Intellectual Rights: Challenges of the 21st century: proceedings of the International conference (Tomsk, November 14–16, 2019)]. Tomsk: Izd. dom Tomskogo gos. un-ta, 2019. Available at: <http://vital.lib.tsu.ru/%20vital/access/manager/Repository/vtls:000669454> [in Russian].
10. Kharitonova Yu. S. *K voprosu ob okhranosposobnosti rezul'tata deiatel'nosti iskusstvennogo intellekta* [On the issue of the protection of the result of artificial intelligence. (Article)]. *Pravo budushchego: intellektual'naia sobstvennost', innovatsii, internet: ezhegodnik* [Law of the future: intellectual property, innovation, Internet: yearbook.], 2018, issue 1, pp. 52–64. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36930734> [in Russian].

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ LABOR LAW AND SOCIAL SECURITY LAW

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-4-38-42
УДК 349.3

Дата: поступления статьи / Submitted: 08.09.2020
после рецензирования / Revised: 12.10.2020
принятия статьи / Accepted: 27.11.2020

Научная статья / Scientific article

А. А. Елаев

Торговая сеть «СПАР-Калининград»; Калининградское региональное отделение Ассоциации юристов России,
г. Калининград, Российская Федерация
E-mail: elaev@yandex.ru

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРИСВОЕНИЯ ЗВАНИЯ «ВETERAN ТРУДА»: АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация: Право на свободный труд и выбор вида деятельности закреплено в Конституции Российской Федерации. В то же время обеспечение и защита трудовых прав граждан выступают одним из основных категорий правового государства. Законодательство Российской Федерации, регулирующее трудовые правоотношения, нацелено на поощрение добросовестного отношения к труду на протяжении длительного времени, и одним из таких видов поощрения является звание «Ветеран труда». Вместе с тем в практике достаточно часто возникают определенные сложности в силу ведомственного и регионального нормотворчества. В статье автор предпринимает попытку с опорой на судебную практику проанализировать сложившуюся в настоящее время ситуацию.

Ключевые слова: работодатель, трудовые отношения, награда, ветеран труда, трудовой стаж.

Цитирование. Елаев А. А. Об отдельных проблемах присвоения звания «Ветеран труда»: анализ законодательства и правоприменительной практики // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 4. С. 38–42. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-38-42>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

А. А. Елаев

SPAR-Kaliningrad retail chain; Kaliningrad regional branch of the Association of Russian Lawyers,
Kaliningrad, Russian Federation
E-mail: elaev@yandex.ru

ON CERTAIN PROBLEMS OF CONFERMENT OF THE TITLE «LABOR VETERAN»: ANALYSIS OF LEGISLATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Abstract: The right to free work and choice of activity is enshrined in the Constitution of the Russian Federation. At the same time, ensuring and protecting the labor rights of citizens is one of the main categories of the rule of law. The legislation of the Russian Federation regulating labor relations is aimed at encouraging a conscientious attitude to work for a long time, and one of these types of encouragement is the title «Veteran of labor». However, in practice, quite often there are certain difficulties that arise due to departmental and regional rulemaking. The article attempts to analyze the current situation based on judicial practice.

Key words: employer, labor relations, award, labor veteran, work experience.

Citation. Elaev A. A. *Ob otdel'nykh problemakh prisvoyeniya zvaniya «Veteran truda»: analiz zakonodatel'stva i pravoprimeritel'noy praktiki* [On certain problems of conferment of the title «Labor veteran»: analysis of legislation and law enforcement practice]. *Juridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 4, pp. 38–42. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-38-42> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Алексей Александрович Елаев – заместитель генерального директора торговой сети «СПАР-Калининград» по правовым вопросам, 236019, Российская Федерация, г. Калининград, Люблинское шоссе, д. 6; заместитель председателя Калининградского регионального отделения Ассоциации юристов России, 236022, Российская Федерация, г. Калининград, ул. Репина, 20.

Автор 4 научных статей.

Область научных интересов: конституционное право, трудовое право.

© Aleksei A. Elaev – Deputy General Director of the SPAR-Kaliningrad retail chain for legal issues, 6, Ljublinskoye shosse, Kaliningrad, 236019, Russian Federation; Deputy Chairman of the Kaliningrad regional branch of the Association of Russian Lawyers, 20, Repina street, Kaliningrad, 236022, Russian Federation.

Author of 4 scientific works.

Research interests: constitutional law, labour law.

Постоянное изменение действующего российского законодательства является приметой нашего времени. Не обошли стороной эти изменения и

сферы трудового права и социального обеспечения, в том числе и в вопросах, связанных с присвоением звания «Ветеран труда» [1, с. 49–57].

В силу изменений федерального законодательства, а также активного регионального и ведомственного нормотворчества вопрос о том, кто имеет право на присвоение звания «Ветеран труда», получился достаточно непростым.

Итак, начнем с вопроса, кто такие ветераны труда? «Ветеран труда» – это особое звание, установленное Федеральным законом от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах»¹, которое действует наряду со званиями ветерана Великой Отечественной войны, ветерана боевых действий и ветерана военной службы и присваивается отдельной категории физических лиц. Им выдается удостоверение ветерана и предоставляются определенные льготы за счет бюджета субъекта Федерации, где они проживают.

При этом необходимо отличать звание «Ветеран труда» от просторечного понимания ветерана труда как человека, проработавшего много лет, и лица, награжденного медалью «Ветеран труда» как государственной наградой СССР, которая вручалась почти всем, кто выходил на пенсию (более 40 миллионов награждений). Поэтому работники часто ожидают, что простая многолетняя работа на предприятии может позволить им претендовать на звание ветерана труда, что приводит к конфликтам с сотрудниками кадровых подразделений компании.

Необходимо также отличать ветеранов труда федеральных от региональных. В некоторых субъектах Федерации установлены собственные звания ветеранов труда (например, в Ивановской, Тамбовской, Ленинградской, Псковской областях, а также в других регионах Российской Федерации) с упрощенным порядком получения и несколько другими льготами, но эти звания не являются федеральным званием и не действуют на территории других субъектов Федерации при переезде [2, с. 60–67; 3, с. 57–59]. Поскольку регионы обладают различными финансовыми возможностями, соответственно, и реализация льгот для лиц, признанных региональными ветеранами труда, часто различается по наполнению. В связи с этим в научной литературе ставился вопрос о том, чтобы звание «Ветеран труда» было исключительно федеральным, что позволит избежать неравенства в обеспечении ветеранов [4, с. 50–51].

Следующий вопрос, встающий перед сотрудниками кадровых аппаратов: какой орган принимает решение о присвоении звания ветерана труда?

В отличие от звания ветерана военной службы, оформляемого командованием воинской части, где служит потенциальный ветеран, документы на присвоение звания ветерана труда работодателем не оформляются.

Работодатель в меру своей компетенции и утвержденных лимитов может только представлять работника к награждению государственными и ведомственными наградами, но он не обязан это де-

лать. Кроме того, надо учитывать сложность подготовки пакетов документов, последовательность наград и описание заслуг конкретного работника. Сам по себе продолжительный труд на одном месте не является основанием для получения награды, равно как работник не вправе потребовать от работодателя представления его к награждению.

В соответствии с п. 4 ст. 7 Федерального закона «О ветеранах» порядок и условия присвоения звания «Ветеран труда» определяются законами и иными правовыми актами субъектов Российской Федерации. Вместе с тем фактически основания определены в п. 1 этой же статьи, поэтому акты субъектов Федерации (например, Постановление Правительства Москвы от 27 июня 2006 года № 443-ПП)², переписывая из федерального закона основания, фактически регулируют только порядок выдачи соответствующего удостоверения: комплектность документов, компетентные органы и сроки рассмотрения заявлений.

Исходя из этого, работник, если у него есть соответствующие основания для получения звания, должен самостоятельно обращаться в уполномоченный орган субъекта Федерации, а в случае несогласия с вынесенным им решением – в суд. Работодатель в данном случае обязан ему выдать лишь копии документов, связанных с работой и необходимых для представления в орган власти субъекта Федерации.

В связи с этим встает следующий вопрос: кто же может быть ветераном труда?

Федеральный закон «О ветеранах» связывает право на получение звания с одновременным наличием двух оснований:

- достижение определенного стажа;
- наличие определенных наград.

Исключение – с гражданами, начавшими работу в несовершеннолетнем возрасте в годы Великой Отечественной войны, в отношении которых имеются требования только по стажу, но стаж установлен более высоким, чем в «общем порядке».

При этом стоит обязательно учитывать, что с 1 июля 2016 года (ФЗ № 388-ФЗ от 25.12.2015)³ требования к ветеранам труда были значительно ужесточены, поэтому присвоение кому-либо звания по старым правилам не означает, что тот же стаж или те же награды будут являться основанием для присвоения звания с 1 июля 2016 года. Например, до 1 июля 2016 года достаточно было 5 лет страхового стажа и почти любой федеральной ведомственной награды (скажем, благодарности Федерального агентства по делам молодежи),

² Постановление Правительства Москвы от 27 июня 2006 года № 443-ПП. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Федеральный закон от 29.12.2015 № 388-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части учета и совершенствования предоставления мер социальной поддержки исходя из обязанности соблюдения принципа адресности и применения критериев нуждаемости». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹ Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О ветеранах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

поэтому 30-летние ветераны труда никого из знающих людей не удивляли; все удостоверения, выданные до 1 июля 2016 года по старым правилам, являются действительными.

В связи с этим одним из обязательных условий являются требования к стажу. Если до 2016 года требование к стажу было самым минимальным («стаж для назначения страховой пенсии по старости», составлявший на тот момент 5 лет), то с 1 июля 2016 года стаж был существенно увеличен, что уже не позволяет претендовать на получение звания ветерана труда сравнительно молодым людям.

Каковы же новые требования? Так, например, для лиц, награжденных ведомственными знаками отличия в труде до 30 июня 2016 года включительно – 25 лет трудового (страхового) стажа для мужчин и 20 лет – для женщин или выслуги лет, необходимой для назначения пенсии за выслугу лет в календарном исчислении (п. 3 ст. 8 Федерального закона № 388-ФЗ от 29.12.2015);

– для лиц, награжденных с 1 июля 2016 года, – также 25 лет трудового (страхового) стажа для мужчин и 20 лет – для женщин или выслуги лет, необходимой для назначения пенсии за выслугу лет в календарном исчислении, но при этом надо иметь стаж работы (службы) не менее 15 лет в соответствующей сфере деятельности (отрасли экономики), если звание оформляется на основании ведомственного знака отличия в труде (пп. 2 п. 1 ст. 7 Федерального закона «О ветеранах»);

– для лиц, начавших трудовую деятельность в годы Великой Отечественной войны, – трудовой (страховой) стаж не менее 40 лет для мужчин и 35 лет для женщин.

Вторым обязательным условием является требования к наградам.

Требования к наградам – основное при присвоении звания ветерана труда как до 2016 года, так и сейчас. Никакой трудовой стаж, сколь бы продолжительным он ни был, не дает права на присвоение звания ветерана труда, если деятельность конкретного работника не была отмечена определенными государственными или ведомственными наградами.

Основной массив судебных споров по вопросу присвоения звания ветерана труда как раз касается того, какие именно награды дают право на присвоение этого звания.

Подпункт 2 пункта 1 Федерального закона «О ветеранах» определяет награды, хотя бы одной из которых должен быть награжден гражданин, чтобы претендовать на присвоение звания «Ветеран труда». К ним относятся:

– без требований к 15-летнему стажу в отрасли – ордена или медали СССР или РФ, почетные звания СССР или РФ, почетная грамота Президента РФ или благодарность Президента РФ;

– с требованием 15-летнего стажа в отрасли – ведомственные знаки отличия за заслуги в труде (службе). При этом учреждать такие награды вправе только федеральные органы государственной власти и государственные корпорации.

Следовательно, при первичном анализе права на получение звания «Ветеран труда» необходимо учитывать следующее:

– под «орденами или медалями» учитываются исключительно федеральные государственные ордена и медали, которые являются государственными наградами;

– под «почетными званиями» имеются ввиду также федеральные государственные почетные звания, являющиеся государственными наградами СССР или РФ (РСФСР). При этом не учитывается, получены награда или звание за труд или, например, за воинские подвиги;

– никакие награды субъектов Федерации (ордена, медали, почетные звания), награды муниципалитетов (например, звание почетного гражданина города или почетная грамота горсовета) не дают права на присвоение звания «Ветеран труда»;

– никакие награды коммерческих и некоммерческих организаций, а также общественных организаций не дают права на присвоение звания ветерана труда (исключение – государственные корпорации). Например, почетная грамота Ассоциации юристов России или Общественной палаты России не дает права на присвоение звания «Ветеран труда»;

– ведомственные награды учитываются только за отличие в труде, при этом не учитываются никакие спортивные звания, награды за разовые акции или нетрудовые заслуги [5, с. 17–21];

– наряду с государственными наградами учитываются только благодарность и почетная грамота Президента РФ и иные виды поощрений Президента Российской Федерации. Но при этом, например, государственные премии, переходящие кубки, благодарности и грамоты Верховного главнокомандующего Вооруженными силами, благодарственные письма Президента РФ не учитываются для присвоения звания ветерана труда.

По ведомственным знакам отличия в труде, выданным до 30 июня 2016 года, практика не до конца однозначна, потому что нигде нет полного списка указанных знаков отличия и часто вопрос решается в судебном порядке. Например, не относятся к знакам отличия в труде ведомственные медали и знаки за отличие в переписи населения для временно привлекавшихся переписчиков (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18.09.2017 № 89-КГ17-11)⁴, но относится медаль Министерства обороны России для гражданского персонала «Трудовая доблесть» (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11.03.2019 № 45-КГ18-21⁵) [6, с. 48–54]. Чрезвычайно распространенный в СССР знак «Победитель социалистического соревнования»

⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18.09.2017 № 89-КГ17-11. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11.03.2019 № 45-КГ18-21. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

учитывается (Определение Верховного Суда РФ от 16.09.2011 № 19-В11-17⁶), а почетное звание для доноров «Почетный донор России» – нет (Определение Верховного Суда РФ от 18.03.2009 № 1-Г09-87).

Ввиду того что практика по конкретным ведомственным наградам, вручавшимся работникам до 2016 года, чрезвычайно разнообразна, как и система ведомственных наград, и зависит как от года награждения (до 1991 года или позже), так и от роли гражданина в наградившей его организации, сложно представить единый алгоритм проверки награды на ее «ведомственность», в связи с чем суды, при разрешении споров обычно запрашивают сам орган, выдавший награду, являлась ли она ведомственным знаком отличия в труде или иной формой поощрения.

Также следует учитывать, что ряд советских юбилейных медалей (например, «20 лет Победы в Великой Отечественной войне» 1965 года или «70 лет Вооруженных Сил СССР» 1987 года), которыми осуществлялись массовые награждения, продолжают быть государственными наградами СССР, а потому, если работник в конце восьмидесятих годов был военнослужащим и был награжден указанной государственной наградой, то это дает ему право на присвоение звания «Ветеран труда» (Апелляционное определение Московского областного суда от 29.06.2020 по делу № 33-12933/2020)⁸.

В связи с этим встает вопрос – как получить работникам предприятия звание «Ветеран труда» по новым правилам?

Перед работником кадровой службы или юристом может быть поставлена задача не только по предварительной оценке того, имеет ли работник право на звание ветерана труда, но и по оформлению документов на награждение работника с целью последующего присвоения ему звания ветерана труда.

В данном случае следует руководствоваться теми требованиями к награждению знаками отличия, дающими право на присвоение звания ветерана труда, которые установлены федеральным органом исполнительной власти того ведомства, к которому относится предприятие. Например, при работе в здравоохранении надо учитывать требования Минздрава России, а в торговле – Минпромторга России.

В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 25.06.2016 № 578 утвержден порядок учреждения знаков отличия, дающих право на присвоение ветерана труда, в федеральных органах исполнительной власти, руководство деятель-

ностью которых осуществляется правительством⁹. В соответствии с указанным порядком у каждого такого министерства может быть только одна награда, в его исполнение принято 22 ведомственных приказа по подведомственным органам власти. У других органов власти, подведомственных Президенту, а также федеральных государственных органов утверждены другие виды наград, часто их больше одной.

Например, если организация является торговой сетью, то такой наградой является медаль Минпромторга России «Трудовая доблесть» (утверждена Приказом Минпромторга России от 28.10.2016 № 3838)¹⁰. Для получения этой медали необходимо последовательно пройти следующий путь: 1) почетная грамота Минпромторга России; 2) почетное звание «Почетный работник торговли»; 3) медаль «Трудовая доблесть». При этом установлен стаж и лимиты на награждение: для медали «Трудовая доблесть» – не более 1 медали на тысячу работников торговой сети в год, а для предшествующих наград – не более 1 медали на 500 работников торговой сети в год. При этом предусмотрена необходимость согласования награждения с региональными органами власти и сбора необходимого пакета документов. Например, по состоянию на 2020 год, присвоено всего 170 званий «Почетный работник торговли», лишь единицы из которых награждены медалью «Трудовая доблесть», притом что в торговле работают миллионы людей.

Для работников государственных учреждений и организаций лимиты на награждение обычно обширнее, чем для частных, в связи с чем при возникновении подобных вопросов сотрудникам кадровых аппаратов лучше всего по ним проконсультироваться в профильном министерстве или управлении по наградной политике регионального правительства. Например, у государственных служащих МВД России или Минюста России есть награды за выслугу лет, которые вручаются практически всем сотрудникам, выслужившим определенный временной ценз, и которые при определенных условиях дают право на звание ветерана труда в таком же значительном количестве, как и раньше.

⁹ Постановление Правительства РФ от 25.06.2016 № 578 «О порядке учреждения ведомственных знаков отличия, дающих право на присвоение звания “Ветеран труда”, федеральными органами исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, и награждения указанными знаками отличия» (вместе с «Положением об учреждении ведомственных знаков отличия, дающих право на присвоение звания “Ветеран труда”, федеральными органами исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации, и о награждении указанными знаками отличия»). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Приказ Минпромторга России от 28.10.2016 № 3838 «О ведомственном знаке отличия Министерства промышленности и торговли Российской Федерации, дающем право на присвоение звания “Ветеран труда”» (вместе с «Положением о медали “Трудовая доблесть”») (Зарегистрировано в Минюсте России 26.12.2016 № 44931). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Определение Верховного Суда РФ от 16.09.2011 № 19-В11-17. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Определение Верховного Суда РФ от 18.03.2009 № 1-Г09-8. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Апелляционное определение Московского областного суда от 29.06.2020 по делу № 33-12933/2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Для особо выдающихся работников можно организовать представление к благодарности или почетной грамоте Президента либо к государственным наградам, но это еще более редкая и долгосрочная процедура, чем награждение ведомственными наградами. При оформлении документов следует учитывать Письмо Администрации Президента РФ от 04.04.2012 № АК-3560 «О направлении Методических рекомендаций о порядке оформления и представления документов о награждении государственными наградами Российской Федерации»¹¹, а также Указ Президента РФ от 07.09.2010 № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации»¹² и Указ Президента РФ от 11.04.2008 № 487 «О Почетной грамоте Президента Российской Федерации и благодарности Президента Российской Федерации»¹³. Следует учитывать, что сама по себе долгосрочная добросовестная работа не является основанием для награждения, государственные награды отмечают именно за заслуги перед государством, а не перед конкретным предприятием.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод, что за последние годы благодаря внесенным изменениям в Федеральный закон «О ветеранах» звание ветерана труда перестало быть массовой наградой, но сохраняется возможность его получения теми, кто был награжден знаками отличия в труде до 20 июня 2016 года или имеет определенные заслуги перед государством и обществом.

Библиографический список

1. Ткачев В. Н. Актуальные изменения в нормативном правовом регулировании процедуры присвоения звания «Ветеран труда» // Законодательство. 2017. № 1. С. 49–57. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27384684>.
2. Бондарева Э. С., Парягина О. А. О звании «Ветеран труда» и практике его присвоения гражданам (на примере Иркутской области) // Сибирский юридический вестник. 2016. № 2 (73). С. 60–67. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26229868>.

¹¹ Письмо Администрации Президента РФ от 04.04.2012 № АК-3560 «О направлении Методических рекомендаций о порядке оформления и представления документов о награждении государственными наградами Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹² Указ Президента РФ от 07.09.2010 № 1099 (ред. от 31.12.2019) «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» (вместе с «Положением о государственных наградах Российской Федерации», «Статутами орденов Российской Федерации, положениями о знаках отличия Российской Федерации, медалях Российской Федерации, почетных званиях Российской Федерации, описаниями названных государственных наград Российской Федерации и нагрудных знаков к почетным званиям Российской Федерации»). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Указ Президента РФ от 11.04.2008 № 487 (ред. от 07.12.2016) «О Почетной грамоте Президента Российской Федерации и благодарности Президента Российской Федерации» (вместе с «Положением о Почетной грамоте Президента Российской Федерации и об объявлении благодарности Президента Российской Федерации»). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

3. Синякова М. С. Ветеран труда и ветеран труда Тамбовской области: законодательное регулирование, меры социальной поддержки и практика присвоения звания // Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. 2010. Т. 14, № 2. С. 57–59. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16887460>.

4. Гладких С. Н. Звание «Ветеран труда» должно быть федеральным // Российская юстиция. 2007. № 5. С. 50–51. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9519759>.

5. Акутаев Р. М. Всякая ли ведомственная награда может служить основанием для присвоения звания «Ветеран труда» // Российский судья. 2016. № 6. С. 17–21. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26254826>.

6. Филиппова М. Ю. Присвоение звания «Ветеран труда» лицам гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации: новации правового регулирования // Право в Вооруженных силах. 2016. № 7–8 (228, 229). С. 48–54. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26470045>; <https://yandex.ru/turbo/oboznik.ru/h/?pcgi=p%3D52851>.

References

1. Tkachev V. N. *Aktual'nye izmeneniia v normativnom pravovom regulirovanii protsedury prisvoeniia zvaniia «Veteran truda»* [Conferring rank of Veteran of labor: changes in legal regulation]. *Zakonodatel'stvo* [Legislation], 2017, no. 1, pp. 49–57. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27384684> [in Russian].
2. Bondareva E. S., Paryagina O. A. *O zvanii «Veteran truda» i praktike ego prisvoeniia grazhdanam (na primere Irkutskoi oblasti)* [About the title «Veteran of labor» and practice of its conferring to citizens (on example of Irkutsk region)]. *Sibirskii iuridicheskii vestnik* [Siberian Law Herald], 2016, no. 2 (73), pp. 60–67. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26229868> [in Russian].
3. Sinyakova M. S. *Veteran truda i veteran truda Tambovskoi oblasti: zakonodatel'noe regulirovanie, mery sotsial'noi podderzhki i praktika prisvoeniia zvaniia* [Veteran of Labor and Veteran of Labor from the Tambov region: legislative regulation, measures of social support and practice of awarding the title]. *Sbornik nauchnykh trudov po materialam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Collection of scientific papers on the materials of the international research and practical conference], 2010, vol. 14, no. 2, pp. 57–59. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16887460> [in Russian].
4. Gladkikh S. N. *Zvanie «Veteran truda» dolzhno byt' federal'nym* [The Veteran of labor title should be the federal one]. *Rossiiskaia iustitsiia* [Russian Justitia], 2007, no. 5, pp. 50–51. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9519759> [in Russian].
5. Akutaev R. M. *Vsiakaia li vedomstvennaia nagrada mozhет sluzhit' osnovaniem dlia prisvoeniia zvaniia «Veteran truda»* [Can any departmental award serve as a ground for awarding title «Labor veteran»]. *Rossiiskii sud'ia* [Russian Judge], 2016, no. 6, pp. 17–21. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26254826> [in Russian].
6. Filippova M. Yu. *Prisvoenie zvaniia «Veteran truda» litsam grazhdanskogo personala Vooruzhennykh Sil Rossiiskoi Federatsii: novatsii pravovogo regulirovaniia* [Assignment the title of “labor veteran” to persons of the civil personnel of armed forces: the innovations of legal regulation]. *Pravo v Vooruzhennykh silakh*, 2016, no. 7–8 (228, 229), pp. 48–54. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26470045>; <https://yandex.ru/turbo/oboznik.ru/h/?pcgi=p%3D52851> [in Russian].

УГОЛОВНОЕ ПРАВО CRIMINAL LAW

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-4-43-46
УДК 343.2

Дата: поступления статьи / Submitted: 14.10.2020
после рецензирования / Revised: 18.11.2020
принятия статьи / Accepted: 27.11.2020

Научная статья / Scientific article

М. В. Коновальчук

Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: konov1178@mail.ru

СПРАВЕДЛИВОСТЬ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: МАТЕРИАЛЬНАЯ ИЛИ ИДЕАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ?

Аннотация: В статье проводится исследование уголовно-правового принципа справедливости с точки зрения традиционной философской мысли, предполагающей деление мира на идеальную и материальную субстанцию. Как пример идеальной субстанции справедливости автор предлагает рассматривать нравственный миропорядок, частным проявлением которого в идеале должен выступать конституционный строй конкретного государства. Материальная субстанция справедливости, по мнению автора, должна находить четкое отражение в нормах уголовного закона. В качестве теоретической предпосылки заявленного подхода выдвигается предположение о том, что человек как персональный творец и исполнитель права, пропуская через себя идею справедливости как фундаментальное социально-философское, политическое и правовое явление, формулирует уголовно-правовой принцип справедливости. Такой подход играет важную методологическую роль в преодолении односторонних тенденций в рассмотрении ее природы и предполагает его построение на основе двухуровневой конструкции, включающей в себя законодательный и правоприменительный элементы. На основе выдвинутого известным философом Ф. Аквинским положения о требованиях, предъявляемых к закону, проводится анализ судебной практики и норм действующего уголовного закона на предмет его соответствия принципу справедливости. Обосновывается тезис, что его эффективная реализация является показателем качества уголовного закона.

Ключевые слова: справедливость, наказание, правотворчество, правоприменение, квалификация, судебское усмотрение, нравственность, качество уголовного закона.

Цитирование. Коновальчук М.В. Справедливость в уголовном праве: материальная или идеальная категория? // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 4. С. 43–46. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-43-46>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

M. V. Konovalchuk

Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara, Russian Federation
E-mail: konov1178@mail.ru

JUSTICE IN CRIMINAL LAW: MATERIAL OR IDEAL CATEGORY?

Abstract: The article examines the criminal law principle of justice from the point of view of traditional philosophical thought, which assumes the division of the world into an ideal and material substance. As an example of the ideal substance of justice, the author suggests considering the moral world order, a particular manifestation of which should ideally be the constitutional system of a particular state. The material substance of justice, in the author's opinion, should be clearly reflected in the norms of the criminal law. As a theoretical premise of the stated approach, the assumption is put forward that a person as a personal Creator and performer of law, passing through the idea of justice as a fundamental socio-philosophical, political and legal phenomenon, formulates the criminal law principle of justice. This approach plays an important methodological role in overcoming one-sided trends in the consideration of its nature and assumes its construction on the basis of a two-level structure that includes legislative and law enforcement elements. On the basis of the position put forward by the famous philosopher Thomas Aquinas on the requirements imposed on the law, analyzes the judicial practice and norms of the current criminal law for its compliance with the principle of justice. The thesis that its effective implementation is an indicator of the quality of the criminal law is substantiated.

Key words: justice, punishment, law-making, law enforcement, qualification, judicial discretion, morality, quality of criminal law.

Citation. Konovalchuk M. V. *Spravedlivost' v ugovolnom prave: material'naiia ili ideal'naiia kategoriia?* [Justice in criminal law: material or ideal category?]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 4, pp. 43–46. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-43-46> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Марина Валерьевна Коновальчук – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Российская Федерация, г. Самара, ул. Рыльская, 24 в.

© Marina V. Konovalchuk – Candidate of Legal Sciences, senior lecturer of the Department of Civil Law Disciplines, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 24 v, Rylyskaya Street, Samara, 443022, Russian Federation.

Тема кандидатской диссертации: «Принцип справедливости и его реализация в уголовном праве РФ». Автор 40 научных работ.

Область научных интересов: уголовное право, реализация принципа справедливости при назначении наказания; судебское усмотрение.

Данная статья носит не столько правовой, сколько философский характер. Движущим лейтмотивом на протяжении длительного времени остается попытка разложить «по полочкам» юридическую конструкцию справедливости, зафиксированную в уголовном законе.

На наш взгляд, именно оценочный признак данной категории становится постоянным камнем преткновения в спорах ученых. А если принять во внимание знаменитую фразу Протагора о том, что человек сам является мерой всех существующих и несуществующих вещей [1, с. 697], то становится очевидным, что основным критерием в этом вопросе будет выступать справедливость. Именно через дуализм пары «справедливо – несправедливо» человек будет транслировать миру свое отношение к явлению, поступку другого человека и т. д.

Если продолжить размышления о справедливости далее, то в звучании слова можно услышать новую конструкцию: «спра-вед-ливость», которая подразумевает знание права. А ведать право может только сам человек, который это право и устанавливает.

Субъективное и объективное, материальное и идеальное, абсолютное и относительное, основанное на законе и основанное на нравственности – все это бесконечные характеристики самой справедливости.

В настоящий момент как нельзя более актуальным становится высказывание русского ученого Н. С. Таганцева о том, что справедливость – это основа нравственного миропорядка [2, с. 54].

Если продолжить эту мысль и далее, можно сказать, что конституционный строй, конституционное государство будет таковым, если в его основу будет положена справедливость как основа нравственного миропорядка. В частности, на конституционном уровне закреплено, что Россия является правовым государством (ст. 1).

Иными словами, если рассматривать справедливость применительно к масштабу государства, то можно отметить, что равновесие политических сил, баланс интересов общества и государства, в том числе и экономических интересов, сможет быть выстроен благодаря справедливости.

Прекрасно понимая, насколько скользок и неблагодарен путь исследования справедливости, хотелось бы сделать еще одно важное замечание, касающееся прямой взаимосвязи справедливости и собственности. И здесь не поспоришь с известной теорией общественно-экономических формаций. Если убрать из нее политическую подоплеку об эксплуатации одного класса другим, то получится вполне жизнеспособная теория, в которой взаимоотношения между классами строятся, исходя из типа экономики, наличия или отсутствия частной собственности и средств производства [3, с. 80].

Subject of Candidate's thesis: «The principle of justice and its implementation in the criminal law of the Russian Federation». Author of 40 scientific works.

Research interests: criminal law, implementation of the principle of justice in sentencing; judicial discretion.

И опять же отнюдь не случайно в первой главе Конституции Российской Федерации, где расположены наиболее значимые положения (основы конституционного строя), закреплена защита всех форм собственности. И кому, как не уголовному закону, выстраивать нормы, охраняющие экономические отношения. Однако алгоритм построения таких норм и санкций тем более должен четко укладываться в правотворческий механизм, реализуемый законодателем на основе принципов уголовного права и принципа справедливости особенно.

Интересно в этом контексте воззрение Ф. Аквинского, по его мнению, существует ряд стандартов для справедливого закона: 1) он не должен быть завышен; 2) требования закона должны быть равны для всех; 3) закон должен быть принят соответствующим органом и обнародован [4, с. 853].

И если по поводу последнего критерия в настоящих реалиях не возникает никаких сомнений, то первые два нуждаются в комментариях.

Современное уголовное законодательство, однозначно закрепив понятие принципа справедливости в ст. 6 УК РФ, оставило открытым вопрос с его реализацией и соотношением с другими принципами уголовного права. Верхушка айсберга, лежащая на поверхности, максимально доступная как для исследователя-юриста, так и для обычного гражданина, – это оценка назначенного наказания осужденному с точки зрения суровости (либо мягкости), справедливости (несправедливости). Остальная часть снежной вершины, погруженная в толщу воды, скрывает в себе критерии качества уголовного закона, его способность гармонично встраиваться в существующую систему общественных отношений с конкретными политико-историческими реалиями. Тогда смогут быть достигнуты задачи, поименованные в ст. 2 УК РФ. Однако здесь правовая материя становится зыбкой как для самого законодателя, так и для правоприменительных органов.

В частности, в ходе опроса 50,9 % практических работников пояснили, что при назначении наказания принцип справедливости реализуется лишь частично. Также указанная группа респондентов единогласно считает, что в Уголовном кодексе РФ необходимо оставить норму статьи, закрепляющую принцип справедливости. По мнению 61,5 % опрошенных, принцип справедливости должен быть проявлен в уголовном законе на уровне правотворчества и правоприменительной деятельности [5, с. 15].

Если, например, посмотреть на данный вопрос в разрезе назначения наказаний и принять за объект исследования кражу (данный состав продолжает занимать лидирующие позиции), то можно наблюдать тенденцию, отражающую стремление суда «зани-

зитель» размер наказания, например, по ч. 4 ст. 158 УК РФ. Фактически имеет место отклонение от среднего размера наказания, установленного санкцией данной статьи [6, с. 71]. Все это свидетельствует о недостаточной проработанности Уголовного кодекса РФ при формировании круга преступных деяний и установлении справедливых санкций за них. Иными словами, если говорить конкретно, в санкции ч. 4 ст. 158 УК РФ, выставлены более высокие пределы максимального наказания, чем хотелось бы видеть правоприменительному органу (суду).

Что касается второго критерия, сформулированного Ф. Аквинским, весьма уместно привести точку зрения А. Г. Безверхова о необходимости соотношения общественной опасности экономических преступлений и преступлений против собственности, поскольку стоимостные критерии последних показывают, что они являются менее общественно опасными [7, с. 33].

Здесь можно увидеть определенную корреляционную зависимость, когда суд, реализуя право на судебское усмотрение, понижает размер назначаемого наказания по ч. 4 ст. 158 УК РФ, стремясь достичь равновесия с размерами наказаний, предусмотренных главой 22 УК РФ (экономические преступления).

Продолжая тему равенства перед законом, озвученную Ф. Аквинским, проанализируем положения ст. 174 УК РФ. Согласно положению ч. 1 ст. 60 УК РФ, виновному лицу должно быть назначено справедливое наказание в тех границах, которые определены соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Так, при назначении наказания в виде лишения свободы за легализацию (отмывание) денежных средств другими лицами (ч. 4 ст. 174 УК РФ) ранее в законе были установлены рамки – 7–10 лет. А за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления, в составе организованной группы можно было назначить лишение свободы на срок от 10 до 15 лет (ч. 4 ст. 174.1 УК РФ).

Следовательно, повышая размер наказания тому преступнику, который сам получил денежные средства от своей преступной деятельности, законотворческий орган попытался «включить» в рамки наказания первоначальный состав, в ходе которого и были получены нелегальные доходы.

Однако в настоящее время ситуация с данными составами в корне поменялась: теперь оба субъекта преступления – и тот, что «отмывает деньги», – в равной степени при прочих одинаковых условиях могут получить равные наказания. Например, по ч. 4 ст. 174.1 и ч. 4 ст. 174 УК РФ максимальный предел наказания составляет 7 лет лишения свободы с одновременным назначением штрафа в размере до 1 миллиона рублей. Но «ложкой дегтя в бочке меда» продолжает оставаться отсутствие нижних пределов во всех трех составах как в ст. 174 УК РФ, так и в ст. 174.1 УК РФ. В частности, такой широкий диапазон назначения наказания в виде лишения свободы от 2 месяцев до 7 лет предоставляет суду значительный простор для судебного усмотрения, что, на наш взгляд, отнюдь не является благоприятной тенденцией.

К слову сказать, решение может быть вынесено несправедливо по причине судебной или следственной ошибки, неправильной квалификации, элементарно плохого настроения судьи (например, болит голова или семейные проблемы) и многих других факторов. Важно понимать, что во всем многообразии перечисленных факторов определяющим является квалификация.

В связи с этим следует согласиться с мнением В. Г. Шумихина, полагающего, что грамотное установление всех элементов состава преступления обеспечивают справедливость назначенного наказания» [8, с. 120].

В этом контексте весьма показательна судебная практика. Так, приговором Богатовского районного суда Самарской области гр. Ш. был осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ к 6 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

Из обстоятельств дела известно, что осужденный гр. Ш. по поручению матери хозяйки дома гр-ки Л. осуществлял присмотр за ее жилищем, расположенным по соседству, так как последняя была в отъезде. Так, 3 августа 2018 года ночью, услышав лай собаки и увидев около дома гр-ки Л. легковой автомобиль, гр. Ш. пошел проверить сохранность имущества гр-ки Л., где обнаружил двух неизвестных ему мужчин, в том числе гр-на М. Между осужденным гр-ном Ш. и потерпевшим гр-ном М. возник конфликт по поводу вторжения последнего в чужое жилище в ночное время. В ходе обоюдной драки гр-н М. нанес несколько ударов руками и ногами по разным частям тела гр-ну Ш., а последний в темноте нанес два удара ножом гр-ну М.

В последующем деяние гр. Ш. было переквалифицировано на ч. 4 ст. 111 УК РФ, так как в действиях гр. Ш. отсутствовал умысел на убийство. Суд указал, что при квалификации содеянного необходимо было обратить внимание на следующие обстоятельства: во-первых, на противоправные действия самого потерпевшего гр. М.; во-вторых, локализация повреждений (два непроникающих ранения на правом бедре и одно проникающее раннее передней части живота с повреждением органов пищеварительной системы с длиной раневого канала 6 см при длине клинка ножа, являющегося орудием преступления, 13 см доказывает версию осужденного о нанесении в условиях темноты единичных ударов с применением ножа с незначительной силой в нижнюю часть тела и конечности в целях причинения боли и прекращения активных действий по нанесению ударов со стороны потерпевшего гр-на М.; в-третьих, после нанесения ударов ножом осужденный не преследовал потерпевшего, который самостоятельно ушел с места преступления [9].

Таким образом, переквалификация действий гр-на Ш. судом апелляционной инстанции была связана с неправильным применением уголовного закона.

Подводя итоги, следует отметить, что подход к справедливости как к фундаментальному социально-философскому, политическому понятию играет важную методологическую роль и способствует преодолению односторонних тенденций в рассмотрении ее природы.

Двойственность, своеобразный «конфликт интересов» изначально заложен в самой природе справедливости. Преодоление данного конфликта возможно, если представить конструкцию справедливости как нравственную (абсолютную) категорию, когда ее границы и правила никто не может определить в силу субъективного подхода, и как политико-правовую категорию (относительную), что подразумевает ее соответствие конкретно-историческим условиям той или иной эпохи.

Попытки выковать из нее жесткую конструкцию, как показывает анализ воззрений ученых, философов разных эпох, лишней раз подтверждают ее текучее аморфное состояние, капризность и зависимость от общества, конкретных социально-исторических условий и т. д.

Действительно можно ограничиться констатацией данного факта и поставить точку. Но возвращаясь к цели исследования, следует ответить на вопрос, что представляет собой справедливость в уголовном праве: материю или абстрактное явление, не укладывающееся ни в какие логические рамки?

Думается, что ответ скрывается где-то посередине. В уголовном праве справедливость должна быть не столько путеводной звездой, по меткому замечанию Ю. И. Бытко [10, с. 72], сколько реальной действительной моделью, применение которой как на законодательном, так и правоприменительном уровне будет способствовать достижению целей уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера. Именно поэтому считаем логичным и обоснованным включение законодателем в уголовный закон принципа справедливости, который должен находить свою последовательную реализацию как в законотворчестве, так и в правоприменительной практике. Тогда его реализацию можно рассматривать как показатель качества уголовного закона.

Библиографический список

1. Волкова Н. П. Мера вещей Протагора как критерий истины // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. 2019. Т. 13, № 2. С. 695–704. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38689251>.
2. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая: в 2 т. Т. 2. Москва, 1994. 380 с.
3. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Санкт-Петербург, 2010. 252 с. URL: <http://noocivil.esrae.ru/pdf/2014/3/1281.pdf>.
4. Антология мировой философии. Москва, 1969. Т. 1. Ч. 2. С. 823–862. URL: <http://philosophy.ru/library/antologiya-mirovoy-filosofii-t-1-ch-2/>.
5. Коновальчук М. В. Принцип справедливости и его реализация в уголовном праве РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина. Саратов, 2009. 24 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_1411171.
6. Коновальчук М. В. О возможностях применения графической модели построения санкций уголовно-правовых норм: теоретические предпосылки // Право и образование. 2016. № 3. С. 65–72. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25515073>.
7. Безверхов А. Г. Современная уголовная политика в сфере экономики: в поисках адекватной модели

// Российская юстиция. 2012. № 10. С. 31–34. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18068637>.

8. Шумихин В. Г. Квалификация преступлений – интегральное правовое понятие // Правоведение. 2006. № 3. С. 120–123.

9. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда от 12.08.2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc90437.

10. Бытко Ю. И. Справедливость и право. Саратов, 2005. 76 с.

References

1. Volkova N. P. *Mera veshchei Protogora kak kriterii istiny* [Protogoras' homo mensura as the criterion of truth]. *Scholē. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaia traditsiia* [Scholē. Ancient Philosophy and the Classical Tradition], 2019, vol. 13, no. 2, pp. 695–704. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38689251> [in Russian].
2. Tagantsev N. S. *Russkoe ugovnoe pravo. Lektsii. Chast' obshchaia: v 2 t.* [Russian criminal law. Lectures. General part: in 2 vols.]. Vol. 2. Moscow, 1994, 380 p. [in Russian].
3. Engels F. *Proiskhozhdenie sem'i, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva* [The Origin of the Family, Private Property and the State]. Saint Petersburg, 2010, 252 p. Available at: <http://noocivil.esrae.ru/pdf/2014/3/1281.pdf> [in Russian].
4. *Antologiya mirovoi filosofii* [Anthology of world philosophy]. Moscow, 1969, vol. 1, part 2, pp. 823–862. Available at: <http://philosophy.ru/library/antologiya-mirovoy-filosofii-t-1-ch-2/> [in Russian].
5. Konovalchuk M. V. *Printsip spravedlivosti i ego realizatsiia v ugovnom prave RF: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Principle of justice and its implementation in the criminal law of the Russian Federation: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Saratov, 2009, 24 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_1411171/ [in Russian].
6. Konovalchuk M. V. *O vozmozhnostiakh primeneniia graficheskoi modeli postroeniia sanktsii ugovno-pravovykh norm: teoreticheskie predposylki* [About the use of graphical models of building the sanctions of criminal law: theoretical background]. *Pravo i obrazovanie* [Law and Education], 2016, no. 3, pp. 65–72. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25515073> [in Russian].
7. Bezverhov A. G. *Sovremennaia ugovnaia politika v sfere ekonomiki: v poiskakh adekvatnoi modeli* [Modern criminal policy in the sphere of economy: in search of an adequate model]. *Rossiiskaia iustitsiia* [Russian Justitia], 2012, no. 10, pp. 31–34. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18068637> [in Russian].
8. Shumikhin V. G. *Kvalifikatsiia prestuplenii – integral'noe pravovoe poniatie* [Classification of crimes – integral legal concept]. *Pravovedenie* [Pravovedenie], 2006, no. 3, pp. 120–123. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9226147> [in Russian].
9. *Apelliatsionnoe opredelenie Sudebnoi kollegii po ugovnym delam Samarskogo oblastnogo suda ot 12.08.2019* [Appellate decision of the Judicial Board on criminal cases of the Samara regional court dated 12.08.2019]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_90437 [in Russian].
10. Bytko Yu. I. *Spravedlivost' i pravo* [Justice and law]. Saratov, 2005, 76 p. [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-4-47-51

УДК 343

Научная статья / Scientific article

Дата: поступления статьи / Submitted: 23.09.2020
после рецензирования / Revised: 26.10.2020
принятия статьи / Accepted: 27.11.2020**А. А. Ходусов**

Международный юридический институт, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: yustas-73@mail.ru

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ УГОЛОВНОМУ ПРАВУ В АСПЕКТЕ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ФОРМ МОШЕННИЧЕСТВА В СПОРТЕ

Аннотация: Эпистемологический вызов уголовному праву в аспекте систематизации форм мошенничества в спорте обусловлен своей мультимодальностью, многообъектностью и трансграничностью. В данной статье сформированы криминологические границы проблемного поля и очерчены четкие исходные правовые ориентации криминологически-модельного значения, на основе которых можно строить тактику противодействия преступности в спортивной сфере. Впервые систематизированы криминальные феномены сферы физической культуры и спорта, которые воспроизводятся непосредственно в деятельности субъектов (в том числе и управленческих) и имеют своим следствием обструкцию и симуляцию смыслов, функций, социального значения спорта, а также правовые эпифеномены, которые воспроизводятся в связи с функционированием спорта и/или эксплуатируемых благ, генерируемых данной сферой.

Ключевые слова: сделки и договоры в сфере спорта, уголовная ответственность, допинг, уголовно-правовая политика государства, мошенничество, коррупционные схемы.

Цитирование. Ходусов А. А. Эпистемологический вызов уголовному праву в аспекте систематизации форм мошенничества в спорте // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 4. С. 47–51. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-47-51>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

A. A. Khodusov

The International Law Institute, Moscow, Russian Federation

E-mail: yustas-73@mail.ru

EPISTEMOLOGICAL CHALLENGE TO CRIMINAL LAW IN THE ASPECT OF SYSTEMATIZATION OF FORMS OF FRAUD IN SPORTS

Abstract: The epistemological challenge to criminal law in the aspect of systematization of forms of fraud in sports is due to its multi-modality, multi-object and cross-border nature. In this article, the criminological boundaries of the problem field are formed and clear initial legal orientations of criminological and model significance are outlined, on the basis of which it is possible to build tactics for countering crime in the sports sphere. For the first time, we systematize criminal phenomena in the sphere of physical culture and sports that are reproduced directly in the activities of subjects (including managerial ones) and have the effect of obstructing and simulating the meanings, functions, and social significance of sports, as well as legal epiphenomena that are reproduced in connection with the functioning of sports and / or the exploited benefits generated by this sphere.

Key words: transactions and agreements in the field of sports, criminal liability, doping, criminal law policy of the state, fraud, corruption schemes.

Citation. Khodusov A. A. *Epistemologicheskii vyzov ugovnomu pravu v aspekte sistematzatsii form moshennichstva v sporte* [Epistemological challenge to criminal law in the aspect of systematization of forms of fraud in sports]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 4, pp. 47–51. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-47-51> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© **Алексей Александрович Ходусов** – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Международный юридический институт, 127427, Российская Федерация, г. Москва, ул. Кашенкин луг, 4.

Тема кандидатской диссертации: «Уголовная ответственность за уклонение от призыва на военную службу и от прохождения альтернативной гражданской службы». Автор более 100 научных работ, в том числе соавтор учебников: «Уголовное право. Особенная часть. Преступления в сфере экономики» (2020); «Уголовное право. Особенная часть. Преступления против личности» (2020); «Уголовное право. Особенная часть: преступления против общественной безопасности и общественного порядка» (2020); «Уголовное право. Особенная часть: преступления против государственной

© **Aleksey A. Khodusov** – Candidate of Legal Sciences, associate professor, head of the Department of Criminal Law Disciplines, The International Law Institute, 4, Kashenkin lug Street, Moscow, 127427, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Criminal liability for evasion of regular call-up to active military service and passing through alternative service». Author of 100 scientific works, including coauthor of the textbooks: «Criminal law. Special part. Economic crimes» (2020); «Criminal law. Special part. Crimes against the person» (2020); «Criminal law. Special part: crimes against public safety and public order» (2020); «Criminal law. Special part: crimes against state power, military service, peace and security of mankind» (2020); «Criminal law of the Russian Federation.

власти, военной службы, мира и безопасности человечества» (2020); «Уголовное право Российской Федерации. Общая часть» (2020); «Криминология (бакалавриат и магистратура)» (2020); «Уголовно-исполнительное право (бакалавриат и магистратура)» (2020).

Область научных интересов: уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право, конституционное право.

Правовое и юридически прозрачное функционирование физической культуры и спорта в обществе является одним из фундаментальных факторов противодействия агрессивно-насильственной преступности, которая развивается в теневом секторе экономики Российской Федерации и ряде других стран. Это обусловлено тем фактом, что преступность в сфере физической культуры и спорта, кроме актуальной, проявленной непосредственно в соответствующих криминальных практиках общественной опасности, вмонтирована в механизм криминогенной самодетерминации социума, который вовлекается в события спортивной индустрии. Разрушая, фальсифицируя действительные социально-ценностные, смысловые начала институтов физической культуры и спорта, преступность, воспроизводимая в их очагах, подавляет их функциональную способность к сублимации агрессивной энтропии и приводит к ослаблению социально консолидирующих связей. По этой логической цепочке суждений мы можем выйти к глобальному пониманию того, что преступность в исследуемой сфере является активным фактором детерминации агрессивно-насильственной преступности широкого спектра проявления, а также фактором общественной дезинтеграции.

Таким образом, формируется широкая панорама латентной криминогенности, в которой уже наглядно визуализируется пестрый спектр как уголовных практик – от общеуголовных корыстных, политических до гуманитарных рисков, проявляющихся в обеднении человеческого капитала.

Следовательно, преступное влияние на сферу физической культуры и спорта составляет острую проблему для будущих поколений и может рассматриваться в числе факторов угроз национальной безопасности в долгосрочной перспективе.

Эпистемологический вызов уголовному праву в аспекте систематизации форм мошенничества в спорте обусловлен своей мультимодальностью, многообъектностью и трансграничностью. Именно поэтому необходимо сформировать криминологические границы проблемного поля и обозначить четкие исходные правовые ориентации криминологически-модельного значения, на основе которых можно строить тактику противодействия преступности в спортивной сфере.

Основной причиной повышенной превентивной активности со стороны уголовного права в исследуемой сфере становится увеличение количества сомнительных и подозрительных сделок, которые не находят отражения в соответствующей документации.

General part» (2020); «Criminology (bachelor's and master's degrees)» (2020); «Criminal Executive Law (bachelor's and master's degrees)» (2020).

Research interests: criminal law, criminology, criminal executive law, constitutional law.

Законодательство Российской Федерации уже ведет работу по совершенствованию и формированию отдельной системы отраслевой принадлежности неправомерных сделок, которые можно обнаружить в сфере спорта [1, с. 191–195]. Сфера спорта, особенно профессионального, становится своеобразным «офшором», «тихой гаванью» для нелегальных операций. Мы предлагаем выделять восемь их видов в зависимости от основного непосредственного объекта, которому причиняется вред (сфера спорта в данном перечне предстает дополнительным объектом):

- 1) целенаправленные преступления против конкретной личности;
- 2) преступления, связанные с допингом;
- 3) спортивное хулиганство;
- 4) подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов;
- 5) незаконное предпринимательство (при отсутствии лицензии на медицинскую деятельность);
- 6) другие преступления против жизни и здоровья, связанные с ненадлежащим исполнением профессиональных обязанностей в сфере спорта;
- 7) преступления, в которых участвуют букмекерские конторы как организаторы/посредники;
- 8) экономические преступления, которые инициируют букмекерские конторы либо непосредственно спортсмены/тренеры/судьи спортивных соревнований.

Выделенные виды могут комбинироваться, образовывать иные конфигурации и формировать криминальные структурные события, разветвленные по экономическому и территориальному масштабу. Таким образом, формируется следующая структура.

I. Криминальные феномены сферы физической культуры и спорта, которые воспроизводятся непосредственно в деятельности субъектов (в том числе и управленческих) этой сферы и имеют своим следствием обструкцию и симуляцию ее смыслов, функций, социального значения. К ним относятся следующие.

1. Экономическая преступность в сфере физической культуры и спорта, коррупционная преступность:

– управленческий сегмент криминальных коррупционных практик выявляет себя по линиям:

а) кадровой политики (распределение должностей в органах управления видами спорта в федерациях, клубах, органах государственной власти, местного самоуправления);

б) управления имуществом, спортивными имущественными комплексами, бюджетными и вне-

бюджетными средствами, целевыми ассигнованиями на развитие спорта (которые используются для корыстных целей);

в) управления спортивными мероприятиями, что проявляется при принятии решения о конкретном месте (стране, области, городе, районе, локации), времени и общей организации, включая вопросы спонсорства, рекламы, телевизионных трансляций;

– спортивно-деятельностный сегмент коррупционных преступлений, который наиболее контрастно выражен в противоправном воздействии на результаты официальных спортивных соревнований и составляет отдельный, весьма существенный пласт коррупционных криминальных практик в сфере профессионального спорта. Как с уголовно-правовой, так и с функциональной точек зрения эти практики представлены двумя видами преступлений:

а) матч-фиксинг – влияние на результаты официальных спортивных соревнований путем подкупа, принуждения/подстрекательства либо вступления в сговор относительно результатов официального спортивного соревнования с целью получения неправомерной выгоды для себя или третьего лица. Наиболее распространен в игровых видах спорта (в большом футболе, хоккее, баскетболе и т. п.) и проявляется в договорных матчах, подкупах отдельных игроков команд;

б) нарушение запрета размещения ставок на спорт, связанных с манипулированием официальным спортивным соревнованием с получением в результате неправомерной выгоды.

Эти две разновидности коррупционных практик взаимосвязаны, причем вторая зависит от первой: субъекты неправомерного влияния на результаты официальных спортивных соревнований, имея информацию о predetermined результатах, обретают возможность получать сверхприбыль от размещения ставок на спорт.

2. Общеуголовные корыстные преступления в сфере спорта, посягающие

на собственность субъектов отношений в этой сфере в связи с их спортивной деятельностью. В наиболее общем виде эти преступления могут быть сгруппированы в два блока:

а) агентское мошенничество, то есть завладение путем обмана или злоупотребление доверием имуществом спортсменов, совершенное их агентами (действительными или притворными) под предлогом посредничества в заключении контрактов со спортивными клубами;

б) мошенничество спортсменов:

– в отношении агентов, связанное с невыплатой предусмотренных агентским соглашением комиссионных средств при заключении контракта со спортивным клубом;

– «допинговое» мошенничество, которое заключается в употреблении спортсменами допинга.

3. Насильственные преступления в сфере спорта:

а) не обусловленное обстановкой спортивной борьбы нанесение умышленных телесных повреждений спортсменам во время спортивных соревнований. Такие случаи часто имеют место в игровых видах спорта (в частности, в большом футболе), когда тренером ставятся установки для конкретного игрока, как правило, защитного амплуа, относительно умышленного травмирования своего визави, который отличается своей активностью;

б) насильственные преступления, совершенные против спортсменов вне обстановки спортивного соревнования, но в связи со спортивной деятельностью. Чаще всего речь идет о психическом насилии над спортсменом перед соревнованиями.

II. Криминальные эпифеномены сферы физической культуры и спорта, которые воспроизводятся в связи с функционированием спорта и / или эксплуатируемых благ, генерируемых данной сферой. Их существует весьма широкий спектр, но при этом мы предлагаем сгруппировать их в четыре больших блока.

1. Общеуголовные корыстные преступления, связанные с физической культурой и спортом: мошенничество со ставками на спорт, что является функционально-девиантным ответвлением от деятельности легальных тотализаторов и не связано с матч-фиксингом (мошенниками используется кажущаяся осведомленность о проведении матча с якобы заранее известным результатом, по поводу чего и происходит передача жертвой денег преступнику); мошенничество с билетами на спортивные мероприятия.

2. Экономические преступления, которые лежат в плоскости гемблинга.

3. Общеуголовные насильственные преступления, связанные со спортом, которые с уголовно-правовой точки зрения представлены хулиганством, групповым нарушением общественного порядка, массовыми беспорядками перед или во время спортивного соревнования.

Столь широкий (но отнюдь не исчерпывающий) перечень обусловлен тем фактом, что при осуществлении проверочных и контрольных мероприятий спортивные регламентные нормы и уставные документы физкультурно-спортивных организаций принимаются компетентными органами как должные, без тщательной их проверки на соответствие законодательству РФ. Это порождает практику теневого прохождения колоссального потока финансов в экономическом секторе. Сюда же можно отнести и выплаты несоразмерных компенсаций при расторжении срочных трудовых договоров со спортсменами и тренерами, уплаты завышенных в разы вознаграждений спортивным агентам (посредникам), укрытия убыточных разрывов профессиональных спортивных клубов между полученными и уплаченными средствами при трансферах (переходах) спортсменов. Указанные траты часто осуществляются за счет государственных или муниципальных средств из бюджетов субъектов Российской Федерации, бюджетов органов местного самоуправления [2; 3].

Сомнительный характер многих сделок проистакает из наличествующих пробелов имеющихся спортивных регламентных норм, не подвергающихся анализу, оценке и соответствующему реагированию ни в процессе их разработки и утверждения, ни в ходе их правоприменения. Сомнительность операций всегда становится предметом интереса коррумпированных и криминальных лиц. В сложившихся условиях важную роль приобретают не только вопросы реализации полномочий Минспорта России по нормативно-правовому регулированию, но и повышенное реагирование на сомнительные, включая коррупционные, схемы со стороны контролирующих и правоохранительных органов [4, с. 58–61; 3].

Рассматривая содержание уголовно-правовых запретов в исследуемой сфере, отметим, что ст. 184 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за два отдельных (автономных) типа общественно опасного поведения: влияние на результаты официальных спортивных соревнований и получение вследствие таких деяний выгоды; нарушение запрета размещения ставок на спорт. По нашему мнению, исследуемое преступление является многообъектным – в нем задействовано множество сторон и инструментов схем мошенничества.

Если вернуться к мерам противодействия манипулированию ходом спортивных соревнований в России, то последние значимые изменения вносились законодателем в рассматриваемой сфере Федеральным законом от 03.07.2016 № 324-ФЗ «О внесении изменений...» в ст. 184 УК РФ. Согласно принятым поправкам, был сделан ряд уточнений (например, ужесточены санкции ч. 1 ст. 184 УК РФ, увеличился размер штрафа, установлена ответственность за посредничество в совершении деяний, предусмотренных ч. 1–4 ст. 184 УК РФ и т. д.¹). Однако, по нашему мнению, ужесточение мер ответственности за незаконное влияние на результаты соревнований не приведет к снижению уровня коррупции в спорте, так как для привлечения лиц к уголовной ответственности нужны в первую очередь специализированные меры, повышенное внимание к букмекерам и понимание детерминационной природы преступлений в спортивной индустрии.

Главная проблема в исследуемой сфере заключается в том, что не сформированы криминологические границы проблемного поля, а корректное формирование правового видения требует очерчивания исходных познавательных ориентаций криминологически-модельного значения, на основе которых можно строить тактику противодействия преступности в спортивной сфере. Рассмотрим три отправных пункта.

1. Во-первых, стоит учитывать, что определенные уголовно-правовые границы должно исходить

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 21.09.2020).

(то есть быть производным, а не первичным) из системного понимания как детерминационной природы, феномена, так и социально-функционального значения преступности в сфере физической культуры и спорта.

2. Такое понимание значения, во-вторых, обнаруживается через применение известных аналитических схем теории аномии, интреакции, методологии структурно-функционального анализа, благодаря чему становится понятным, что преступность в указанной сфере:

а) воспроизводится в неразрывной связи с проявлениями экономической, общеуголовной корыстной, насильственной, политической преступности, которую нужно законодательно объединить в единый конгломерат в аспекте «спортивного права» как отдельной отрасли;

б) кроме основных, базовых уголовно-криминогенных практик формируется ареал криминальности, в зону притяжения которого попадают те проявления преступности, которые на семантическом, символическом, нарративном уровнях могут быть связаны со спортом и в которые часто вовлекается молодежь и молодые спортсмены.

3. В-третьих, исследуемая сфера преступности не автономизируется в пределах границ одного государства, а в условиях всеобъемлющей глобализации подвергается соответствующим тенденциям и является трансграничной, поэтому и уголовно-правовая борьба должна вестись на международном уровне.

В связи с этим весьма актуальным представляется мониторинг отдельных нормативных актов общероссийских федераций (союзов, ассоциаций, профессиональных лиг) России по видам спорта, международных федераций по видам спорта, Всемирного антидопингового кодекса ВАДА, нормативных актов для оптимизации механизма правового регулирования в сфере противодействия склонению спортсменов к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте [5, с. 74–78].

Выводы.

1. По нашему мнению, мошенничество в спортивной индустрии базируется не столько на правовом несовершенстве регулятивных механизмов, сколько на социально-экономических факторах преступности в сфере физической культуры и спорта, которые можно разделить на 4 вида:

а) чрезмерную медлительность и непоследовательность экономических реформ, которые не соответствуют современным кризисам социума, что влечет за собой генеральную тенденцию к тенезации экономики всех сфер, в том числе и спортивной индустрии;

б) преобладание психологии выживания над психологией развития спортивной индустрии;

в) недостаточное финансирование профессионального спорта;

г) недостаточное финансирование инструментов ранней и непосредственной превенции «допингового» мошенничества и уголовного беттинга.

2. В данной работе сформированы криминологические границы исследуемого проблемного поля, что обусловлено необходимостью начала корректного формирования правового видения масштабов проблемы, что сподвигло нас впервые очертить исходные ориентации криминологически-модельного значения, на основе которых можно в дальнейшем строить тактику противодействия преступности в спортивной сфере.

3. Впервые систематизированы криминальные феномены сферы физической культуры и спорта, которые воспроизводятся непосредственно в деятельности субъектов (в том числе и управленческих) и имеют своим следствием обструкцию и симуляцию смыслов, функций, социального значения спорта, а также правовые эпифеномены, которые воспроизводятся в связи с функционированием спорта и/или эксплуатируемых благ, генерируемых данной сферой.

Библиографический список

1. Бережная Е. С., Мититаниди П. О. Современная государственная политика в области спорта и уголовно-правовая защита от различных противоправных посягательств // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. №. 11–1. С. 191–195. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41357254>.
2. Степанова Т. А., Ташчиан А. А., Биналиев А. Т. Отдельные аспекты привлечения организаторов спортивных мероприятий, собственников и пользователей объектов спорта к уголовной ответственности // Юрист-Правовед. 2019. №. 3 (90). С. 53–58. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41152588>.
3. Сараев В. В. Противодействие преступности в сфере физической культуры и спорта: современные вызовы. 2019 г. URL: <https://saraevgroup.ru/index.php/novosti/523-vladimir-saraev-protivodejstvie-prestupnosti-v-sfere-fizicheskoy-kultury-i-sporta-sovremennye-vyzovy> (дата обращения: 22.09.2020).
4. Емолкина К. А., Кормилицын Ю. В. Допинг и спорт: правовой аспект // Актуальные научные исследования в современном мире. 2019. № 5–6. С. 58–61. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41379517>; <https://drive.google.com/file/d/1SPbBjq97UT1WpqsbGU7VnpEUUWc9rqQU/view>.
5. Черипко Д. П. К вопросу профилактики противоправных проявлений в период проведения массовых спортивных мероприятий международного уровня // Научный компонент. 2020. №. 1. С. 74–78. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42863610>.

References

1. Berezhnaya E.S., Mititanidi P.O. *Sovremennaya gosudarstvennaya politika v oblasti sporta i ugodovno-pravovaya zashchita ot razlichnykh protivopravnykh posyagatel'stv* [Modern state policy in the field of sports and criminal-legal protection from various illegal encroachments]. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava* [Journal of Altai Academy of Economics and Law], 2019, no. 11–1, pp. 191–195. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41357254> [in Russian].
2. Stepanova T. A., Tashchiyan A. A., Binaliev A. T. *Otdel'nye aspekty privlecheniya organizatorov sportivnykh meropriyatii, sobstvennikov i pol'zovatelei ob"ektov sporta k ugodovnoi otvetstvennosti* [Some aspects of institution criminal proceedings against organizers of sports events, owners and users of sports facilities]. *Iurist"-Pravoved* [Jurist-Pravoved], 2019, no. 3 (90), pp. 53–58. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41152588> [in Russian].
3. Saraev V. V. *Protivodeistvie prestupnosti v sfere fizicheskoi kul'tury i sporta: sovremennye vyzovy* [Counteraction to crime in the sphere of physical culture and sports: modern challenges. 2019]. Available at: <https://saraevgroup.ru/index.php/novosti/523-vladimir-saraev-protivodejstvie-prestupnosti-v-sfere-fizicheskoy-kultury-i-sporta-sovremennye-vyzovy> (accessed 22.09.2020) [in Russian].
4. Emolkina K. A., Kormilitsyn Yu. V. *Doping i sport: pravovoi aspekt* [Doping and sport: legal aspects]. *Aktual'nye nauchnye issledovaniia v sovremennom mire* [Current scientific research in the modern world], 2019, no. 5–6, pp. 58–61. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41379517>; <https://drive.google.com/file/d/1SPbBjq97UT1WpqsbGU7VnpEUUWc9rqQU/view> [in Russian].
5. Cheripko D. P. *K voprosu profilaktiki protivopravnykh proiavlenii v period provedeniia massovykh sportivnykh meropriyatii mezhdunarodnogo urovnia* [To the issue of prevention for illegal actions in the period of international mass sport events carrying out]. *Nauchnyi komponent* [Scientific component], 2020, no. 1, pp. 74–78. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42863610> [in Russian].

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО CRIMINAL AND PENAL LAW

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-4-52-60
УДК 343.81

Научная статья / Scientific article

Дата: поступления статьи / Submitted: 05.07.2020
после рецензирования / Revised: 30.08.2020
принятия статьи / Accepted: 27.11.2020

А. К. Теохаров

Омская академия МВД России, г. Омск, Российская Федерация
E-mail: teo_oma@mail.ru

А. В. Честнов

Омская академия МВД России, г. Омск, Российская Федерация
E-mail: achest87@yandex.ru

УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ В ВИДЕ АРЕСТА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: Анализируется отечественное и зарубежное уголовное законодательство, регламентирующее исполнение наказания в виде ареста. Оцениваются научные точки зрения относительно вопросов регламентации и исполнения ареста в России. Определяются современные проблемы исполнения ареста и предлагаются пути их решения. Приводится авторская позиция относительно сущности ареста и его отличительных признаков. Авторами делается вывод, что в современной России одними из важных аспектов, способствующих формированию системы наказаний, являются внутренние и внешние экономические условия. Аргументируется мнение о том, что исключать арест из системы уголовных наказаний нецелесообразно. Делается вывод, что арест не исполняется, так как идет вразрез с современной уголовно-исполнительной политикой. Предлагаются отдельные изменения в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство. Отстаивается мнение, что в современных условиях следует предусмотреть исполнение наказания в виде ареста в следственных изоляторах.

Ключевые слова: наказание, арест, осужденный, кратковременное заключение, лишение свободы, арестный дом.

Цитирование. Теохаров А. К., Честнов А. В. Уголовное наказание в виде ареста: проблемы и перспективы // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 4. С. 52–60. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-52-60>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

A. K. Teokharov

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Omsk, Russian Federation
E-mail: teo_oma@mail.ru

A. V. Chestnov

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Omsk, Russian Federation
E-mail: achest87@yandex.ru

CRIMINAL PUNISHMENT IN THE FORM OF ARREST: PROBLEMS AND PROSPECTS

Abstract: The article analyzes domestic and foreign criminal legislation regulating the execution of punishment in the form of arrest. Scientific points of view regarding the issues of regulation and execution of arrest in Russia are evaluated. Modern problems of execution of arrest are defined and ways of their solution are offered. The author's position on the essence of the arrest and its distinctive features is given. The authors conclude that in modern Russia, one of the important aspects that contribute to the formation of the system of punishments is the internal and external economic conditions. It is argued that it is impractical to exclude arrest from the system of criminal penalties. The conclusion is made that the arrest is not executed, as it goes against the modern penal policy. Separate amendments to the criminal and penal enforcement legislation are proposed. It is argued that in modern conditions it is necessary to provide for the execution of punishment in the form of arrest in pre-trial detention centers.

Key words: punishment, arrest, convicted, short-term detention, imprisonment, house of arrest.

Citation. Teokharov A. K., Chestnov A. V. *Ugolovnoe nakazanie v vide aresta: problemy i perspektivy* [Criminal punishment in the form of arrest: problems and prospects]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 4, pp. 52–60. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-52-60> [in Russian].

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

© Александр Константинович Теохаров – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии и профилактики преступлений, Омская академия МВД России, 644092, Российская Федерация, г. Омск, пр. Комарова, 7.

Тема кандидатской диссертации: «Противодействие заражению инфекционными заболеваниями: уголовно-

© Alexander K. Teokharov – Candidate of Legal Sciences, associate professor of the Department of Criminology and Crime Prevention, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 7, Komarov Avenue, Omsk, 644092, Russian Federation. Subject of Candidate's thesis: «Combating infection with infectious diseases: crimi-

правовой и криминологической аспекты». Автор более 50 научных работ, в т. ч. научных статей: «О целях и назначении уголовно-исполнительного законодательства», «ВИЧ-инфицированные осужденные: лечить или исправлять?», «Либерализация исполнения наказания в виде лишения свободы: критический взгляд».

Область научных интересов: преступления против общественной нравственности, криминологическое обеспечение инфекционной безопасности, проблемы исполнения наказания в виде лишения свободы.

© Александр Владимирович Честнов – преподаватель кафедры конституционного и международного права, Омская академия МВД России, 644092, Российская Федерация, г. Омск, пр. Комарова, 7.

Автор ряда научных работ, в т. ч. научных статей: «Соблюдение конституционных прав человека и гражданина при проведении оперативно-розыскных мероприятий», «Основания проведения оперативно-розыскных мероприятий при предупреждении преступлений».

Область научных интересов: права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации и их обеспечение.

Введение

УК РФ действует уже более 20 лет, и на протяжении этого времени судебная практика обходится без применения наказания в виде ареста в отношении гражданских лиц по причине отсутствия арестных домов. Военнослужащим редко назначается данный вид наказания: в 2010 г. – 7, в 2011 г. – 8, в 2012 г. – 7, в 2013 г. – 2, в 2014 г. – 25, в 2015 г. – 0, в 2016 г. – 2, в 2017 г. – 2, в 2018 г. – 0, в 2019 г. – 0 [1]. Сложившиеся обстоятельства вызывают сожаление, так как арест по праву можно назвать одним из перспективных уголовных наказаний, широко применяющимся за рубежом, и своеобразной альтернативой лишению свободы.

После принятия УК РФ и по сегодняшний день не прекращается полемика относительно целесообразности включения ареста в систему уголовных наказаний. Среди многообразия научных точек зрения можно выделить как сторонников данного наказания, так и его противников. Кроме этого, в регламентации данного наказания имеются существенные пробелы, которые отрицательно влияют на его восприятие в научной среде.

С учетом изложенных обстоятельств в данной статье предпринимается попытка определения необходимости ареста в системе уголовных наказаний, обозначаются проблемные аспекты его исполнения и предлагаются пути их решения. Для достижения поставленной цели исследуется история отечественного уголовного законодательства, зарубежный опыт и имеющиеся научные точки зрения относительно наказания в виде ареста.

История развития уголовного наказания в виде ареста в отечественном законодательстве

В царской России арест являлся одним из самых популярных видов наказаний. Изначально арест применялся как наказание в отношении военнослужащих. Так, в Воинском Артикуле 1715 г. был предусмотрен арест у профоса (гл. II арт. 11), под которым понималось особое наказание для во-

еннослужащего, заключавшееся в содержании на квартире у палача [2].

Research interests: crimes against public morality, criminological provision of infectious security, problems of execution of punishment in the form of imprisonment.

© Alexander V. Chestnov – lecturer of the Department of Constitutional and International Law, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 7, Komarov Avenue, Omsk, 644092, Russian Federation. Author of a number of scientific papers, including scientific articles: «Compliance with the constitutional rights of a person and a citizen when conducting operational search activities», «Grounds for conducting operational search activities in the prevention of crimes».

Research interests: human and civil rights and freedoms in the Russian Federation and their enforcement.

еннослужащего, заключавшееся в содержании на квартире у палача [2].

Впервые арест как наказание в отношении гражданских лиц появляется в Своде учреждений и уставов о содержащихся под стражею и о ссыльных 1832 г. Арест упоминался только в пяти статьях и не имел четкой регламентации [3]. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. рассматриваемый вид наказания был одним из наиболее мягких и не лишал или каким-либо образом ограничивал прав и привилегий осужденных. По сроку отбывания наказания арест подразделялся на четыре степени: от 1 до 3 дней, от 3 до 7 дней, от 7 дней до 3 недель, от 3 недель до 3 месяцев [4]. В результате реформы 1864 г. арест был также включен и в Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г., не подразделялся на степени и устанавливался на срок от 1 дня до 3 месяцев [5].

Условия отбывания ареста зависели от словесного положения осужденного. Так, согласно ст. 59 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. лица, освобожденные от телесных наказаний, отбывали наказание в тюрьме, другие осужденные содержались в специальных помещениях, находившихся в отделах полиции. При этом осужденным к аресту крестьянам и мещанам дополнительно могли назначаться общественные и иные работы. В соответствии со ст. 60 дворяне и чиновники в зависимости от усмотрения суда могли отбывать арест в собственном жилище либо в специальном помещении по месту службы. Место отбывания наказания определял суд. По Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г., осужденные отбывали наказание в арестных домах или в особых избах, находившихся при волостных правлениях.

В соответствии со ст. 21 Уголовного уложения 1903 г. срок отбывания ареста был увеличен и устанавливался от 1 дня до 6 месяцев [6]. К тому же при совершении преступления с квалифицирующими признаками (ст. 64, 65 и 67) срок наказа-

ния мог быть увеличен до 1 года. Осужденные к аресту пребывали в общем заключении в арестных домах, в которых отдельно содержались мужчины, женщины, малолетние и лица высших сословий. Также допускалось отдельное содержание в арестных домах подследственных лиц. При наличии свободных камер осужденных по их просьбе могли поместить в одиночное заключение. К осужденным на срок не свыше семи дней допускалось послабление, в частности, по решению суда они могли отбывать наказание по месту жительства. Священнослужители и монахи в случае назначения ареста направлялись к епархиальному начальству, при этом последнее наделялось правом замены ареста иным наказанием. Офицеры, включая и тех, кто уже не состоял на службе, во время ареста содержались на гауптвахте. Интересно отметить, что устройство и содержание арестных домов возлагалось на земства.

В отдельных случаях допускалось устройство арестантских помещений при тюрьмах. Однако подобные помещения должны были находиться отдельно от тюрем.

Советская власть отрицала царскую систему исполнения наказания, воспринимала ее как пережиток, подлежащий искоренению, поэтому арест был исключен из уголовного законодательства. Позднее арест стал являться мерой административного воздействия, а также мерой пресечения.

Таким образом, анализ памятников российского законодательства позволил сделать вывод, что арест как уголовное наказание в России упоминается в Воинских Артикулах Петра I. В последующий период арест становится одним из самых распространенных уголовных наказаний. Стоит отметить, что он был закреплен во всех дореволюционных нормативных правовых актах вплоть до Уголовного уложения 1903 г. В советский период арест был исключен из системы уголовных наказаний и в основном применялся в рамках административного и уголовно-процессуального законодательства. Спустя почти столетие арест вновь появляется среди уголовных наказаний. Первоначально нормы, регламентирующие исполнение ареста, должны были вступить в силу не позднее 2001 г., но в связи с отсутствием арестных домов указанный срок был перенесен на 1 января 2006 г. До сегодняшнего дня дата создания арестных домов остается неопределенной.

Зарубежный опыт применения наказания в виде ареста

Арест как вид наказания является весьма контрастным, и в уголовном законодательстве зарубежных стран он обладает различным карательным воздействием на осужденного, а условия отбывания наказания существенно отличаются от российского аналога. Арест применяется в качестве уголовного наказания в таких странах, как Аргентина, Армения, Беларусь, Бельгия, Германия, Греция, Дания, Испания, Италия, Китай, Польша, Украина, Финляндия и ряде других, а сроки со-

держания варьируются от 1 дня до 3 лет. Так, в Италии срок ареста составляет от 15 дней до 3 лет, в Дании – от 7 дней до 2 месяцев, в Испании – от 7 до 24 выходных дней. Отдельные страны, например Франция, считают нецелесообразным включение ареста в систему уголовных наказаний.

Согласно ст. 42 УК КНР, наказание в виде ареста назначается на срок от 1 до 6 месяцев. Особенностью исполнения наказания является то, что осужденные находятся под постоянным контролем органов общественной безопасности. Наряду с этим в процессе отбывания наказания осужденному (в зависимости от его характеристики) разрешено 1–2 дня в месяц находиться по месту жительства, а привлеченным к трудовой деятельности может выплачиваться соответствующее вознаграждение (ст. 43 УК КНР) [7].

Весьма своеобразно применяется арест в качестве вида наказания в такой стране, как Испания. В статье 37 УК Испании устанавливается, что осужденный отбывает арест только в выходные дни, при этом срок наказания составляет от 2 до 24 выходных дней. Интересно отметить, что время отбывания ареста в субботу и воскресенье не должно превышать 36 часов, а в зачет наказания идут все два дня [8].

В соответствии с ч. 2 ст. 37 УК Испании арест отбывается в исправительном учреждении, которое располагается максимально близко к месту жительства осужденного. Если осужденный дважды нарушил порядок отбывания наказания (например, пропустил выходной день отбытия наказания), суд может принять решение об отбытии всего срока ареста непрерывно. Кроме того, с предварительного согласия осужденного и прокуратуры суд может вынести решение, чтобы арест отбывался не в исправительном, а в муниципальном учреждении либо в полицейском центре.

Согласно ст. 83 Уголовного кодекса Республики Сан-Марино, арест имеет следующие степени: 1) от 5 дней до 1 месяца; 2) от 15 дней до 2 месяцев; 3) от 1 до 3 месяцев [9]. Судья может вынести решение об исполнении ареста по месту жительства с условием выполнения определенных предписаний (например, заниматься трудовой деятельностью, соблюдать семейные обязательства, отбывать наказание в праздничные дни и др.).

В последнее время в отдельных странах стал широко применяться «арест в свободное время». Так, в Бельгии осужденный отбывает арест с 14 часов в субботу до 6 часов утра в понедельник. Подобный вариант отбывания наказания возможен только с согласия осужденного лица, при этом срок ареста не должен превышать 2 месяцев. Целью эксперимента является исправление осужденного без утраты его социальных связей.

Следует отметить и тот факт, что наши ближайшие соседи из числа бывших союзных республик также несколько иначе трактуют арест как вид уголовного наказания, который, в свою очередь, существенно отличается от реального

лишения свободы. К примеру, в соответствии с уголовным законодательством Эстонии (ст. 23.2) арест может быть назначен на срок до 3 месяцев. Несовершеннолетнему лицу арест может назначаться на срок до 1 месяца, а его отбывание должно осуществляться в свободное от учебы и работы время с определением количества дней ареста, отбываемых осужденным в календарном месяце [10].

Таким образом, в настоящее время краткосрочное тюремное заключение является одним из самых востребованных в правоприменительной практике зарубежных государств. Относительно сроков содержания можно отметить, что верхний предел наказания, как правило, варьируется от одного до нескольких месяцев. Нижний предел назначения наказания составляет один день. Практика исполнения ареста весьма разнообразна и отличается как по сроку, так и по месту отбывания наказания. Каких-либо характерных признаков, позволяющих произвести сравнение, не имеется. Стоит отметить, что, как правило, арест является наказанием, связанным с кратковременной изоляцией осужденного от общества, и назначается за совершение преступлений небольшой тяжести.

Научные точки зрения относительно целесообразности применения наказания в виде ареста

А. В. Звонов считает, что особая роль ареста заключается в повышении эффективности краткосрочного лишения свободы посредством интенсивного применения средств и методов обеспечения режима отбывания наказания: осужденные, находясь в условиях строгой изоляции, претерпевают существенные ограничения в короткий период времени [11, с. 114]. По мнению Н. Д. Евлоева, арест как разновидность лишения свободы должен быть сохранен в уголовном законодательстве и в последующем станет одним из самых распространенных и эффективных видов наказания [12, с. 241]. Аналогичной точки зрения придерживается и Т. В. Непомнящая [13, с. 43]. Развивая идею целесообразности ареста как уголовного наказания, Л. В. Рябова считает, что в ст. 44 УК РФ необходимо его подразделять на гражданский и военный [14, с. 6].

Противники ареста приводят следующие аргументы. Так, В. М. Степашин считает, что данный вид наказания является затратным, конкурирует с краткосрочным лишением свободы и дестабилизирует систему наказаний [15, с. 132]. По мнению А. И. Трахова, в процессе отбывания ареста отсутствует воспитательное и трудовое воздействие на осужденного, что отрицательно влияет на осуществление профилактики преступности [16, с. 133]. А. Л. Дзигарь убежден, что короткий срок ареста является неэффективным и не соответствует целям наказания, при этом осужденный не расслабляется, а становится еще более развращенным [17, с. 276]. По мнению И. А. Подройкиной, в России такое наказание, как арест, не имеет перспектив, его наличие в уголовном законодательстве вступа-

ет в противоречие с принципом справедливости, а его реальное исполнение не будет согласовываться с современной уголовно-исполнительной политикой. Кроме этого, исполнение наказания в виде ареста, по мнению исследователя, не соответствует историческому и зарубежному опыту [18, с. 68]. Как показал проведенный анализ истории развития данного наказания и зарубежного опыта его применения, последнее суждение И. А. Подройкиной представляется необоснованным.

В качестве главного недостатка ареста как вида наказания называется его чрезмерное (шокирующее) карательное воздействие на осужденного. По мнению исследователей, осужденные, совершившие преступления небольшой или средней тяжести, претерпевают лишения и ограничения, схожие с теми, которым подвергаются осужденные за тяжкие и особо тяжкие преступления. Подобную позицию законодателя, как считают оппоненты, нельзя поддерживать, так как она противоречит принципу справедливости.

Противоположной точки зрения придерживается В. В. Баунов, который считает, что условия отбывания наказания в арестных домах должны быть намного жестче, чем в исправительных колониях строгого режима. Посредством таких условий возрастает вероятность того, что лицо осознает свою вину и исправится [19, с. 53].

Следует поддержать представленную позицию, так как арест действительно является разновидностью наказаний шокирующего характера. В качестве цели, которую преследует наказание в виде ареста, выступает частная превенция. Шоковое состояние, ощущаемое осужденным, от кратковременных, но в то же время существенных ограничений, как представляется, будет способствовать предупреждению новых преступлений. В связи с этим карательное воздействие анализируемого наказания должно быть интенсивным, а не продолжительным, строгость ареста компенсируется его краткосрочностью.

Нужно помнить, что в большинстве случаев арест должен применяться к лицам, впервые совершившим преступления небольшой или средней тяжести. Однако данный тезис вступает в противоречие с ч. 1 ст. 69 УИК РФ, из формулировки которой следует, что в арестных домах могут также содержаться лица, ранее отбывавшие наказание в местах лишения свободы и имеющие судимость. Представляется, что на указанные категории осужденных арест вряд ли способен произвести шокирующий эффект, учитывая его краткосрочность. Поэтому необходимо из ч. 1 ст. 69 УИК РФ исключить формулировку «а также осужденные, ранее отбывавшие наказание в исправительных учреждениях и имеющие судимость».

Еще одним недостатком ареста исследователи называют отсутствие возможности проведения с осужденными воспитательной работы. Однако то обстоятельство, что осужденные к аресту содержатся в условиях строгой изоляции, не исключает проведение с ними воспитательной работы.

По мнению О. В. Филимонова, сотрудники могут проводить с осужденными к аресту отдельные воспитательные мероприятия с учетом их индивидуальных особенностей и режимных требований [20, с. 130]. Л. П. Дубровицкий считает, что воспитательная работа с осужденными является обязательной составляющей данного наказания [21, с. 176]. С учетом того, что воспитательная работа с осужденными может носить весьма разнообразный характер, по мнению В. В. Яковлева, целесообразно использовать индивидуальные и групповые способы воздействия [22, с. 120–121].

Кроме того, организация массовых воспитательных мероприятий с осужденными возможна посредством использования стационарного средства усиления речи в виде ретрансляционного узла оповещения. Таким образом можно транслировать литературные произведения и монологи профилактической направленности сотрудников арестного дома, в частности психологов, воспитателей и др.

Г. В. Верина считает, что необходимо как можно быстрее начать применение ареста, так как его неисполнение отрицательно влияет на уровень доверия к уголовному закону и уважения к нему со стороны общества [23, с. 126]. Высокосудное суждение вряд ли можно признать убедительным, так как введение в действие наказания, не имеющего четкой регламентации и разработанной практики применения, вызовет еще большее недоверие у юристов и общественности (примером является наказание в виде ограничения свободы). Необходимо напомнить, что обязательные и принудительные работы тоже не сразу исполнялись, а сегодня они активно применяются в судебной практике. Так, в 2018 г. обязательные работы стали одним из самых назначаемых наказаний (114 802 чел.), что является вторым показателем после лишения свободы. В 2019 г. исправительные центры оказались на грани переполнения. Еженедельный прирост осужденных составлял до 200 чел., исправительные центры заполнены на 89,6 %, в большинстве из них места уже отсутствовали [24].

Современные проблемы исполнения наказания в виде ареста и пути их решения

По мнению А. Н. Тарбагаева, присутствие в системе уголовных наказаний и санкциях статей Особенной части УК РФ ареста, который до настоящего времени так и не применяется, существенно сужает круг возможных судебных решений и затрудняет назначение виновному справедливому и соразмерному наказанию. Например, при закреплении в санкции пяти видов наказаний де-факто возможно применение лишь четырех из них. В подобных случаях между лишением свободы и следующим наказанием, которое реально применяется, образуется определенный разрыв, характеризующийся существенным изменением карательного воздействия (например, ограничение свободы). Таким образом, в отсутствие иных аль-

тернатив суд вынужденно выносит более мягкое наказание, чем то, которое, соответствовало бы совершенному деянию [25, с. 77].

Следует отметить, что еще в 2005 г. в Государственную думу был внесен законопроект № 241727-4 «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации, связанных с исключением положений о наказании в виде ареста». Законопроект в течение 13 лет проходил различные стадии рассмотрения (и даже был принят Государственной думой в первом чтении), однако 4 июля 2018 г. он был отклонен. В заключении Комитета Государственной думы по государственному строительству и законодательству было указано, что Особенной частью УК РФ гл. 33 арест предусмотрен в следующих воинских составах (ч. 1 и 3 ст. 332, ч. 1 ст. 339, ч. 1 ст. 342–344, ч. 1 ст. 346). Более того, санкции указанных составов (ч. 1 ст. 332, ч. 1 ст. 332, ч. 1 ст. 339, ст. 344) не предполагают применения к осужденным наказания в виде лишения свободы, что усложнит военным судам дифференциацию наказания при его назначении.

В качестве решения проблемы Д. А. Добряков предлагает сделать арест специальным видом уголовного наказания, применяемым исключительно в отношении военнослужащих [26, с. 96]. Очевидно, что предложенный вариант является наиболее простым и повлечет незначительные изменения норм УК РФ и УИК РФ, регламентирующих исполнение наказания в виде ареста.

Представляется, что внесение подобных корректировок в законодательство приведет к потере уникальности ареста. Тем более примером того, как наказание теряет свое изначальное содержание, является ограничение свободы. Как известно, ограничение свободы присутствовало в первоначальной редакции УК РФ и должно было заключаться в содержании осужденного в исправительном центре. Однако данный вид наказания стал исполняться только с 10 января 2010 г., при этом была изменена его концептуальная сущность (осужденный отбывает наказание по месту жительства, претерпевая определенные ограничения). Это привело к тому, что при ограничении свободы на осужденного налагаются практически идентичные обязательства, как и на лиц при условном осуждении, домашнем аресте и административном надзоре. Таким образом, ограничение свободы оказалось по своему карательному воздействию на осужденного менее строгим наказанием, чем обязательные и исправительные работы, что привело к нарушению «лестницы» наказаний, закрепленной в ст. 44 УК РФ.

Уникальность ареста заключается в том, что данное наказание является краткосрочным и строгим по условиям содержания. Как известно, в процессе длительного срока лишения свободы возникает проблема сохранения психического здоровья осужденного (после 5–7 лет лишения свободы у осужденного проявляются устойчивые и необратимые изменения в психике, наряду с которыми

происходит обрыв социальных связей). Данное наказание не способствует формированию у осужденных агрессивности, не влечет психических расстройств. Цель ареста заключается в устрашении осужденного посредством строгой изоляции, что в последующем должно привести к переосмыслению жизненных установок. Арест не следует воспринимать как чрезмерное наказание, характеризующееся преимущественно лишь карательным воздействием. За счет кратковременности срока проявляется его гуманность, а посредством строгости – профилактическая направленность.

Следующая проблема заключается в том, что введение ареста противоречит программным установкам государства. В течение последнего десятилетия количество осужденных и подследственных лиц, содержащихся в учреждениях ФСИН России, стремительно сокращается (с 2008 по 2019 г. их численность снизилась практически на четверть миллиона чел.). Это явилось результатом гуманизации и либерализации уголовно-исполнительной политики: увеличилось количество осужденных, отбывающих наказания, не связанные с изоляцией от общества, суды стали активнее отправлять подследственных не в камеры следственных изоляторов, а под домашний арест, заработали ранее не применяемые меры пресечения – залог и ограничение определенных действий. Так, в течение 2019 г. численность осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях, сократилась еще на 6 % (до 434 тыс. чел.). Наибольшее снижение количества осужденных по сравнению с началом 2019 г. отмечено в исправительных колониях Свердловской области (1344 чел.), Пермского края (1249 чел.) и Красноярского края (1172 чел.). Также снизилось количество подследственных, содержащихся в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора, и на 1 октября 2019 г. в них содержался 98 301 чел. (на 1 октября 2018 г. – 100 581 чел.) [27].

Изучение федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2026 годы)» позволяет сделать вывод, что строительство арестных домов в ней не запланировано. Приоритетными задачами указанной программы являются реконструкция и строительство следственных изоляторов, исправительных, лечебных исправительных, лечебно-профилактических учреждений в соответствии с международными стандартами и российским законодательством, а также создание дополнительных рабочих мест для осужденных к лишению свободы.

Изменения, внесенные в регламентацию наказания в виде лишения свободы, привели к разрушению «лестницы» уголовных наказаний. Как известно, в первоначальной редакции УК РФ арест задумывался как альтернатива лишению свободы на непродолжительный срок. Однако в соответствии с ч. 2 ст. 56 УК РФ минимальный срок лишения свободы в настоящее время составляет два месяца. Тем самым необходимость в существовании ареста попросту отсутствует. Следует согласиться

с И. А. Подройкиной, что в нынешней редакции ст. 44 УК РФ наличие ареста разрушает «лестницу» наказаний. Это вызвано тем, что условия отбывания ареста более строгие, нежели при лишении свободы. В большинстве случаев осужденные, совершив преступления небольшой или средней тяжести, отбывают наказание в колониях-поселениях. Анализ правоприменительной практики позволяет утверждать, что лица, совершившие впервые преступления небольшой тяжести при отсутствии квалифицирующих признаков, вовсе не приговариваются к лишению свободы [18, с. 68].

Заключение

Как показал проведенный анализ, ввиду понижения минимального срока наказания в виде лишения свободы до двух месяцев большинством исследователей отмечается, что арест действительно утратил практическое значение как альтернатива лишению свободы на определенный срок. В качестве решения обозначенной проблемы А. Д. Нечаев и В. В. Усалева предлагают установить нижнюю границу лишения свободы в виде 6 месяцев, которая была в изначальной редакции УК РФ [28, с. 93]. Однако данное предложение идет вразрез с современной либеральной уголовной политикой. На основании изученного отечественного и зарубежного опыта применения ареста, а также в целях урегулирования системы уголовных наказаний предлагается установить срок его отбытия от 15 дней до 2 месяцев.

Как известно, основной причиной, по которой в настоящее время арест не исполняется в отношении гражданских лиц, является отсутствие арестных домов. И противники введения в действие данного вида наказания зачастую ссылаются на его финансовую составляющую [15, с. 91]. В частности, в пояснительной записке вышеуказанного законопроекта было отмечено, что для размещения осужденных к аресту потребуется построить не менее 140 арестных домов, которые обойдутся государству в сумму около 75 млрд рублей.

Бесспорно, исполнение данного наказания потребует создания арестных домов. Однако, как показывает практика, это не значит, что все 140 арестных домов будут строиться одномоментно. В этом можно убедиться на примере принудительных работ, которые изначально исполнялись на изолированных участках исправительных колоний, а в настоящее время количество исправительных центров ежегодно увеличивается.

Анализ зарубежного законодательства и практики применения ареста демонстрирует различный подход к решению данного вопроса. Например, А. Д. Нечаев и В. В. Усалева предлагают создавать арестные дома как изолированные участки в исправительных учреждениях [28, с. 93]. Аналогичную позицию занимает Б. Б. Бидова [29, с. 249]. В Эстонии арест может отбываться в арестантской камере или арестном доме в изолированном отделении тюрьмы. В Республике Армения и на Украине арест исполняется в исправительных учреждениях,

в Республике Беларусь арестные дома функционируют в виде локальных участков на территории исправительных учреждений.

Представляется, что в современных условиях следует предусмотреть исполнение наказания в виде ареста в следственных изоляторах. Это обусловлено тем, что переполненность следственных изоляторов, которая была ранее, в настоящее время отсутствует. Кроме этого, данное решение является менее затратным, так как режим содержания в следственном изоляторе предусматривает покамерное размещение подследственных лиц.

Необходимо отметить, что при предложенном варианте решения проблемы исполнение ареста будет иметь определенное сходство с отбыванием наказания осужденными к лишению свободы на срок не свыше шести месяцев, оставленными в следственных изоляторах. Однако объем прав и законных интересов осужденных к краткосрочному лишению свободы, закрепленный в уголовно-исполнительном законодательстве, представлен несколько шире, нежели при отбывании наказания в виде ареста.

Таким образом, в современной России одними из важных аспектов, способствующих формированию системы наказаний, следует признать внутренние и внешние экономические условия. Именно эти условия коснулись такого наказания, как арест. По мнению подавляющего большинства исследователей, для создания арестных домов потребуются существенные финансовые вложения, и применение наказания в виде ареста отсрочено по причине того, что в стране сложилась нестабильная экономическая ситуация. Но в современной России экономическая ситуация никогда не была иной. Представляется, что обосновывать проблему неисполнения ареста экономической нестабильностью нерезонно.

Анализируемый вид наказания доказал свою жизнеспособность и эффективность в отечественной (дореволюционного периода) и в зарубежной правоприменительной практике. В настоящее время арест остается неудобным наказанием по причине того, что идет вразрез с современной уголовно-исполнительной политикой. Помимо этого, имеются существенные недостатки в его регламентации. Однако исключать арест из системы уголовных наказаний нецелесообразно, так как, во-первых, сегодня он исполняется в отношении военнослужащих, во-вторых, рано или поздно появятся финансовые ресурсы на строительство арестных домов, а в-третьих, курс уголовно-исполнительной политики может смениться.

Библиографический список

1. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2010-2019 гг. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 27.06.2020).
2. Артикул воинский от 26 апреля 1715 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm> (дата обращения: 28.06.2020).
3. Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею и о ссыльных 1832 г. URL: <http://www.rus-sky.com/history/library/vol.14/vol.14.4.htm> (дата обращения: 28.06.2020).

4. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. URL: <http://xn--elaaejmenosqx.xn--p1ai/node/13654> (дата обращения: 28.06.2020).

5. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. URL: https://lib.uni-dubna.ru/search/files/sud_ustav/ustav_nakaz.htm (дата обращения: 28.06.2020).

6. Уголовное уложение 1903 г. URL: <http://library6.com/books/553030.pdf> (дата обращения: 28.06.2020).

7. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики 1997 г. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/zfhz/zgfyd/t1330730.htm> (дата обращения: 28.06.2020).

8. Уголовный кодекс Испании 1995 г. URL: http://artlibrary2007.narod.ru/kodeks/ispanii_uk.doc (дата обращения: 28.06.2020).

9. Уголовный кодекс Республики Сан-Марино 1974 г. URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran.html> (дата обращения: 28.06.2020).

10. Уголовный кодекс Эстонии 2001 г. URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran.html> (дата обращения: 28.06.2020).

11. Звонов А. В. Аналитический обзор содержания уголовного наказания на примере ареста: тезисы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, № 1. С. 113–117. DOI: <http://doi.org/10.18500/1994-2540-2017-17-1-113-117>.

12. Евлов Н. Д. Арест как один из видов наказаний за неосторожные преступления // Теория и практика общественного развития. 2011. № 7. С. 241–243. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17749024>.

13. Непомнящая Т. В. Мера уголовного наказания: проблемы теории и практики: монография. Москва: Юрлитинформ, 2012. 384 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19850631>.

14. Рябова Л. В. Арест как вид уголовного наказания: уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2005. 22 с. URL: <https://www.disscat.com/content/arest-kak-vid-ugolovnogogo-nakazaniya-ugolovno-pravovye-i-ugolovno-ispolnitelnye-aspekty/read>.

15. Степашин В. М. Арест как вид уголовного наказания // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 4. С. 130–134. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18206482>.

16. Трахов А. И. Еще раз об аресте как виде наказания // Северо-Кавказский юридический вестник. 1999. № 11. С. 133–138.

17. Дзигарь А. Л. Уголовная политика и ее отражение в теории, законодательстве и практике. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 2005. 368 с.

18. Подройкина И. А. О перспективе ареста как уголовного наказания // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2015. № 3 (20). С. 65–69. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24901498>.

19. Базунов В. В. Арест как вид уголовного наказания // Преступление и наказание. 1998. № 4. С. 50–53.

20. Уголовно-исполнительное право России: учебник и основные нормативные правовые акты / под ред. О. В. Филимонова. Москва: ЮрИнфоР-МГУ, 2004.

398 с. URL: <https://lawbook.online/ugolovnogo-prava-voprosi/ugolovno-ispolnitelnoe-pravo-rossii-uchebnik.html>.

21. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / под ред. А. И. Зубкова. Москва: Норма, 2007. 496 с. URL: <https://www.lawmix.ru/commlaw/1802>.

22. Яковлев В. В. Уголовно-правовая характеристика ареста (теоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 1999. 189 с. URL: <https://www.dissertat.com/content/ugolovno-pravovaya-kharakteristika-aresta-teoreticheskii-aspekt>.

23. Верина Г. В. Современные тенденции развития уголовных наказаний в России // Право и практика. 2013. № 2. С. 124–128.

24. Тюремное ведомство сообщило о дефиците мест в исправительных центрах. URL: <https://rg.ru/2019/08/06/tiuremnoe-vedomstvo-soobshchilo-o-deficite-mest-v-ispravitelnyh-centrah.html> (дата обращения: 30.06.2020).

25. Тарбагаев А. Н. Проблемы эффективности системы наказаний в российском уголовном праве // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 4. С. 75–82. DOI: [http://doi.org/10.17150/1996-7756.2014.8\(4\)75-82](http://doi.org/10.17150/1996-7756.2014.8(4)75-82).

26. Добряков Д. А. К вопросу о неприменимых видах наказаний в уголовном законодательстве Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2017. № 5. С. 93–97. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30468181>.

27. ФСИН: число заключенных в РФ достигло исторического минимума URL: <https://newizv.ru/news/society/22-10-2019/fsin-chislo-zaklyuchennykh-v-rf-dostiglo-istoricheskogo-minimuma/ttr> (дата обращения: 26.06.2020).

28. Нечаев А. Д., Усалева В. В. Проблемы создания учреждений, исполняющих наказания в виде ареста // Вопросы современной юриспруденции. 2015. № 47. С. 92–97. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23142524>.

29. Бидова Б. Б. Арест в альтернативных санкциях статей Особенной части УК РФ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 1. С. 249–250. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25008551>

References

1. *Svodnye statisticheskie svedeniia o sostoianii sudimosti v Rossii za 2010–2019 gg.* [Summary statistics on the state of criminal records in Russia for 2010–2019]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (accessed 27.06.2020) [in Russian].

2. *Artikul voinskii ot 26 apreliia 1715 g.* [Military article dated April 26, 1715]. Available at: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm> (accessed 28.06.2020) [in Russian].

3. *Svod uchrezhdenii i ustavov o soderzhashchikhsia pod strazheiu i o ssyl'nykh 1832 g.* [Code of institutions and charters on prisoners and exiles of 1832]. Available at: <http://www.rus-sky.com/history/library/vol.14/vol.14.4.htm> (accessed 28.06.2020) [in Russian].

4. *Ulozhenie o nakazaniiaakh ugovolnykh i ispravitel'nykh 1845 g.* [Code of criminal and corrective penalties of Russia, 1845]. Available at: <http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13654> (accessed 28.06.2020) [in Russian].

5. *Ustav o nakazaniiaakh, nalagaemykh mirovymi sud'iami 1864 g.* [Statute on Punishments Imposed by Justices of the

Peace, 1864]. Available at: https://lib.uni-dubna.ru/search/files/sud_ustav/ustav_nakaz.htm (accessed 28.06.2020) [in Russian].

6. *Ugovolnoe ulozhenie 1903 g.* [Criminal Code of 1903]. Available at: <http://library6.com/books/553030.pdf> (accessed 28.06.2020) [in Russian].

7. *Ugovolnyi kodeks Kitaiskoi Narodnoi Respubliki 1997 g.* [Criminal Code of the People's Republic of China, 1997]. Available at: <http://ru.china-embassy.org/rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm> (accessed 28.06.2020) [in Russian].

8. *Ugovolnyi kodeks Ispanii 1995 g.* [Spanish Criminal Code, 1995]. Available at: http://artlibrary2007.narod.ru/kodeks/ispanii_uk.doc (accessed 28.06.2020) [in Russian].

9. *Ugovolnyi kodeks Respubliki San-Marino 1974 g.* [Criminal Code of the Republic of San Marino, 1974]. Available at: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran.html> (accessed 28.06.2020) [in Russian].

10. *Ugovolnyi kodeks Estonii 2001 g.* [Estonian Criminal Code, 2001]. Available at: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran.html> (accessed 28.06.2020) [in Russian].

11. Zvonov A. V. *Analiticheskii obzor sodержaniia ugovolnogo nakazaniia na primere aresta: tezisy* [Analytical Overview of the Contents of Criminal Punishment the Example of the Arrest: Theses]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Seriia: Ekonomika. Upravlenie. Pravo* [Izvestiya of Saratov University. New series. Series: Economics. Management. Law], 2017, vol. 17, no. 1, pp. 113–117. DOI: <http://doi.org/10.18500/1994-2540-2017-17-1-113-117> [in Russian].

12. Yevloyev N. D. *Arest kak odin iz vidov nakazanii za neostorozhnye prestupleniia* [Arrest as a form of punishment for negligent crimes]. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia* [Theory and Practice of Social Development], 2011, no. 7, pp. 241–243. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17749024> [in Russian].

13. Nepomnyashchaya T. V. *Mera ugovolnogo nakazaniia: problemy teorii i praktiki: monografiia* [Measure of criminal punishment: problems of theory and practice: monograph]. Moscow: Iurlitinform, 2012, 384 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19850631> [in Russian].

14. Ryabova L. V. *Arest kak vid ugovolnogo nakazaniia: ugovolno-pravovye i ugovolno-ispolnitel'nye aspekty: avto-ref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Arrest as a type of criminal punishment: criminal-legal and criminal-executive aspects: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Stavropol, 2005, 22 p. Available at: <https://www.dissertat.com/content/arest-kak-vid-ugolovnogo-nakazaniya-ugolovno-pravovye-i-ugolovno-ispolnitelnye-aspekty/read> [in Russian].

15. Stepashin V. M. *Arest kak vid ugovolnogo nakazaniia* [Arrest as a form of criminal punishment]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriia «Pravo»* [Herald of Omsk University. Series «Law»], 2011, no. 4, pp. 130–134. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18206482> [in Russian].

16. Trakhov A. I. *Eshche raz ob areste kak vide nakazaniia* [Once again about arrest as a form of punishment]. *Severo-Kavkazskii iuridicheskii vestnik* [North Caucasus legal Vestnik], 1999, no. 11, pp. 133–138 [in Russian].

17. Dzigar A. L. *Ugovolnaia politika i ee otrazhenie v teorii, zakonodatel'stve i praktike* [Criminal policy and its reflection in theory, legislation and practice]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rostovskogo universiteta, 2005, 368 p. [in Russian].

18. Podroykina I. A. *O perspektive aresta kak ugovnogo nakazaniia* [The prospect of arrest as a criminal punishment]. *Akademicheskii vestnik Rostovskogo filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii* [Academic Bulletin of the Russian Customs Academy, Rostov branch], 2015, no. 3 (20), pp. 65–69. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24901498> [in Russian].
19. Bazunov V. V. *Arest kak vid ugovnogo nakazaniia* [Arrest as a type of criminal punishment]. *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and Punishment], 1998, no. 4, pp. 50–53 [in Russian].
20. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii: uchebnik i osnovnye normativnye pravovye akty. Pod red. O. V. Filimonova* [Filimonov O. V. (Ed.) Criminal executive law of Russia: textbook and basic normative legal acts]. Moscow: IurInfoR-MGU, 2004, 398 p. Available at: <https://lawbook.online/ugolovno-prava-voprosi/ugolovno-ispolnitel'noe-pravo-rossii-uchebnik.html> [in Russian].
21. *Kommentarii k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii / pod red. A. I. Zubkova* [Zubkov A. I. (Ed.) Commentary to the Criminal Executive Code of the Russian Federation]. Moscow: Norma, 2007, 496 p. <https://www.lawmix.ru/commlaw/1802> [in Russian].
22. Yakovlev V. V. *Ugolovno-pravovaya kharakteristika aresta (teoreticheskii aspekt): dis. ... kand. iurid. nauk* [Criminal-legal characteristics of arrest (theoretical aspect): Candidate's of Legal Sciences thesis]. Saint Petersburg, 1999, 189 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/ugolovno-pravovaya-kharakteristika-aresta-teoreticheskii-aspekt> [in Russian].
23. Verina G. V. *Sovremennye tendentsii razvitiia ugovnykh nakazanii v Rossii* [Modern trends in the development of criminal penalties in Russia]. *Pravo i praktika* [Law and Practice], 2013, no. 2, pp. 124–128. Available at: <https://helri.com/pip/2013-2.pdf>. [in Russian].
24. *Tiuremnoe vedomstvo soobshchilo o defitsite mest v ispravitel'nykh tsentrakh* [Prison department reported a shortage of places in correctional centers]. Available at: <https://rg.ru/2019/08/06/tiuremnoe-vedomstvo-soobshchilo-o-deficite-mest-v-ispravitelnyh-centrah.html> (accessed 30.06.2020) [in Russian].
25. Tarbagaev A. N. *Problemy effektivnosti sistem nakazanii v rossiiskom ugovnom prave* [Russian criminal law system of penalties efficiency issues]. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law], 2014, no. 4, pp. 75–82. DOI: [http://doi.org/10.17150/1996-7756.2014.8\(4\)75-82](http://doi.org/10.17150/1996-7756.2014.8(4)75-82) [in Russian].
26. Dobryakov D. A. *K voprosu o neprimenimykh vidakh nakazanii v ugovnom zakonodatel'stve Rossiiskoi Federatsii* [To the issue of dormant types of punishments in the criminal legislation of the Russian Federation]. *Evraziiskaia advokatura* [Eurasian advocacy], 2017, no. 5, pp. 93–97. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30468181> [in Russian].
27. *FSIN: chislo zakliuchennykh v RF dostiglo istoricheskogo minimuma* [FSIN: the number of prisoners in Russia has reached a historic low]. Available at: <https://newizv.ru/news/society/22-10-2019/fsin-chislo-zaklyuchennykh-v-rf-dostiglo-istoricheskogo-minimuma/rrr> (accessed 26.06.2020) [in Russian].
28. Nechaev A. D., Usalev V. V. *Problemy sozdaniia uchrezhdenii, ispolniaiushchikh nakazaniia v vide aresta* [The problems of penal facility institutions executing punishment in the form of an arrest]. *Voprosy sovremennoi iurisprudentsii* [Questions of Modern Jurisprudence], 2015, no. 47, pp. 92–97. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23142524> [in Russian].
29. Bidova B. B. *Arest v al'ternativnykh sanktsiiakh statei Osobnoi chasti UK RF* [Arrest in alternative sanctions of articles of the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, Social-economic and Social Sciences], 2015, no. 1, pp. 249–250. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25008551> [in Russian].

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС CRIMINAL PROCEDURE

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-4-61-66
УДК 343.1

Дата: поступления статьи / Submitted: 12.09.2020
после рецензирования / Revised: 21.10.2020
принятия статьи / Accepted: 27.11.2020

Научная статья / Scientific article

А. А. Тарасов

Институт права Башкирского государственного университета, г. Уфа, Российская Федерация
E-mail: aatar@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И РОССИЙСКОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВОСУДИЕ

Аннотация: Новизна состоит в авторской оценке влияния международных стандартов прав человека и справедливой процедуры судебного разбирательства не только на само уголовное правосудие, но и на всю систему взаимоотношений государства и личности, а также в критическом анализе встречающихся в литературе оговорок о возможных ограничениях для применения практики Европейского суда по правам человека на территории России. Целью работы является обоснование безусловно позитивного влияния международных стандартов прав человека и правосудия на российскую систему уголовной юстиции и взаимоотношения между государством, личностью и обществом. Задачей ставится демонстрация на примерах из литературы и практики Европейского суда по правам человека безусловно позитивного влияния применения на территории России Конвенции о защите прав человека и основных свобод и решений Европейского суда по правам человека на российское уголовное правосудие и на всю практическую юриспруденцию в России. В статье использованы методы системного анализа и синтеза, сравнительно-правовой и исторический методы. В результате обоснованы авторские выводы о недопустимости и нецелесообразности какого бы то ни было ограничения действия на территории России международных стандартов прав человека и справедливой судебной процедуры. В заключение сформулированы эти краткие выводы.

Ключевые слова: уголовный процесс, справедливое судебное разбирательство, правосудие, международные стандарты прав человека, доказательство, доказывание, состязательность, право на защиту.

Цитирование. Тарасов А. А. Международные стандарты прав человека и российское уголовное правосудие // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 4. С. 61–66. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-61-66>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

А. А. Tarasov

Institute of Law, Bashkir State University, Ufa, Russian Federation
E-mail: aatar@mail.ru

INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS STANDARDS AND RUSSIAN CRIMINAL JUSTICE

Abstract: The novelty lies in the author's assessment of the impact of international human rights standards and a fair trial procedure not only on the criminal justice itself, but also on the entire system of relations between the state and the individual, as well as in a critical analysis of clauses found in the literature on possible restrictions on the application of the European Court's practice on human rights in Russia. The aim of the work is to substantiate the unconditionally positive influence of international human rights and justice standards on the Russian criminal justice system and the relationship between the state, the individual and society. The objective is to demonstrate, using examples from the literature and practice of the European Court of Human Rights, the undoubtedly positive impact of the application in Russia of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and decisions of the European Court of Human Rights on Russian criminal justice and on all practical jurisprudence in Russia. The article uses the methods of system analysis and synthesis, comparative legal and historical methods. As a result, the author's conclusions about the inadmissibility and inappropriateness of limiting the operation on the territory of Russia of international human rights standards and fair trial procedures expressed in the European Convention and court decisions of the European Court have been substantiated. In conclusion, these brief conclusions are formulated.

Key words: criminal procedure, fair trial, justice, international human rights standards, evidence, proof, adversarial nature, right to defense.

Citation. Tarasov A. A. *Mezhdunarodnye standarty prav cheloveka i rossiiskoe ugovolnoe pravosudie* [International human rights standards and Russian criminal justice]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 4, pp. 61–66. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-61-66> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Александр Алексеевич Тарасов – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, Институт права Башкирского государственного университета, 450005, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Достоевского, 131.

© Alexander A. Tarasov – Doctor of Law, professor, head of the Department of the Criminal Law and Procedure, Institute of Law, Bashkir State University, 131, Dostoevskogo Street, Ufa, 450005, Russian Federation.

Тема докторской диссертации: «Правовые и социально-психологические проблемы сочетания единоличных и коллегиальных начал в уголовном процессе Российской Федерации». Автор более 200 научных работ, в том числе учебников, монографий и учебных пособий: «Уголовно-процессуальное право Российской Федерации» (2014), «Эксперт и специалист в уголовном процессе» (2017). Ряд научных трудов написан в соавторстве: «Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный)» (2013), «Уголовное судопроизводство: теория и практика» (2014), «Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики» (2015), «Криптографические методы защиты информации» (2015), «Суд присяжных и проблемы народного участия в правосудии» (2015), «Проблемы современного отечественного уголовного процесса, судебной и прокурорской деятельности» (2016), «Риторика для юристов» (2017).

Область научных интересов: уголовный процесс, криминалистика, социальная психология.

2020 год – это год двух важных международных юбилеев – 75-летия со дня создания Организации Объединенных Наций и 70 лет со дня подписания Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее также Европейская конвенция или Конвенция). У этих событий нет совпадений ни по месту, ни по кругу инициаторов, ни по масштабу политических и правовых последствий. ООН была создана 24 октября 1945 г. в Калифорнии (США), Европейская конвенция подписана 4 ноября 1950 г. в Риме. Деятельность ООН изначально ориентировалась на весь мир и поддержание коллективной безопасности на всех континентах, Европейская конвенция предполагала присоединение к ней только государств Европы. Однако нечто общее у названных событий все же имеется. На международном уровне было признано единство общих векторов цивилизационного развития человечества. Разные страны оказались едины в понимании ценности человеческой жизни, в осознании недопустимости дискриминации человека по признакам расы, национальности, рода занятий, в определении главных задач существования любых государств и правовых систем – обеспечение гражданского мира, защиты тех, чьи права и свободы необоснованно ущемлены, помощи тем, кто не может защитить себя сам.

После присоединения в 1998 году Российской Федерации к Европейской конвенции с признанием ею юридической силы не только положений самой Конвенции, но и основанной на ней практики Европейского суда по правам человека начинается ощутимое влияние обоих этих факторов на развитие российского правосудия. В первую очередь речь идет о правосудии по уголовным делам, поскольку именно его специфика отражена в специальных положениях Конвенции (статьи 5, 6 и др.). Полагаем, что влияние международных стандартов на российское уголовное правосудие не ограничивается только собственно производством по уголовным делам. Система уголовной юстиции – это многоплановая и весьма обширная система взаимоотношений государства, общества и

Subject of Doctoral thesis: «Legal and socio-psychological problems of combining sole and collegial principles in the criminal process of the Russian Federation». Author of more than 200 scientific works, including textbooks and monographs: «Criminal procedure law of the Russian Federation» (2014), «An expert and specialist in the criminal process in Russia» (2017). A number of scientific papers written in collaboration: «Comment at the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article)» (2013), «Criminal proceedings: theory and practice» (2014), «Criminal procedure law. Actual problems of theory and practice» (2015), «Cryptographic methods of information security» (2015), «The jury and the problem of popular participation in justice» (2015), «Problems of modern domestic criminal procedure, judicial and prosecutorial activities» (2016), «Rhetoric for lawyers» (2017).

Research interests: criminal procedure, criminalistics, social psychology.

личности. И международные стандарты прав человека и справедливой процедуры судебного разбирательства влияют на всю эту систему взаимоотношений в целом, даже если прямо касаются они только уголовного судопроизводства.

Сегодня позитивный характер такого влияния в специальной литературе не оспаривается никем из авторов. Достаточно много внимания уделено развитию общих гуманистических начал правосудия, таких как: презумпция невиновности, состязательность сторон, обеспечение права на защиту лицам, подвергающимся уголовному преследованию, обеспечение доступа к правосудию и т. д. Не меньший интерес представляют для исследователей проблемы реализации международных стандартов прав человека и справедливой процедуры судебного разбирательства в конкретных процессуальных институтах и нормах, но главное – в практике их реализации.

Значительная часть специалистов по проблемам уголовного судопроизводства отмечает позитивное влияние международных стандартов прав человека и справедливой процедуры судебного разбирательства на российское уголовное правосудие безоговорочно, с анализом конкретных процедур, нормативно-правовая регламентация и практика применения которых подверглась существенной прогрессивной корректировке благодаря положениям Европейской конвенции и практике Европейского суда.

Разделяя именно эту позицию безоговорочной поддержки, рассмотрим те авторские суждения о позитивном влиянии практики ЕСПЧ на российское правосудие, которые сопровождаются разного рода оговорками. Примером такого рода оговорок служат, в частности, апелляции к особенностям российской правовой системы, не признающей юридической силы судебного прецедента. Правовые позиции Европейского суда по правам человека (далее также Европейский суд или ЕСПЧ) – это именно судебный прецедент. Более того, по мнению отмечающих это О. В. Химичевой и Д. В. Шарова, «в решениях ЕСПЧ основные

права и свободы уточняются, конкретизируются, а иногда наполняются новым смыслом» [1, с. 306]. Со сказанным трудно спорить, однако сам по себе прецедентный характер решений Европейского суда ни в какое противоречие с особенностями любой национальной модели континентально-европейского, то есть unprecedentedного, правосудия не вступает. Прецедент ЕСПЧ касается не самого предмета разбирательства в российском суде.

В специальном постановлении Пленума Верховного Суда России «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней» содержится разъяснение: «...правовая позиция учитывается судом, если обстоятельства рассматриваемого им дела являются аналогичными обстоятельствам, ставшим предметом рассмотрения ЕСПЧ». Это положение также используется в литературе в качестве оговорки относительно применимости практики Европейского суда на территории России [2, с. 141]. Спорить с этим тоже бессмысленно, ибо любое судебное решение в принципе может касаться не любых обстоятельств вообще, а только тех, которые имеют хоть какое-то отношение к тому, что стало предметом рассмотрения в данном случае. Однако вопрос о допустимости какой бы то ни было аналогии между разными юридически значимыми обстоятельствами в каждом конкретном случае должен решаться конкретным российским судьей, рассматривающим конкретное уголовное дело. Вопрос о том, какие именно обстоятельства можно считать аналогичными, имеет здесь принципиальное значение.

Очевидно, что прямую аналогию между рассматриваемыми разными судами фактическими обстоятельствами искать бессмысленно по определению: все судебные дела разные и по кругу участников, и по предмету разбирательства. Европейский суд рассматривает и вовсе не уголовные дела, а жалобы на действия государственных органов по уголовным делам, расследование и судебное разбирательство по которым велось в России. Следовательно, речь в данном случае идет вовсе не об аналогии материально-правовой и фактической основы судебных дел, а об аналогичности процедурных ситуаций, ставших предметом рассмотрения в ЕСПЧ и в российском суде соответственно. А процедурные ситуации повторяются из дела в дело с завидным постоянством, о чем свидетельствует и повторяемость предмета обращений в Европейский суд российских граждан.

Так, выявленное Европейским судом молчаливое игнорирование доводов защиты, например, о наличии противоположного мнения экспертов по тому же вопросу, который исследовался и другими экспертами (по делу «Красуля против Российской Федерации» (постановление от 22 февраля 2007 г., обращение № 12365/03), оцененное ЕСПЧ как нарушение справедливой процедуры судебного разбирательства, имеет значение для оценки всех

подобных ситуаций. А уж такие ситуации встречаются в наших судах не так уж и редко. Вовсе не открытием выглядит прецедент ЕСПЧ, согласно которому суд не вправе молча игнорировать одни доказательства и без объяснений принимать на веру противоположные. Обязанность мотивировать все свои доказательственные предпочтения суд несет и по действующему российскому законодательству (п. 2 ст. 307 УПК РФ). Однако в том-то и проблема, что в российских судах отступление от этого правила – явление обычное, к сожалению, поэтому российские граждане и обращаются в ЕСПЧ. Нельзя не согласиться с авторами, отмечающими, что правовые позиции ЕСПЧ в большей степени сориентирована на корректировку российской правоприменительной практики, нежели законодательства [2, с. 142].

Европейский суд проблемами российского, как и любого другого национального, законодательства и вовсе не занимается. Другое дело, что государства-участники могут сами на основе практики Европейского суда увидеть изъяны собственного процессуального законодательства и скорректировать его в соответствии с «европейской системой защиты прав человека» [3, с. 142]. Так за годы деятельности Европейского суда поступали разные государства, и Россия в том числе.

Думается, что истинный масштаб воздействия международных стандартов прав человека на российское правосудие еще только предстоит оценить в полной мере. Это воздействие не ограничивается ни разрешением конкретных уголовных дел, ни даже применением конкретных процессуальных норм и институтов в каком-то множестве судебных дел. Не будет преувеличением сказать, что применение на территории России Европейской конвенции и рассмотрение Европейским судом жалоб российских граждан на наше государство оказали общее облагораживающее воздействие на всю отечественную практическую юриспруденцию. Права Т. В. Трубникова, считающая, что адвокат, работающий по обычному уголовному делу, должен заранее предполагать возможность обращения в Европейский суд для того, чтобы учитывать позиции ЕСПЧ и приведенные им доводы уже на внутрисударственном этапе отстаивания интересов своего доверителя [4, с. 5]. Соглашаясь с полезностью такой рекомендации адвокатам, обратим внимание еще и на то, насколько повышается общий профессиональный уровень отечественной юридической практики, если адвокаты действительно ей следуют. В этом случае аргументы в адвокатских процессуальных заявлениях как минимум теоретически могут встретить адекватную контраргументацию в постановлениях следователей, в судебных решениях, в ответах прокуратуры и т. д. Понятно, что, скорее всего, и далеко не все адвокаты готовы руководствоваться этой рекомендацией. Просто в силу недостатка знаний. То же касается и следователей, и судей. Еще более понятно, что даже очень высокий профессиональный уровень адвокатской работы едва ли способен

сломать давнюю традицию общего обвинительно-го уклона российской уголовной юстиции. Однако международные стандарты правосудия и прав человека, а главное – основанная на них практика Европейского суда по правам человека – это замечательные и всем понятные ориентиры развития любой национальной правовой системы. К ним стóбит и можно стремиться.

Судебные решения ЕСПЧ стали образцами надежной аргументации и мотивирования судебных выводов. Многократные переводы на разные языки теоретически могли бы приводить к искажению смысла отдельных фрагментов. Французский оригинал неизбежно ориентируется на франкоязычные, то есть континентально-европейские правовые системы, английский – на англосаксонскую. Русский перевод тоже требует какой-то адаптации юридической терминологии к российским правовым реалиям. В своих прежних работах мы обращали внимание на тот факт, что даже текст Европейской конвенции не может быть буквально переведен с одного языка на другой без корректировки смысла юридических терминов. Так, например, все, что касается в Европейской конвенции «обвиняемого» и «обвинения», автоматически переносится на российских «подозреваемых» и «подозрение» [5, с. 264–265]. И это при том, что в официальном русском переводе о подозреваемом ничего не сказано, различия между двумя названными процессуальными фигурами в российском законе и российской практике остаются. Принципиально то, что никакие лингвистические трансформации, сопряженные с необходимостью учитывать особенности разных национальных правовых систем, не лишили тексты решений Европейского суда главного их качества – надежной аргументации всех выводов суда и безупречной логики изложения их описательно-мотивировочных частей.

Обязанность добротной аргументировать и мотивировать судебные решения всегда возлагалась, возлагается и будет возлагаться на любого судью. В этом смысл правосудия как такового. И. Я. Фойницкий в конце XIX века выразил эту мысль в универсальной формуле: «Для того, чтобы внутреннее убеждение не переходило в личный произвол, закон, не связывая судью легальными правилами, заботится, однако, о выработке его убеждения при условиях и в порядке, которыми обеспечивается, что всякий рассудительный и здравомыслящий человек при тех же данных пришел бы к одинаковому заключению» [6, с. 189]. Решения ЕСПЧ стали образцом для подражания в этом смысле, независимо от фактических обстоятельств, ставших предметом его рассмотрения. Ни один довод заявителя и других участников разбирательства в этих решениях не остается без реакции суда и без аргументированного ответа. Ни один вывод самого суда не оставлен в этих решениях без объяснения, почему этот вывод такой, а не другой. Не менее важно, как полагаем, что ознакомление с текстами решений Европейского

суда не требует специальной юридической подготовки, они доступны для восприятия неюристами без специального перевода этих текстов с юридического языка на общечеловеческий. Собственный адвокатский опыт автора дает основания утверждать, что этими качествами обладают далеко не все решения российских судов, хотя они и написаны на русском языке.

Благодаря деятельности ЕСПЧ первые в российской истории осязаемые черты приобрел один из общепризнанных признаков правового государства – его ответственность перед обществом и его гражданами. Не только эпоха абсолютизма, но и советский период российской истории ни разу реально не ставили под сомнение прямо противоположный принцип взаимоотношений российских граждан с российской властью: государство всегда право, и имеющиеся «отдельные недостатки», если их вдруг удалось выявить, – это либо происки врагов и вредителей, либо личная недобросовестность конкретных должностных лиц.

Жалобы в Европейский суд по правам человека гражданин или лицо без гражданства подавали от собственного имени, а ответчиком по этой жалобе выступал не какой-то отдельный государственный орган, а Российская Федерация как государство в целом, ответственное за действия всех своих органов и должностных лиц. Такая ситуация кажется сегодня абсолютно естественной. Однако для российских граждан это было крайне непривычно. Государственные органы были самым объективным ходом событий лишены возможности «кивать друг на друга», что было довольно характерно для всех или почти всех внутригосударственных механизмов защиты прав человека в России. В советские годы жалоба гражданина в территориальные органы управления КПСС могла повлечь универсальный эффект – на указания со стороны «руководящей и направляющей силы» (статья 6 Конституции СССР) и при этом единственной в стране политической партии не могла не отреагировать ни одна государственная структура. После распада Советского Союза и официального запрета КПСС в 1991 году ситуация в корне изменилась: как ни парадоксально это звучит, но в постсоветских государствах универсального механизма защиты гражданских прав и свобод просто не существовало. Суд этим органом на момент окончания советского периода российской истории еще не стал.

Думается, что именно поэтому начало рассмотрения жалоб российских граждан Европейским судом (с мая 1998 года) ознаменовало в принципе начало новой эпохи во взаимоотношениях Российского государства со своими гражданами.

«Отчеты» представителей Российской Федерации в ЕСПЧ, особенно в первое время, показали, что традиционный для официальных властей разговор правоохранительной системы, основанный на привычных для российских граждан стереотипах, уже не может позволить уйти от ответственности перед международным сообществом.

Вместо иллюстрации процитируем постановление Европейского суда по делу «Надросов против России» от 31 июля 2008 года (жалоба № 9277/02), по которому официальный представитель России привычно утверждал, что власти не знают, откуда взялись телесные повреждения у заявителя, находившегося под стражей на момент их происхождения. «Если рассматриваемые события в целом или в большей степени относятся к сфере исключительной компетенции властей, как в случае с лицами, находящимися под контролем властей под стражей, возникают обоснованные презумпции фактов в отношении травм, полученных во время содержания под стражей». Иными словами, государство, то есть в данном случае – Российская Федерация, отвечает за все, что происходит в местах содержания лиц, лишенных свободы по тем или иным основаниям, поскольку места лишения свободы – это как раз сфера исключительной компетенции государства.

Еще одна примечательная цитата из того же постановления: «Суд отмечает довод властей Российской Федерации о том, что заявитель сам указал падение в качестве причины своих травм. Однако Европейский суд имеет сомнения в возможности доверять утверждению заявителя в данном случае. Неудивительно, что заявитель не раскрыл настоящую причину своих повреждений врачам скорой помощи в присутствии предполагаемых обидчиков. Европейский суд не может исключить возможности, что заявитель испытывал страх перед людьми, которых обвинил в жестоком обращении с ним». Здесь Европейский суд мотивированно отклоняет весьма привычный довод, используемый всеми без исключения российскими государственными чиновниками при рассмотрении жалоб на любые нарушения прав: если человек не жаловался, значит, он не имел претензий, а если претензий не было, то и нарушения прав тоже не было. ЕСПЧ довод России принял, рассмотрел и отверг с вразумительным объяснением, почему он поступил именно так.

Заявление представителя Российской Федерации о том, что податель жалобы имел возможность добиться восстановления своих прав путем обращения к российским же органам правопорядка, например в прокуратуру, тоже аргументированно отвергались ЕСПЧ по многим делам. Европейский суд предлагал в таких случаях российской стороне представить доказательства того, что если бы податель жалобы использовал, например, обращение к органам прокуратуры в защиту своих прав, то он действительно мог этим добиться улучшения своего положения.

Приведем примечательную формулировку из постановления ЕСПЧ по делу «Полуфакин и Чернышов против Российской Федерации» от 25 сентября 2008 года (жалоба № 30997/02): «Европейский суд принимает к сведению довод властей Российской Федерации о том, что первый заявитель не жаловался в прокуратуру по поводу плохих условий транспортировки по железной

дороге». Но далее: «Однако власти Российской Федерации не доказали, что жалоба в прокуратуру могла обеспечить предупредительный эффект или компенсацию в связи с условиями транспортировки, противоречащими статье 3 Конвенции. Также они не доказали, что жалоба в суд могла бы быстро улучшить ситуацию первого заявителя».

Здесь точно так же официально зафиксирована знакомая любому практикующему адвокату ситуация «глухой стены», когда ни один из внутренних государственных процедурных механизмов не позволяет не только защитить нарушенные права, но и просто быть услышанным. В этой привычной для нас системе ответы на жалобы готовятся теми органами, действия и решения которых обжалуются, а доводы против довода заявителя представляют собою цитату из обжалуемого документа. Европейский суд по правам человека в течение двух десятилетий методично ломал эту систему, даря российским гражданам надежду на возможность иного стиля общения между человеком и властью

Подводя итог сказанному, сформулируем три главных вывода.

1. Международные стандарты прав человека и правосудия, зафиксированные в международно-правовых документах и реализуемые в практике Европейского суда по правам человека, оказывают, бесспорно, позитивное влияние на всю систему российской уголовной юстиции и на всю практическую юридическую деятельность, осуществляемую в этой сфере.

2. Позитивное влияние международных стандартов прав человека и правосудия не ограничивается сферой уголовной юстиции и судопроизводства в целом, а распространяется на всю систему взаимоотношений Российского государства с личностью и обществом.

3. Ограничение действия международных стандартов прав человека и правосудия на территории России, какими бы сугубо российскими причинами это ни объяснялось, означает регресс российской уголовной юстиции, движение России к самоизоляции от мирового сообщества.

Библиографический список

1. Химичева О. В., Шаров Д. В. Проблемы имплементации решений Европейского суда по правам человека в правовую систему РФ // Стратегии развития уголовно-процессуального права в XXI в.: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. 10–11 ноября 2016 г. (г. Москва). Москва: РГУП, 2017. С. 304–309. URL: <https://avidreaders.ru/book/strategii-razvitiya-ugolovno-processualnogo-prava-v.html>.

2. Великая Е. В. Влияние решений Европейского суда по правам человека на уголовно-процессуальное законодательство по вопросам соблюдения права на защиту // Стратегии развития уголовно-процессуального права в XXI в.: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. 10–11 ноября 2016 г. (г. Москва). Москва: РГУП, 2017. С. 139–147. URL: <https://avidreaders.ru/book/strategii-razvitiya-ugolovno-processualnogo-prava-v.html>.

3. Горшкова С. А. Стандарты Совета Европы по правам человека и российское законодательство: монография. Москва: НИМП, 2001. 352 с.

4. Трубникова Т. В. Право на справедливое судебное разбирательство: правовые позиции Европейского суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации: учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 296 с. URL: <http://ui.tsu.ru/wp-content/uploads/2015/09/Трубникова-Т.В.-Право-на-справедливое-судебное-разбирательство.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=23927260>.

5. Тарасов А. А., Хайруллин В. И., Шарипова А. Р. Международные стандарты правового статуса обвиняемого и проблема полноты передачи семантики юридических терминов при переводе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10, №. 2. С. 260–273. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.205>.

6. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Санкт-Петербург: Альфа, 1996. Т. II. URL: <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/foinitsky/t-2>.

References

1. Khimicheva O. V., Sharov D. V. *Problemy implementatsii reshenii Evropeiskogo suda po pravam cheloveka v pravovuiu sistemu RF* [Problems of the implementation of decisions of the European Court of Human Rights in the legal system of the Russian Federation]. In: *Strategii razvitiia ugovolno-protsessual'nogo prava v XXI v.: materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 10–11 noiabria 2016 g. (g. Moskva)* [Strategies for the development of criminal procedural law in the XXI century: materials of the V International research and practical conference on November 10–11, 2016 (Moscow)]. Moscow: RGUP, 2017, pp. 304–309. Available at: <https://avidreaders.ru/book/strategii-razvitiya-ugolovno-processualnogo-prava-v.html> [in Russian].

2. Velikaya E. V. *Vliianie reshenii Evropeiskogo suda po pravam cheloveka na ugovolno-protsessual'noe zakonodatel'stvo po voprosam sobliudeniia prava na zashchitu* [Impact of decisions of the European Court of

Human Rights on criminal procedure legislation on the observance of the right to defense]. In: *Strategii razvitiia ugovolno-protsessual'nogo prava v XXI v.: materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 10–11 noiabria 2016 g. (g. Moskva)* [Strategies for the development of criminal procedural law in the XXI century: materials of the V International research and practical conference on November 10–11, 2016 (Moscow)]. Moscow: RGUP, 2017, pp. 139–147. Available at: <https://avidreaders.ru/book/strategii-razvitiya-ugolovno-processualnogo-prava-v.html> [in Russian].

3. Gorshkova S. A. *Standarty Soveta Evropy po pravam cheloveka i rossiiskoe zakonodatel'stvo: monografiia* [Council of Europe Human Rights Standards and Russian Legislation: monograph]. Moscow: NIMP, 2001, 352 p. [in Russian].

4. Trubnikova T. V. *Pravo na spravedlivoe sudebnoe razbiratel'stvo: pravovye pozitsii Evropeiskogo suda po pravam cheloveka i ikh realizatsiia v ugovolnom protsesse Rossiiskoi Federatsii: ucheb. posobie* [Right to a fair trial: the legal positions of the European Court of Human Rights and their implementation in the criminal process of the Russian Federation: textbook]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2011, 296 p. Available at: <http://ui.tsu.ru/wp-content/uploads/2015/09/Трубникова-Т.В.-Право-на-справедливое-судебное-разбирательство.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=23927260> [in Russian].

5. Tarasov A. A., Khairoulline V. I., Sharipova A. R. *Mezhdunarodnye standarty pravovogo statusa obviniaemogo i problema polnoty peredachi semantiki iuridicheskikh terminov pri perevode* [International standards of the defendant's legal status and the problem of legal terminology translation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo* [Vestnik of Saint Petersburg University. Law], 2019, vol. 10, no. 2, pp. 260–273. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.205> [in Russian].

6. Foinitsky I. Ya. *Kurs ugovolnogo sudoproizvodstva* [Course of criminal proceedings]. Saint Petersburg: Al'fa, 1996, vol. II. Available at: <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/foinitsky/t-2> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-4-67-71
УДК 343.14

Дата: поступления статьи / Submitted: 28.09.2020
после рецензирования / Revised: 02.11.2020
принятия статьи / Accepted: 27.11.2020

Научная статья / Scientific article

В. О. Белоносов

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: vladimirbelonosov@yandex.ru

ОБ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация: В статье автор анализирует изменения, внесенные в УПК РФ в 2019 году и первой половине 2020 года. Делает вывод, что, несмотря на существенное сокращение гиперактивного законотворчества с 2019 г., качество вносимых изменений оставляет желать лучшего. Продолжают иметь место необоснованные повторения положений общего характера без внесения какой-либо новизны. Предметом регулирования выступают несущественные вопросы, а субъектами – лица, не выполняющие процессуальных функций. Во вносимых поправках игнорируются права и свободы граждан, они принимаются в интересах правоохранительных ведомств и носят формально-бюрократический характер. Все это не способствует стабильности законодательства и уважительному отношению к закону, искажается смысл законности. В этих условиях автор предлагает вернуться к правовому пониманию законности, возрождению морально-этических начал уголовно-процессуальной деятельности, возобновлению и активизации дискуссий по теме защиты прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: уголовный процесс, УПК РФ, законотворчество, федеральный закон, Конституционный Суд РФ, толкование, изменения, статья.

Цитирование. Белоносов В. О. Об уголовно-процессуальном законотворчестве в современных условиях // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 4. С. 67–71. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-67-71>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

V. O. Belonosov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: vladimirbelonosov@yandex.ru

ON CRIMINAL PROCEDURE LAW-MAKING IN THE MODERN CONTEXT

Abstract: The article analyzes the changes made to the CPC in 2019 and the first half of 2020. It is concluded that despite a significant reduction in overactive legislative drafting since 2019, the quality of the changes made leaves much to be desired. Unjustified repetition of general provisions without any novelty continues to occur. Substantive issues are the subject of regulation, while the subjects are persons who do not perform procedural functions. The amendments ignored citizens' rights and freedoms, were adopted in the interests of law enforcement agencies and were formal and bureaucratic in nature. All this does not contribute to the stability of legislation and respect for the law, distorting the meaning of legality. Under these conditions, it is proposed to return to a legal understanding of the law, to revive moral and ethical principles of criminal procedure, to resume and intensify discussions on the protection of individual rights and freedoms in criminal proceedings.

Key words: criminal procedure, CPC RF, lawmaking, federal law, Constitutional Court RF, interpretation, changes, article.

Citation. Belonosov V. O. *Ob ugodovno-protsessual'nom zakonotvorchestve v sovremennykh usloviakh* [On criminal procedure law-making in the modern context]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 4, pp. 67–71. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-67-71> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Владимир Олегович Белоносов – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема докторской диссертации: «Толкование норм права в системе теоретической и практической деятельности в сфере уголовного судопроизводства». Автор более 130 научных работ, в том числе монографии «Проблемы толкования норм уголовно-процессуального права России» (2006). Ряд научных трудов написан в соавторстве: «Проблемы современного отечественного уголовного процесса, судебной и прокурорской деятельности» (2016).

Область научных интересов: толкование норм уголовно-процессуального права.

© Vladimir O. Belonosov – Doctor of Law, associate professor, professor of the Department of Criminal Process and Criminalistics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of Doctoral thesis: «Interpretation of the norms of law in the system of theoretical and practical activities in the field of criminal justice». Author of more than 130 scientific works, including monograph: «Problems of interpretation of norms of criminal procedural law of Russia» (2006). A number of scientific papers written in collaboration: «Problems of modern domestic criminal process, judicial and prosecutorial activity» (2016).

Research interests: interpretation of the rules of criminal procedure.

Мы продолжаем внимательно следить за ежегодными изменениями уголовно-процессуального законодательства [1; 2]. В 2019 г. УПК РФ менялся 11 законами и корректировался 2 постановлениями Конституционного Суда РФ. А всего за 18 лет с момента своего принятия в декабре 2001 г. по декабрь 2019 г. УПК РФ менялся 257 законами и корректировался 29 постановлениями Конституционного Суда РФ, т. е. 286 нормативными правовыми актами. Такое состояние мы охарактеризовали как гиперактивное законодотворчество со всеми отсюда вытекающими отрицательными последствиями.

Но в 2019 г. произошло существенное снижение гиперактивного уголовно-процессуального законодотворчества на 45 %. Если в 2018 г. было принято 20 законов, изменяющих УПК РФ, то в 2019 г. только 11. Такие результаты оказались неожиданно положительными, ибо гиперактивное законодотворчество не улучшало законодательства, отрицательно сказывалось на правоприменении, обучении, издательской деятельности; носило не демократический, а репрессивно-бюрократический характер, принималось в интересах правоприменительных ведомств.

По итогам 5 месяцев 2020 г. принято 5 законов по изменению подсудности и подсудности. По предварительным данным, начатая в 2019 г. – тенденция на снижение законодотворчества имеет шансы продолжиться, но окончательные выводы делать пока преждевременно. 2020 г. лучше всего анализировать по итогам его окончания.

Намерение ужесточить практику внесения поправок в УПК впервые было сформулировано на парламентских слушаниях в Совете Федерации 22 апреля 2016 г., на которых депутаты приняли решение о внесении поправок в УПК не более 1 раза в год [3, с. 11]. Оно было продиктовано осознанием самими депутатами, что бессистемное внесение поправок в УПК искажает его внутреннюю логику, смысл норм и институтов, отражает ведомственные интересы, подрывает стабильность законодательства и уважительное отношение к закону. Естественно, что они не смогли достичь практики внесения поправок не более 1 раза в год, но определенные результаты нормализации объема законодотворчества начали проявляться только с 2019 г.

Такого относительно спокойного уровня уголовно-процессуального законодотворчества (11 законов в год) не наблюдалось с 2008 г. Тем не менее его качество продолжает оставаться неоднозначным. Больше всего поправок касалось изменений подсудности и подсудности. В 2019 г. таких законов принято 5 (Федеральные законы от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ, от 26 июля 2019 г. № 206-ФЗ и № 209-ФЗ, от 4 ноября 2019 г. № 354-ФЗ, от 27 декабря 2019 г. № 500-ФЗ), что составляет 45,4 %. Но это вынужденные изменения, которые отражают изменения, произошедшие в УК РФ. Анализировать характер этих изменений в рамках уголовно-процессуальных отношений нецелесообразно, но следует отметить их общий

усиливающийся репрессивный характер, что связано с появлением и регламентацией новых составов преступлений.

Ряд внесенных изменений в УПК носит формально-бюрократический, несущественный характер. Например, федеральный закон от 6 марта 2019 г. № 21-ФЗ внес дополнение в ч. 5 ст. 108 УПК, дополнив межгосударственным розыском объявление обвиняемого в международный розыск. Хотя международный и межгосударственный розыски может быть чем-то и отличаются, но по своей сути это понятия тождественные, различающиеся формально-бюрократическими деталями, которые не добавляют прав и свобод гражданам, но предназначены для субъектов оперативной, а не уголовно-процессуальной деятельности.

Другой пример. Законом от 3 июля 2019 г. № 160-ФЗ внесены два изменения. Во-первых, список судей в п. 4 ч. 1 ст. 448 УПК был дополнен словами «районного суда, мирового суда». Во-вторых, в п. 5 ч. 1 ст. 448 УПК абстрактное словосочетание «иные судьи» заменено на «судьи конституционного (уставного) суда субъекта РФ». В пояснительной записке к этому законопроекту сказано, что предлагаемый законопроект *обеспечит оптимизацию* возбуждения уголовного дела в отношении судьи районного суда и мирового судьи, а также повысит *гарантию их независимости*.

На протяжении длительного времени в УПК (с 2001 г.), в Законе РФ «О статусе судей в Российской Федерации» (с 1992 г.), в Федеральном законе РФ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» (с 2002 г.) судьба судей районных судов относилась к компетенции квалификационной коллегии судей субъектов Российской Федерации. А в определении Конституционного Суда РФ от 1 октября 2009 г. № 1042-О-О [4] прямо указано, что уголовные дела в отношении судей районных судов возбуждаются только с согласия квалификационной коллегии судей соответствующего субъекта РФ.

Если в 2019 году в стране к уголовной ответственности было привлечено 17 судей, то по состоянию на сентябрь 2020 года – 7 судей [5]. Не совсем понятно, в чем заключается оптимизация возбуждения уголовных дел? А по поводу гарантии независимости судей вообще неудобно говорить после того, когда в 2020 году независимость судей даже конституционного суда поставлена под сомнение. Отсюда вопросы: так ли уж были необходимы изменения, рассчитанные на единичные случаи правоприменения, когда состояние судебной системы вызывает самую серьезную критику; есть ли какая-то польза от этих изменений гражданам?

Неоднозначно воспринимаются дополнения, вносимые законом от 2 августа 2019 г. № 309-ФЗ, об отказе в удовлетворении заявления об отводе, что делает невозможным подачу повторных аналогичных заявлений тем же лицом по тем же основаниям на этапе предварительного расследования, но допустимым в суде. В такой регламен-

тации нет ничего принципиально нового, так как эти положения уже закреплены в ч. 2 ст. 120, ч. 1 ст. 125 УПК. Поэтому вновь вводимое уголовно-процессуальное регулирование не представляется вызванным острой необходимостью, а носит дублирующий характер.

Также вопросы вызывает закон от 2 августа 2019 г. № 315-ФЗ, который продолжает неоднозначную тему уголовной ответственности индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности. В пояснительной записке к этому закону сказано, что он был разработан в целях усовершенствования процессуальных норм, усиления гарантий прав, свобод и личной неприкосновенности обвиняемых, исключения фактов продления сроков содержания под стражей субъектов предпринимательской деятельности в случаях, если по уголовному делу не проводятся активные следственные действия.

Действительно, непроведение активных следственных действий является серьезным нарушением закона, разновидностью пыток, злоупотреблений или всем этим вместе взятым. И суды, безусловно, не должны покрывать такие случаи путем необоснованного продления сроков содержания под стражей. По данным судебной статистики Агентства правовой информации, по уголовным делам всех категорий в суды в 2019 году было подано 217 822 ходатайств о продлении срока содержания под стражей, 211 248 (96,9 %) из которых были удовлетворены, а 4761 (2,1 %) отклонены [6]. По данным Генеральной прокуратуры РФ, из 104 927 зарегистрированных в 2019 году преступлений экономической направленности 16 756 (15,9 %) были совершены субъектами предпринимательской деятельности [7].

Отличительной особенностью рассматриваемого закона является то, что он обещает более мягко и внимательно относиться к представителям бизнеса, что в целом достойно одобрения. Но почему-то не ко всем, а только к индивидуальным предпринимателям в связи с осуществлением ими предпринимательской деятельности или членам органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением ими полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности по ряду экономических статей. Подобные витиеватые и громоздкие уточнения не только избыточно усложняют законодательство и правоприменение, но и нивелируют достижение заявленных целей. Если за 8 месяцев 2020 г. по сравнению с аналогичным периодом прошлого года возросло количество зарегистрированных преступлений экономической направленности в сфере экономической деятельности, а также количество расследованных преступлений и количество направленных дел в суды на 2,3 %, но в то же время отмечается снижение экономических преступлений, совершенных субъектами предпринимательской деятельности, на 1,4 % [8]. Хотя эти цифры не дают достаточных оснований считать, что такое снижение произо-

шло из-за отказа судов продлевать сроки содержания под стражей в случае непроведения активных следственных действий, тем не менее представляется, что все-таки усиление гарантий прав, свобод и личной неприкосновенности обвиняемых, исключение фактов продления сроков содержания под стражей в случаях непроведения активных следственных действий должны быть одинаковыми для всех граждан, а не только для субъектов предпринимательской деятельности.

Закон от 27 декабря 2019 г. № 498-ФЗ, относя к недопустимым доказательствам любые сведения о добровольном декларировании (что в целом тоже не плохо), излишне в ст. 75 УПК говорит об оперативно-розыскных мероприятиях как недопустимых доказательствах, так как об этом уже сказано в ст. 89 УПК.

Дополнение ст. 140 УПК частью 3 о запрете декларирования быть поводом для возбуждения уголовного дела логичнее было бы поместить после поводов, а не после оснований возбуждения уголовного дела.

В целом запрет изъятия декларации при производстве следственного действия следует оценить положительно. Это второй случай, когда закон добавляет определенные права обвиняемым.

Ряд формальных изменений внесен федеральным законом от 27 декабря 2019 г. № 499-ФЗ. Так, п. 43 ст. 5 УПК приведен в соответствие с п. 1 ст. 140 УПК, в который федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ в качестве повода для возбуждения уголовного дела добавлено постановление прокурора о направлении материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании (спустя 9 лет после своего принятия).

Во-вторых, п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК изложен в новой редакции, закрепив полномочие прокурора требовать устранения нарушений федерального законодательства, допущенных при приеме, регистрации, и разрешении сообщений о преступлениях. Но разве это новое полномочие и так ли оно необходимо? Оно давно закреплено в ст. 10, 27, 29, 30 Федерального закона «О прокуратуре РФ», и прокурорские работники его активно выполняют вне зависимости от закрепления в УПК. Статистические данные Генеральной прокуратуры РФ также свидетельствуют об уверенном росте числа требований прокуроров об устранении нарушений закона в порядке п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК за 7 месяцев 2020 года (214 461) по сравнению с 7 месяцами 2019 года (195 554) на 9,7 % [7].

В-третьих, такие же изменения продублированы в ст. 143 УПК.

В-четвертых, доведено до логического завершения положение о том, что любые решения, принимаемые по результатам рассмотрения сообщения о преступлении (ч. 1 ст. 145 УПК), должны направляться прокурору.

Желание привести изменения, предусмотренные федеральным законом от 27 декабря 2019 г. № 498-ФЗ в соответствие с положениями, введенными 9 лет назад федеральным законом от 28 декабря

2010 г. № 404-ФЗ свидетельствует о том, что прошлый закон, принятый в конце года, был недостаточно хорошо подготовлен, так как не были учтены внутренние системные связи вводимых изменений. Новый закон, принятый тоже в конце года, устраняет недостатки предыдущего неудачного законотворчества. Может быть, неплохо, что недостатки устранены через 9 лет. Но, во-первых, может, их попробовать не допускать, а для этого шире практиковать научные обсуждения? И во-вторых, как показывает практика, законы, принимаемые в конце года, имеют повышенное количество несовершенств.

В 2019 г. два постановления Конституционного Суда РФ (от 17 апреля 2019 г. № 18-П и от 13 июня 2019 г. № 23-П) признали ряд статей УПК частично не соответствующими Конституции РФ. Однако после подробного анализа и убедительной аргументации Конституционный Суд РФ привел рассматриваемые сложные отношения к удивительно простым, логичным, убедительным решениям, в чем проявляется его высокопрофессиональное толкование. Остается только удивляться, почему раньше такие простые и понятные вещи оставались недоступными опытным, в том числе и высокопоставленным юристам: дознавателям, следователям, прокурорам, судьям? Например, разве так уж сложно было понять, что наложение ареста на имущество свидетеля не может продолжаться после вступления приговора в законную силу (постановление Конституционного Суда РФ от 17 апреля 2019 г. № 18-П)? Или кому непонятно, что определение разумного срока уголовного судопроизводства должно исчисляться с момента подачи заявления лица, которому преступлением причинен вред, если производство по делу завершилось обвинительным приговором (постановление Конституционного Суда РФ от 13 июня 2019 г. № 23-П)?

Имеющее место якобы непонимание таких простых вещей, желание придать правовым отношениям иной смысл объясняется не должным пониманием, учитывающим правовые явления во всей их многоаспектности и многогранности, а узким формально-бюрократическим, конъюнктурным, ведомственным подходом, попытками уйти от ответственности за совершенные ошибки и принять желаемое за действительное.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

В 2019 г. уровень уголовно-процессуального законотворчества снизился на 45 % и достиг 11 законов, чего не наблюдалось уже 11 лет, что само по себе заслуживает одобрения. По предварительным данным, есть все основания полагать, что этот процесс может продолжиться и в 2020 г., но окончательные выводы делать пока преждевременно. Тем более мы не можем делать вывод о стабильности этой тенденции.

В то же время следует отметить, что большинство новых изменений УПК имеет спорный характер по следующим причинам:

– дублирование давно существующих общих положений без привнесения чего-то нового порождает сомнение в необходимости подобных изменений;

– предметом правового регулирования выступают малозначительные, несущественные правовые отношения, а субъектами – лица, не выполняющие процессуальных функций;

– принятие непроработанных законов, а через много лет приведение их к логической согласованности по малозначительным вопросам в интересах правоприменительных ведомств придает изменениям формально-бюрократический характер.

В качестве существенного недостатка следует указать на забвение категории прав и свобод граждан. Из рассмотренных законов только 2 (18,2 %) имеют определенную демократическую направленность, придавая пусть скромные, но все же дополнительные права участникам уголовного судопроизводства. Оставшейся 81,8 % законов дополнительных прав гражданам не добавляют, так как они приняты исключительно в интересах правоприменительных ведомств. Причем это устойчиво растущая тенденция: в 2017 г. этот показатель составлял 71 %, в 2018 г. – 80 % [1, с. 33; 2, с. 49], а в 2019 г. – 81,8 %.

Усиливающийся формально-бюрократический подход в правотворчестве в интересах ведомств успешно улавливается правоприменением. Законность постепенно начинает приобретать не только формально-бюрократические, но порой просто репрессивные черты. Это положительно воспринимается правоприменительными органами, которые по своей природе изначально предрасположены к различного рода нарушениям законности. И действительно, если раньше мы только догадывались, что кое-где нарушения законности в уголовном судопроизводстве в принципе возможны, но такие случаи тщательно скрывались, то с 2019 года мы стали свидетелями принципиально нового явления – нескрываемых, широко всеми обсуждаемых, неединичных случаев привлечения к уголовной ответственности, возбуждения уголовного дела, проведения предварительного расследования и вынесения приговора в условиях отсутствия состава преступления, что совершенно недопустимо.

Если не забыты полностью, то сильно отодвинуты назад вопросы правового понимания законности, защиты прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве, морально-этических начал этой деятельности. Еще сравнительно недавно (90-е годы XX века – нулевые годы XXI века) в уголовно-процессуальной литературе широко обсуждались права личности в уголовном судопроизводстве. Они были в центре внимания трудов подавляющего большинства авторов, на эту тему защищались диссертации докторские [9; 10] и кандидатские. Теперь об этом перестали говорить, в законодательстве появился ярко выраженный крен в сторону формально-бюрократического и репрессивного подхода, где гарантии прав и свобод граждан становятся недостаточными.

Учитывая, что целью настоящего исследования является постановка диагноза современному состоянию уголовно-процессуального законотворчества, мы не готовы в принципе указы-

вать на имеющиеся пробелы и противоречия уголовно-процессуального законодательства. Во-первых, это слишком большая тема для отдельного серьезного обсуждения; во-вторых, чтобы не провоцировать новый всплеск гиперактивного законодательства со всеми его отрицательными последствиями. Мы считаем, что необходимо ввести мораторий на уголовно-процессуальное законодательство или резко его сократить, оставить все как есть, все равно УПК действует. Вместо усовершенствования отдельных сторон УПК надо принимать новый кодекс. Но доверять это важное дело прежнему законодателю нельзя.

Библиографический список

1. Белоносов В. О. Правовые проблемы уголовно-процессуального законодательства на современном этапе // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. / науч. ред.: О. И. Андреева, Т. В. Трубникова; отв. секр. И. В. Чаднова. Томск: Изд. Дом ТГУ, 2018. Ч. 79. С. 27–33. DOI: <http://doi.org/10.17223/9785946217637/3>.
2. Белоносов В. О. О гиперактивном уголовно-процессуальном законодательстве // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5, № 4. С. 43–50. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-4-43-50>.
3. Качалова О. В. Уголовному процессу обещают перемены // Уголовный процесс. 2016. № 6. С. 11. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26099777>.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 01.10.2009 № 1042-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Верховного Суда РФ о проверке конституционности положений п. 5 ч. 1 ст. 448 УПК РФ и п. 3 ст. 16 Закона РФ «О статусе судей в РФ» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 1. URL: <https://zknrf.ru/acts/Opredelenie-Konstitutsionnogo-Suda-RF-ot-01.10.2009-N-1042-O-O>.
5. Локтионова М. Наркотики и взятки: что натворили судьи в 2020 г. // gazeta.ru. URL: <http://v-res.in.meizu.com/news/article/2370.html>; Судей под суд? // www.9111.ru (дата обращения: 21.09.2020). URL: <https://www.9111.ru/questions/77777777993861>.
6. Stat-апи-пресс.рф. URL: www.stat-апи-пресс.рф (дата обращения: 21.09.2020)
7. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры РФ за июль 2020 г. URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/1887646> (дата обращения: 21.09.2020)
8. Статистика и аналитика // Мвд.рф. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 21.09.2020)
9. Гранат Н. Л. Правовые и нравственно-психологические основы обеспечения законности на предварительном следствии: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва: Академия МВД РФ, 1992. 589 с.
10. Москалькова Т. Н. Нравственные основы уголовного процесса: стадия предварительного расследования: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва: Академия Управления МВД, 1997. 464 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/nravstvennye-osnovy-ugolovno-go-protse-sa-stadiya-predvarit-rassledovaniya>.

References

1. Belonosov V. O. *Pravovye problemy ugolovno-protsessual'nogo zakonotvorchestva na sovremennom etape* [Legal problems of criminal procedure legislation at the modern stage]. In: *Pravovye problemy ukrepleniia rossiiskoi gosudarstvennosti: sb. statei. Nauch. red.: O. I. Andreeva, T. V. Trubnikova; otv. sekretar' I. V. Chadnova* [Andreeva O. I., Trubnikova T. V., Chadnova I. V. (Eds.) Legal issues of strengthening Russian statehood: collection of papers]. Tomsk: Izd. Dom TGU, 2018, vol. 79, pp. 27–33. DOI: <http://doi.org/10.17223/9785946217637/3> [in Russian].
2. Belonosov V. O. *O giperaktivnom ugolovno-protsessual'nom zakonotvorchestve* [On hyperactive criminal procedure law-making]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, vol. 5, no. 4, pp. 43–50. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-4-43-50> [in Russian].
3. Kachalova O. V. *Ugolovnomu protsessu obeshchaiu peremeny* [Promises to change the criminal process]. *Ugolovnyi protsess*, 2016, no. 6, p. 11. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26099777> [in Russian].
4. *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 01.10.2009 № 1042-O-O «Ob otkaze v priniatii k rassmotreniiu zaprosa Verkhovnogo Suda RF o proverke konstitutsionnosti polozhenii p. 5 ch. 1 st. 448 UPK RF i p. 3 st. 16 Zakona RF «O statute sudei v RF»* [Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation № 1042-O-O dated October 01, 2009 «On the refusal to accept for consideration the request of the Supreme Court of the Russian Federation to verify the constitutionality of the provisions of the para. 5 part 1 Article 448 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation and Article 16 of the Law of the Russian Federation «On the Status of Judges in the Russian Federation»]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF*, 2010, no. 1. Available at: <https://zknrf.ru/acts/Opredelenie-Konstitutsionnogo-Suda-RF-ot-01.10.2009-N-1042-O-O> [in Russian].
5. Loktionova M. *Narkotiki i vziatki: chto natvorili sud'i v 2020 g.* [Drugs and bribes: what did the judges do in 2020?]. Retrieved from: www.gazeta.ru. Available at: <http://v-res.in.meizu.com/news/article/2370.html>; *Sudei pod sud?* [A judge in court?]. Retrieved from: www.9111.ru. Available at: <https://www.9111.ru/questions/77777777993861> (accessed 21.09.2020)
6. Stat-апи-пресс.рф. Available at: www.stat-апи-пресс.рф (accessed 21.09.2020)
7. *Statisticheskie dannye ob osnovnykh pokazateliakh deiatel'nosti organov prokuratury RF za iul' 2020 g.* [Statistical data on the main performance indicators of the Russian Prosecutor's Office in July 2020]. Retrieved from: www.genproc.ru. Available at: <https://genproc.gov.ru/stat/data/1887646> (accessed 21.09.2020) [in Russian].
8. *Statistika i analitika* [Statistics and analytics]. Retrieved from: www.mvd.ru. Available at: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics> (accessed 21.09.2020) [in Russian].
9. Granat N. V. *Pravovye i nravstvenno-psikhologicheskie osnovy obespecheniia zakonnosti na predvaritel'nom sledstvii: dis. ... d-ra iurid. nauk* [Legal and moral-psychological foundations of ensuring legality on preliminary investigation: Doctoral of Laws thesis]. Moscow: Akademiia MVD RF, 1992, 589 p. [in Russian].
10. Moskalkova T. N. *Nravstvennye osnovy ugolovno-go protse-sa: stadiia predvaritel'nogo rassledovaniia: dis. ... d-ra iurid. nauk* [Moral basis of the criminal process: the preliminary investigation stage: Doctoral of Laws thesis]. Moscow: Akademiia Upravleniia MVD, 1997, 464 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/nravstvennye-osnovy-ugolovno-go-protse-sa-stadiya-predvarit-rassledovaniya> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-4-72-79
УДК 343.1

Дата: поступления статьи / Submitted: 12.09.2020
после рецензирования / Revised: 24.10.2020
принятия статьи / Accepted: 27.11.2020

Научная статья / Scientific article

К. В. Муравьев

Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова,
г. Орел, Российская Федерация
E-mail: murki@list.ru

СОРАЗМЕРНОСТЬ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ ГРОЗЯЩЕМУ НАКАЗАНИЮ И ЭКОНОМИЯ ПРИНУЖДЕНИЯ ПРИ ВЫБОРЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

Аннотация: В статье обращается внимание, что в УПК РФ предусмотрены единые основания для избрания мер пресечения, а учитываемые обстоятельства не содержат четких критериев отбора. Это предполагает усмотрение компетентных лиц при принятии процессуального решения и в конечном итоге позволяет ставить вопрос о «справедливости мер пресечения». Автор указывает, что выбору справедливой меры пресечения предшествует выявление пределов принуждения, отвечающих требованию «соразмерности процессуальных ограничений грозящему наказанию». Анализируются материально-правовые условия применения отдельных мер пресечения. Сделан вывод, что принятие решения о мере воздействия должно осуществляться при учете требования «экономии принуждения», которое не следует абсолютизировать.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное принуждение, меры пресечения, заключение под стражу, домашний арест, запрет определенных действий, соразмерность, справедливость.

Цитирование. Муравьев К. В. Соразмерность процессуальных ограничений грозящему наказанию и экономия принуждения при выборе меры пресечения // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 4. С. 72–79. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-72-79>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

K. V. Muravev

Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov,
Orel, Russian Federation
E-mail: murki@list.ru

PROPORTIONALITY OF PROCEDURAL RESTRICTIONS TO THE THREATENED PUNISHMENT AND ECONOMY OF COERCION WHEN CHOOSING A MEASURE OF RESTRAINT

Abstract: The article draws attention to the fact that the Criminal Procedure Code of the Russian Federation provides for uniform grounds for applying preventive measures, and the circumstances taken into account do not contain clear selection criteria. This implies the discretion of the competent persons when making a procedural decision, and, ultimately, allows you to raise the question of «fairness of preventive measures». The author points out that the choice of a fair measure of restraint is preceded by the identification of the limits of coercion that meet the requirement of «proportionality of procedural restrictions to the threatened punishment». The material and legal conditions for applying certain preventive measures are analyzed. It is concluded that the decision on the measure of influence should be made taking into account the requirement of «economy of compulsion», which should not be absolutized.

Key words: criminal procedure coercion, preventive measures, detention, house arrest, prohibition of certain actions, proportionality, justice.

Citation. Muravev K. V. *Sorazmernost' protsessual'nykh ogranichenii groziashchemu nakazaniuu i ekonomiiu prinuzhdeniia pri vybore mery presecheniia* [Proportionality of procedural restrictions to the threatened punishment and economy of coercion when choosing a measure of restraint]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 4, pp. 72–79. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-72-79> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Кирилл Владимирович Муравьев – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Орловского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова (по научной работе), 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Тема докторской диссертации: «Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона». Является автором более 100 научных и учебно-методических работ по проблемам уголовного судопроизводства. В их числе монографии «Возбуждение уголовного дела в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления» (2009), «Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия» (2017), «Оптимизация процессуальной формы применения уголовного закона» (2019). Соавтор трех учебников по дисциплине «Уголовный процесс» и семи учебных пособий.

© Kirill V. Muravev – Doctor of Laws, associate professor, deputy head of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov (for academic affairs), 2, Ignatova Street, Orel, 302027, Russian Federation.

Subject of Doctoral thesis: «Optimization of the criminal process as a form of application of criminal law». Author of more than 100 scientific and educational works on the problems of criminal justice, including monographs: «Initiation of criminal proceedings against a person suspected of committing a crime» (2009), «Measures of procedural coercion are special means of criminal legal influence» (2017), «Optimization of the procedural form of application of criminal law» (2019). He is the coauthor of three textbooks on the discipline «Criminal Procedure», seven tutorials.

Область научных интересов: взаимосвязь уголовного материального и процессуального права, правовой статус участников уголовного судопроизводства, оптимизация порядка рассмотрения сообщений о преступлениях, предварительного расследования и судебного разбирательства, совершенствование системы, условий и порядка применения мер процессуального принуждения.

При наличии обоснованных подозрений о причастности к преступлению определенного лица, а также обстоятельств, дающих достаточные основания полагать совершение подозреваемым, обвиняемым деяний, препятствующих производству по уголовному делу (ст. 97 УПК РФ), дознаватель, следователь, а также суд в пределах компетенции вправе избрать одну из мер пресечения: подписку о невыезде, личное поручительство, наблюдение командования воинской части, присмотр за несовершеннолетним, запрет определенных действий, залог, домашний арест, заключение под стражу (ст. 98 УПК РФ).

Важным требованием к применению меры пресечения является соразмерность характера и сроков обременений, налагаемых на преследуемое лицо в ходе уголовного производства, тем мерам правового воздействия, которые могут быть ему назначены при разрешении дела. Конституционный Суд РФ неоднократно акцентировал внимание на том, что, исходя из закрепленного в ст. 49 Конституции РФ принципа презумпции невиновности, до вступления в законную силу обвинительного приговора на подозреваемого, обвиняемого не могут быть наложены ограничения, в своей совокупности сопоставимые по степени тяжести, в том числе срокам, с уголовным наказанием, а тем более превышающие его [1; 2].

Для реализации требования «соразмерности» в УПК РФ устанавливается ряд материально-правовых условий применения отдельных принудительных мер. В первую очередь они касаются самой строгой меры процессуального воздействия, которая ограничивает право на свободу и личную неприкосновенность.

Так, в ч. 1 ст. 108 УПК РФ введен запрет на применение заключения под стражу, если юридическая оценка содеянного не предполагает наказания в виде лишения свободы. Кроме того, данная мера пресечения может быть избрана при производстве в отношении преступлений, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет, только при наличии одного из исключительных обстоятельств. О высокой вероятности ненадлежащего поведения преследуемого лица могут свидетельствовать: отсутствие у него постоянного места жительства на территории РФ; неустановление его личности; нарушение им ранее избранной меры пресечения; сокрытие от органов предварительного расследования или от суда.

В части 2 ст. 108 УПК РФ содержатся условия, которые призваны обеспечить соразмерность оказания принудительного воздействия к несовершеннолетним «подследственным». Заключение под

Research interests: relationship of criminal material and procedural law, legal status of participants in criminal proceedings, optimization of the procedure for handling reports of crimes, preliminary investigations and court proceedings, improving the system, conditions and procedure for applying procedural coercive measures.

стражу в качестве меры пресечения может быть применено к лицам данной категории лишь при наличии подозрения или обвинения в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. В исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана в отношении несовершеннолетнего, преследуемого за совершение преступления средней тяжести. Следует также учитывать установленный ч. 6 ст. 88 УК РФ запрет на назначение наказания в виде лишения свободы несовершеннолетнему. Пленум Верховного Суда РФ дал разъяснение правил применения взаимосвязанных норм УК РФ и УПК РФ о соразмерности ограничений принудительного воздействия в отношении данной категории лиц: «Заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести впервые» [3].

Соразмерность процессуальных ограничений грозящему наказанию предполагает не только пропорциональность их характера, но также и сопоставимость времени их действия.

В частях 2 и 3 ст. 109 УПК РФ установлены предельные сроки содержания под стражей на предварительном расследовании (6 месяцев – по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, 12 и 18 месяцев – по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях соответственно).

Согласно частям 2 и 3 ст. 255 УПК РФ, срок содержания под стражей подсудимого со дня поступления уголовного дела в суд и до вынесения приговора не может превышать 6 месяцев. Продление данного срока допускается только по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях и каждый раз не более чем на 3 месяца. Таким образом, при производстве в отношении преступлений, по которым максимальное наказание превышает пять лет лишения свободы, предельный срок содержания под стражей в период судебного рассмотрения дела не регламентируется. Полагаем, что это является недостатком действующего законодательства. Предложения о целесообразности закрепления такого срока высказывались процессуалистами неоднократно [4, с. 94; 5].

Отметим, что в соответствии с ч. 3–3³ ст. 72 УК РФ время нахождения лица под стражей до вступления приговора суда в законную силу засчитывается в сроки наказания. При этом зачет времени содержания под стражей в срок лишения свободы осуществляется дифференцированно в зависимости от вида назначаемого судом исправительного учреждения, а также совершенного преступления, характеристик осужденного и других обстоятельств.

Соразмерность уголовно-процессуального принуждения грозящему наказанию должна обеспечиваться и при применении иных, не связанных с заключением под стражу, мер пресечения. Толкование норм УПК РФ, регламентирующих домашний арест и запрет определенных действий, вызывает определенные сложности. Дело в том, что ст. 107 УПК РФ не содержит каких-либо уголовно-правовых условий, ограничивающих применение домашнего ареста. Более того, в ч. 2 ст. 105¹ УПК РФ закрепляется, что при избрании запрета определенных действий не учитываются установленные ст. 108 УПК РФ требования, связанные с видом и размером наказания, квалификацией преступления, возрастом преследуемого лица.

Обратим внимание на то, что домашний арест заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает, или лечебном учреждении с возложением запретов и осуществлением контроля (ч. 1 ст. 107 УПК РФ). В срок домашнего ареста засчитывается время содержания под стражей, а в срок содержания под стражей – время домашнего ареста. Совокупный срок применения данных мер пресечения (независимо от последовательности избрания) не должен превышать предельный срок, установленный ст. 109 УПК РФ (ч. 2¹ ст. 107, п. 2 ч. 10 ст. 109 УПК РФ). Согласно же ч. 3⁴ ст. 72 УК РФ, время нахождения лица под домашним арестом засчитывается в сроки содержания лица под стражей и лишения свободы (из расчета два дня нахождения под домашним арестом за один день содержания под стражей или лишения свободы).

Конституционный Суд РФ неоднократно обращал внимание, что применение домашнего ареста должно допускаться в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении тех же, что и при заключении под стражу, преступлений (ч. 1 ст. 108 УПК) [1; 6]. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 41 [3] судам рекомендовано иметь в виду, что избрание меры пресечения в виде домашнего ареста в отношении лица, преследуемого за преступления небольшой тяжести, допускается лишь в случае, если за это посягательство в соответствии с положениями УК РФ (с учетом правил Общей его части и санкции) может быть назначено лишение свободы, либо при наличии предусмотренных ч. 1 ст. 108 УПК РФ исключительных случаев для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу (абз. 3 п. 36).

Что касается меры пресечения в виде запрета определенных действий, то следует учитывать, что одним из ограничений, возлагаемых на подозреваемого, обвиняемого, может являться запрет выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает (п. 1 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ). По своим существенным характеристикам данный запрет схож с ограничением права на свободу и личную неприкосновенность, которое предусмотрено при применении

домашнего ареста. Более того, необходимо иметь в виду, что правовые позиции Конституционного Суда РФ, констатирующие необходимость соблюдения гарантий прав личности при помещении под домашний арест (от 6 декабря 2011 г. № 27-П, от 22 марта 2018 г. № 12-П), высказаны до принятия Федерального закона от 18 апреля 2018 г. [7], т. е. по отношению к ст. 107 УПК РФ в редакции, которая предусматривала не только полную, но и частичную изоляцию «подследственных» от общества.

Исходя из изложенного, следует согласиться с мнением, что запрет выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором проживает подозреваемый, обвиняемый (п. 1 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ), может применяться к лицам, преследуемым за совершение преступлений небольшой тяжести, к которым заключение под стражу обычно не применимо, однако по общему правилу его применение также должно соотноситься с возможностью назначения лицу наказания в виде лишения свободы [8, с. 99].

Срок применения запрета выходить в определенные периоды времени за пределы помещения, в котором проживает подозреваемый, обвиняемый, не может превышать по уголовным делам: о преступлениях небольшой тяжести – 12 месяцев; о тяжких преступлениях – 24 месяца; об особо тяжких преступлениях – 36 месяцев (ч. 10 ст. 105¹ УПК РФ). Время запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ, засчитывается в срок содержания под стражей из расчета два дня его применения за один «стражний день» (п. 1¹ ч. 10 ст. 109 УПК РФ). Полагаем, что при исчислении предельного срока соответствующего запрета также необходимо учитывать сроки содержания под стражей и домашнего ареста. Анализ ч. 3⁴ ст. 72 УК РФ и п. 1¹ ч. 10 ст. 109 УПК РФ позволяет сделать вывод, что здесь должны применяться следующие формулы расчета: два дня «запрета выхода из жилого помещения в определенное время» за один день содержания под стражей; один день «запрета» за один день домашнего ареста.

«Соразмерность процессуальных ограничений грозящему наказанию» тесно связана с требованием «экономии процессуального принуждения». Однако их не следует отождествлять. Если «соразмерность» позволяет устанавливать пределы использования компетентным органом права на дискреционное усмотрение применять ту или иную меру пресечения, то «экономия принуждения» является требованием, относящимся к процессу выбора средства воздействия (в рамках пределов, которые соответствуют «соразмерности»).

Еще Ч. Беккариа отмечал, что «предварительное заключение... должно быть как можно менее продолжительно и как можно менее сурово. Наименьшая продолжительность должна определяться временем, требуемым для расследования дела, и очередностью; задержанный раньше имеет право на то, чтобы его и судили прежде других. Предварительное заключение должно быть суровым лишь настолько, насколько это необходимо

для воспрепятствования побегу или сокрытия доказательств преступления» [9, с. 115].

Формулируя систему мер пресечения, содержащих разносторонние обязательства, запреты и обременения (ст. 98 УПК РФ), законодатель предоставляет компетентному лицу возможность выбора конкретного средства процессуального воздействия, которое позволит обеспечить производство по уголовному делу и (или) исполнение приговора (ч. 1 и 2 ст. 97 УПК РФ). Если задачи уголовного судопроизводства могут быть решены без применения принуждения или с применением принуждения сравнительно небольшой степени, то следователь, суд должны идти по пути наименьшего предупредительного воздействия [10, с. 92]. «Подследственный» вправе рассчитывать на применение к нему лишь тех ограничений, которые вызваны необходимостью. «Корреляция между налагаемыми на обвиняемого обременениями и теми целями, достижению которых они служат, не только обеспечивает исполнение обязанностей, но и позволяет избежать чрезмерных ограничений свободы лица, еще не признанного виновным» [11, с. 20].

На международном уровне рассматриваемое требование, в частности, закреплено в Токийских правилах [12]. Здесь отмечается, что «предварительное заключение под стражу используется в судопроизводстве по уголовным делам как крайняя мера», она должна «длиться не дольше, чем необходимо для достижения целей...» «расследования предполагаемого правонарушения и защиты общества и жертвы» (п. 6.1 и п. 6.2); «в соответствии с характером и степенью тяжести правонарушения, личностью и биографией правонарушителя, а также с интересами защиты общества и во избежание неоправданного применения тюремного заключения система уголовного правосудия должна предусматривать широкий выбор мер, не связанных с тюремным заключением», причем «альтернативы предварительному заключению под стражу» должны применяться «как можно раньше» (п. 2.3 и п. 6.2); «не связанные с тюремным заключением меры следует применять в соответствии с принципом минимального вмешательства» (п. 2.6), который означает, «что все меры пресечения и содержащиеся в них ограничения должны оцениваться с позиции необходимости и достаточности для обеспечения надлежащего поведения обвиняемого, соответствующего его процессуальному статусу и установленному порядку уголовного судопроизводства» [11, с. 20–21].

Требование «экономии процессуального принуждения» вытекает из охранительного назначения уголовного судопроизводства (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). В части 1 ст. 105¹, ч. 1 ст. 107 и ч. 1 ст. 108 УПК РФ прямо указывается, что заключение под стражу, домашний арест, запрет определенных действий должны избираться при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения. Кроме того, законодатель уделяет достаточно большое внимание регламентации разумных сро-

ков процессуального воздействия (ст. 6¹, 107, 109, 255 УПК РФ и др.).

Важность соблюдения требования «экономии процессуального принуждения» подчеркивается в постановлении № 41. В разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ (напр., пп. 3, 4, 8, 36 и 42¹) указывается, что более строгая мера пресечения должна избираться только после обсуждения возможности применения более мягкой меры пресечения; заключение под стражу должно являться исключительным средством воздействия.

Обеспечить установленный порядок производства и исполнение приговора мерами принуждения, содержащими минимальные ограничения, в ряде случаев невозможно. Следует учитывать, что применение меры пресечения, как правило, основывается на доказательствах, которые позволяют сделать пусть и обоснованный, но лишь вероятностный вывод о будущем ненадлежащем поведении подозреваемого, обвиняемого. Предположения следователя о возможности наступления обстоятельств, перечисленных в ст. 97 УПК РФ, – это гипотезы о тех событиях, которые только могут произойти в будущем. В большинстве случаев следователю приходится основывать свое решение о применении меры пресечения на сведениях, которые лишь косвенным образом указывают на такие намерения [13, с. 172]. Соответственно, и цели, которые ставятся перед определенной мерой пресечения в конкретном производстве, и сама возможность их достижения посредством использования этой меры принуждения в значительной степени имеют прогностический характер. При угрозе возникновения любого из указанных в ст. 97 УПК РФ обстоятельств надлежащее поведение подозреваемого, обвиняемого может быть обеспечено абсолютно только при заключении данного лица под стражу, в каких-то случаях – при его помещении под домашний арест. Остальные меры пресечения фактически выступают факторами морального сдерживания, «работающими» в силу принятия преследуемым лицом соответствующего обязательства и адекватной оценки возможных последствий его нарушения [11, с. 21]. На практике это затрудняет выбор конкретной меры пресечения, предполагает усмотрение правоприменителя. В этой связи актуальным становится вопрос о «справедливости» применения меры пресечения.

Категория «справедливость» используется в доктрине уголовного судопроизводства в различных смыслах. Но важно учитывать, что данный термин упоминается в УПК РФ исключительно в материальном значении, причем по отношению к единственному решению – приговору, а критерием справедливости приговора выступает справедливость назначаемого наказания (ч. 2 ст. 6, ч. 2 ст. 389¹⁸). Делая акцент на уголовно-правовой составляющей, мы поддерживаем мнение коллег, которые считают, что справедливость в уголовном процессе проявляется при избрании меры пресечения, поскольку должностные лица, осуществля-

ющие судопроизводство, действуют по своему усмотрению и выбирают между несколькими возможными вариантами процессуальных решений [14, с. 104]; при этом избираемые меры уголовно-процессуального принуждения должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, т. е. быть справедливыми [4, с. 94]. Такое понимание не отрицается Конституционным и Верховным судами РФ, распространяющими требование «справедливости» на судебные акты досудебного производства [3; 15].

В процессуальной доктрине выдвигались предложения о необходимости «твердой увязки» системы мер пресечения с тяжестью предъявленного обвинения, со строгостью уголовно-правовой санкции [13, с. 184–187; 16, с. 40], о согласовании мер пресечения с конкретными видами наказания [17, с. 9]. По мнению О. И. Цоколовой, это могло бы иметь решающее значение для укрепления законности в практике избрания и применения мер принуждения. Ограничивая следователя и суд жесткими рамками, закон поставил бы преграду произволу с их стороны, обеспечил бы гарантии прав обвиняемого на справедливую меру пресечения в зависимости от содеянного. Основания применения мер пресечения в таком случае стали бы ясными и четкими, даже очевидными, что привело бы к единообразию практики и само по себе стало бы гарантией законности [13, с. 184].

Предложения авторов являются интересными, они нацелены на уменьшение случаев ограничения свободы и неприкосновенности личности при производстве по делу. Однако данные суждения имеют ряд «слабых мест». На них мы указывали ранее [18, с. 151–156]. Следует, например, учитывать, что при постановлении приговора по делу о преступлении, по которому в качестве санкции возможно лишение свободы, суд, определяя вид и размер уголовно-правового воздействия, обязан назначить справедливое наказание, которое может быть и мягче, чем лишение свободы, а при назначении лишения свободы – меньше срока содержания под стражей, отбытого в качестве меры пресечения. При этом УПК РФ содержит средства правовой защиты от произвольного или длительного содержания под стражей – как превентивного, так и компенсаторного характера, включая возмещение вреда, причиненного необоснованным содержанием под стражей [19].

При определении вида меры пресечения должны учитываться тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого, обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства (ст. 99 УПК РФ). Исходя из этого, «справедливыми» могут считаться лишь те процессуальные запреты и ограничения, которые вызваны необходимостью с учетом обстоятельств: а) связанных с деянием и б) относящихся к личности, привлекаемой к уголовной ответственности.

Тяжесть преступления (ст. 15 УК РФ) является объективным обстоятельством. Градация криминальных посягательств на категории (небольшой тяжести, средней, тяжкие и особо тяжкие преступления) произведена законодателем по материальному признаку, включающему качественную характеристику противоправного деяния – характер общественной опасности (зависит от значимости объекта посягательства) и количественную составляющую – степень общественной опасности (на нее влияют величина ущерба, форма вины, способы совершения деяния, стадия совершения преступления и др.).

Сведения о личности преследуемого, его возрасте, состоянии здоровья и т. п. необходимо рассматривать через призму обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, в соответствии со ст. 61 и 63 УК РФ, а также иных обстоятельств, влияющих на назначение наказания. Более мягкую меру пресечения следует избирать в ситуациях, когда подозреваемый, обвиняемый является: несовершеннолетним, совершил впервые преступление небольшой или средней тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств, в состоянии беременности и т. п. Напротив, к обстоятельствам, свидетельствующим о необходимости избрать более строгую меру пресечения, необходимо отнести: рецидив преступлений, совершение преступления в составе группы, особо активную роль в совершении преступления, совершение преступления родителем или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, и т. п.

Обратим внимание на еще один важный аспект. Высший судебный орган конституционного контроля в РФ для обеспечения соразмерности процессуальных ограничений предлагает учитывать и тяжесть инкриминируемого преступления, личность преследуемого, и его поведение в период производства по уголовному делу, а также наказание, которое в случае признания его виновным в совершении преступления может быть назначено и может подлежать реальному отбытию с учетом уголовно-правовых институтов освобождения от наказания и смягчения наказания [15]. Таким образом, строгость меры пресечения должна обуславливаться не санкцией за преступление, а реальным уголовным наказанием, которое может быть назначено судом обвиняемому и подлежит реальному отбытию.

В пункте 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 41 отмечается, что при заключении под стражу надлежит придавать значение поведению лица после совершения преступления, в частности явке с повинной, активному способствованию раскрытию и расследованию преступления, заглаживанию причиненного в результате преступления вреда, т. е. тем обстоятельствам, которые учитываются и при назначении наказания [3].

Исходя из предложенных судебными органами позиций, полагаем, что при определении соразмерности процессуальных ограничений грозящему наказанию следует учитывать правила назначения наказания при наличии смягчающих

обстоятельств. Так, согласно ч. 2, 4 и 5 ст. 62 УК РФ, а также ч. 6 ст. 226⁹, ч. 7 ст. 316, ч. 5 ст. 317⁷ УПК РФ, в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствииотягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания по статье Особенной части УК РФ, а если предусмотрены пожизненное лишение свободы или смертная казнь – двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания в виде лишения свободы, указанного в статье Особенной части УК РФ. Кроме того, срок или размер наказания, назначаемого лицу, уголовное дело в отношении которого рассмотрено в порядке гл. 40 УПК РФ, не может превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания за совершенное преступление, а после проведения дознания в сокращенной форме (гл. 32¹ УПК РФ) – одной второй максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

Таким образом, при выяснении в ходе уголовного производства обстоятельств, смягчающих наказание, применении особых порядков (гл. 32¹, 40, 40¹ УПК РФ) характер и сроки мер пресечения должны быть соразмерны грозящему уголовно-правовому воздействию с учетом перечисленных законодательных ограничений. Следует своевременно ставить на рассмотрение вопрос об изменении меры пресечения.

Например, за совершение неправомерного завладения автомобилем без цели хищения (ч. 1 ст. 166 УК РФ) предусмотрено максимальное наказание в пять лет лишения свободы. В случаях, когда дознание по делу об этом преступлении осуществляется в сокращенной форме, предположительное наказание не сможет превысить половины от максимального срока, т. е. 2 лет и 6 месяцев лишения свободы (ч. 5 ст. 62 УК РФ, ч. 6 ст. 226⁹ УПК РФ). Таким образом, содержание под стражей подозреваемого, заявившего ходатайство о «сокращенном дознании», не будет соответствовать правилу «соразмерности принуждения грозящему наказанию».

Библиографический список

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2011 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А. Т. Федина». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123019.

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности положений части третьей – седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина С. В. Махина». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://bazanra.ru/konstitutsionnyi-sud-rf-postanovlenie-n23-p-ot16072015-h2556633>.

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184.

4. Головинская И. В. Институт мер пресечения: проблемы диверсификации и варианты их разрешения // Современное право. 2016. № 3. С. 90–96. URL: <https://s.sovremennoepravo.ru/283722>.

5. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 г. // Рос. газета. 2017. 17 мая. URL: <https://rg.ru/2017/05/17/doklad-dok.html>.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2018 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Костромина». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-konstitutsionnogosuda-rf-ot-22032018-n-12-p>.

7. Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_296073.

8. Гричаниченко А. Запрет определенных действий и домашний арест // Уголовное право. 2019. № 6. С. 97–103. URL: <https://e.ugpr.ru/778687>.

9. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В. С. Овчинского. Москва, 2004. 184 с. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/57757-bekkaria-ch-o-prestupleniyah-i-nakazaniyah-spb-1806#mode/inspect/page/1/zoom/4>.

10. Гриненко А. В., Иванов Д. А. Совершенствование мер процессуального принуждения в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2 (46). С. 91–96. DOI: <http://doi.org/10.24411/2078-5356-2019-10215>.

11. Лазарева В. А., Вершинина С. И. Процессуальный статус участников уголовного судопроизводства как фактор, обуславливающий содержание и состав системы мер пресечения // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2020. № 1 (40). С. 17–25. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42652651>.

12. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила). Приняты резолюцией 45/110 Генеральной ассамблеи от 14 декабря 1990 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/tokyo_rules.shtml.

13. Цоколова О. И. Меры уголовно-процессуального принуждения, состоящие в изоляции подозреваемого, обвиняемого. Москва, 2008. 310 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19787725>.

14. Цоколова О. И. Есть ли справедливость на досудебных стадиях уголовного судопроизводства? // Современные проблемы законности и справедливости в уголовном процессе Российской Федерации: материалы междунар.

науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию заслуженного юриста Российской Федерации, д-ра юрид. наук, проф. Анатолия Петровича Гуляева. Москва, 2014. С. 101–106.

15. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений УПК РФ, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-22032005-n>.

16. Михайлов В. А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. Москва, 1996. 304 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27227436>.

17. Гусельникова Е. В. Заключение под стражу в системе мер пресечения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2001. 24 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000313769.

18. Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация: монография. Омск, 2017. 228 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29961293>.

19. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности положений части третьей – седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина С. В. Махина». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

References

1. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 6 dekabria 2011 g. № 27-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti stat'i 107 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v svyazi s zhaloboi grazhdanina Estonskoi Respubliki A. T. Fedina»* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 6, 2011 № 27-P «In the case of checking the constitutionality of Article 107 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of a citizen of the Republic of Estonia A. T. Fedin»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123019 [in Russian].

2. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 16 iulia 2015 g. № 23-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti polozhenii chasti tret'ei – sed'moi stat'i 109 i chasti tret'ei stat'i 237 UPK RF v svyazi s zhaloboi grazhdanina S. V. Makhina»* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 16, 2015 №. 23-P «In the case of checking the constitutionality of provisions of part three – seven of Article 109 and part three of Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen S. V. Makhin»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://bazanpa.ru/konstitutsionnyi-sud-rf-postanovlenie-n23-p-ot16072015-h2556633> [in Russian].

3. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 19 dekabria 2013 g. № 41 «O praktike primeneniia sudami zakonodatel'stva o merakh presecheniia v vide zakliucheniia pod strazhu, domashnego aresta, zaloga i zapreta opredelennykh deistvii»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 19, 2013 № 41 «About the practice of

application by the courts of the legislation on measures of restraint in the form of detention, house arrest, bail and prohibition of certain actions»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184 [in Russian].

4. Golovinskaya I. V. *Institut mer presecheniia: problemy diversifikatsii i varianty ikh razresheniia* [Institute of preventive measures: problems of diversification and options for their resolution]. *Sovremennoe pravo* [Modern Law], 2016, no. 3, pp. 90–96. Available at: <https://s.sovremennoepravo.ru/283722> [in Russian].

5. *Doklad o deiatel'nosti Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiiskoi Federatsii za 2016 g.* [Report on the activities of the Human Rights Commissioner for the Russian Federation for 2016]. *Rossiiskaia gazeta* [Russian newspaper], 2017, May 17. Available at: <https://rg.ru/2017/05/17/doklad-dok.html> [in Russian].

6. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 22 marta 2018 g. № 12-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti chastei pervoi i tret'ei stat'i 107 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v svyazi s zhaloboi grazhdanina S. A. Kostromina»* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 22, 2018 № 12-P «In the case of checking the constitutionality of parts one and three of Article 107 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen S. A. Kostromin»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-22032018-n-12-p> [in Russian].

7. *Federal'nyi zakon ot 18 apreilia 2018 g. № 72-FZ «O vnosenii izmenenii v Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii v chasti izbraniia i primeneniia mer presecheniia v vide zapreta opredelennykh deistvii, zaloga i domashnego aresta»* [Federal Law № 72-FZ dated April 18, 2018 «On amendments being made to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regarding the election and application of preventive measures in the form of prohibition of certain actions, bail and house arrest»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_296073 [in Russian].

8. Grichanichenko A. *Zapret opredelennykh deistvii i domashnii arest* [Prohibition of certain actions and house arrest]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], 2019, no. 6, pp. 97–103. Available at: <https://e.ugpr.ru/778687> [in Russian].

9. Beccaria Ch. *O prestupleniakh i nakazaniakh. Sost. i predisl. V. S. Ovchinskogo* [About crimes and punishments. Compiler and preface by V. S. Ovchinsky]. Moscow, 2004, 184 p. Available at: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/57757-bekkaria-ch-o-prestupleniyah-i-nakazaniyah-spb-1806#mode/inspect/page/1/zoom/4> [in Russian].

10. Grinenko A. V., Ivanov D. A. *Sovershenstvovanie mer protsessual'nogo prinuzhdeniia v rossiiskom ugolovnom sudoproizvodstve* [Improvement of measures of procedural coercion in Russian criminal proceedings]. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Journal of Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs of Russia], 2019, no. 2 (46), pp. 91–96. DOI: <http://doi.org/10.24411/2078-5356-2019-10215> [in Russian].

11. Lazareva V. A., Vershinina S. I. *Protsessual'nyi status uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva kak faktor, obuslavlivaiushchii sodержание i sostav sistemy mer presecheniia* [The procedural status of the participants in criminal proceedings as a factor determining the content and composition of the preventive measures system]. *Vektor*

- nauki TGU. Seriya: Iuridicheskie nauki* [Science Vector of Togliatti State University. Series: Legal Sciences], 2020, no. 1 (40), pp. 17–25. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42652651> [in Russian].
12. *Minimal'nye standartnye pravila Organizatsii Ob"edinennykh Natsii v otnoshenii mer, ne svyazannykh s tiurnym zakliucheniem (Tokiiskie pravila). Priniaty rezoliutsiei 45/110 General'noi assamblei ot 14 dekabria 1990 g.* [Standard minimum rules of the United Nations in respect of measures not connected with imprisonment (Tokyo rules). Adopted by the General Assembly resolution 45/110 dated December 14, 1990]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/tokyo_rules.shtml [in Russian].
13. Tsokolova O. I. *Mery ugovolno-protssessual'nogo prinuzhdeniia, sostoiashchie v izoliatsii podozrevaemogo, obviniaemogo* [Measures of criminal procedural compulsion consisting in isolation of the suspect, the accused]. Moscow, 2008, 310 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19787725> [in Russian].
14. Tsokolova O. I. *Est' li spravedlivost' na dosudebnykh stadiakh ugovolnogo sudoproizvodstva?* [Is there any justice in the pre-trial stages of criminal proceedings?]. In: *Sovremennye problemy zakonnosti i spravedlivosti v ugovolnom protsesse Rossiiskoi Federatsii: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posviashchennoi 80-letiiu zaslužennogo iurista Rossiiskoi Federatsii, d-ra iurid. nauk, prof. Anatoliia Petrovicha Guliaeva* [Modern problems of legality and justice in the criminal process of the Russian Federation: International research and practical conference dedicated to the 80th anniversary of the honored lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, professor Anatoly Petrovich Gulyaev]. Moscow, 2014, pp. 101–106 [in Russian].
15. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 22 marta 2005 g. № 4-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti riada polozhenii UPK RF, reglamentiruiushchikh poriadok i sroki primeneniia v kachestve mery presecheniia zakliucheniia pod strazhu na stadiakh ugovolnogo sudoproizvodstva, sleduiushchikh za okonchaniem predvaritel'nogo rassledovaniia i napravleniem ugovolnogo dela v sud, v sviazi s zhalobami riada grazhdan»* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 22, 2005 № 4-P «In the case of checking the constitutionality of several provisions of the Code of Criminal Procedure, regulating the order and terms of application as a preventive measure of detention on stages of criminal proceedings following the completion of the preliminary investigation and forward the case to the court in connection with complaints of some citizens»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-22032005-n> [in Russian].
16. Mikhailov V. A. *Mery presecheniia v rossiiskom ugovolnom protsesse* [Measures of restraint in the Russian criminal process]. Moscow, 1996, 304 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27227436> [in Russian].
17. Guselnikova E. V. *Zakliuchenie pod strazhu v sisteme mer presecheniia: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Detention in the system of preventive measures: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Tomsk, 2001, 24 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000313769 [in Russian].
18. Muravev K. V. *Mery protsessual'nogo prinuzhdeniia – osoby sredstva ugovolno-pravovogo vozdeistviia: doktrina, primeneniie, optimizatsiia: monografiia* [Measures of procedural coercion are special means of criminal influence: doctrine, application, optimization: monograph]. Omsk, 2017, 219 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29961293> [in Russian].
19. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 16 iulia 2015 g. № 23-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti polozhenii chasti tret'ei – sed'moi stat'i 109 i chasti tret'ei stat'i 237 UPK RF v sviazi s zhaloboi grazhdanina S. V. Makhina»* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 16, 2015 №. 23-P «In the case of checking the constitutionality of provisions of part three – seven of Article 109 and part three of Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen S. V. Makhin»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://bazanpa.ru/konstitutsionnyi-sud-rf-postanovlenie-n23-p-ot16072015-h2556633> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-4-80-87
УДК 343.13

Дата: поступления статьи / Submitted: 12.08.2020
после рецензирования / Revised: 17.09.2020
принятия статьи / Accepted: 27.11.2020

Научная статья / Scientific article

Ю. В. Кувалдина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: iyulia79@mail.ru

ОСОБЫЙ ПОРЯДОК СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПРИ СОГЛАСИИ ОБВИНЯЕМОГО С ПРЕДЪЯВЛЕННЫМ ОБВИНЕНИЕМ: ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИНЯТОЙ К ЗАКОНУ ПОПРАВКИ

Аннотация: В статье высказываются предположения о возможных последствиях изменения Федеральным законом от 20.07.2020 № 224-ФЗ редакции ч. 1 ст. 314 УПК РФ. Согласно этой поправке, уголовные дела о тяжких преступлениях теперь будут рассматриваться в общем порядке, если с обвиняемым не заключено досудебного соглашения о сотрудничестве. Актуальность данной новеллы обусловлена тем, что законодатель в очередной раз пересмотрел подход к определению критериев упрощения уголовно-процессуальной формы. В этой связи практика в ближайшее время может столкнуться с новыми или, точнее, хорошо забытыми старыми проблемами, относящимися к периоду начала судебной реформы в 1991 г. Ряд вопросов, связанных с обеспечением права обвиняемого на особый порядок судебного разбирательства, потребует и научного осмысления. Автор анализирует зарубежное законодательство, ранее и ныне действующее отечественное уголовно-процессуальное законодательство, мнения по данному вопросу представителей высших звеньев судебной системы, прокуратуры и адвокатуры, ученых, статистические данные и обзоры деятельности судов общей юрисдикции по уголовным делам за 2019 г. Автор приходит к выводу, что в России возможность применения упрощенного порядка, связанного с сокращением или отказом от судебного следствия, прямо не ставилась в зависимость от тяжести совершенного преступления, а предпринятая законодателем реформа особого порядка судебного разбирательства несвоевременна и не обеспечена ни кадровыми, ни материально-техническими, ни финансовыми ресурсами. Снижение числа приговоров, постановленных в особом порядке, по убеждению автора, произойдет за счет ущемления права обвиняемых в тяжких преступлениях на рассмотрение дела в процедуре, предусмотренной гл. 40 УПК РФ. В этой связи в статье обозначаются направления дальнейшего развития особого порядка судебного разбирательства, усиливающие его консенсуальную природу и обеспечивающие гарантии прав обвиняемых и потерпевших в этой процедуре.

Ключевые слова: особый порядок судебного разбирательства, справедливое правосудие, смягчение наказания, преступления тяжкие, средней и небольшой тяжести, ограничение прав обвиняемого

Цитирование. Кувалдина Ю. В. Особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением: последствия принятой к закону поправки // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 4. С. 80–87. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-80-87>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Ju. V. Kuvaldina

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: iyulia79@mail.ru

SPECIAL PROCEDURE OF TRIAL IN CASE OF CONSENT OF THE ACCUSED WITH THE CHARGE BROUGHT: THE CONSEQUENCES OF THE AMENDMENT TO THE LAW

Abstract: The article makes assumptions about the possible consequences of changes made by the Federal Law as of July 20, 2020, No. 224-FZ in edition of the Part 1 of Article 314 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. According to this amendment, criminal cases on grave crimes will now be considered in the general order, unless a pre-trial cooperation agreement is concluded with the accused. The relevance of this novel is due to the fact that the legislator has once again revised the approach to defining the criteria for simplifying the criminal procedural form. In this regard, practice in the near future may face new or, more precisely, well forgotten old problems related to the period of the beginning of the judicial reform in 1991. A number of issues related to ensuring the right of the accused to a special order of trial will require scientific understanding. The author analyzes foreign legislation, previously and current domestic criminal procedure legislation, opinions on this issue of representatives of the highest levels of the judicial system, prosecutor's office and the legal profession, scientists, statistical data and reviews of the activities of courts of general jurisdiction in criminal cases in 2019. The author comes to the conclusion that in Russia the possibility of applying a simplified procedure associated with the reduction or refusal of the judicial investigation was not directly dependent on the severity of the crime committed, and the reform of the special procedure for judicial proceedings undertaken by the legislator is untimely and is not provided with either personnel or material technical or financial resources. According to the author, the decrease in the number of sentences passed in a special order will occur due to the infringement of the right of those accused of serious crimes to be tried in the procedure provided for in Chapter 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. In this regard, the article outlines the directions for the further development of a special procedure for judicial proceedings, strengthening its consensual nature and ensuring the guarantees of the rights of the accused and victims in this procedure.

Key words: special procedure of trial, fair justice, mitigation of punishment, grave crimes, medium and minor gravity, restriction of the rights of the accused.

Citation. Kuvaldina Ju. V. *Osobyi poriadok sudebnogo razbiratel'stva pri soglasii obviniaemogo s pred"iavlennym obvineniem: posledstviia priniatoi k zakonu popravki* [Special procedure of trial in case of consent of the accused with the charge brought: the consequences of the amendment to the law]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 4, pp. 80–87. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-80-87> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Юлия Владимировна Кувалдина – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема кандидатской диссертации: «Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России». Автор 51 научной работы, в том числе монографии «Компромисс как способ разрешения уголовно-правовых конфликтов в России» (2014).

Область научных интересов: досудебное соглашение о сотрудничестве, судебный штраф, примирение сторон, деятельное раскаяние, сокращенное дознание, особый порядок судебного разбирательства при согласии с обвинением.

Федеральным законом от 20.07.2020 № 224-ФЗ статья 314 УПК РФ в части регулирования применения особого порядка судебного разбирательства по категориям преступлений была возвращена к первоначальной редакции. Теперь, как и до 4 июля 2003 г., в этой упрощенной процедуре могут рассматриваться уголовные дела о преступлениях небольшой и средней тяжести. Возможность использования особого порядка по делам о тяжких преступлениях исключена. Попробуем разобраться, станет ли более эффективной процедура, урегулированная гл. 40 УПК РФ, после внесения данной поправки.

Изменение условий рассмотрения уголовного дела в российском особом порядке судебного разбирательства в целом соответствует континентальной традиции. В странах Западной Европы применяются согласительные процедуры, сходные по природе с отечественным производством, урегулированным гл. 40 УПК РФ. Зарубежные согласительные процедуры предполагают сокращение судебного производства или отказ от него в случае согласия лица с предъявленным обвинением (признания вины). Сокращение стадии судебного разбирательства, как правило, допускается по делам о преступлениях, за которые назначается наказание в виде лишения свободы на сроки, не превышающие 5–6 лет (ст. 655 УПК Испании, ст. 436 УПК Италии, ст. 186 УПК Чехии) [1]. Отказ от этой стадии возможен по делам о малозначительных преступлениях, наказание за которые не связано с лишением свободы (прямой вызов в суд во Франции, Австрии, признание вины по почте в Великобритании) [2, с. 49]. В то же время широко известная в процессуальном мире американская сделка о признании вины применяется по делам о преступлениях любой степени тяжести.

© Julia V. Kuvaldina – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Preconditions and prospects for the development of compromise ways of resolution of criminal law conflicts in Russia». Author of 51 scientific works, including monograph «Compromise as a way to resolve criminal law conflicts in Russia» (2014).

Research interests: pre-trial cooperation agreement, judicial penalty, reconciliation of the parties, active remorse, abbreviated inquiry, special order of trial with the acceptance of accusation.

Отечественная процессуальная история тоже знает похожие процедуры. Так, согласно ст. 681 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. допускалось сокращение судебного следствия в окружных судах при рассмотрении дела присяжными заседателями. При этом подсудность окружных судов с участием присяжных заседателей включала все преступления и проступки, изъятые у мировых судей (ст. 201 УУС). Среди них были и тяжкие преступления, за совершение которых лицо, признанное виновным, могло быть лишено всех прав состояния. Лишение прав состояния являлось весьма жесткой санкцией, которая применялась для охраны наиболее значимых общественных отношений – интересов государства, жизни и здоровья, чести частных лиц, порядка управления и т. д. В 1912 г. возможность сокращения судебного следствия появилась и при рассмотрении дел мировыми судьями (ст. 91.1 УУС), которым были подсудны дела о преступлениях, самое строгое наказание за которые составляло один год лишения свободы (ст. 33 УУС). Послеревolutionный уголовный процесс также предусматривал возможность сокращения судебного следствия, причем при рассмотрении дел как народными судьями, так и губернскими судами (ст. 282 УПК РСФСР 1923 г.). Последним были подсудны дела, в том числе о преступлениях, которые сегодня признаются тяжкими и особо тяжкими (убийство, изнасилование и т. д.) (ст. 26 УПК РСФСР 1923 г.). Кроме того, в соответствии со ст. 360–365 УПК РФ дела, по которым не требовалось производство предварительного следствия, могли быть рассмотрены в дежурных камерах народного суда. К несложным относились дела, по которым задержанный признавал свою вину в совершении преступления. При этом среди преступлений, дела о которых рассматривались дежурными камерами, были и тяжкие, напри-

мер умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее опасное для жизни расстройство здоровья, душевную болезнь, потерю зрения, слуха или какого-либо иного органа, или неизгладимое обезображение лица (ст. 149 УК РСФСР 1922 г.). Упрощенной в этом производстве была как его судебная, так и досудебная часть. УПК РСФСР 1923 г. (ст. 366–372) предусматривал также процедуру постановления приговора в порядке выдачи судебного приказа. Такая процедура допускалась в основном по делам о преступлениях против народного здоровья, общественной безопасности и публичного порядка, за совершение которых предусматривалось наказание в виде принудительных работ или штрафа до 300 рублей золотом. УПК РСФСР 1960 г. в редакции Закона РФ от 16.07.1993 № 5451-1 и Федерального закона от 07.08.2000 № 119-ФЗ устанавливал возможность сокращения судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей и мировом суде (ч. 2 ст. 446, ст. 475). Если мировому суду были подсудны дела о некоторых преступлениях, наказание за которые не превышает двух лет лишения свободы, то суду присяжных – дела о преступлениях тяжких и особо тяжких (квалифицированные составы убийства и изнасилования, терроризм, бандитизм и т. д.) (ст. 36, 421, 467).

Таким образом, ранее действовавшее процессуальное законодательство России прямо не связывало сокращение судебного следствия с определенной категорией преступления. Оно было возможно и по делам о тяжких преступлениях.

Теперь обратимся к мнению научного сообщества относительно данной поправки. Большинство ученых признают правильность позиции законодателя о сужении круга преступлений, по которым дело может быть рассмотрено в особом порядке. Главный редактор журнала «Уголовный процесс» И. Рамазанов назвал это изменение «эпохой возрождения» уголовного процесса России [3]. Одобряет данное нормативное ограничение и Л. В. Головкин. По мнению профессора, законодатель в своем увлечении «договорными отношениями» в уголовном процессе давно перешел черту, отделяющую «правосудие от конвейера» [4, с. 79]. По мнению О. В. Качаловой, поправка в ст. 314 УПК РФ «не лишает обвиняемых по делам о тяжких преступлениях никаких прав», а напротив, создает дополнительные гарантии их защиты, поскольку обеспечивает состязательную процедуру рассмотрения таких дел [5].

В то же время высказываются и противоположные мнения. Так, Н. В. Азаренок отмечает, что выбор процедуры, урегулированной гл. 40 УПК РФ, обвиняемыми и их защитниками связан как раз с несовершенством общего порядка судебного разбирательства. В обычной судебной процедуре «шансов доказать свою невиновность или получить иной желаемый результат... прак-

тически нет. В итоге люди руководствуются сугубо прагматическим подходом – не тратят свое время, деньги и не рискуют навлечь на себя негодование со стороны прокурора и суда» [6, с. 50–51]. Автор делает вывод, что необходимо сначала реформировать общий, а уже затем особый порядок судебного разбирательства. Н. А. Колоколов считает сужение возможности применения особого порядка по категориям преступлений «шагом назад» в развитии компромиссных, договорных процедур. По мнению ученого, значительные объемы применения особого порядка судебного разбирательства обусловлены многими факторами. Это – и влияние мировой практики, в которой различные варианты упрощенных и ускоренных судебных процедур весьма распространены, и положительное отношение правоприменителя к особому порядку, и потребности в формировании новой стратегии общения с правонарушителями, а также экономии затрат государства на борьбу с преступлениями. Кроме того, автор отмечает, что стремление к сокращению процесса было характерно для практических работников всегда [7, с. 3–10].

Данная законодательная новелла, инициатором которой выступал Верховный Суд РФ, была поддержана и Генеральной прокуратурой РФ, и Федеральной палатой адвокатов. При этом представители каждого из высших звеньев указывают на различные положительные эффекты, которые должно принести данное нововведение, – обеспечение действия принципа состязательности и других гарантий справедливого правосудия по делам о тяжких преступлениях¹, снижение количества судебных ошибок, повышение качества расследования², профессионального уровня судей, прокуроров, защитников³. Одновременно ими дается отрицательная оценка особого порядка судебного разбирательства: фантомность смягчения наказания лицам, согласившимся на эту процедуру; оказание органами расследования давления на обвиняемых с целью добиться от них признания вины в совершении преступления; заинтересованность должностных лиц органов расследования в

¹ Проект Федерального закона № 690652-7 «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.08.2020).

² Выступление Генерального прокурора РФ Юрия Чайки на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ, посвященном итогам работы органов прокуратуры за 2018 г. и задачам по укреплению законности и правопорядка на 2019 г. URL: <http://www.genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1573512> (дата обращения: 05.08.2020).

³ Приобретения от закона очевидны. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/priobreteniya-ot-zakona-ochevidny> (дата обращения: 15.07.2020).

отсутствии оценки судом собранных ими по делу доказательств.

Выскажем и мы свое суждение по данной поправке. Верховный Суд РФ в пояснительной записке к законопроекту указал, что в 2018 г. было рассмотрено в особом порядке 58 % уголовных дел от общего числа дел о тяжких преступлениях⁴. Цифра внушительная. Но можно обратиться и к другим данным, опубликованным на сайте Судебного департамента Верховного Суда РФ. От общего числа уголовных дел, рассмотренных в особом порядке в 2019 г., дела о тяжких преступлениях составляют только 14 %⁵. Данный показатель свидетельствует о том, что определенный «отбор» уголовных дел о тяжких преступлениях, по которым может быть применена особая процедура, происходит. В частности, судьи назначают судебное заседание в общем порядке, если придут к выводу о необходимости исследования доказательств, собранных по делу, в материалах отсутствуют показания обвиняемого, признающего свою вину в совершении преступления. Сами судьи говорят о том, что на рассмотрение по существу в особом порядке направляются дела, в которых нет ничего «неочевидного», «все» понятно. Часть 5 ст. 316 УПК РФ предоставляет суду право прекратить особый порядок судебного разбирательства в случае сомнения в обоснованности обвинения. И неиспользование этого права судьями в случаях, когда для этого имеются основания, – это огрех не нормативного регулирования процедуры, а ее практического применения. То же можно сказать о производстве предварительного расследования. Его специфика по уголовным делам, по которым потенциально может быть применен особый порядок судебного разбирательства, как раз состоит в том, что особенностей никаких нет. Расследование должно осуществляться в соответствии с общими требованиями, установленными главами 21–30 УПК РФ, без каких-либо изъятий. Проблема отсутствия у следователей стремления к всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела не может быть решена лишь путем установления законодательного запрета на использование процедуры, урегулированной гл. 40 УПК РФ, по делам о тяжких преступлениях. Немалую роль в усугублении этой проблемы играют и «палочная» система оценки работы следователей и дознавателей, и признание их законом участниками уголовного

судопроизводства со стороны обвинения и др. Высказываемое представителями адвокатского сообщества мнение, что особый порядок судебного разбирательства представляет выгоду только для стороны обвинения, представляется необъективным. В соответствии со ст. 314 и 315 УПК РФ ходатайство о согласии с предъявленным обвинением и рассмотрении дела в особом порядке обвиняемый заявляет после консультации с защитником и в его присутствии. Иными словами, выбор обвиняемым особой процедуры осуществляется не без участия защитника. И если последний по результатам изучения материалов уголовного дела приходит к выводу, что органы расследования не располагают доказательствами, подтверждающими предъявленное лицу обвинение, или что обвиняемый выразил свою волю на особый порядок под давлением правоохранителей, то его профессиональный и этический долг – убедить обвиняемого не заявлять такое ходатайство. Складывается впечатление, что в своей критике особого порядка судебного разбирательства представители высших звеньев судебной системы, прокуратуры и адвокатуры стараются переложить ответственность за недостатки своей деятельности в этой процедуре друг на друга. Очевидно, что законодатель, создавая то или иное производство, исходит из презумпции добросовестности и законопослушности самого правоприменителя. При этом нынешняя редакция ст. 217, гл. 40 УПК РФ предусматривает достаточные гарантии справедливого правосудия (обязанность следователя разъяснить обвиняемому право на заявление ходатайства об особой судебной процедуре; заявление такого ходатайства после ознакомления с материалами уголовного дела; право подсудимого возражать против продолжения рассмотрения дела в особом порядке и переходе в общий; обязанность суда прекратить особый порядок в случае сомнения в обоснованности обвинения и т. д.).

Спорным представляется и мнение о том, что уголовное дело о тяжком преступлении обязательно будет сложным в расследовании. Действительно, в большинстве случаев квалифицированные составы, связанные с наличием таких признаков, как группа лиц, крупный и особо крупный ущерб и др., относятся к тяжким преступлениям и обуславливают трудоемкость их расследования. Однако в ряде случаев тяжесть преступления может быть связана исключительно с длительностью сроков производства, обусловленных ожиданием результатов назначенных по делу экспертиз. Кроме того, не исключаются ситуации, когда тяжкое преступление совершается в условиях очевидности.

Для решения рассматриваемой проблемы некоторые авторы предлагают вывести из сферы применения особого порядка судебного разбирательства те составы тяжких преступлений, за совершение которых безальтернативно предусмо-

⁴ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258> (дата обращения: 22.07.2020).

⁵ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения: 22.07.2020).

тreno наказание в виде лишения свободы сроком до 10 лет. Впоследствии, если это потребуется для обеспечения гарантий справедливого правосудия, можно будет отказаться от применения этой процедуры по тем составам, за которые предусмотрено безальтернативное наказание в виде лишения свободы сроком до девяти, восьми, семи и шести лет [8, с. 244–245]. Такое решение вопроса отличается от законодательного лишь тем, что его исполнение растянуто во времени.

На наш взгляд, вопрос о применении особого порядка судебного разбирательства по делам о тяжких преступлениях должен решаться по усмотрению правоприменителя, опирающегося на закрепленные в законе основание, повод и условия использования процедуры, предусмотренной гл. 40 УПК РФ, конкретные обстоятельства уголовного дела и собранные доказательства. Иными словами, препятствием для рассмотрения дела в особом порядке является сложность в доказывании обстоятельств дела о тяжком преступлении. Это в большей мере соответствует пониманию компромиссной, договорной природы особого порядка судебного разбирательства. По сути, признание вины (согласие с предъявленным обвинением) можно рассматривать как поведение обвиняемого, свидетельствующее о его готовности сотрудничать со следствием. Данный вывод основывается на нормах ч. 4 ст. 317.6 и ч. 5 ст. 317.4 УПК РФ. Смысл указанных положений состоит в том, что признание вины выступает обязательным, хотя и не единственным условием рассмотрения в особом порядке дела, по которому заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. В том числе это обстоятельство обуславливает, по нашему мнению, объективную потребность в объединении в один институтов, предусмотренных гл. 40 и гл. 40.1 УПК РФ.

Не вполне можно согласиться и с тем, что ограничение сферы применения особого порядка никак не ущемляет права лиц, обвиняемых в совершении тяжких преступлений. Анализ УПК РФ показывает, что право на смягчение наказания на 1/2 имеют подозреваемые в совершении преступлений небольшой и средней тяжести, если они заявили ходатайство о проведении дознания в сокращенной форме; на 1/3 – обвиняемые в совершении преступлений небольшой и средней тяжести, подследственных органам следствия и дознания, если они согласились с предъявленным обвинением; на 1/2 – подозреваемые и обвиняемые в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, если они заключили на предварительном следствии и выполнили досудебное соглашение о сотрудничестве. В то же время законодатель ориентирует применение досудебного соглашения о сотрудничестве на групповые преступления. Поэтому обвиняемый, которому известна информация о совершении преступления другими лицами, в котором он

не участвовал, или если он желает сообщить информацию о своей прошлой преступной деятельности, о которой органам следствия неизвестно, формально лишен права на заключение соглашения. Хотя такие примеры практике известны⁶. Кроме того, если опираться на положения п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве», права на рассмотрение дела в особом порядке, предусмотренном гл. 40 УПК РФ, лишлись обвиняемые, в отношении которых принято решение о невозможности по основаниям, указанным в законе, проведения судебного заседания в порядке, урегулированном гл. 40.1 УПК РФ. До внесения поправки в ч. 1 ст. 314 УПК РФ такая возможность у них была, если они соглашались с предъявленным обвинением и имелись иные условия для применения процедуры, предусмотренной гл. 40 УПК РФ.

Следует отметить, что Конституционный Суд РФ не признает нарушением конституционных принципов равенства всех перед законом и судом, состязательности и равноправия сторон, а также конституционного права на судебную защиту ограничение права обвиняемого на особый порядок судебного разбирательства⁷. Как в одном из своих решений указал Конституционный Суд РФ, принцип равенства всех перед законом и судом «не исключает возможность установления в законе определенных условий, при которых только и оказывается возможным осуществление гражданами предоставленных им прав и исполнение обязанностей»⁸. Если какое-то из условий для рассмотрения дела в особом

⁶ Приговор Верховного Суда Республики Татарстан от 2 июня 2014 г. по уголовному делу № 2-45/2014. Архив Верховного Суда Республики Татарстан.

⁷ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 29.01.2015 № 84-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Петрова Руслана Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части второй статьи 317.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 02.11.2011 № 1481-О-О «По жалобе граждан Ковальчука Владимира Степановича и Ковальчук Тамары Николаевны на нарушение их конституционных прав частью второй статьи 317.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 24 марта 2015 г. № 535-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Полюшко Эдуарда Владимировича на нарушение его конституционных прав статьями 314 и 315 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.08.2020).

⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2007 № 621-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Сосновского районного суда Челябинской области о проверке конституционности части второй статьи 315 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.08.2020).

порядке не выполнено, дело в отношении обвиняемого будет рассмотрено в общем порядке, в котором соблюдаются все принципы уголовного процесса и общие условия стадии судебного разбирательства. Однако ограничение права на особый порядок влечет для обвиняемого не только процессуальные, но и материальные последствия. В частности, обвиняемый лишается установленного ч. 5 ст. 62 УК РФ права на смягчение наказания, которое может быть весьма ощутимым именно по делам о тяжких преступлениях. И если законом установлена возможность «особого» снижения наказания обвиняемым в совершении особо тяжких преступлений в случае заключения ими досудебного соглашения о сотрудничестве, то почему в этом праве отказано обвиняемым в тяжких преступлениях, принимая во внимание, что признание вины – это тоже одна из форм сотрудничества со следствием.

Нельзя не сказать и о таких возможных негативных последствиях рассматриваемой новеллы, как увеличение нагрузки на судей, сроков рассмотрения уголовных дел, а также расходов на судопроизводство. Безусловно, ни быстрота, ни снижение денежных и кадровых затрат на судопроизводство не должны выступать в качестве его целей. Вместе с тем экономия процессуальных сил, средств и времени в науке и на практике признаются критериями эффективного судопроизводства [9, с. 50–51]. Статистические данные о работе судов общей юрисдикции за 2019 г. показывают, что срок рассмотрения 25 % уголовных дел от общего числа дел, оконченных производством, составлял от 1,5 месяца и выше⁹. Если принять во внимание, что 80,3 % уголовных дел в 2019 г. составили дела о преступлениях небольшой и средней тяжести, то становится очевидным, что проблема длительных сроков рассмотрения уголовных дел имеется. Среднемесячная нагрузка мировых судей в 2015 г. составляла 236,9 дела; судей районных судов – 53,9; судей областных и равных им судов – 28,0 дел¹⁰. В последующие годы в официальных отчетах статистические сведения не приводятся, зато отмечается высокая потребность в разработке норм нагрузки судей и их законодательном закреплении¹¹. Такие нормы по контракту с Судебным департаментом были разработаны НИУ ВШЭ. Хотя контракт был расторгнут, результаты исследования опубликованы. Согласно проекту НИУ ВШЭ

62 % судей перерабатывают в два раза и более; судьи слушают в среднем по два дела в день с темпом в три-пять раз выше рекомендуемого; численность судей составляет в 2,1 раза меньше, чем это необходимо, если принимать во внимание количество поступающих в суды дел, а также установленные нормы времени на рассмотрение типового уголовного дела [10]. Наличие этих, не решенных с момента начала судебной реформы проблем отправления правосудия будет препятствовать качественному и без стремления к сокращению времени рассмотрению в общем порядке возросшего числа уголовных дел, в том числе за счет запрета на применение особого порядка по делам о тяжких преступлениях.

Необходимо обратить внимание и на такой критерий эффективности правосудия, как количество судебных ошибок. Низкие количественные показатели свидетельствуют о правильном разрешении поступивших в суд уголовных дел, а следовательно, эффективности правосудия [11, с. 244]. Если руководствоваться этим критерием, причины сужения сферы применения процедуры, предусмотренной гл. 40 УПК РФ, остаются непонятны, поскольку, как показывает статистика, приговоры, постановленные в этой процедуре, обжалуются участниками процесса и отменяются/изменяются судами апелляционной инстанции реже. Например, в 2019 г. обвинительные приговоры, постановленные в общем порядке, отменялись/изменялись в 17,2 % случаев, а аналогичные решения, вынесенные в особом порядке, – в 16 % случаев. Вместе с тем эта незначительная разница в проценте усиливается, если принять во внимание, что в 2019 г. в общем и особом порядках судебного разбирательства было рассмотрено соответственно 46,5 и 53,5 % уголовных дел от общего числа дел, оконченных производством. Иными словами, приговоры и иные судебные постановления по существу дела в общем порядке судебного разбирательства обжаловались в два раза чаще (87 598), чем такие же решения, вынесенные в особом порядке (40 708)¹².

В завершение исследования хотелось бы отметить, что направление совершенствования особого порядка судебного разбирательства избрано законодателем неверно и уж точно несвоевременно. Представители высших звеньев судебной системы, прокуратуры и адвокатуры признают справедливым лишь общий порядок судебного разбирательства. Если следовать их логике, возникает вопрос, почему сохраняется возможность рассмотрения такого значительного количества уголовных дел о преступлениях небольшой и средней тяжести (а их в 2019 г. было 21,3 и 64,4 % соответ-

⁹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения: 22.07.2020).

¹⁰ Генеральный директор Судебного департамента А. В. Гусев дал интервью компании «КонсультантПлюс». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=227&item=3879> (дата обращения: 12.07.2020).

¹¹ Отчет об итогах деятельности Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2019 г. URL: http://www.cdep.ru/userimages/Отчет_SD_za_2019_g.pdf (дата обращения: 12.07.2020).

¹² Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения: 29.07.2020).

ственно) в особом, т. е. «несправедливом» порядке. И аргумент, что по этим категориям дел нет ничего неясного, кажется недостаточным, поскольку и по несложным уголовным делам органы расследования не освобождены от обязанности соблюдать требования ст. 77 УПК РФ. При таком отношении к процедуре единственно верным было бы предложение о ее упразднении, а не о реформировании.

Мы полагаем, что необходимо изменить отношение практиков и теоретиков к процедуре, предусмотренной гл. 40 УПК РФ, исключительно как к удобной, нетрудоемкой и скорой. Для этого необходимо пересмотреть в законе положения, касающиеся условий получения согласия потерпевшего и государственного обвинителя на рассмотрение уголовного дела в особом порядке, исследования отдельных доказательств, значения признания обвиняемым вины в совершении преступления, обжалования приговора, постановленного в особом порядке, прекращения в особом порядке уголовных дел по некоторым нереабилитирующим основаниям.

Библиографический список

1. Степаненко Д. А., Днепровская М. А. Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Иркутск, 2011. 120 с. URL: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/stepanenko_2011/01.html (дата обращения: 12.08.2020).
2. Лазарева В. А., Кувалдина Ю. В. Заочная модель правосудия: традиции применения и перспективы развития в уголовном процессе России // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. ст. Вып. 3. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2008. С. 44–64. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30614616>.
3. Рамазанов И. Эпоха возрождения // Уголовный процесс. 2020. № 8. URL: <https://e.ugpr.ru/826617> (дата обращения: 17.07.2020).
4. Головки Л. В. Уголовное судопроизводство в условиях перманентной судебной реформы // Закон. 2019. № 4. С. 67–82. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38095581>.
5. Качалова О. В. Гарантированного права на особый порядок нет ни у одного обвиняемого // Уголовный процесс. 2020. № 9. URL: <https://e.ugpr.ru/833457> (дата обращения: 19.10.2020).
6. Азаренок Н. В. Целесообразно ли исключение преступлений тяжкой категории из особого порядка судебного разбирательства, предусмотренного главой 40 УПК РФ? // Российский судья. 2019. № 9. С. 48–51. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39262810>.
7. Колоколов Н. А. Институт PleaBargaining в России: оправдан ли шаг назад? // Уголовное судопроизводство. 2020. № 3. С. 3–10. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43870350>.
8. Ярцев Р. В. Особый порядок судебного разбирательства: новые подходы или старые ошибки (на основе мониторинга законодательства и правоприменительной деятельности) // Вестник

Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 2. С. 234–252. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42853466>.

9. Якимович Ю. К., Ленский А. В., Трубникова Т. В. Дифференциация уголовного процесса / под ред. М. К. Свиридова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 300 с.

10. Головщинский К. И., Гладышев П. С., Давыдов М. И., Шишкин Е. А. Нормирование нагрузки в федеральных судах общей юрисдикции и федеральных арбитражных судах. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 296 с. URL: <https://publications.hse.ru/books/332598940> (дата обращения 20.07.2020).

11. Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок / под ред. В. Н. Кудрявцева. Т. 1. Москва, 1975. 298 с. URL: <https://www.iuaj.net/node/846>.

References

1. Stepanenko D. A., Dneprovskaya M. A. *Osobyi poriadok priniatiia sudebnogo resheniia pri soglasii obviniaemogo s pred"iavlennym emu obvineniem* [Special procedure for making a court decision if the accused agrees with the charge brought against him]. Irkutsk, 2011, 120 p. Available at: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/stepanenko_2011/01.html (accessed 12.08.2020) [in Russian].
2. Lazareva V. A., Kuvaldina Ju. V. *Zaochnaia model' pravosudiia: traditsii primeneniia i perspektivy razvitiia v уголовном protsesse Rossii* [Correspondence model of justice: traditions of application and development prospects in the criminal process of Russia]. In: *Aktual'nye problemy sovremennogo уголовного protsessa Rossii: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh statei. Вып. 3* [Topical issues of modern criminal process in Russia: interuniversity collection of research articles. Issue 3]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2008, pp. 44–64. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30614616> [in Russian].
3. Ramazanov I. *Epokha vozrozhdeniia* [The era of revival]. *Ugolovnyi protsess* [Criminal process], 2020, no. 8. Available at: <https://e.ugpr.ru/826617> (accessed 17.10.2020).
4. Golovko L.V. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo v usloviakh permanentnoi sudebnoi reformy* [Criminal proceedings in the context of permanent judicial reform]. *Zakon* [Law], 2019, no. 4, pp. 67–82. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38095581> [in Russian].
5. Kachalova O. V. *Garantirovannogo prava na osobyi poriadok net ni u odnogo obviniaemogo* [Not a single accused has a guaranteed right to a special order]. *Ugolovnyi protsess* [Criminal process], 2020, no. 9. Available at: <https://e.ugpr.ru/833457> (accessed 19.07.2020) [in Russian].
6. Azarenok N. V. *Tselesoobrazno li iskluchenie prestuplenii tiazhkoii kategorii iz osobogo poriadka sudebnogo razbiratel'stva, predusmotrennogo glavoi 40 UPK RF?* [Is It Practical to Exclude Grave Crimes from Special Judicial Proceedings Stipulated by Chapter 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation?]. *Rossiiskii sud'ia* [Russian Judge], 2019, no. 9, pp. 48–51. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39262810> [in Russian].
7. Kolokolov N. A. *Institut PleaBargaining v Rossii: opravdan li shag nazad?* [The Plea Bargaining Institution

- in Russia: Is the Step Back Justified?]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* [Criminal Judicial Proceeding], 2020, no. 3, pp. 3–10. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43870350>
8. Yartsev R. V. *Osobyi poriadok sudebnogo razbiratel'stva: novye podkhody ili starye oshibki (na osnove monitoringa zakonodatel'stva i pravoprimeritel'noi deiatel'nosti)* [Special procedure of the trial: new approaches or old mistakes (based on monitoring of legislation and law enforcement activity)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2020, no. 2, pp. 234–252. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42853466> [in Russian].
9. Yakimovich Yu. K., Lensky A. V., Trubnikova T. V. *Differentsiatsiia ugovnogo protsessa. Pod red. M. K. Sviridova* [Differentiation of the criminal process. Sviridov M. K. (Ed.)]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2001, 300 p. [in Russian].
10. Golovshchinsky K. I., Gladyshev P. S., Davydov M. I., Shishkin E. A. *Normirovanie nagruzki v federal'nykh sudakh obshchei iurisdiktsii i federal'nykh arbitrazhnykh sudakh* [Rationing of workload in federal courts of general jurisdiction and federal arbitration courts]. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2019, 296 p. Available at: <https://publications.hse.ru/books/332598940> (accessed 20.07.2020) [in Russian].
11. *Effektivnost' pravosudiia i problema ustraneniia sudebnykh oshibok / pod red. V.N. Kudriavtseva. T. 1* [Kudryavtsev V. N. (Ed.) Effectiveness of justice and the problem of eliminating judicial errors. Vol. 1]. Moscow, 1975, 298 p. Available at: <https://www.iuaj.net/node/846> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-4-88–95
УДК 343.1

Дата: поступления статьи / Submitted: 17.09.2020
после рецензирования / Revised: 22.10.2020
принятия статьи / Accepted: 27.11.2020

Научная статья / Scientific article

А. Р. Шарипова

Институт права Башкирского государственного университета, г. Уфа, Российская Федерация
E-mail: nord-wind23@mail.ru

РАЗЛИЧИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ОБЩЕЙ ПРАВОВОЙ МОДЕЛИ ПЕРЕСМОТРОВ СУДЕБНЫХ АКТОВ В УГОЛОВНОМ И АРБИТРАЖНОМ, ГРАЖДАНСКОМ, АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВАХ

Аннотация: Новизна статьи определяется проведенным в ней сравнительным анализом институтов апелляционного, кассационного и надзорного пересмотров дел в различных отраслях судебного права. Цель такого анализа – выявление общих тенденций регламентации права обжалования, обжалования промежуточных судебных актов, сроков обжалования, порядка рассмотрения и полномочий суда в проверочных инстанциях, оснований отмены судебных актов в уголовном, арбитражном, гражданском и административном процессах. Задачей ставилось определение необоснованных различий между аналогичными нормами процессуальных отраслей и избрание лучшего варианта нормативного регулирования. В статье использованы методы системного анализа и синтеза, сравнительно-правовой метод. В результате исследования подтверждена единая правовая модель пересмотров по всех процессуальных отраслях и установлены недостатки ее реализации в уголовном процессе. В заключение приведены данные о том, что выявленные недостатки существенно снижают общее качество правосудия при пересмотрах уголовных дел в сравнении с их аналогами в других отраслях права.

Ключевые слова: уголовный процесс, арбитражный процесс, гражданский процесс, административный процесс, апелляция, кассация, надзор, пересмотр дела, правовая модель.

Цитирование. Шарипова А. Р. Различия реализации общей правовой модели пересмотров судебных актов в уголовном и арбитражном, гражданском, административном судопроизводствах // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 4. С. 88–95. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-88–95>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

A. R. Sharipova

Institute of Law, Bashkir State University, Ufa, Russian Federation
E-mail: nord-wind23@mail.ru

DIFFERENCES IN THE IMPLEMENTATION OF THE GENERAL LEGAL MODEL FOR REVIEWING JUDICIAL ACTS IN CRIMINAL AND ARBITRATION, CIVIL AND ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

Abstract: The novelty of the article is determined by the comparative analysis of the institutions of appeal, cassation and supervisory review of cases in various branches of judicial law. The purpose of this analysis is to identify general trends in the regulation of the right of appeal, appeal of interim judicial acts, the terms of appeal, the procedure for consideration and powers of the court in verification instances, the grounds for revoking judicial acts in criminal, arbitration, civil and administrative proceedings. The task was to identify unjustified differences between similar rules of procedural branches and choose the best version of regulatory regulation. The article uses methods of system analysis and synthesis, comparative legal method. As a result of the study, the unified legal model of reviews for all procedural branches was confirmed, and shortcomings of its implementation in criminal proceedings were established.

In conclusion, there is evidence that the identified shortcomings significantly reduce the overall quality of justice in criminal case reviews in comparison with their counterparts in other branches of law.

Key words: criminal process, arbitration process, civil process, administrative process, appeal, cassation, supervision, case review, legal model.

Citation. Sharipova A. R. *Razlichii realizatsii obshchei pravovoi modeli peresmotrov sudebnykh aktov v ugovnom i arbitrazhnom, grazhdanskom, administrativnom sudoproizvodstvakh* [Differences in the implementation of the general legal model for reviewing judicial acts in criminal and arbitration, civil and administrative proceedings]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 4, pp. 88–95. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-88–95> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© **Алия Рашитовна Шарипова** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, Институт права Башкирского государственного университета, 450005, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Достоевского, 131.

Тема кандидатской диссертации: «Уголовное преследование по делам о налоговых преступлениях». Автор более 40 научных работ, в том числе соавтор таких работ

© **Aliya R. Sharipova** – Candidate of Legal Sciences, assistant professor of the Department of the Criminal Law and Procedure, Institute of Law, Bashkir State University, 131, Dostoevsky Street, Ufa, 450005, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Criminal prosecution for tax crimes cases». Author of more than 40 scientific works, including coauthor of such works as: «Interests in law» (2019), «Implementation of criminal policy: modern prob-

как: «Интересы в праве» (2019), «Реализация уголовной политики: современные проблемы уголовного и уголовно-процессуального правотворчества, правоприменения и кадрового обеспечения» (2017), «Риторика для юристов» (2017), «Взаимосвязь уголовного и уголовно-процессуального права» (2016).

Область научных интересов: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, экономические преступления.

Среди всей массы проблем, образующих одну из наиболее обсуждаемых в науке тему пересмотров в уголовном процессе, нам важно выделить те, межотраслевое сравнение которых наиболее перспективно.

Очевидность родства юридической природы пересмотров в разных отраслях права делает их сравнение достаточно распространенным. Но осуществляется обычно оно поинстанционно и, как правило, констатирует отраслевые различия, но редко ищет им объяснения или пытаются преодолеть их [1].

Мы же попытаемся сопоставить сразу 3 вида производств – апелляционное, кассационное и надзорное – с точки зрения их правовых моделей в уголовном, арбитражном, гражданском и административном процессах.

К параметрам сравнения, следуя за общей структурой процессуальных законов, применительно к общим стадиям апелляции, кассации и надзора мы отнесли: право обжалования, обжалование промежуточных судебных актов, сроки обжалования, порядок рассмотрения, полномочия суда, основания отмены судебных актов.

Параллельное рассмотрение сразу трех видов пересмотра дел в четырех видах судебных процессов, конечно, не предполагает глубокого рассмотрения каких-либо частных проблем. Речь идет только о сопоставлении наиболее крупных структурных элементов данных институтов права и лишь в их общепроцессуальном единстве.

Право обжалования

УПК¹ наделяет правом апелляционного, кассационного и надзорного обжалования среди прочих «осужденного и оправданного» ст. 389.1, 401.2 УПК), вместо использования

¹ подозреваемый; обвиняемый; подсудимый; осужденный; оправданный; лицо, в отношении которого ведется или велось производство о применении принудительных мер медицинского характера; несовершеннолетний, к которому применена принудительная мера воспитательного воздействия; лицо, в отношении которого уголовное дело или уголовное преследование прекращено; лицо, в отношении которого поступил запрос или принято решение о выдаче; а также любое иное лицо, права и свободы которого существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, свидетельствующими о направленной против него обвинительной деятельности, независимо от формального процессуального статуса такого лица.

lems of criminal and criminal procedure lawmaking, law enforcement and staffing» (2017), «Rhetoric for lawyers» (2017), «Relationship of criminal and criminal procedure law» (2016).

Research interests: criminal proceedings, criminal proceedings, economic crimes.

родового понятия «обвиняемый» или перечисления полного списка всех лиц, нуждающихся в защите от обвинения в уголовном процессе, подобно тому как его сформулировал Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве».

Упоминание лишь осужденного и оправданного – ничем не обусловленное сужение круга лиц, имеющих право обжалования судебных актов в уголовном процессе, причем как применительно к окончательным судебным решениям (которые не сводятся лишь к дихотомии «оправдание/осуждение»), так и особенно к промежуточным решениям (когда еще в принципе не может быть ни осужденного, ни оправданного).

Разумеется, мы осознаем, что все «неназванные» в УПК, но заинтересованные в деле его участники обладают правом обжалования, поскольку перечни, данные в соответствующих статьях, открыты, а подробные разъяснения на этот счет даны Верховным Судом РФ (например, Постановление Пленума от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции»).

Претензия к УПК основана на том, что перед глазами у нас три других процессуальных кодекса, в которых право обжалования принадлежит «сторонам и другим лицам, участвующим в деле» (ст. 320 ГПК), «лицам, участвующим в деле, и другим лицам, если их права и законные интересы нарушены судебными постановлениями» (ст. 376 ГПК), «лицам, участвующим в деле, а также иным лицам» (ст. 257, 273 АПК), «лицам, участвующим в деле, а также лицам, которые не были привлечены к участию в административном деле и вопрос о правах и об обязанностях которых был разрешен судом» (ст. 295 КАС), «лицам, участвующим в деле, и другим лицам, если их права, свободы и законные интересы нарушены судебными актами» (ст. 318 КАС).

Отказ законодателя от простого способа конструирования нормы о праве обжалования через указания на лиц, участвующих в деле со стороны обвинения и защиты, как субъектов обжалования, возможно, связан с тем, что к стороне обвинения законом отнесены и чисто «досудебные» фигуры – следователь, дознаватель. Однако с точки зрения законодательной техники допустимо употребление формулировки «участники дела со

стороны обвинения, кроме...», что одновременно экономит текст кодекса, способствует межотраслевому единообразию в его универсальной составляющей и подчеркивает уголовно-процессуальное своеобразие. Если такой вариант тоже достаточно громоздок, можно использовать термин «участники судебного разбирательства на стороне обвинения» для обозначения субъектов обжалования.

Правом обжалования не обладает сторона обвинения в отношении судебных актов, вынесенных в порядке судебного контроля.

Аналогов судебного контроля в арбитражном, гражданском и административном процессах нет, поэтому сравнение здесь невозможно. Вероятно, такое решение родилось вследствие выбора между состязательностью и целесообразностью. Равные права обжалования для обвинения и защиты в отношении актов досудебного производства грозили бы подменой последнего многоэтажными «внутренними» разбирательствами, во время которых расследование не двигалось бы с места. Но нельзя сказать, что запрет на обжалование заставляет органы уголовного преследования принять и разделить позицию суда: зачастую она преодолевается повторным вынесением процессуального акта, идентичного по содержанию отмененному.

Следующая «странность» УПК в том, что единое «право обжалования» реализуется согласно детализирующим нормам посредством представлений (прокурором) и собственно жалоб (всеми остальными). Практически очевидно, что это терминологическое различие – наследие сущностного неравноправия в обжаловании, которое было в советском уголовном процессе. Его воспроизводят и ГПК, и КАС, и отчасти АПК (только применительно к надзору).

Содержательного различия между жалобами и представлениями ни в апелляционном, ни в кассационном, ни в надзорном пересмотрах нет. Зачем нужно называть одинаковые документы по-разному, если только не для того, чтобы подчеркнуть то, от какого адресанта они исходят? Значит, скульптура Фемиды, украшающая здание Верховного Суда России, не зря, в отличие от канонического образа, с открытыми глазами: правосудию не «все равно», кто за ним обратился – прокурор или просто человек.

Нам известны аргументы о том, что жалоба – выражение частного интереса, а представление – публичного, однако, полагаем, публичный характер деятельности прокуратуры известен и без этого и основывается на нормативных правовых актах о ее статусе и функциях, а не на процессуальных законах.

Этот довод применим и к другой проблеме: УПК подробно регламентирует, в какие суды и в каком порядке вправе направлять свои представления прокуроры того или иного уровня. Но разве это не является внутренним делом прокуратуры, которое можно решить ведомственным распоряжением? Есть ли, по большому счету, разница суду, каким образом Генеральный прокурор России рас-

пределил между своими подчиненными обязанностями по обжалованию судебных актов? Тем более передача лишь вышестоящим прокурорам прав обжалования далеко не полностью поддержана и оценивается критически [2]. УПК содержит не только процессуальные нормы, он полон правил разрешения организационных вопросов, которым в нем не место, а судебные его разделы «приспособлены» к досудебным, что во многом и определяет огромную массу «необязательных» его отличий от других судебных кодексов.

Наиболее приемлемый вариант закреплен в АПК применительно к апелляционному и кассационному пересмотрам: предусмотрена лишь апелляционная и кассационная жалобы. Достаточно долгий опыт применения этих норм позволяет сделать вывод, что отсутствие апелляционных и кассационных представлений в арбитражном процессе никак не мешает прокуратуре реализовывать ее полномочия.

Надзорное представление в АПК, вероятно, «заблудившийся» пережиток прошлого, от которого бы стоило избавиться. Хотя высказываются противоположные мнения, что по подобию надзорного представления нужно ввести в арбитражный процесс апелляционное и кассационное [3].

Сроки обжалования

Вторая линия сравнения регламентации судебных пересмотров связана с процессуальными сроками. Глобальные межотраслевые противоречия в определении сроков, которые мы рассматривали ранее, проявляются и в этих институтах.

Очевидное и многократно описанное отличие УПК от АПК, КАС и ГПК – в сроке апелляционного обжалования: 10 суток против 1 месяца. Многолетняя история существования десятидневного срока (сначала в качестве срока кассационного обжалования) однозначно свидетельствует о том, что в подавляющем большинстве случаев участники процесса не успевают подготовить за него мотивированную жалобу или представление [4], а стремятся лишь направить в суд «предварительную» жалобу, заявив тем самым свое намерение обжаловать решение. ГПК, содержащий такой же десятидневный срок, унаследованный из советской эпохи «быстрых и легких» дел, отказался от него еще с принятием ФЗ от 9 декабря 2010 года № 353-ФЗ.

Полагаем, что из сложившейся практики подачи предварительных жалоб выросло понятие «дополнительных» жалоб, которых не знает арбитражный процесс. По нашему мнению, нет никаких дополнительных жалоб, есть лишь заявление подателем жалобы новых аргументов (не только на неправильное применение норм уголовного права, но и на нарушение процессуального закона) или просьб суду (изменить приговор не только в части наказания, но и по квалификации). Однако УПК не только признал существование дополнительных жалоб, но и ввел порядок их подачи, ограничив время их представления – не позднее

5 суток до начала судебного рассмотрения. Какая реальная необходимость такого ограничения, не известного более ни одному виду судебного процесса? Как повредит интересам правосудия то, что дополнительные аргументы будут заявлены апеллянтом не за 5 дней до начала рассмотрения жалобы, а непосредственно во время? Чтобы «закрывать рот» подателю жалобы, то есть не рассматривать его аргументы, нужны очень веские основания. Самое «страшное», что может произойти в результате «несвоевременного» раскрытия своих доводов стороной по делу, – это отложение судебного разбирательства – проблема незначительная в масштабах всего уголовного процесса. Вероятно, ограничение времени подачи дополнительной апелляционной жалобы и представления связано, по задумке законодателя, с принципом *favor defensionis*: это гарантия для стороны защиты достаточного времени для подготовки возражений. Если это так, то, конечно, стоило бы указать в соответствующей норме, что относится она только к дополнительной жалобе и представлению стороны обвинения. В нынешней редакции она скорее помешает, а не поможет защите, хотя высказывается и мнение, что положение это вовсе не применяется [5]. Это оправдано, потому что суду в здравом уме не придет в голову отмахнуться от доводов стороны, подтверждающих незаконность или необоснованность решения, на том основании, что они были объявлены не за 5 дней до заседания, а за 4 дня.

Еще одна особенность УПК в сравнении с остальными кодексами в плане сроков пересмотров – это их дифференциация в зависимости от суда проверочной инстанции. Тут уместно вспомнить, что благодаря многочисленным реформам подсудность дел и пересмотров в системе судов общей юрисдикции стала поистине монструозной. Совершенно не в тренде повышения доступности правосудия такие процессуальные нормы о подсудности, в которых тяжело разобраться даже профессионалу, не говоря о населении. Идеальная, геометрически стройная, система была в арбитражных судах до 2012 года (потом появился Суд по интеллектуальным правам, а позднее был упразднен Высший Арбитражный Суд РФ): арбитражные суды субъектов (только первая инстанция) – апелляционные суды (только апелляция) – окружные суды (только кассация) – ВАС РФ (надзор и исключительные производства).

Вернемся к срокам пересмотров. Для рассмотрения дела в апелляции в АПК, ГПК и КАС предусмотрено 2 месяца с момента поступления жалобы, а в УПК – срок определен лишь для его начала, причем они растут в зависимости от уровня суда: от минимального для районного суда, пересматривающего судебные акты мирового судьи, до максимального для апелляционного суда, апелляционного военного суда и Верховного Суда РФ. Логично увеличенного срока для высшего судебного органа понять можно: в норме он занят лишь «второй» кассацией и надзором, а эти виды пере-

смотра требует большого числа судей, к тому же у этого суда масса полномочий, помимо пересмотров. Но почему увеличиваются сроки для судов вышестоящих инстанций, если пересмотры – их главная и почти единственная работа?

Обжалование промежуточных актов

Следующий пункт, по которому осуществляется межотраслевое сравнение, – обжалование промежуточных актов. Все процессуальные законы указывают на возможность обжалования всех окончательных и некоторых промежуточных судебных актов. Перечни промежуточных актов, которые возможно обжаловать самостоятельно, ни в одной процессуальной отрасли исчерпывающим образом не названы и, как правило, определяются практикой на основе: 1) указания в норме о конкретном виде определения на возможность его обжалования (ч. 5 ст. 115.1 УПК); 2) выделенных признаков обжалуемых актов («если определение препятствует дальнейшему движению дела» – ч. 1 ст. 188 АПК); 3) указанных в законе примеров обжалуемых или необжалуемых актов (ч. 2, 3 ст. 389.2 УПК).

Отдельным труднообъяснимым отличием от общепроцессуальной тенденции выступает самостоятельная подсудность обжалования промежуточных судебных актов. Для них предусмотрена только «выборочная» кассация, причем по одному и тому же уголовному делу в случае обжалования промежуточного акта кассацией выступает один суд, а в случае обжалования итогового решения – другой. Помимо прочего, эта идея крайне запутанно и неудачно с точки зрения юридической техники изложена в тексте закона; за этот и другой недостатки она подвергнута разгромной критике в литературе [6]. Наиболее удачной нам представляется регламентация кассационного производства по обжалованию промежуточных судебных актов в арбитражном процессе. В АПК содержится отдельная норма, посвященная особенностям такого производства, и устанавливает она лишь сокращенные сроки рассмотрения жалоб на акты, препятствующие дальнейшему движению дела (ч. 2 ст. 291; аналогично установлены сроки и в апелляции – ч. 3 ст. 272). В остальном порядок их обжалования не отличается от общего и подразумевает и сплошную, и выборочную кассацию.

Полномочия суда проверочной инстанции

Коренное отличие апелляции в уголовном процессе (поддержанное в новом административном процессе в ст. 308 КАС) от гражданского и арбитражного процесса с точки зрения ее полномочий – это возможность направления дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции. На уровне АПК и ГПК предполагается, что суд второй инстанции может самостоятельно все то же, что и суд первой инстанции, поэтому возвращать дело необходимости нет. Возвращение логично и появляется в арбитражном, гражданском и административном процессах, начиная со сплошной кассации: раз не-

возможно дополнить материалы дела новыми доказательствами, значит, нужно предоставить это первой инстанции.

В реальности существует параллельная законодательству правотворческая деятельность Верховного Суда РФ, «учредившего» Постановлением Пленума от 19 июня 2012 года № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» возврат на новое рассмотрение из апелляции в отдельных случаях. По сложившейся в нашем праве практике назван этот возврат «направлением для рассмотрения по существу», а не «новым рассмотрением», что, однако, сути не меняет.

Не беремся судить в рамках этой статьи о том, насколько необходимо такое полномочие суду апелляционной инстанции, поскольку аргументов «за» и «против» достаточно и они требуют осмысления [7]. Но считаем, что межотраслевое единство правосудия предполагает одинаковые полномочия суда второй инстанции во всех видах судебных процессов в той мере, в какой это возможно.

В существующем виде УПК, объединяющего принципиально разные процессы – судебное и досудебное производства, неизбежны отличия от остальных кодексов, обусловленные именно фактом урегулирования расследования и суда одним и тем же законом. К рассматриваемому вопросу полномочий апелляции это тоже относится: предусмотренная ст. 389.20 УПК возможность вынести решение об отмене оспариваемого судебного акта и возвращении дела прокурору аналогов в других отраслях не имеет.

Основания отмены и изменения судебных актов

Многими исследователями отмечено нелогичное отсутствие среди оснований пересмотров решений по уголовным делам в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций неправильного применения норм иных материальных отраслей права, помимо уголовного. Напомним: УПК единственный из всех кодексов относит к основаниям «нарушение норм уголовного и уголовно-процессуального права», в отличие от «материального» и «процессуального». Само по себе словосочетание «нарушение норм уголовного права» (что, как известно, является преступлением) – пример очередного небрежного обращения с терминологией в тексте закона. Но и содержание этой нормы не менее проблематично. Исследуя кассационно-надзорную форму, И. С. Дикарев предполагает, что основаниями отмены судебных решений является также и неправильное применение гражданского права, и приводит примеры из практики, связанные с решением судьбы гражданского иска [8, с. 50–52].

Мы предполагаем, что неправильное применение норм любых материальных отраслей может приводить к принятию незаконных решений и, как

следствие, должно являться основанием для их отмены. Помимо гражданского иска, гражданское, а также налоговое, избирательное, бюджетное и др. отрасли права применяются в уголовном деле для квалификации деяний, составы которых сформулированы в УК с помощью бланкетных диспозиций.

Однако, несмотря на обилие подобных преступлений (65 % в первоначальном тексте УК РФ 1996 года [9]), уголовно-процессуальная наука все-таки не озабочена нарушением норм материального неуголовного права по уголовным делам. На примере дел о налоговых преступлениях продемонстрируем одну из причин этого «равнодушия».

Налоговые преступления отличаются от налоговых правонарушений двумя главными признаками: размером ущерба и формой вины. Так, если говорить об уклонении от уплаты налогов с организаций (ст. 199 УК), то минимальный криминаобразующий размер ущерба составляет 15 млн руб., следовательно, все «уклонения» меньше этой величины могут быть правонарушениями; форма вины у преступлений умышленная, у правонарушений – и умышленная, и неосторожная. Различия эти оставляют налоговые преступления и правонарушения очень близкими друг другу, зачастую нуждающимися в разграничении.

Но при этом есть принципиально разные подходы к доказыванию события неправомерного деяния, подпадающего под юрисдикцию органов уголовного преследования (и затем суда общей юрисдикции) и налоговых органов (и арбитражного суда – при обжаловании их решений).

По данным лично изученной нами судебной и следственной практики по уголовным делам, судебно-экономическая экспертиза для определения величины ущерба от уклонения от уплаты налогов назначается в 100 % случаев. Перед экспертом ставятся вопросы о размере налога, сумма которого была занижена налогоплательщиком, о соотношении неуплаченных и уплаченных налогов (до сих пор абсолютное большинство расследуемых преступлений совершены до вступления в силу последних изменений в УК, отменивших криминаобразующую долю неуплаченных налогов) и пр.

Ни налоговые органы, ни арбитражные суды подобных экспертиз не назначают. И если в отношении налоговых инспекций еще можно предположить, что там налоговыми проверками занимаются экономисты, то в отношении арбитражных судей всем прекрасно известно, что они ровно такие же юристы, как следователи, прокуроры и судьи судов общей юрисдикции. И они исчисляют суммы налогов самостоятельно, без каких-либо ревизий, документальных проверок, экспертиз или любых других способов поручить что-то каким-то специалистам, чтобы не делать самому.

Эта ситуация приводит нас к длительно ведущейся дискуссии о праве на существование «правовых» экспертиз и об относимости тех экспертиз, что именуются судебно-бухгалтерскими (но скорее являются «судебно-налоговыми»)

к правовым. Оставим в стороне этот спор и лишь констатируем то, что имеет значение для оснований пересмотра в уголовном процессе. Поскольку по налоговым преступлениям суд «перепоручает» применение налогового права (а исчисление налогов – это и есть применение налогового права, а вовсе не бухгалтерские операции) эксперту, он и не оценивает правильность этого применения подобно специальному знанию.

Следующий параметр сравнения связан с основаниями отмены решений в надзорном производстве. В результате долгих реформ апелляции и кассации в судах общей юрисдикции появилась двухступенчатая система кассационного пересмотра, которая к тому же была распространена на арбитражные суды. Называние законодателем разных правовых явлений одним термином положительно оценить мы не можем, но в то же время осознаем необходимость создания реальной перспективы «выхода» каждого судебного дела за пределы региона действия судов, рассматривающих дела в порядке «сплошной» кассации. Понятно, что коллегии из трех судей Верховного Суда РФ могут пересмотреть больше дел, чем громоздкий Президиум. Фактически «надзор» сместился из Президиума в Судебные коллегии ВС РФ.

Надзор в составе Президиума в перспективе будет лишь для редчайших случаев несогласия внутри самого Верховного Суда РФ. Высказываются предложения юридически «отдать» надзор коллегиям, а Президиум сделать согласительным органом [10]. Нас же интересует то, как соотносятся основания пересмотра дела в настоящем и юридическом надзоре в разных отраслях процессуального права в результате всех этих преобразований.

Помимо специфического «невыполнения обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве», пересмотр в порядке надзора по уголовным делам возможен лишь в случае существенного нарушения закона. Основания пересмотра в кассационном и надзорном порядке в уголовном процессе совпадают (ст. 401.15 и 412.9).

АПК, ГПК и КАС предусматривают специфические для надзора основания отмены или изменения судебных актов: нарушение конституционных прав граждан, нарушение прав неопределенного круга лиц и нарушение единообразия в толковании и применении норм права. Все три основания так или иначе подпадают под существенное нарушение закона, однако арбитражный, гражданский и административный процессы не дублируют формулировки, использованные в нормах об основаниях отмены в кассации, как почему-то делает УПК. Даже на первый взгляд одни и те же основания пересмотра в разных инстанциях кажутся странными, как будто подразумевается, что все они делают одно и то же, но дела с существенными нарушениями закона все же как-то добираются до высшего судебного органа.

Думается, что надзорное производство должно иметь как минимум единые основания отмены

решений для всех судебных отраслей, поскольку после упразднения ВАС РФ пересмотр осуществляется одним и тем же коллегиальным органом – Президиумом ВС РФ – абсолютно по всем делам. Представляется, что одни и те же люди руководствуются одним и тем же, выбирая, какие дела нужно передать в Президиум. Эта работа, как нам кажется, в большей степени делается не ради того конкретного дела, которое попадает на рассмотрение высшего судебного органа страны, а ради множества других дел, которые будут разрешены в будущем правильно благодаря тому, что суд высказал свою позицию. В каком-то смысле Верховный Суд РФ, занимаясь надзорным производством, возвышается и даже абстрагируется от процесса в смысле движения конкретного дела и решает большую, политическую, задачу. Множество дел в нижестоящих судах будут разрешены без лишних обжалований тогда, когда по похожему делу сообщит свое мнение Президиум – это незаметное, но очень важное влияние практики Верховного Суда РФ. Именно поэтому мы полагаем, что в УПК стоит признать: основанием для надзорного пересмотра является нарушение единообразия толкования и применения норм права, как это закреплено в остальных процессуальных законах.

Порядок рассмотрения

Статьей 389.6 УПК установлено, что обязательно участие в судебном заседании при рассмотрении дела судом апелляционной инстанции осужденного, ходатайствующего о своем участии. Надеемся, что предписание это сформулировано во благо осужденного, с тем чтобы к нему применялись повышенные гарантии обеспечения участия в деле, чтобы суд не ограничивался формальным «извещен, не явился».

Однако из текста нормы следуют два неприятных, но трудно опровержимых вывода. Во-первых, чтобы участвовать в этом заседании, осужденный должен об этом ходатайствовать. Во-вторых, суд не может отклонить такое ходатайство. Ни один процессуальный кодекс не предусматривает для стороны по делу заявительного характера участия в судебном разбирательстве. Странно в правовом государстве даже пытаться формулировать идею о том, что для того, чтобы присутствовать в суде по собственному делу (в котором для осужденного решается его судьба, а не просто интерес), нужно обратиться с просьбой. Нормальным выглядит положение вещей, когда всех заинтересованных в деле суд извещает о времени и месте разбирательства, а они сами решают, присутствовать им или нет. Нормально также, если суд обяжет кого-либо явиться независимо от его собственного мнения на этот счет. Допустимо, что суд по своему усмотрению в интересах процесса укажет на опосредованное видео-конференц-связью участие в заседании кого-либо. Какими бы ни были мотивы установления подобного порядка участия в деле осужденного, он унизителен как для него самого, так и для

состязательности и равноправия сторон в суде. Очень похоже, что такое отношение к осужденному как к объекту перешло в действующий УПК из УПК РСФСР, устанавливавший похожее положение осужденного в суде кассационной инстанции (ст. 335).

Вдвойне странно поручать суду разрешать ходатайство, не предоставляя ему выбора. Привычно «просительное» положение стороны защиты в уголовном процессе не позволило законодателю выразить свою мысль об обеспечении права осужденного на участие в заседании корректно, с установлением не заявительного, а уведомительного характера информирования суда о соответствующем намерении. В литературе нам встречались данные, что суды все-таки умудряются отклонять ходатайства осужденных об участии в заседании [11] – это логично, ведь когда в законе есть небрежности, кто-нибудь непременно совершит из-за них ошибку, какими бы очевидными они ни казались.

Подводя итоги сказанному, приведем данные, полученные нами при анкетировании 52 работников прокуратуры и адвокатуры о качестве правосудия в судах, рассматривающих уголовные, арбитражные, гражданские и административные дела. На вопрос об оценке качества правосудия в апелляционной инстанции как высокое его оценили: 75 % опрошенных – применительно к арбитражным делам и 35 % – применительно к уголовным делам. Аналогичные вопросы о сплошной кассации дали 70 и 42 % соответственно. Думается, эта разница подсказывает, что для оптимизации пересмотров в уголовном процессе стоит использовать положительный межотраслевой опыт.

Библиографический список

1. Матейчук В. И. Сравнительная характеристика правовой регламентации производства в суде второй инстанции в уголовном судопроизводстве и других видах судопроизводства // Российский судья. 2018. № 10. С. 30–34. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36290345>.
2. Андреева О. И., Рукавишникова А. А. Реформированное производство в суде кассационной инстанции: соотношение частного и публичного начал // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 3. С. 3–7. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43130657>.
3. Трещева Е. А. Статус прокурора в арбитражном процессе нуждается в совершенствовании // Lex Russica. 2015. № 10. С. 57–63. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2015.107.10.057-063>.
4. Проблемы развития процессуального права России: монография / под ред. В.М. Жуйкова. Москва: Норма, Инфра-М, 2016. 224 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29283456>.
5. Гордейчик С. А. Злоупотребления стороны защиты при подаче дополнительной апелляционной жалобы // Адвокатская практика. 2019. № 5. С. 7–9. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41035131>.
6. Кудрявцева А. В., Дик Д. Г., Спиридонов М. С. Производство в суде кассационной инстанции: особенности нового правового регулирования //

Уголовное право. 2019. № 1. С. 83–88. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38577466>.

7. Жуйков В. М., Долова М. О. Актуальные проблемы унификации процессуального законодательства // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 121–135. DOI: <http://doi.org/10.12737/jrl.2019.8.11>.

8. Дикарев И. С. Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе: теоретические основы и пути совершенствования: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2016. 478 с.

9. Пшипий Р. М. Исторический анализ использования законодателем бланкетной формы диспозиции уголовно-правовой нормы // Российский следователь. 2012. № 23. С. 9–10. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/57598-istoricheskij-analiz-ispolzovaniya-zakonodatelem-blanketnoj-formy-dispozicii>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18352814>.

10. Филатова М. А. Совершенствование внутригосударственных средств правовой защиты в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека (Russian yearbook of the European convention on human rights) (вып. 1). 2015. № 1. С. 322–347.

11. Шарапова Д. В. Участие осужденного в суде апелляционной инстанции // Российский судья. 2016. № 4. С. 33–37. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25907181>.

References

1. Mateychuk V. I. *Sravnitel'naia kharakteristika pravovoi reglamentatsii proizvodstva v sude vtoroi instantsii v ugovnom sudoproizvodstve i drugikh vidakh sudoproizvodstv* [Comparative characteristics of the legal regulation of proceedings in a second instance court within criminal proceedings and other types of proceedings]. *Rossiiskii sud'ia* [Russian Judge], 2018, no. 10, pp. 30–34. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36290345> [in Russian].
2. Andreeva O. I., Rukavishnikova A. A. *Reformirovannoe proizvodstvo v sude kassatsionnoi instantsii: sootnoshenie chastnogo i publichnogo nachal* [Reformed proceeding in cassation court: correlation of private and public basis]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 2020, no. 3, pp. 3–7. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43130657> [in Russian].
3. Treshcheva E. A. *Status prokurora v arbitrazhnom protsesse nuzhdaetsia v sovershenstvovanii* [Prosecutor's status in the arbitration procedure needs improving]. *Lex Russica*, 2015, no. 10, pp. 57–63. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2015.107.10.057-063> [in Russian].
4. *Problemy razvitiia protsessual'nogo prava Rossii: monografiia. Pod red. V. M. Zhuikova* [Zhuikov V. M. (Ed.) Problems of the development of Russian procedural law: monograph]. Moscow: Norma, Infra-M, 2016, 224 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29283456>.
5. Gordeychik S. A. *Zloupotrebleniia storony zashchity pri podache dopolnitel'noi apelliatsionnoi zhaloby* [The abusive practice of the defense at filing of an additional appeal]. *Advokatskaia praktika* [Advocate's Practice], 2019, no. 5, pp. 7–9. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41035131>.

6. Kudryavtseva A. V., Dik D. G., Spiridonov M. S. *Proizvodstvo v sude kassatsionnoi instantsii: osobennosti novogo pravovogo regulirovaniia* [Court of cassation proceedings: peculiarities of new legal regulation]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], 2019, no. 1, pp. 83–88. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38577466> [in Russian].
7. Zhuykov V. M., Dolova M. O. *Aktual'nye problemy unifikatsii protsessual'nogo zakonodatel'stva* [Current Problems of Unification of Procedural Legislation]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 8, pp. 121–135. DOI: 10.12737/jrl.2019.8.11 [in Russian].
8. Dikarev I. S. *Nadzorno-kassatsionnaia forma peresmotra sudebnykh reshenii v ugolovnom protsesse: teoreticheskie osnovy i puti sovershenstvovaniia: dis. ... d-ra iurid. nauk* [Supervisory-cassation form of the revision of court decisions in criminal proceedings: theoretical foundations and ways of improvement: Doctoral of Law's thesis]. Volgograd, 2016, 478 p. [in Russian].
9. Pshpiy R. M. *Istoricheskii analiz ispol'zovaniia zakonodatelem blanketnoi formy dispozitsii ugolovno-pravovoi normy* [Historical analysis of use by the legislator blanketna of the form of the disposition of the criminal rule of law]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2012, no. 23, pp. 9–10. Available at: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/57598-istoricheskij-analiz-ispolzovaniya-zakonodatelem-blanketnoj-formy-dispozicii>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18352814> [in Russian].
10. Filatova M. A. *Sovershenstvovanie vnutri-gosudarstvennykh sredstv pravovoi zashchity v Rossiiskoi Federatsii: problemy i perspektivy* [Improving domestic remedies in the Russian Federation: problems and prospects]. In: *Rossiiskii ezhegodnik Evropeiskoi konventsii po pravam cheloveka* [Russian yearbook of the European convention on human rights] (issue 1), 2015, no. 1, pp. 322–347 [in Russian].
11. Sharapova D. V. *Uchastie osuzhdennogo v sude apelliatsionnoi instantsii* [Participation of the convicted person in the appeal instance court]. *Rossiiskii sud'ia* [Russian Judge], 2016, no. 4, pp. 33–37. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25907181> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-4-96-100
УДК 343.131

Дата: поступления статьи / Submitted: 11.09.2020
после рецензирования / Revised: 25.10.2020
принятия статьи / Accepted: 27.11.2020

Научная статья / Scientific article

Л. А. Шестакова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: lyuboshestakova@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ СЕМЕЙНО-РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ОТДЕЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Аннотация: Целью статьи является установление взаимного влияния уголовного судопроизводства, интересов семьи и несовершеннолетних, родственных интересов, морали и иных социальных норм. Фактически складывающиеся между людьми правоотношения в рамках расследования преступлений всегда выходят за рамки уголовно-процессуальной формы, зачастую регулируются не столько правом, сколько другими социальными нормами. Последнее обстоятельство, по мнению автора статьи, российским законодателем не учитывается, что отчетливо проявляется при анализе последних и многочисленных изменений уголовно-процессуального закона. Сложившиеся в результате совместного проживания людей нормы и установки являются значимым фактором, влияющим на реализацию отдельных уголовно-процессуальных институтов, выступают скрытым мотивом для поведения отдельных участников уголовного процесса. Для усиления нравственности уголовно-процессуального закона должны быть выработаны эффективные механизмы для продвижения запросов и предложений от граждан к законодателю. В настоящее время процедура принятия уголовно-процессуального закона, отнесение этой сферы к исключительному ведению РФ не позволяют эффективно отражать представление населения о справедливом, моральном и нравственном в УПК РФ. Как представляется, указанное обстоятельство препятствует реализации норм нравственности в уголовно-процессуальном законе, что не дает возможность адекватно учитывать влияние семейно-родственных отношений на уголовно-процессуальное право.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальная политика, международные стандарты правосудия, досудебное производство, судебное производство, семья, несовершеннолетний.

Цитирование. Шестакова Л. А. Влияние семейно-родственных отношений на реализацию отдельных институтов уголовно-процессуального права: постановка проблемы // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 4. С. 96–100. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-96-100>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

L. A. Shestakova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: lyuboshestakova@yandex.ru

INFLUENCE OF FAMILY AND KINSHIP RELATIONS ON THE IMPLEMENTATION OF CERTAIN INSTITUTIONS OF CRIMINAL PROCEDURE LAW: PROBLEM STATEMENT

Abstract: The author of the article establishes the mutual influence of criminal proceedings, the interests of the family, minors, morality, political, religious, corporate and other social norms. The norms of criminal procedure law regulate a wide mound of public relations. These relations often have no connection with the criminal procedure form. Social norms often have a regulatory role in the sphere of criminal procedural relations. The Russian legislator does not take this circumstance into account. The law has lost its connection with other socio-cultural systems (morality, religion). Family relations significantly change the content of all stages of the criminal process. Value and moral attitudes affect the legal position of participants in criminal proceedings. The state must to accept the opinion of the Russian population about justice and morality. This opinion of the people should be consolidated in the Criminal Procedure Code. There is not a legislative mechanism to implement this idea. This circumstance interferes with the accounting of family relations in criminal procedure law.

Key words: criminal proceedings, criminal procedure policy, international standards of justice, pre-trial proceedings, court proceedings, family, minor.

Citation. Shestakova L. A. *Vliianie semeino-rodstvennykh otnoshenii na realizatsiiu otdel'nykh institutov ugovolno-protsessual'nogo prava: postanovka problemy* [Influence of family and kinship relations on the implementation of certain institutions of criminal procedure law: problem statement]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 4, pp. 96–100. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-96-100> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© **Любовь Александровна Шестакова** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация,

© **Lyubov A. Shestakova** – Candidate of Legal Sciences, assistant professor of the Department of Criminal process and Criminalistics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation. Subject of Candidate's thesis: «Implementation of the

г. Самара, Московское шоссе, 34. Тема кандидатской диссертации: «Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации: генезис, современность и перспективы». Автор более 50 научных работ и учебно-методических публикаций, в том числе соавтор учебника «Уголовный процесс» (2015), автор монографии: «Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации» (2016).

Область научных интересов: уголовный процесс, восстановительное правосудие, производство по делам несовершеннолетних, несовершеннолетние, медиация, примирение сторон.

Как известно, право сформировалось существенно позже социальных норм, которые регулировали все складывающиеся в древних обществах отношения. В результате усложнения общественных отношений произошел переход к их правовому регулированию. Право восприняло накопленную национальную, бытовую, религиозную специфику регулируемых отношений. Уголовно-процессуальные правоотношения, не являясь исключением, находятся под постоянным воздействием норм морали, права, политических, религиозных, корпоративных и иных групповых социальных норм [1].

Фактически складывающиеся между людьми правоотношения в рамках расследования преступлений всегда выходят за рамки уголовно-процессуальной формы, зачастую регулируются не столько правом, сколько другими социальными нормами. Сам человек, становясь участником уголовно-процессуальных отношений и приобретая определенный уголовно-процессуальный статус, не перестает быть носителем одновременно многих различных статусов [1]. Поэтому уголовно-процессуальная форма не может существовать автономно, свободно от влияния норм других правовых отраслей, а также других разнообразных социальных норм. Влияние указанных норм является значимым фактором в реализации положений уголовно-процессуального закона.

Как представляется, последнее обстоятельство российским законодателем не учитывается, что отчетливо проявляется при анализе последних и многочисленных изменений уголовно-процессуального закона. Исключительно технические усовершенствования уголовно-процессуального закона не дают необходимых результатов. Как правильно отмечает С. В. Аношенкова, современное право утратило связь с моралью и религией [2, с. 34]. Уголовно-процессуальная форма стала представлять собой набор процедур, стадий, формальных алгоритмов действий для должностных лиц, которые проводят расследование преступлений и принимают решения без учета их влияния на судьбы людей [3].

С идеологических позиций восточному типу цивилизации, к которому относится Россия, всегда были присущи любовь, дружба, братство, доброта, защита семьи. Правовая система и судопроизводство государства всегда оценивались населением

concept of juvenile justice in the criminal process in the Russian Federation: the genesis, modernity and prospects». Author of more than 50 scientific and methodological works, including textbooks written in collaboration: «Criminal procedure» (2015), monograph: «Implementation of the concept of juvenile justice in the criminal process in the Russian Federation» (2016)

Research interests: criminal procedure, restorative justice, juvenile justice, juveniles, mediation, conciliation.

России с позиций нравственности. Рациональность всегда отходила на второй план [4].

В соответствии со ст. 7 Конституции РФ в Российской Федерации обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства. Создание семьи гражданами Российской Федерации признается социально-необходимой деятельностью, поскольку такая деятельность отвечает стратегическим задачам развития Российского государства [5].

Ратификация Российской Федерацией ряда международных документов (Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Конвенция ООН о правах ребенка 1989 г., Декларация прав ребенка 1959 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г.) обусловила необходимость учета в уголовно-процессуальном законодательстве интересов семьи. Тем не менее положения УПК РФ не в полной мере отвечают требованиям этих международных документов [6, с. 4].

Порядок расследования и судебного рассмотрения уголовных дел характеризуется возможностью вторжения государством практически в любую область жизни человека. Семейные отношения не являются исключением, важность их защиты заставляет законодателя деликатно подходить к личным отношениям. Здесь мы имеем в виду подход законодателя к регулированию института свидетельского иммунитета, отводов, закреплению правил проведения отдельных следственных действий, применения мер процессуального принуждения, суда присяжных и др.

Всеобщий характер семейных отношений позволяет им естественным образом входить в содержание уголовного преследования, поскольку эти межличностные отношения представляют по существу основу психологического фундамента личности. Существующее регулирование семейно-родственных отношений в УПК РФ хотя и понижает многие процессуальные институты, но тем не менее носит отрывочный и бессистемный характер. Рассмотрим влияние семейно-родственных отношений на реализацию отдельных институтов уголовно-процессуального права.

Статья 51 Конституции РФ закрепляет положение о том, что никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких

родственников, круг которых определяется федеральным законом. В данном случае речь идет об УПК РФ, где дано определение понятия «близкие родственники», которыми являются «...супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки». Тем не менее в ходе практической деятельности возникают неожиданные вопросы. Распространяется ли свидетельский иммунитет на фактических сожителей, опекунов, попечителей, усыновителей и усыновленных. В описанных случаях между людьми зачастую существует личная привязанность, которая напрямую не связана с юридическим оформлением межличностных отношений. Не менее актуальным является вопрос однополых отношений или однополого родительства. В ряде европейских стран и в целом в англосаксонском праве такие отношения были официально признаны государством и легализованы [7]. В России такие фактические отношения между людьми остаются непризнанными, однако распространенность этого явления увеличивается, однополые отношения оказывают все большее влияние на реализацию отдельных институтов уголовно-процессуального права. Должен ли свидетельский иммунитет распространяться на лиц одного пола, состоящих в фактическом браке или являющихся фактическими родителями для ребенка? В УПК РФ отсутствует принципиально решение этих вопросов.

Связаны с регулированием внутрисемейной сферы и вопросы перехода прав умершего потерпевшего к его родственникам (ч. 8 ст. 42 УПК РФ). Необходимо отметить, что этот вопрос остается официально не решенным. Конституционный Суд в своих постановлениях сформулировал следующую позицию по этому вопросу: презюмируется, что нравственно страдать после смерти потерпевшего могут только близкие родственники (ст. 5 УПК РФ). Троюродные и двоюродные сестры, тети и т. д. не могут быть наделены процессуальными правами потерпевшего, даже если они ссылаются на близкие межличностные отношения с погибшим, нравственные страдания после его смерти [8]. Как представляется, такая позиция Конституционного Суда РФ не учитывает фактически сложившиеся отношения между людьми и способствует формированию правового нигилизма у граждан.

Применение таких мер пресечения, как заключение под стражу, домашний арест, невозможно без учета семейных связей. Должностные лица, к компетенции которых отнесено избрание меры пресечения, вынуждены вступать не только в правоотношения, строящиеся по типу «государство – личность», но также и в отношения, регуляция которых осуществляется исключительно нормами морали и нравственности. Такие отношения строятся по типу «личность – личность» [9].

Значительное влияние семья оказывает на формирование несовершеннолетнего, поэтому при отправлении правосудия по делам несовершенно-

летних обязательно установлению подлежат условия жизни и воспитания подростка (ст. 421 УПК РФ). Таким образом, для расследования преступлений несовершеннолетних, требуется установить обстоятельства так называемого «углубленного» предмета доказывания [10].

Важно отметить присутствие в отдельных регионах России национального фактора, который влияет на возможность осуществления справедливого правосудия, рассмотрения уголовного дела с участием присяжных заседателей, реализацию института отводов. Значимость семейных (клановых) связей, особый статус женщины в семье, другие национальные обычаи людей, населяющих территорию Северного Кавказа, не позволяют правоприменителям быть беспристрастными при принятии решений по делу. Родственные связи в диаспоре ускоряют обмен информацией, относящейся к тайне следствия, поддерживают криминальные, коррупционные связи, создают условия для оказания давления на участвующих в расследовании преступлений лиц, воздействия на обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела [11].

Многонациональный характер нашего государства (в настоящее время на территории РФ проживает более 204 национальностей), представительство мигрантов, адвенталиев в структуре населения России отрицательно сказываются на состоянии преступности в стране и влекут за собой сложности при расследовании соответствующих уголовных дел. В настоящее время для уголовного процесса России не имеет значения классификация субъектов уголовного процесса на меньшинства по какому-либо признаку. Не ведется судебная и уголовная статистика в отношении национальных и иных меньшинств. Законодатель считает, что национальные признаки лица не влияют на реализацию уголовно-процессуальных норм, что, как представляется, не соответствует действительности [12; 13].

Тенденции к гуманизации и нравственности уголовно-процессуальной деятельности, повышают значимость исследований, связанных с изучением социальной ценности уголовного процесса. Современный уголовный процесс России испытывает активное влияние социально-психологических факторов, связанных с личной, семейной жизнью людей. Учет данных обстоятельств должен производиться вне зависимости от правового оформления отношений между людьми. Однако нормы уголовно-процессуального права не содержат процедурных механизмов, позволяющих адекватно оценить фактически сложившиеся отношения между людьми для непосредственного применения норм уголовно-процессуального права. Отсутствие в Уголовно-процессуальном кодексе системного подхода к учету этого фактора приводит к разрушению глубоко личной сферы жизнедеятельности человека [10].

Не теряет актуальности тезис марксизма о том, что сущность личности составляет ее социальное,

а не частное качество. Сущность личности нельзя понимать из самой личности, ее нужно объяснять с учетом условий, в которых она живет и действует. Поэтому в уголовном процессе интересы личности нельзя рассматривать в отрыве от ее социальных связей.

Для усиления нравственности уголовно-процессуального закона должны быть выработаны эффективные механизмы для продвижения запросов и предложений от граждан к законодателю [2, с. 46]. В настоящее время процедура принятия уголовно-процессуального закона, отнесение этой сферы к исключительному ведению РФ не позволяет эффективно отражать представление населения о справедливом, моральном и нравственном в УПК РФ. Как представляется, указанное обстоятельство препятствует реализации норм нравственности в уголовно-процессуальном законе, что не дает возможность адекватно учитывать влияние семейно-родственных отношений на уголовно-процессуальное право.

Библиографический список

1. Тарасов А. А., Шарипова А. Р. Уголовно-процессуальное право в системе социальных регуляторов: место и значение // *Lex Russica*. 2015. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-protssualnoe-pravo-v-sisteme-sotsialnyh-regulyatorov-mesto-i-znachenie> (дата обращения: 04.04.2020); <https://elibrary.ru/item.asp?id=24189138>.
2. Анощенкова С. В. Механизм легитимации норм морали (уголовно-правовой аспект) // *Lex Russica*. 2016. № 8 (117). С. 33-47. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.117.8.033-047>.
3. Победкин А. В. Уголовное судопроизводство как невостребованное средство воспитания человека // *Вестник экономической безопасности*. 2019. № 1. С. 40-45. DOI: <http://doi.org/10.24411/2414-3995-2019-10007>.
4. Дорошков В. В. Мировоззренческие подходы к состязательности в уголовном судопроизводстве // *Мировой судья*. 2019. № 7. С. 3-11. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38519893>.
5. Пьянов А. И. Семья и государство: социально-правовой аспект // *Философия права*. 2009. № 6 (37). С. 52-56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semya-i-gosudarstvo-sotsialno-pravovoy-aspekt> (дата обращения: 28.08.2020); <https://elibrary.ru/item.asp?id=13004078>.
6. Дежнев А. С. Отношения родства, супружества и свойства в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Омск, 2002. 219 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15996603>.
7. Тарусина Н. Н. Семья как общеправовая конструкция // *Lex Russica*. 2020. № 4 (161). С. 21-33. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.161.4.021-033>.
8. Патрушева А. А. Правовое положение лиц, которым переходят права умершего потерпевшего // *Сибирское юридическое обозрение*. 2018. Т. 15, № 2. С. 234-239. DOI: <http://doi.org/10.19073/2306-1340-2018-15-2-234-239>.
9. Сухова И. И. Система правовых и нравственных отношений при принятии решения об избрании меры пресечения как процессуальная гарантия // *Вестник*

Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10. № 1. С. 96-102. DOI: <http://doi.org/10.24420/KUI.2019.22.92.015>.

10. Дежнев А. С. Институт семьи в системе уголовно-процессуальных отношений // *Научный вестник Омской академии МВД России*. 2011. № 4 (43). С. 20-24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-semi-v-sisteme-ugolovno-protssualnyh-otnosheniy>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=17306610> (дата обращения: 29.08.2020).

11. Воткин В. А. Ситуационные особенности тактики разыскных и следственных действий, направленных на установление лиц, совершивших разбойное нападение на Северном Кавказе // *Российский следователь*. 2017. № 8. С. 3-6. URL: <https://yandex.ru/turbo/wiselawyer.ru/s/poleznoe/105073-situacionnye-osobennosti-taktiki-razysknykh-sledstvennykh-dejstvij-napravlennykh>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=29115786>.

12. Мусейбов А. Г., Борбат А. В. Положение национальных меньшинств в системе уголовного правосудия // *Российский следователь*. 2016. № 11. С. 20-25. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26248379>.

13. Смирнова И. Г., Фойгель Е. И. К вопросу о необходимости выделения категории адвентальных участников российского уголовного судопроизводства: Уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты // *Lex Russica*. 2019. № 7 (152). С. 66-73. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.152.7.066-073>.

References

1. Tarasov A. A., Sharipov A. R. *Ugolovno-protssual'noe pravo v sisteme sotsial'nykh reguliatorov: mesto i znachenie* [Criminal procedural law within the social regulator system: its place and value]. *Lex Russica*, 2015, no. 8, pp. 47-57. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-protssualnoe-pravo-v-sisteme-sotsialnyh-regulyatorov-mesto-i-znachenie>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=24189138> (accessed 04.04.2020) [in Russian].
2. Anoshchenkova S. V. *Mekhanizm legitimatsii norm morali (ugolovno-pravovoi aspekt)* [The mechanism of legitimating moral rules (criminal law aspect)]. *Lex Russica* [Russian law], 2016, no. 8 (117), pp. 33-47. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.117.8.033-047> [in Russian].
3. Pobedkin A. V. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo kak nevostrebannoe sredstvo vospitaniia cheloveka* [Criminal proceedings as an unclaimed means of educating a person]. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti* [Vestnik of economic security], 2019, no. 1, pp. 40-45. DOI: <http://doi.org/10.24411/2414-3995-2019-10007> [in Russian].
4. Doroshkov V. V. *Mirovozzrencheskie podkhody k sostiazatel'nosti v ugolovnom sudoproizvodstve* [Worldview Approaches to Adversariality in Criminal Proceedings]. *Mirovoi sud'ia* [Magistrate judge], 2019, no. 7, pp. 3-11. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38519893> [in Russian].
5. Pianov A. I. *Sem'ia i gosudarstvo: sotsial'no-pravovoi aspekt* [Family and state: social-legal aspect]. *Filosofia prava* [Philosophy of Law], 2009, no. 6 (37), pp. 52-56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semya-i-gosudarstvo-sotsialno-pravovoy-aspekt> (accessed 28.08.2020); <https://elibrary.ru/item.asp?id=13004078> [in Russian].
6. Dezhnev A. S. *Otnosheniia rodstva, supruzhestva i svoistva v ugolovnom protsesse: dis. ... kand. iurid. nauk: 12.00.09* [Relationships of kinship, matrimony and

property in criminal proceedings: Candidate's of Legal Sciences thesis: 12.00.09]. Omsk, 2002, 219 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15996603> [in Russian].

7. Tarusina N. N. *Sem'ia kak obshchepравovaia konstruktsiia* [Family as a general legal structure]. *Lex Russica*, 2020, no. 4 (161), pp. 21–33. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.161.4.021-033> [in Russian].

8. Patrusheva A. A. *Pravovoe polozenie lits, kotorym perekhodiat prava umershego poterpevshego* [The Legal Status of Persons to Whom the Rights of a Deceased Victim are Passed]. *Sibirskoe iuridicheskoe obozrenie* [Siberian Law Review], 2018, vol. 15, no. 2, pp. 234–239. DOI: <http://doi.org/10.19073/2306-1340-2018-15-2-234-239> [in Russian].

9. Sukhova I. I. *Sistema pravovykh i npravstvennykh otnoshenii pri priniatii resheniia ob izbranii mery presecheniia kak protsessual'naia garantiia* [The system of legal and moral correlations when dealing with measures of restraint as a procedural guarantee]. *Vestnik Kazanskogo iuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia], 2019, vol. 10, no. 1, pp. 96–102. DOI: <http://doi.org/10.24420/KUI.2019.22.92.015> [in Russian].

10. Dezhnev A. S. *Institut sem'i v sisteme ugolovno-protsessual'nykh otnoshenii* [The institution of family in the system of criminal procedure relations]. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii* [Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia], 2011, no. 4 (43), pp. 20–24. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/institut-semi-](https://cyberleninka.ru/article/n/institut-semi)

[v-sisteme-ugolovno-protsessual'nykh-otnosheniy; https://elibrary.ru/item.asp?id=17306610](https://elibrary.ru/item.asp?id=17306610) (accessed 29.08.2020) [in Russian].

11. Votkin V. A. *Situatsionnye osobennosti taktiki razysknykh i sledstvennykh deistvii, napravlennykh na ustanovlenie lits, sovershivshikh razboinoe napadenie na Severnom Kavkaze* [Situational Peculiarities of the Search and Investigative Tactics Aimed at Establishment of Persons Having Committed Armed Assault in the North Caucasus]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2017, no. 8, pp. 3-6. Available at: <https://yandex.ru/turbo/wiselawyer.ru/s/poleznoe/105073-situatsionnye-osobennosti-taktiki-razysknykh-sledstvennykh-dejstvij-napravlennykh>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=29115786> [in Russian].

12. Museibov A. G., Borbat A. V. *Polozenie natsional'nykh men'shinstv v sisteme ugolovnoogo pravosudiia* [Position of national minorities in the system of criminal justice]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2016, no. 11, pp. 20–25. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26248379> [in Russian].

13. Smirnova I. G., Foigel E. I. *K voprosu o neobkhodimosti vydeleniia kategorii advenal'nykh uchastnikov rossiiskogo ugolovnoogo sudoproizvodstva: Ugolovno-protsessual'nyi i kriminalisticheskii aspekty* [The issue of necessity of determining the category of advenal participants of the Russian criminal proceedings: criminal procedural law and criminalistic aspects]. *Lex Russica*, 2019, no. 7 (152), pp. 66–73. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.152.7.066-073> [in Russian].

КРИМИНАЛИСТИКА И СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА CRIMINALISTICS AND FORENSIC ENQUIRY

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-4-101-111
УДК 343.13

Дата: поступления статьи / Submitted: 23.09.2020
после рецензирования / Revised: 27.10.2020
принятия статьи / Accepted: 27.11.2020

Научная статья / Scientific article

К. А. Корсаков

Северо-западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: korsakovka@mail.ru

В. В. Конин

Северо-западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: vkonin.kld@yandex.ru

Е. В. Сидоренко

Северо-западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: es195@yandex.ru

РАЗУМНЫЙ СРОК УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Аннотация: Общество всегда заинтересовано в том, чтобы правосудие было не только справедливым и беспристрастным, но и достаточно быстрым. Необоснованное, не вызванное объективными причинами затягивание расследования преступления, задержки с рассмотрением его по существу в суде позволяют виновным в ряде случаев избежать заслуженного наказания, что ставит под сомнение принцип неотвратимости наказания, с одной стороны, и препятствует реализации права на доступ к правосудию и восстановление нарушенных преступлением законных интересов, с другой стороны. Термин «разумный срок судопроизводства», введенный в российское уголовно-процессуальное законодательство, основан на закреплённом в нормах международного права требовании о рассмотрении дела без неоправданных задержек. Право на разумный срок уголовного судопроизводства регламентировано ст. 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, но до настоящего времени эта норма не реализуется в полной мере правоприменителем, о чем свидетельствуют решения Европейского суда по правам человека, вынесенные по жалобам на нарушение Российской Федерацией положений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. В то же время требование разумного срока в уголовном судопроизводстве исследуется исключительно с позиций уголовно-процессуального права, что является не вполне обоснованным. В статье предпринята попытка рассмотреть проблемные вопросы разумного срока уголовного судопроизводства с позиций криминалистики как науки, вобравшей в себя теоретические и практические вопросы борьбы с преступностью.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, разумный срок, предварительное расследование, судебное разбирательство, криминалистическая тактика, ситуационный подход, планирование расследования.

Цитирование. Корсаков К. А., Конин В. В., Сидоренко Е. В. Разумный срок уголовного судопроизводства: криминалистическая характеристика // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 4. С.101–111. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-101-111>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

К. А. Korsakov

The North Western Branch of the Russian State University of Justice (Saint Petersburg),
Saint Peterburg, Russian Federation
E-mail: korsakovka@mail.ru

V. V. Konin

The North Western Branch of the Russian State University of Justice (Saint Petersburg),
Saint Peterburg, Russian Federation
E-mail: vkonin.kld@yandex.ru

E. V. Sidorenko

The North Western Branch of the Russian State University of Justice (Saint Petersburg),
Saint Peterburg, Russian Federation
E-mail: es195@yandex.ru

REASONABLE TIME OF CRIMINAL PROCEEDINGS: CRIMINALISTIC CHARACTER

Abstract: In the Russian legal system, the understanding that justice should be not only timely, but also fast enough has matured for a long time. The delay in the investigation of a criminal case and its consideration by the court allows the guilty to avoid the deserved punishment in some cases, which calls into question the principle of inevitability of punishment on the one hand, and hinders the right to access justice, on the other hand. The term «reasonable time for legal proceedings» has emerged as a requirement of international law to be tried without undue delay. The right to a reasonable period of criminal proceedings is regulated by Article 6.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, but this norm is not fully implemented to date, as evidenced by the decisions of the European court of human rights issued on complaints of violation by the Russian Federation of the provisions of the European Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms. At the same time, the available research considers the requirement of reasonable terms in criminal proceedings from the standpoint of criminal procedure law, which is not fully justified. The article attempts to consider the problematic issues of reasonable terms of criminal proceedings from the perspective of criminology, as a science that has incorporated theoretical and practical issues of fighting crime, as well as the problems of criminalistic criteria in criminal proceedings.

Key words: criminal proceedings, reasonable time, pre-trial investigation, judicial proceedings, forensic tactics, situational approach, investigation planning.

Citation. Korsakov K. A., Konin V. V., Sidorenko E. V. *Razumnyi srok ugovolnogo sudoproizvodstva: kriminalisticheskaia kharakteristika* [Reasonable time of criminal proceedings: criminalistic character]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 4, pp. 101–111. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-101-111> [in Russian].

Information about the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

© **Константин Александрович Корсаков** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права, Северо-западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург), 197046, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Александровский сад, 5.

Тема кандидатской диссертации: «Криминалистические и процессуальные проблемы подготовки прокурора к судебному разбирательству уголовного дела». Автор более 30 научных статей.

Область научных интересов: криминалистическая тактика, методика расследования отдельных видов преступлений, теория доказывания, производство следственных действий, субъекты доказывания, поддержание государственного обвинения.

© **Владимир Владимирович Конин** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права, Северо-западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург), 197046, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Александровский сад, 5.

Тема кандидатской диссертации: «Тактика профессиональной защиты подсудимого в суде первой инстанции». Автор более 190 научных работ, в том числе монографий: «Реализация функции защиты в суде с участием присяжных заседателей» (2010), «Процессуальные и тактические аспекты деятельности защитника в состязательном процессе» (2009), «Тактика профессиональной защиты по уголовным делам в суде первой инстанции» (2008). Ряд научных трудов написан в соавторстве: «Адвокатура Калининградской области: история и современность» (2016), соавтор курса лекций «Правоохранительные органы» (2020).

Область научных интересов: уголовный процесс, криминалистика, адвокатская и правозащитная деятельность.

© **Елена Васильевна Сидоренко** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права, Северо-западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург), 197046, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Александровский сад, 5.

Тема кандидатской диссертации: «Правовые проблемы определения роли и процессуального положения прокурора в судебном рассмотрении уголовных дел». Автор 43 научных работ, в том числе соавтор курса лекций «Правоохранительные органы» (2020).

Область научных интересов: уголовный процесс, криминалистика, уголовное право, прокурорский надзор, поддержание государственного обвинения.

© **Konstantin A. Korsakov** – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Criminal Procedure Law, The North Western Branch of the Russian State University of Justice (Saint Petersburg), 5, Alexander Garden, Saint Petersburg, 197046, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Criminalistic and procedural problems of preparation of the Prosecutor for trial of a criminal case». Author of more than 30 scientific papers.

Research interests: forensic tactics, methods of investigation of certain types of crimes, theory of proof, production of investigative actions, subjects of proof.

© **Vladimir V. Konin** – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Criminal Procedure Law, The North Western Branch of the Russian State University of Justice (Saint Petersburg), 5, Alexander Garden, Saint Petersburg, 197046, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Tactics of the professional defense of the defendant in the court of the first instance». Author of 190 scientific works, including monographs: «Implementation of the function of protection in court with the participation of jurors» (2010), «Procedural and tactical aspects of the defender in the adversarial process» (2009), «Tactics of professional protection in criminal cases in the court of the first instance» (2008). A number of scientific papers written in collaboration: «Advocacy of the Kaliningrad Region: history and modernity» (2016).

Research interests: criminal procedure, criminalistics, advocacy and human rights activities.

© **Elena V. Sidorenko** – Candidate of Legal Sciences, assistant professor of the Department of Criminal Procedure Law, The North Western Branch of the Russian State University of Justice (Saint Petersburg), 5, Alexander Garden, Saint Petersburg, 197046, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Legal problems of determining the role and procedural position of the Prosecutor in the judicial review of criminal cases». Author of 43 scientific works, including textbook in in collaboration «Enforcement authorities» (2020).

Research interests: criminal procedure, criminalistics, criminal law, prosecutor's supervision

Установленные законодателем процессуальные сроки уголовного судопроизводства сегодня рассматриваются как одна из форм реализации защиты прав участников, вовлеченных в уголовно-процессуальные отношения, вне зависимости от того, на стороне обвинения либо на стороне защиты они выступают и какой интерес – публичный или частный, они преследуют. В первую очередь это необходимо рассматривать в контексте права сторон на доступ к правосудию: для потерпевшего – как средство восстановления нарушенного права, а для лица, привлекаемого к уголовной ответственности, – как реализацию его права на расследование и рассмотрение уголовного дела, в котором он участвует в качестве подозреваемого, обвиняемого либо подсудимого, в разумный срок, без неоправданных задержек, и вытекающее отсюда право донести до следователя и до суда свою позицию в связи с совершенным преступлением и выдвинутым обвинительным тезисом.

Таким образом, разумный срок уголовного судопроизводства выступает в том числе как гарантия справедливости уголовного судопроизводства, чтобы каждый, обладающий тем или иным процессуальным статусом в рамках уголовного судопроизводства, в полном объеме и своевременно получил доступ к правосудию, а виновный не избежал заслуженного наказания, затягивая предварительное расследование и судебное разбирательство по существу предъявленного обвинения.

Вопросам разумного срока в уголовном судопроизводстве посвящено достаточно большое количество публикаций, поскольку эта тема существенным образом затрагивает права и свободы лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве [1, с. 48–55; 2, с. 9–15; 3, с. 81–90; 4, с. 143–148; 5, с. 355–360; 6, с. 50–52; 7, с. 21–24].

Более того, развернувшаяся дискуссия о разумном сроке в уголовном судопроизводстве вызвала дискуссию о разумных сроках при осуществлении правосудия в сфере гражданского судопроизводства [8, с. 280–283; 9, с. 140–142].

Оценивая научную дискуссию по вопросам, связанным по тем или иным основаниям с разумным сроком в уголовном судопроизводстве, считаем необходимым отметить, что практически все исследования проблемных вопросов разумного срока уголовного судопроизводства произведены с позиции уголовно-процессуального права и фактически отсутствуют исследования феномена «разумный срок» с позиции криминалистики. Вместе с тем именно криминалистика наполняет уголовный процесс внутренним содержанием, позволяя ему стать основным и наиболее эффективным средством борьбы с преступностью в Российской Федерации.

В настоящей статье будет предпринята попытка рассмотреть феномен разумного срока в уголовном судопроизводстве с позиции криминалистики.

Необходимо отметить, что проблема расследования уголовных дел и рассмотрения по существу в суде в рамках разумного срока для российского уголовного судопроизводства назрела достаточно давно. Проблема неоправданной длительности при производстве по уголовному делу впервые была достаточно кардинально обозначена в решении ЕСПЧ «Калашников против Российской Федерации» [10]. Это решение вызвало определенный шок среди российской научной общественности, исследующей вопросы права, и побудило к достаточно оживленной дискуссии. К чести руководства Верховного Суда Российской Федерации после вынесения указанного решения довольно быстро были приняты достаточно жесткие меры, в том числе и кадровые.

Затем последовало не менее резонансное решение ЕСПЧ по делу «Бурдов против Российской Федерации» [11]. Принятие этого решения побудило российского законодателя обратить внимание на существующую проблему и с целью исполнения положений, заложенных в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., разработать и принять Федеральный закон от 30.04.2010 № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок”», а также дополнить Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации новым принципом, закрепленным в статье 6.1, устанавливающим требование к производству предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу в разумный срок.

В соответствии с частью третьей указанной статьи разумный срок уголовного судопроизводства включает в себя период с момента начала осуществления уголовного преследования до момента прекращения уголовного преследования или вынесения приговора, как обвинительного, так и оправдательного.

С 1 января 2015 года вступил в силу Федеральный закон от 21 июля 2014 года № 273-ФЗ «О внесении изменений в статью 3 Федерального закона “О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок”» и отдельные законодательные акты Российской Федерации, которым статья 6.1 УПК Российской Федерации дополнена частью 3.1, устанавливающей, что при определении разумного срока досудебного производства, который включает в себя период с момента подачи потерпевшим заявления, либо регистрации правоохранительным органом сообщения о преступлении и до дня принятия дознавателем либо следователем процессуального решения о приостановлении предварительного расследования по уголовному делу по основанию,

предусмотренному пунктом 1 части первой статьи 208 УПК РФ.

В связи с актуальностью темы вопросы соблюдения разумного срока в российском уголовном судопроизводстве стали предметом научного интереса многих российских ученых-процессуалистов. Однако их исследования и сделанные по указанной проблематике выводы посвящены отдельным проблемам уголовно-процессуального права и не охватывают комплексно всех теоретико-правовых и законодательных проблем разумности срока уголовного судопроизводства.

В то же время, по мнению авторов, необоснованно мало изучен криминалистический аспект разумности срока предварительного расследования и судебного разбирательства по существу уголовного дела. Принимая во внимание, что судопроизводство в Европейском суде по правам человека носит прецедентный характер, можно говорить о применении таких положений криминалистической науки, как криминалистическая ситуалогия (ситуационный подход) и учение о версиях (выдвижение и проверка версий на всех стадиях уголовного судопроизводства) при рассмотрении каждого конкретного дела. Представляется, что игнорирование указанных положений криминалистической науки самым непосредственным образом отражается не только на сути принимаемого процессуального решения, в том числе итогового по результатам расследования и рассмотрения уголовного дела по существу, но и на сроке расследования и рассмотрения уголовного дела судом. При этом ситуационный подход и учение о версиях изучается криминалистикой и продолжает развиваться в трудах ученых-криминалистов, в то же время эти институты не присущи уголовно-процессуальному праву России.

Этот вывод подтверждается тем, что, например, ЕСПЧ в своих решениях неоднократно указывает, что ряду нарушений, изложенных в жалобах граждан Российской Федерации, а также граждан иных государств в жалобах против Российской Федерации, присущ системный характер, в том числе и проблеме, связанной с нарушением права на разбирательство в течение разумного срока в стадиях досудебного и судебного разбирательства.

Так, в постановлении ЕСПЧ от 24.03.2016 «Жеребин против Российской Федерации» представитель Российской Федерации в ЕСПЧ согласился с тем, что имело место нарушение, о котором сообщил в жалобе заявитель, признав тем самым чрезмерную длительность предварительного заключения, и просил Европейский суд по правам человека на этом основании исключить жалобу из списка дел, подлежащих рассмотрению.

Отказывая в удовлетворении ходатайства Российской Федерации об исключении жалобы из списка дел, подлежащих рассмотрению, Суд

указал на наличие системности нарушения: «Европейский Суд отмечает, что практика содержания обвиняемого под стражей в ходе производства по уголовному делу в отсутствие относимых и достаточных оснований в нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции является предметом регулярных и многочисленных жалоб в Европейский Суд по делам против Российской Федерации. ...Властям Российской Федерации также было предложено обсудить вопрос о том, свидетельствовала ли данная практика о наличии системной или структурной проблемы, требующей принятия властями адекватных мер общего характера» [12].

Рассмотрим критерии, по которым законодатель предлагает оценивать разумность сроков.

К ним отнесены: правовая и фактическая сложность уголовного дела, поведение участников уголовного судопроизводства, достаточность и эффективность действий суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, начальника подразделения дознания, органа дознания, дознавателя. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 г. № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» дает некоторые разъяснения об оценке указанных критериев [13].

При оценке правовой и фактической сложности дела Пленум Верховного Суда Российской Федерации не разделяет эти категории и предлагается учитывать в качестве затрудняющих рассмотрение уголовного дела обстоятельства, к которым относит такие, как: количество участвующих в деле лиц, необходимость проведения экспертиз, их сложность, необходимость допроса значительного числа свидетелей, участие в деле иностранных лиц, необходимость применения норм иностранного права, объем предъявленного обвинения, число подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, потерпевших, а также необходимость обращения за правовой помощью к иностранному государству.

По мнению авторов, причины, по которым происходит нарушение разумного срока в уголовном судопроизводстве, необходимо разделить на две основные категории: количественные и качественные.

Так, например, к количественным критериям можно отнести и участие в деле иностранных лиц, что требует привлечения такого участника, как переводчик, а необходимость применения норм иностранного права, помимо перевода, вызывает необходимость привлечения соответствующего специалиста, владеющего знаниями о нормах иностранного права, приводит к возникновению во-

просов координации и взаимодействия с соответствующими специалистами или организациями.

Количество участвующих лиц (потерпевших, представителей потерпевших, подозреваемых либо обвиняемых, защитников, законных представителей, переводчиков и т. д.), число свидетелей, объем предъявленного обвинения (количество эпизодов преступной деятельности), число необходимых по уголовному делу экспертиз, сложность и длительность их проведения также можно отнести к количественным критериям.

Список количественных критериев, приведенных авторами, не является исчерпывающим и может быть продолжен.

Рассмотрим некоторые качественные показатели предлагаемых критериев. Сразу же необходимо отметить, что качественные показатели, по мнению авторов, значительно превышают количественные.

Одним из самых значимых качественных критериев, на взгляд авторов, является такое обстоятельство, как фактическая сложность уголовного дела. Под этим следует понимать степень организованности и устойчивости преступного образования, в отношении которого расследуется уголовное дело, территориальность преступной деятельности, активное противодействие расследованию, поведение потерпевших и иных участников, вовлеченных в уголовное судопроизводство (позитивное, нейтральное, негативное). Авторам в практической деятельности приходилось сталкиваться с уголовными делами, имеющими достаточно большое количество эпизодов преступной деятельности (например, квартирные кражи), либо с преступлениями, вызывавшими большой общественный резонанс (например, убийство на бытовой почве), но которые в ходе расследования и рассмотрения уголовного дела в суде не вызвали каких-либо затруднений. Вместе с тем имели место и уголовные дела с незначительным количеством преступных эпизодов, но вызывавшие значительную сложность в расследовании и последующем рассмотрении в суде (например, уголовное дело в отношении этнической преступной группы, участники которой находясь в местах лишения свободы, продолжали руководить незаконным оборотом наркотических средств).

Также одним из качественных критериев является достаточность и эффективность действий участников со стороны обвинения в пределах реализации своих должностных обязанностей, в том числе и по своевременному принятию процессуального решения о возбуждении уголовного дела, признанию лица потерпевшим, установлению и привлечению в качестве обвиняемого лиц, виновных в совершении преступления, своевременное производство необходимых следственных и процессуальных действий.

К качественным критериям необходимо отнести и число повторяемых случаев неправомерного поведения участников процесса (противодействие расследованию с целью его затягивания и создание препятствий для сбора доказательств, изближающих лицо, привлекаемое к уголовной ответственности). При оценке негативного поведения отдельных участников процесса необходимо учитывать, в чем конкретно выразился негатив (попытка скрыться от следствия и суда, уничтожение либо фальсификация доказательств по делу, оказание негативного влияния на соучастников, свидетелей, потерпевших, затягивание производства предварительного следствия и судебного разбирательства и т. д.).

Продолжая рассматривать качественные критерии, обратимся к таким, как процессуальная, правовая и фактическая сложность.

Под правовой сложностью дела следует понимать проблему квалификации действий лица, в отношении которого возникло подозрение о причастности к совершению преступления либо в отношении которого следователем выдвинут обвинительный тезис о виновности в совершении преступления (что можно рассматривать как сложность в квалификации совершенного преступления, с тем чтобы в соответствии с требованиями ст. 6 УПК РФ избежать ошибочной квалификации, что необходимо рассматривать как необоснованное обвинение лица в совершении преступления, к которому это лицо непричастно).

Это, в свою очередь, вызывает процессуальную сложность, поскольку требует со стороны следователя (дознателя) собирания дополнительных доказательств, подтверждающих виновность лица исключительно в инкриминируемом ему преступлении (без дополнительных квалификаций, вызванных расширительным толкованием действий лица, привлекаемого к уголовной ответственности), возможное выделение каких-либо конкретных обстоятельств, требующих дополнительного исследования и доказывания, определенных соответствующей криминалистической методикой расследования отдельных видов преступлений в целях установления обстоятельств, разграничивающих смежные составы преступлений (например, получение взятки и мошенничество).

В категорию фактической сложности необходимо отнести недостаточность, несвоевременность и неэффективность действий дознавателя, следователя и лиц, обеспечивающих контроль за расследованием (своевременность и полнота производства необходимых процессуальных и следственных действий), а также прокурора (процессуальный контроль за предварительным расследованием и утверждением обвинительного заключения и обвинительного акта) и суда (как на досудебной стадии при осуществлении судеб-

ного контроля, так и в стадии судебного разбирательства).

При этом для преодоления негативных аспектов процессуальной и фактической сложности уголовного дела, оптимизации предварительного расследования и судебного рассмотрения по существу, огромное значение имеет качественное планирование этой деятельности [14, с. 96–100].

Рассмотрим аргументацию ЕСПЧ, приведенную в некоторых решениях, вынесенных по жалобам против Российской Федерации, связанным с нарушением разумного срока, с учетом того, что ЕСПЧ при проверке фактов нарушения разумного срока неоднократно указывал на необходимость индивидуального подхода к рассмотрению вопроса поведения участников процесса.

Например, власти Российской Федерации при обосновании длительного срока рассмотрения уголовного дела в отношении заявителя Идалова доказали, что поведение заявителя явилось причиной длительного рассмотрения дела. ЕСПЧ отклонил жалобу Идалова в части длительного срока рассмотрения уголовного дела, указав, что «обоснованность срока рассмотрения дела должна оцениваться с учетом всех обстоятельств дела и следующих факторов: сложности дела, поведения заявителей и властей, и того, что решалось для заявителя в процессе рассмотрения дела ... Заявителю было предъявлено обвинение в похищении, вымогательстве, незаконном приобретении и владении огнестрельным оружием и наркотиками в составе организованной группы. Обвинение было предъявлено шести лицам. Что касается действий властей, Европейский Суд убежден, что они проявили надлежащее усердие при рассмотрении дела. Расследование было завершено в течение одного года и восьми месяцев. Кассационное судопроизводство длилось примерно шесть месяцев. Судебные заседания проводились регулярно, а имевшие место отложения слушаний из-за занятости судьи или неявки сторон или свидетелей по делу существенно не повлияли на длительность производства по делу. Оценивая сложность дела, поведение сторон и общую продолжительность производства по делу, Европейский Суд полагает, что срок рассмотрения дела не вышел за пределы того, что можно назвать разумным сроком в настоящем деле» [15].

Однако, как показывает анализ вынесенных решений ЕСПЧ, все-таки Суд гораздо чаще принимает сторону заявителя, отвергая доводы государства-ответчика, зачастую по формальным признакам, а иногда, как полагают некоторые авторы, и по политическим мотивам [16, с. 187–194].

Так, по поводу утверждений представителя Российской Федерации о ненадлежащем поведении заявителя Панченко ЕСПЧ счел, что,

хотя заявитель может нести ответственность за некоторые задержки в ходе судебного разбирательства, его действия существенно не увеличили длительность судебного разбирательства: «Власти Российской Федерации не указали каких-либо конкретных примеров того, что заявитель намеревался воспрепятствовать проведению судебного разбирательства... или затянуть его. Даже если заявителю можно поставить в вину его некорректное поведение по отношению к председательствующему судье и свидетелям в ходе судебных заседаний... ничто не свидетельствует о том, что во время второго судебного разбирательства заявитель выходил за пределы законной защиты или подавал явно не обоснованные ходатайства в суды» [17].

В решении по делу «Бужинаев против Российской Федерации» ЕСПЧ констатировал, что суд не мог начать рассмотрение дела по существу из-за недостатков расследования дела и был вынужден четыре раза возвращать материалы дела в прокуратуру: «Действия заявителя не оказывали влияния на длительность рассмотрения дела. Из-за ошибок со стороны прокуратуры дело рассматривалось трижды на трех уровнях судебной системы. Хотя Европейский Суд не имеет возможности анализировать юридическое качество решений внутригосударственных судов, он полагает, что, поскольку решение о возвращении дела на новое рассмотрение обычно принимается в связи с ошибками, допущенными нижестоящими органами, повторение тех же указаний в рамках данного разбирательства свидетельствует о недостатках в функционировании правовой системы. Тот факт, что дело рассматривается внутригосударственными судами неоднократно, не освобождает их от соблюдения требования разумного срока, предусмотренного пунктом 1 статьи 6 Конвенции» [18].

Анализируя это решение, можно сделать вывод, что нарушение разумного срока расследования стало результатом низкого качества предварительного расследования, которое, скорее всего, было вызвано слабым знанием следователем методики расследования отдельных видов преступлений, слабым владением разработанными криминалистической рекомендациями по собиранию и оценке доказательств, а также неприменением необходимых тактических приемов, соответствующих сложившейся в ходе расследования следственной ситуации.

Признание действий суда при рассмотрении уголовного дела по существу достаточными для принятия решения о виновности либо невиновности подсудимого и эффективными в рамках установленных временных сроков в соответствии с осуществлением в целях своевременного рассмотрения уголовного дела должно базироваться на следующем: должной подготовке

уголовного дела к судебному разбирательству, руководстве ходом судебного заседания и создании условий для всестороннего и полного исследования собранных и представленных сторонами доказательств, выяснении всех обстоятельств дела, перечисленных в ст. 73 УПК РФ. Одновременно с этим суд обязан отказаться от использования недопустимых доказательств и абстрагироваться от всего того, что не имело отношения к рассматриваемому уголовному делу и выходит за пределы доказывания по конкретному рассматриваемому уголовному делу при полном соблюдении норм уголовно-процессуального законодательства, устанавливающих порядок судебного разбирательства и гарантирующих защиту прав и свобод лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

Рассматривая вопросы обеспечения разумного срока в уголовном судопроизводстве, полагаем, что сюда же необходимо отнести достаточность и эффективность действий прокурора при осуществлении процессуального контроля за предварительным расследованием, начальника органа дознания и начальника подразделения дознания – процессуальный, организационный и должностной контроль за деятельностью дознавателя; прокурора и руководителя следственного органа за процессуальной и организационной деятельностью следователя. Эти действия имеют своей целью правильную, а соответственно, эффективную организацию предварительного расследования, полную и своевременную защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту лица, в отношении которого возникло подозрение в совершении преступления либо сформирован и выдвинут обвинительный тезис, от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод.

Все эти вопросы, несмотря на их кажущуюся уголовно-процессуальную природу, также рассматриваются и различными разделами криминалистики, тем самым повышая эффективность расследования уголовного дела и ускоряя процесс расследования и рассмотрения уголовного дела по существу в суде.

Исследуя проблемные вопросы разумного срока в уголовном судопроизводстве, считаем необходимым отметить следующее: одним из путей преодоления необоснованного затягивания расследования уголовного дела и последующего его рассмотрения по существу, на наш взгляд, является планирование как вид организационно-распорядительной деятельности в уголовном судопроизводстве.

Планирование предварительного расследования по уголовному делу (в том числе планирование производства конкретных следственных действий), а также планирование судебного следствия и судебного разбирательства в целом

является сложным мыслительным процессом по определению путей, способов, средств и, что очень важно, сроков успешного достижения заранее поставленной цели. Под целью следует понимать раскрытие преступления, установление лиц, виновных в совершении преступления, установление всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания, поиск и надлежащее закрепление собранных по делу доказательств и т. д., а в случае судебного следствия – надлежащее исследование представленных сторонами доказательств, поиск и оценку новых доказательств, оценку позиций сторон, что необходимо для вынесения законного и обоснованного приговора. Достижение цели невозможно без постоянного логического осмысления сложившейся по делу следственной либо судебной ситуации. Планирование предварительного расследования и судебного разбирательства в своей сути является системой, наполненной в качестве подсистем организационным и информационным компонентами, которые, в свою очередь, включают в себя методику расследования отдельных видов преступлений; тактику производства следственных действий; тактику производства оперативно-розыскных мероприятий, принятие необходимых процессуальных решений с целью наиболее эффективного расследования преступления и рассмотрения его по существу в суде. При этом необходимо отметить, что при рассмотрении уголовного дела по существу такой компонент, как тактика производства оперативно-розыскных мероприятий, отсутствует, поскольку суд, в отличие от следователя и дознавателя, не вправе дать органу дознания поручение на производство оперативно-розыскных мероприятий.

Планирование включает в себя организационные и управленческие основы, такие как:

– на стадии предварительного расследования: своевременность производства следственных и процессуальных действий, постоянная оценка сложившейся по делу следственной ситуации, моделирование возможного развития следственной ситуации, и на основе оценки модели выработка прогноза развития следственной ситуации [19, с. 9–11]; выработка и применение тактических приемов по преодолению противодействия; избличение лица, виновного в совершении преступления; оценка информации, полученной в результате оперативно-розыскной деятельности сотрудников органа дознания [20, с. 65–71];

– на стадии судебного разбирательства: назначение дела к слушанию (первичная оценка материалов уголовного дела и предварительный вывод о возможности либо невозможности рассмотрения уголовного дела по существу); начало судебного разбирательства и проведение судебного следствия в соответ-

ствии с требованиями УПК РФ, а также правовыми позициями высших судебных органов – Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, общепризнанных норм международного права (в том числе и решений ЕСПЧ, вынесенных по жалобам граждан на действия Российской Федерации) [21, с. 54–58]; обоснованность решения суда об отложении рассмотрения уголовного дела по существу; сроки изготовления судом мотивированного решения (приговор, определение, постановление, а также протокол судебного заседания) и вручение либо направление его сторонам – участникам судебного разбирательства; контроль за выполнением работниками аппарата суда своих служебных обязанностей; полнота и своевременность принятия судьей мер в отношении участников процесса, препятствующих рассмотрению уголовного дела по существу, наложение штрафов, а также иных мер в отношении указанных лиц.

Специально криминалистическим методом, присущим только этой науке, является познание закономерностей объективной действительности, в которую включены как обстоятельства криминального события, так и закономерности раскрытия, расследования и судебного познания этого события, создания для этого познания соответствующего инструментария: технических средств, тактических приемов и методических рекомендаций, исследования не только обстоятельств произошедшего (изучения предкриминальной ситуации, собственно криминальной ситуации и посткриминальной ситуации), но и условий познания этих обстоятельств специальными субъектами (дознавателем, следователем, прокурором и судом).

Из приведенного анализа научных публикаций и судебной практики Европейского суда по правам человека по делам, рассмотренным против Российской Федерации по вопросам нарушения разумных сроков уголовного судопроизводства, можно сделать вывод, что количественные и качественные критерии самым непосредственным образом влияют на эффективность деятельности субъектов доказывания. Исходя из этого, можно сделать вывод о необходимости применения криминалистических знаний для повышения эффективности деятельности субъектов доказывания, как на досудебных, так и судебных стадиях, в том числе и при разрешении вопросов, связанных с оценкой критериев разумного срока судопроизводства. Носителями таких знаний могут выступать дознаватель, руководитель подразделения дознания, начальник органа дознания, следователь, руководитель следственного органа, эксперт, руководитель экспертного подразделения, прокурор, судья.

Любые недостатки в расследовании уголовного дела могут оказать негативное влияние на выявление, процессуальное закрепление и оценку доказательств (в том числе и установление взаимосвязи между доказательствами) и тем самым существенным образом повлиять на срок предварительного расследования и судебного разбирательства, что повлечет за собою нарушение прав участников процесса, в том числе нарушит их право на доступ к правосудию в разумный срок. Необоснованное затягивание предварительного расследования позволяет в то же время виновному в совершении преступления в ряде случаев избежать заслуженного наказания.

Представляется, что в криминалистике необходимо возобновить работу, связанную с разработкой вопросов научной организации труда следователя (дознателя) и судьи, разработкой типовых программ и алгоритмов, по выполнению которых можно было бы судить о количественных и качественных критериях разумного срока расследования и рассмотрения уголовного дела по существу, в том числе своевременности, достаточности и эффективности принимаемых решений, производстве следственных и иных процессуальных действий, что позволит правильно определить предмет и пределы доказывания, а также сформировать детальный план расследования или рассмотрения уголовного дела по существу. Это также позволит отследить время, затраченное на производство предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу. Тем самым вопросы разумного срока уголовного судопроизводства фактически отойдут на второй план, что позволит в полной мере реализовать право граждан на доступ к правосудию в свете задач, закрепленных в ст. 6 УПК РФ, и право общества на назначение наказания за совершенное преступление.

Библиографический список

1. Рябинина Т. К. Регламентирование сроков в стадии назначения судебного заседания и концепция «разумного срока уголовного судопроизводства» // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 4. С. 48–55. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reglamentirovanie-srokov-v-stadii-naznacheniya-sudebnogo-zasedaniya-i-kontseptsiya-razumnogo-sroka-ugolovnogosudoproizvodstva>.
2. Гаврилов Б. Я. О соотношении процессуальных сроков в досудебном производстве и разумного срока уголовного судопроизводства // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 3 (36). С. 9–15. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=40103031>.
3. Качалова О. В., Качалов В. И. Проблемы исчисления разумного срока уголовного судопроизводства // Обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства: материалы круглого стола / отв. ред. В. В. Ершов. Москва,

2018. С. 81–90. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37400455>.
4. Петрова О. В. Проблемы разумных сроков уголовного судопроизводства по делам о преступлениях несовершеннолетних: международный и национальный аспект // Обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства: материалы круглого стола / отв. ред. В. В. Ершов. Москва, 2018. С. 143–148. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37527889>.
5. Левченко О. В., Камардина А. А. Разумный срок как гарантия защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса // Ученые записки: сб. науч. тр. Минобрнауки России. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2012. С. 355–360. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37066297>.
6. Марковичева Е. В. Применение понятия «разумный срок» в российском уголовном судопроизводстве // Судья. 2017. № 2 (34). С. 50–52. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30108507>.
7. Панькина И. Ю. Некоторые проблемы соблюдения прав потерпевших в уголовном судопроизводстве России // Судебная власть и уголовный процесс. 2013. № 2. С. 21–24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-soblyudeniya-prav-poterpevshih-lits-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-rossii>.
8. Сурков А. Н., Епишева О. И. Особенности использования категории «разумный срок» в гражданском законодательстве // Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт: сб. тр. Девятнадцатой международной научно-практической конференции. Белгород, 2019. С. 280–283. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39155134>.
9. Чупракова Е. Г., Кишиева Г. Б. О понятии разумного срока в гражданском судопроизводстве // Colloquium-journal. 2019. № 13–13 (37). С. 140–142. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38588557>.
10. Постановление ЕСПЧ Калашников против Российской Федерации от 15.07.2002 (жалоба 47095/99). URL: <https://roseurosud.org/r/st-6/st-6a-2/postanovlenie-espch-kalashnikov-protiv-rossijskoj-federatsii> (дата обращения: 25.03.2020).
11. Постановление ЕСПЧ от 15.01.2009 «Дело “Бурдов (Burdiv) против Российской Федерации”» (№2) (жалоба № 33509/04). Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.lawmix.ru/vas/74981> (дата обращения: 25.03.2020).
12. Постановление ЕСПЧ от 24.03.2016 «Жеребин против России». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://genproc.gov.ru/documents/espch/document-1178850> (дата обращения: 23.03.2020).
13. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 г. № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-29032016-n-11> (дата обращения: 23.03.2020).
14. Конин В. В. Планирование предварительного расследования и выдвижение версий как способ повышения качества предварительного расследования преступлений // Российское правосудие. 2019. № 8. С. 96–100. DOI: <http://doi.org/10.17238/issn2072-909X.2019.8.96-101>.
15. Постановление ЕСПЧ от 22.05.2012 «Идалов против России». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=001-110986&filename=001-110986.pdf> (дата обращения: 23.03.2020).
16. Конин А. В. Влияние правовых позиций Европейского Суда по правам человека на формирование критериев допустимости доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 3 (40). С. 187–194. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43831194>.
17. Постановление ЕСПЧ от 08.02.2005 «Панченко против Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.lawmix.ru/vas/128145> (дата обращения: 23.03.2020).
18. Постановление ЕСПЧ от 15.10.2009 «Бужинаев против Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.03.2020).
19. Волчещкая Т. С. Роль, этапы и перспективы ситуационного подхода в современной криминалистике // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 4 (46). С. 9–11. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27672001>.
20. Панькина И. Ю., Рыбенцов В. А. Ситуационное моделирование в практике оперативно-розыскной деятельности // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2015. № 2 (6). С. 65–71. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26694070>.
21. Марьина Е. В. Принцип состязательности в российском уголовном процессе и актах европейского суда по правам человека // Уголовная юстиция. 2019. № 14. С. 54–58. DOI: <http://doi.org/10.17223/23088451/14/12>.

References

1. Ryabinina T. K. *Reglamentirovanie srokov v stadii naznacheniia sudebnogo zasedaniia i kontseptsiiia «razumnogo sroka ugolovnogo sudoproizvodstva»* [Regulation deadlines in the process of being the court meeting and the concept of «reasonable the term criminal justice»]. *Sudebnaia vlast' i ugolovnyi protsess* [Judicial authority and criminal process], 2016, no. 4, pp. 48–55. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/reglamentirovanie-srokov-v-stadii-naznacheniya-sudebnogo-zasedaniya-i-kontseptsiya-razumnogo-sroka-ugolovnogosudo-proizvodstva> [in Russian].
2. Gavrilov B. Ya. *O sootnoshenii protsessual'nykh srokov v dosudebnom proizvodstve i razumnogo sroka ugolovnogo sudoproizvodstva* [About the ratio of procedural deadlines in pre-trial proceedings and a reasonable term in criminal proceedings]. *Vestnik Sibirskogo iuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia], 2019, no. 3 (36), pp. 9–15. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=40103031> [in Russian].
3. Kachalova O. V., Kachalov V. I. *Problemy ischisleniia razumnogo sroka ugolovnogo sudoproizvodstva* [Problems of calculating a reasonable period of criminal

- proceedings]. In: *Obespechenie konstitutsionnykh prav i svobod uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva: materialy kruglogo stola. Otvetstvennyi redaktor Ershov V. V.* [Ershov V. V. (Ed.) Ensuring the constitutional rights and freedoms of participants in criminal proceedings: materials of the round table]. Moscow, 2018, pp. 81–90. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37400455> [in Russian].
4. Petrova O. V. *Problemy razumnykh srokov ugolovnogo sudoproizvodstva po delam o prestupleniiakh nesovershennoletnikh: mezhdunarodnyi i natsional'nyi aspekt* [Problems of reasonable terms of criminal proceedings in cases of juvenile crimes: international and national aspects]. In: *Obespechenie konstitutsionnykh prav i svobod uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva: materialy kruglogo stola. Otvetstvennyi redaktor Ershov V. V.* [Ershov V. V. (Ed.) Ensuring the constitutional rights and freedoms of participants in criminal proceedings: materials of the round table]. Moscow, 2018, pp. 143–148. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37527889> [in Russian].
5. Levchenko O. V., Kamardina A. A. *Razumnyi srok kak garantiya zashchity prav i zakonnykh interesov uchastnikov ugolovnogo protsesssa* [Reasonable time as a guarantee of protection of the rights and legitimate interests of participants in the criminal process]. In: *Uchenye zapiski: sbornik nauchnykh trudov* [Scientific notes: collection of research papers]. Ministry of Education and Science of Russia, Orenburg State University, 2012, pp. 355–360. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37066297> [in Russian].
6. Markovicheva E. V. *Primenenie ponatiia «razumnyi srok» v rossiiskom ugolovnom sudoproizvodstve* [Application of the concept of «reasonable time» in Russian criminal proceedings]. *Sud'ia* [Judge], 2017, no. 2 (34), pp. 50–52. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30108507> [in Russian].
7. Pankina I. Yu. *Nekotorye problemy sobliudeniia prav poterpevshikh v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii* [Some problems of observing the rights of victims in criminal proceedings in Russia]. *Sudebnaia vlast' i ugolovnyi protsess* [Judicial authority and criminal process], 2013, no. 2, pp. 21–24. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-soblyudeniya-prav-poterpevshih-lits-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-rossii> [in Russian].
8. Surkov A. N., Episheva O. I. *Osobennosti ispol'zovaniia kategorii «razumnyi srok» v grazhdanskom zakonodatel'stve* [Features of using the category «reasonable term» in civil legislation]. In: *Nauka i obrazovanie: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt: sbornik trudov Deviatnadsatoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Science and education: domestic and foreign experience: proceedings of the Nineteenth international research and practical conference]. Belgorod, 2019, pp. 280–283. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39155134> [in Russian].
9. Chuprakova E. G., Kishieva G. B. *O poniatii razumnogo sroka v grazhdanskom sudoproizvodstve* [On the concept of a reasonable term in civil proceedings]. *Colloquium-journal*, 2019, no. 13–13 (37), pp. 140–142. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38588557> [in Russian].
10. *Postanovlenie ESPCh Kalashnikov protiv Rossiiskoi Federatsii ot 15.07.2002 goda (zhaloba 47095/99)* [Decision of the European Court of Human Rights Kalashnikov vs. Russian Federation dated 15.07.2002 (complaint 47095/99)]. Available at: <https://roseurosud.org/r/st-6/st-6a-2/postanovlenie-espch-kalashnikov-protiv-rossijskoj-federatsii> (accessed 25.03.2020) [in Russian].
11. *Postanovlenie ESPCh ot 15.01.2009 «Delo “Burdov (Burdov) protiv Rossiiskoi Federatsii”» (№ 2) (zhaloba N 33509/04)* [Decision of the European Court of Human Rights dated 15.01.2009 «Case “Burdov (Burdov) against the Russian Federation”» (№ 2) (complaint № 33509/04)]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://www.lawmix.ru/vas/74981> (accessed 25.03.2020) [in Russian].
12. *Postanovlenie ESPCh ot 24.03.2016 «Zherebin protiv Rossii»* [Decision of the European Court of Human Rights dated 24.03.2016 «Zherebin against Russia»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://genproc.gov.ru/documents/espch/document-1178850> (accessed 23.03.2020) [in Russian].
13. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 29 marta 2016 g. N 11 «O nekotorykh voprosakh, voznikaiushchikh pri rassmotrenii del o prisuzhdenii kompensatsii za narushenie prava na sudoproizvodstvo v razumnyi srok ili prava na ispolnenie sudebnogo akta v razumnyi srok»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 29, 2016 N 11 «About some questions arising by consideration of cases on awarding compensation for violation of the right to legal proceedings in reasonable term or the rights to execution of the judicial certificate in reasonable term»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-29032016-n-11> (accessed 23.03.2020) [in Russian].
14. Konin V. V. *Planirovanie predvaritel'nogo rassledovaniia i vydvizhenie versii kak sposob povysheniia kachestva predvaritel'nogo rassledovaniia prestuplenii* [Planning the preliminary investigation and extension versions as a way to improve the quality of the preliminary investigation of crimes]. *Rossiiskoe pravosudie* [Russian Justice], 2019, no. 8, pp. 96–100. DOI: <http://doi.org/10.17238/issn2072-909X.2019.8.96-101> [in Russian].
15. *Postanovlenie ESPCh ot 22.05.2012 «Idalov protiv Rossii»* [Judgment of the European Court of Human Rights dated 22.05.2012 «Case of Idalov v. Russia»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=001-110986&filename=001-110986.pdf> (accessed 23.03.2020) [in Russian].
16. Konin A. V. *Vliianie pravovykh pozitsii Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka na formirovanie kriteriev dopustimosti dokazatel'stv v ugolovnom sudoproizvodstve* [Influence of legal views of the European Court of Human Rights on forming criteria for the admissibility of evidence in criminal proceeding]. *Vestnik Sibirskogo iuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia], 2020, no. 3 (40), pp. 187–194.

Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43831194> [in Russian].

17. *Postanovlenie ESPCh ot 08.02.2005 «Panchenko protiv Rossiiskoi Federatsii»* [Decision of the European Court of Human Rights dated 08.02.2005 «Panchenko v. the Russian Federation»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://www.lawmix.ru/vas/128145> (accessed 23.03.2020) [in Russian].

18. *Postanovlenie ESPCh ot 15.10.2009 «Buzhinaev protiv Rossiiskoi Federatsii»* [Decision of the European Court of Human Rights dated 15.10.2009 «Buzhinayev against the Russian Federation»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» (accessed 23.03.2020).

19. Volchetskaya T. S. *Rol', etapy i perspektivy situatsionnogo podkhoda v sovremennoi kriminalistike* [The role, stages and prospects of the situational approach in modern criminology]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University

of the Ministry of Interior Affairs of Russia], 2016, no. 4 (46), pp. 9–11. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27672001> [in Russian].

20. Pankina I. U., Rybencov V. A. *Situatsionnoe modelirovanie v praktike operativno-rozysknoi deiatel'nosti* [Situational modeling in practice operational and investigative activities]. *Problemy ugovnogo protsesssa, kriminalistiki i sudebnoi ekspertizy* [Criminal procedure, Criminalistics and Judicial examination Problems], 2015, no. 2 (6), pp. 65–71. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26694070> [in Russian].

21. Maryina E. V. *Printsip sostiazatel'nosti v rossiiskom ugovnom protsesse i aktakh evropeiskogo suda po pravam cheloveka* [The Adversarial Principle in the Russian Criminal Procedure and Acts of the European Court of Human Rights]. *Ugovnaia iustitsiia* [Russian Journal of Criminal Law], 2019, no. 14, pp. 54–58. DOI: <http://doi.org/10.17223/23088451/14/12> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-4-112-119
УДК 343

Дата: поступления статьи / Submitted: 24.09.2020
после рецензирования / Revised: 25.10.2020
принятия статьи / Accepted: 27.11.2020

Научная статья / Scientific article

А. Б. Соколов

Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Омск, Российская Федерация
E-mail: Andrey.Perm@mail.ru

ТАКТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ: ЛОГИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ НУЖДАЕТСЯ В ПЕРЕСМОТРЕ

Аннотация: Познать сущность исследуемого явления позволяет уместное и правильное употребление понятий. Сегодня мы можем встретить случаи, когда ошибочное понимание смысла используемых терминов приводит к ложному толкованию их значения. Полагаем, подобная ситуация складывается в криминалистике при изучении понятия «тактический прием». В статье на основе анализа мнений ученых-криминалистов подвергаются исследованию представленные в криминалистике определения и признаки тактического приема. Сделан вывод об их неоднозначности. Представлено авторское понимание тактического приема с указанием его существенных признаков: способа действия, соответствия определенным критериям допустимости. В статье описывается содержательный компонент каждого из указанных признаков. Приводится анализ позиций ученых-криминалистов, на основе которого делается вывод, что к критериям допустимости тактического приема следует относить научную обоснованность и прогнозируемую эффективность. Определены показатели прогнозируемой эффективности тактического приема. Сделан вывод, что законность и этичность необходимо рассматривать как основополагающую идею, руководящие начала, распространяющиеся на деятельность правоприменителя в целом. Критерии допустимости тактического приема следует понимать и изучать как частное проявление указанной деятельности, на которую распространяются общие принципы осуществления предварительного расследования. Констатируется, что существенные признаки тактического приема и его критерии допустимости – не одно и то же. Соотносятся термины «критерии допустимости тактического приема» и «критерии допустимости применения тактического приема». Учитывая то, что они представляют собой одно и то же, делается вывод об отсутствии целесообразности применения в криминалистике термина «критерий допустимости применения тактического приема».

Ключевые слова: расследование преступлений, тактический прием, критерии допустимости тактического приема, законность, этичность, научная обоснованность, прогнозируемая эффективность.

Цитирование. Соколов А. Б. Тактический прием: логика определения понятия нуждается в пересмотре // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 4. С. 112–119. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-112-119>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

A. B. Sokolov

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Omsk, Russian Federation
E-mail: Andrey.Perm@mail.ru

TACTICAL TECHNIQUE: DEFINITION LOGIC NEEDS REVISION

Abstract: To understand the essence of the phenomenon under study allows the appropriate and correct use of concepts. Today we can meet cases when an erroneous understanding of the meaning of the terms used leads to a false interpretation of their meaning. We believe that a similar situation develops in forensics when studying the concept of «tactical technique». In the article, based on the analysis of the opinions of forensic scientists, the definitions and signs of a tactical technique presented in the science of forensic science are investigated. The conclusion is drawn about their ambiguity. The author's understanding of a tactical technique is presented, indicating its essential features: 1) mode of action, 2) compliance with certain criteria of admissibility. The article describes the content component of each of these signs. An analysis of the positions of forensic scientists is given, on the basis of which it is concluded that the criteria for the admissibility of a tactical technique should include scientific validity and predictable effectiveness. Indicators of the predicted effectiveness of tactical reception are determined. It is concluded that legality and ethics should be considered as a fundamental idea, guiding principles, extending to the activities of the law enforcement officer as a whole. The criteria for the admissibility of a tactical technique should be understood and studied as a particular manifestation of this activity, which is subject to the general principles of conducting a preliminary investigation. It is stated that the essential features of a tactical technique and its acceptance criteria are not the same thing. The terms «criteria of admissibility of tactical technique» and «criteria of admissibility of using tactical technique» are related. Considering that they are one and the same, it is concluded that there is no expediency of using the term «criterion of admissibility of the use of a tactical technique» in forensic science.

Key words: crime investigation, tactical technique, criteria of admissibility of tactical technique, legality, ethics, scientific validity, predictable effectiveness.

Citation. Sokolov A. B. *Takticheskii priem: logika opredeleniia poniatia nuzhdaetsia v peresmotre* [Tactical technique: definition logic needs revision]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 4, pp. 112–119. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-112-119> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© **Андрей Борисович Соколов** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 644092, Российская Федерация, г. Омск, пр-кт Комарова, 7.

Тема кандидатской диссертации: «Расследование краж имущества граждан, совершаемых группами несовершеннолетних» (2011). Автор и соавтор более 90 публикаций, в т. ч. научных статей «Криминалистическое мышление: понятие и содержание» (2013), «Организационно-тактические особенности допроса несовершеннолетнего подозреваемого по уголовным делам о кражах» (2015), «Организация и процедура применения видеосъемки в ходе допроса несовершеннолетнего» (2016), «Обыск как средство отыскания, обнаружения и изъятия электронных носителей и информации на них (подготовительный этап)» (2017), «Назначение судебных экспертиз по делам о нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» (2018), «К вопросу о ситуационной судебной экспертизе в криминалистике» (2019), «Допрос свидетеля под псевдонимом: когда проводить и как подготовиться» (2019).

Область научных интересов: организационно-тактическая деятельность следователя по производству следственных действий; организация, планирование и методика расследования отдельных видов и групп преступлений.

Результат производства следственного действия и расследования преступления в целом зависит от того, в какой ситуации протекает соответствующий процесс и насколько точно определен и реализован тактический прием. При этом процедура получения информации должна соответствовать требованиям уголовно-процессуального законодательства для ее последующего использования в доказывании.

Анализ опубликованных мнений ученых позволяет вновь обратить внимание на отсутствие общепринятого определения тактического приема [1, с. 309; 2, с. 101; 3, с. 49–60; 4, с. 17; 5, с. 19; 6, с. 123–124; 7, с. 126–127; 8, с. 14; 9, с. 84; 10, с. 5; 11, с. 109]. Неоднозначное понимание тактического приема, присущих ему существенных признаков, смешение их с критериями допустимости приводят к ошибке в познании сущности исследуемого понятия. Указанная погрешность негативно влияет на оценку складывающейся ситуации и, как следствие, может привести к ошибочному выбору и реализации правоприменителем способа действия. Вследствие этого тактика действий может быть малоэффективна или ее результаты могут быть признаны недопустимыми.

Учитывая, что определение любого понятия представляет собой содержание совокупности существенных признаков предмета, которая мыслится в данном понятии [12, с. 34], целесообразно обозначить, что представляет собой тактический прием.

Так, Р. С. Белкин и Н. А. Якубович предложили подход, согласно которому тактический прием есть наиболее рациональный и эффективный способ действия или наиболее целесообразная линия поведения следователя [1, с. 309; 13, с. 143].

© **Andrey B. Sokolov** – Candidate of Law, associate professor, associate professor of the Department of Criminalistics, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 7, Komarov Avenue, Omsk, 644092, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Investigation of thefts of property of citizens committed by groups of minors» (2011). Author and coauthor of over 90 publications, including scientific articles «Forensic thinking: concept and content» (2013), «Organizational and tactical features of the interrogation of a minor suspect in criminal cases of theft» (2015), «Organization and procedure for using video during interrogation of a minor» (2016), «Search as a means of finding, detecting and seizing electronic media and information on them (preparatory stage)» (2017), «Appointment of forensic examinations in cases of violation of traffic rules and vehicle operation» (2018), «On the issue of situational forensic examination in forensic science» (2019), «Questioning a witness under a pseudonym: when to conduct and how to prepare» (2019).

Research interests: organizational and tactical activities of the investigator for the production of investigative actions; organization, planning and methods of investigation of certain types and groups of crimes.

Е. О. Москвин определяет тактический прием как «рациональный и допустимый (т. е. законный, научно обоснованный, обладающий избирательностью воздействия и этичностью) способ действия, свободно избираемый субъектом криминалистической тактики (следователем, прокурором, адвокатом) в зависимости от особенностей следственной ситуации, направленный на преодоление противодействия со стороны лиц (организаций), имеющих иные, чем у них, профессиональные и (или) личные интересы» [5, с. 19].

М. П. Малютин указывает на то, что тактический прием является наиболее рациональным и эффективным способом действия [4, с. 17]. Дополнительно в этой же работе автор рассматривает и такие признаки тактического приема, как: законность, научность, этичность, направленность на достижение истинных знаний, избирательность и эффективность [4, с. 18].

А. С. Князьков определяет тактический прием как «рекомендованный криминалистической наукой рациональный, законный и этичный способ воздействия на материальные и идеальные объекты с целью изменения их состояния, позволяющего получить информацию, необходимую для раскрытия и расследования преступления» [2, с. 101].

Представленные и многие другие имеющиеся в науке криминалистики определения тактического приема рассматриваются через обозначение присущих исследуемому понятию существенных признаков: рациональность, эффективность, допустимость, законность, научность (научная обоснованность), этичность, направленность на достижение истинных знаний, избирательность.

Полагаем, что не все из указанных признаков относятся к существенным признакам тактическо-

го приема, так как не соответствуют условиям деления понятия.

Отсутствие единого подхода и, как следствие, неоднозначное понимание тактического приема, присущих ему существенных признаков, смешение их с иными понятиями (например, критериями допустимости тактического приема) приводят к ошибке познания сущности тактического приема.

Анализ позиций ученых относительно понятия и сущности тактического приема можно систематизировать. После проведения такой логической операции представляется возможным выделить два направления понимания тактического приема – научную рекомендацию о способах действий и собственно способ действия. Ученые, понимающие тактический прием как научную рекомендацию о способах действий акцентируют внимание на теоретичности («академичности») тактики. Представители второго направления понимания тактического приема как способа действия, куда мы относим и себя, обращают внимание на практические аспекты данного вопроса [3, с. 49–50].

Если выделить главное в содержании понятий «рекомендация» и «прием», то первое означает совет, пожелание, а второе – способ действия. В литературе имеется ряд удачных попыток показать различие понятий научной рекомендации и тактического приема. Например, А. И. Баянов правильно указал, что рекомендация – это категория, в которой в идеальной форме содержится совет действовать определенным образом в конкретной «эталонной» ситуации, т. е. мысленная модель предстоящего образа действия [14, с. 15].

Представление тактического приема как способа действия говорит об осуществлении системы операций, обеспечивающих преобразование объекта (вследствие воздействия на него) для достижения цели. Способ действия представляет собой не что иное, как реализацию рекомендации, ее применение.

С учетом сказанного считаем, что понимание тактического приема именно как «способа действия» отражает существо вкладываемого в исследуемое понятие содержания.

Определившись с первым существенным признаком тактического приема – «способ действия», отметим, ч. 2 ст. 51 Конституции Российской Федерации указывает на то, что при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона. Доказательства, полученные с нарушением требований, предъявляемых к собиранию доказательств, будут являться недопустимыми и не могут быть положены в основу обвинения либо в основу приговора. Сущность допустимости доказательств состоит в том, что представляет собой пригодность сведений, которые получены надлежащим субъектом и стали доказательствами в силу их соответствия определенным условиям. Поскольку тактический прием является

средством обеспечения возможности получения доказательств, он также должен соответствовать определенным критериям допустимости в качестве такового.

Обратимся к справочной литературе. Понятие «критерий» представляет собой признак, на основании которого производятся оценка, определение или классификация чего-либо [15, с. 796]. Понятие «допустимый» представляется как возможный, позволительный, разрешенный [16, с. 146]. Следовательно, критерии допустимости предстают в виде совокупности признаков, на основании которых возможно применить определенный способ действия (тактический прием). Исходя из сказанного, второй существенный признак, без которого тактический прием не будет являться таковым, заключается в соответствии осуществляемого способа действий определенным критериям допустимости.

Таким образом, **тактический прием представляет собой способ действия, соответствующий определенным критериям допустимости.**

Ряд ученых-криминалистов отождествляют существенные признаки тактического приема с критериями его допустимости. Исходя из этого, к критериям допустимости тактического приема относят законность, этичность, научность (научную обоснованность), рациональность, эффективность, направленность на достижение истинных знаний, избирательность.

Полагаем, такое видение является спорным.

Законность означает, что все действия, проводимые правоприменителем, должны соответствовать закону. Деятельность по расследованию преступлений направлена на собирание доказательств, которые должны быть получены в соответствии с законом, в противном случае они будут признаны недопустимыми. Данный тезис верно подчеркивает И. Е. Быховский: «...неприемлемо допущение в следственную и судебную практику таких тактических приемов, применение которых дает положительный результат, однако при этом существенно нарушается уголовно-процессуальный закон, законные интересы и права участников процесса» [17, с. 42].

Солидарны с указанным мнением А. Н. Васильев, Г. Г. Зуйков и М. П. Шаламов, отмечая, что сам тактический прием допустим, если основывается на процессуальных принципах расследования; не нарушает прав и законных интересов участвующих в деле лиц; соответствует процессуальному порядку производства следственных действий [18, с. 6; 19, с. 14].

Считаем, что законность необходимо рассматривать как основополагающую идею, руководящие начала, распространяющиеся на деятельность правоприменителя в целом. Критерии допустимости тактического приема следует понимать и изучать как частное проявление указанной деятельности, на которую распространяются общие принципы осуществления предварительного расследования.

Говоря об этичности, отметим, что Уголовно-процессуальный закон Российской Федерации закрепляет порядок производства следственных действий, а также регулирует отношения следователя с участниками уголовного судопроизводства. Представляется, что регулятором таких отношений служат не только положения права, но и морали, которые в данных взаимоотношениях выступают этическими нормами. Применение тактического приема осуществляется в рамках деятельности по расследованию преступления в целом и зависит от этичности поведения следователя. Этичность – соответствие правилам этики [15, с. 1134]. К правилам этики¹ деятельности правоприменителя возможно отнести: тактичность (такт, чувство такта, чувство меры), вежливость, чуткость, уважительность, точность, избегание небрежности, владение собой (выдержанность) и др.

Таким образом, осуществляя расследование преступления, в том числе при выборе тактического приема с точки зрения этичности, следователю необходимо помнить об уважении чести и достоинства граждан. Содержание ст. 9 УПК РФ указывает на запрет осуществления действий и принятия решений, унижающих честь и человеческое достоинство участника уголовного судопроизводства. Сущность этичности следует понимать через указание на то, что с точки зрения морали является отрицательным. Так, А. Н. Васильев отмечает, что «нельзя использовать безнравственные побуждения людей, их культурную отсталость, суеверие, религиозные убеждения, сообщать им ложные сведения. Нельзя допускать любых действий, подрывающих авторитет следствия и суда» [20, с. 47]. По сути, речь идет о характеристике деятельности по расследованию преступления в целом.

Рассматривая отдельные вопросы этики в уголовном судопроизводстве, М. С. Строгович, Ю. В. Кореневский, Е. А. Зайцев, Я. С. Киселев в своей работе отмечали, что «при допросе недопустимы грубость, резкость, насмешки, подчеркнутая недоверчивость, чрезмерная сухость тона, невнимательность, торопливость, а приемы, основанные на предвзятом отношении к допрашиваемому и на отсутствии элементарного уважения к человеку, виновность которого не установлена, не признана, заслуживают с этической точки зрения самого решительного осуждения» [21, с. 134].

Схожей позиции придерживался Р. С. Белкин, отмечая, что «применение тактического приема не должно оскорблять или унижать честь и достоинство участника процессуального акта, создавать опасность для его жизни и здоровья, возможность разглашения интимных подробностей его жизни и т. д.» [22, с. 283]. Этичность находит свое вы-

ражение в соответствии реализуемого способа действия системе норм нравственного поведения. Последние состоят в представлениях о хорошем и плохом, добре и зле, справедливости и несправедливости, правильности или неправильности поступков человека.

Учитывая сказанное, этичность, как и в ситуации с законностью, представляет собой основополагающую идею, руководящие начала, распространяющиеся на деятельность правоприменителя в целом.

Одним из признаков тактического приема, по мнению ученых, является его **научная обоснованность** [23, с. 195–196; 24, с. 347; 4, с. 91–92; 25, с. 401–403]. Заслуживают внимания рассуждения коллектива авторов монографии под руководством В. Д. Зеленского о сущности рассматриваемого признака. Ученые указывают, что под научной обоснованностью тактического приема следует понимать: научность приема – по источнику происхождения (результат научной разработки) или средству проверки (научная проверка рекомендаций практики); соответствие тактического приема современным научным представлениям, современному состоянию криминалистической тактики или состоянию тех наук, из которых тактикой заимствованы положения, обосновывающие данный прием; возможность научно предвидеть результаты применения тактического приема и определять степень точности этих результатов; возможность заблаговременно определить наиболее оптимальные условия применения тактического приема [26, с. 45].

В этой связи нельзя не указать мнение Р. С. Белкина: «...допустимость применения тактических приемов зависит не только от его соответствия закону, но и от его научной обоснованности, являющейся залогом достоверности получаемых с его помощью результатов» [1, с. 254].

Полагаем, что научная обоснованность является критерием допустимости тактического приема. Она свидетельствует о том, что при разработке и последующей апробации способа действия ученые применяют современные научные достижения, возможности криминалистической тактики и при определенных условиях позволяют выяснить степень вероятности достижения (недостижения) планируемого результата.

Результат анализа ряда работ, посвященных изучению тактического приема, позволяет указать на эффективность как присущий ему признак. Однако, по нашему мнению, «эффективность» следует отнести к критерию допустимости тактического приема. Кроме того, насколько эффективен тот или иной прием в конкретной ситуации, правоприменитель может понять лишь после его применения.

Поэтому полагаем возможным вести речь о **прогнозируемой эффективности** как об одном из критериев допустимости тактического приема, причем необходимо исходить из значения понятия «тактический». Оно состоит в том, что из множе-

¹ Этика – философская наука, объектом изучения которой является мораль, нравственность как форма общественного сознания, как одна из важнейших форм жизнедеятельности человека (Краткий словарь философских терминов. URL: <http://nenuda.ru/краткий-словарь-философских-терминов.html> (дата обращения: 30.04.2020)).

ства приемов и способов осуществления того или иного вида деятельности возможно выделить такие из них, которые позволят достичь намеченной цели с наименьшими возможными издержками (временными, материальными и т. д.), то есть более эффективно. Показателями прогнозируемой эффективности тактического приема могут выступать:

– связь итогового результата и цели применения тактического приема (например, изменение линии поведения участником уголовного судопроизводства (в отношении которого применяется тактический прием), приведшее к созданию бесконфликтной (благоприятной) ситуации);

– безопасность (недопущение причинения вреда жизни и здоровью) по отношению к участникам уголовного судопроизводства и иным лицам.

Последующий анализ и оценка результата применения тактического приема позволит оценить его реализацию, т. е. степень выполнения им своего предназначения.

Полагаем, дискуссионным представляется обозначение среди существенных признаков тактического приема – рациональности, направленности на достижение истинных знаний и избирательности.

Так, А. С. Князьков при соотношении рациональности как признака тактического приема и эффективности говорит, что последняя входит своим содержанием в рациональность тактического приема, которая означает, что тот или иной тактический прием несет в себе параметры следственной ситуации, при которой он будет эффективным [2, с. 98].

Считаем, что сущность рациональности можно познать через изучение деятельности по принятию решения. Решение – процесс и результат выбора цели и способа ее достижения, являющиеся связующим звеном между познанием и вариантом поведения правоприменителя. Процесс принятия решения начинается с возникновения проблемной ситуации и заканчивается выбором решения – действия, которое должно ее (ситуацию) преобразовать. Данную деятельность можно представить в виде последовательности этапов и процедур, имеющих между собой прямые и обратные связи [27, с. 5].

Так, например, следователь должен сначала осознать, каким образом ему необходимо воздействовать на ситуацию и какие улучшения повлияют на конечный результат – создание благоприятной (бесконфликтной) ситуации в расследовании преступления (при производстве следственного действия). Правоприменитель, принимая решение о способе воздействия на ситуацию, должен просчитать несколько вариантов и выбрать из них наиболее рациональный.

Рациональность выступает основой познавательной деятельности. Любое действие следователя должно предполагать рассудительный выбор целей и подбор наиболее эффективных средств их осуществления, а получение истинных резуль-

татов в познании невозможно без использования рациональных методов [28, с. 27]. Таким образом, рациональность присуща деятельности следователя в целом, в том числе определению оптимального выбора способа воздействия на ситуацию. Исходя из сказанного, рациональность не может являться существенным признаком тактического приема и критерием его допустимости.

Не совсем верно относить к признакам тактического приема его направленность на достижение истинных знаний и избирательность воздействия. Полагаем, при определенных условиях их можно отнести к несущественным (второстепенным) признакам. Главное отличие существенного от несущественного признака заключается в том, что последний может быть изменен или вовсе отсутствовать при определенных условиях, и от этого тактический прием принципиально не изменит своего предназначения.

В свою очередь, существенный признак – ключевое условие идентификации предмета (тактического приема) либо его отнесения к определенной категории. В случае его изменения говорить о том, что это тактический прием, будет ошибочно.

Обобщение ранее сказанного позволяет отнести к критериям допустимости тактического приема научную обоснованность и прогнозируемую эффективность.

Анализ источников, приведенных в списке литературы к настоящей статье, позволил обнажить проблему, связанную с некорректным использованием термина, приводящего к затруднению понимания сущности тактического приема, – «критерии допустимости применения тактического приема» [5, с. 39]. Различное понимание сущности тактического приема приводит к ошибочным суждениям, в том числе при изучении критериев его допустимости.

Так, например, А. С. Князьков указывает, что термин «критерий допустимости тактического приема» является синонимом термина «признак тактического приема», но термин «критерий допустимости применения тактического приема» указывает на самостоятельный конструкт, не конкурирующий с понятием «признак тактического приема» [2, с. 99]. Считаем дискуссионным позицию относительно синонимичного понимания терминов «критерий допустимости тактического приема» и «признак тактического приема». При этом полагаем, что термины «критерии допустимости тактического приема» и «критерии допустимости применения тактического приема», по сути, представляют собой одно и то же. В данном случае вполне допустимым является применение правила «бритвы Оккама»: «Не следует привлекать новые сущности без крайней на то необходимости». Нет оснований, отсутствует целесообразность применения в криминалистике термина «критерий допустимости применения тактического приема».

Подводя итог, заметим: природа тактического приема, сложность и неоднозначность понимания его существенных признаков, критериев допусти-

мости остаются одним из актуальных и в полной мере нерешенных вопросов криминалистической тактики. Проведенный анализ позволяет указать, что тактический прием представляет собой способ действия, соответствующий критериям допустимости – научной обоснованности и прогнозируемой эффективности. Соблюдение законности и этичности распространяется на деятельность правоприменителя в целом. Тогда как критерии допустимости тактического приема следует понимать как частное проявление указанной деятельности, на которую распространяются общие принципы осуществления предварительного расследования.

Библиографический список

1. Белкин Р. С. Курс криминалистики: Общая теория криминалистики: в 3 т. Т. 1. Москва: Юристъ, 1997. 408 с. URL: <https://may.alleng.org/d/jur/jur720.htm>.
2. Князьков А. С. Признаки тактического приема и критерии допустимости его применения // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 355. С. 94-102. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17526152>.
3. Комиссаров В. И. Криминалистическая тактика: история, современное состояние и перспективы развития. Москва: Юрлитинформ, 2009. 192 с.
4. Малютин М. П. Тактические приемы в расследовании преступлений: монография. Москва: Юрлитинформ, 2009. 184 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19789211>.
5. Москвин Е. О. Тактический прием. Москва: Юрлитинформ, 2006. 88 с.
6. Порубов Н. И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве. 2-е изд., перераб. и доп. Минск: Вышэйш. шк., 1973. 368 с.
7. Порубов Н. И., Порубов А. Н. Допрос: процессуальные и криминалистические аспекты: монография. Москва: Юрлитинформ, 2013. 304 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23158512>.
8. Савельева М. В., Смушкин А. Б. Следственные действия: учебник для магистров. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2015. 293 с. URL: https://urss.ru/PDF/add_ru/192010-1.pdf.
9. Селиванов Н. А. Советская криминалистика: система понятий. Москва: Юрид. лит., 1982. 152 с.
10. Филиппов А. Г. Понятие и содержание криминалистической тактики. Ее место в системе криминалистики // Криминалистическая тактика: учебное пособие для академического бакалавриата / под ред. А. Г. Филиппова. Москва: Издательство Юрайт, 2016. 207 с. URL: <https://be5.biz/pravo/k013/17.html>.
11. Фомина И. А., Смирнов В. А. Тактический прием «Наблюдение» в практике следственных органов // Сибирский юридический вестник. 2019. № 2. С. 108–112. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/takticheskiy-priem-nablyudenie-v-praktike-sledstvennyh-organov>.
12. Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика: учебник для юридических вузов. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Юристъ, 1999. 256 с. URL: <http://informatika-vt-2011.narod.ru/olderfiles/1/Logika.PDF>.
13. Советская криминалистика. Теоретические проблемы / Н. А. Селиванов, В. Г. Танасевич, А. А. Эйман, Н. А. Якубович. Москва: Юрид. лит., 1978. 192 с. URL: https://zinref.ru/000_uchebniki/04600_raznie_6/683/001.htm.
14. Баянов А. И. Информационное моделирование в тактике следственных действий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1978. 24 с. URL: http://dspace.nlu.edu.ua/bitstream/123456789/15722/1/Bayanov_1978.pdf.
15. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под ред. проф. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. Москва: ООО «Издательство “Мир и Образование”»: ООО «Издательство “Оникс”», 2012. 1376 с. URL: <https://tolkovyj-slovar-ozhegova.slovaronline.com>.
16. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова; Российская акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. Москва: А ТЕМП, 2006. 938 с. URL: <https://www.shamardanov.ru/s-i-ozhegov-n-yu-shvedova-tolkovyj-slovar-russkogo-yazyka-skachat-djvu.html>.
17. Быховский И. Е. Процессуальные и тактические вопросы проведения следственных действий: учебное пособие. Волгоград: НИИРИО ВСШ МВД СССР, 1977. 95 с.
18. Васильев А. Н. Тактика отдельных следственных действий. Москва: Юрид. лит., 1981. 112 с.
19. Шаламов М. П. Некоторые проблемы советской криминалистики: учебное пособие / М. П. Шаламов и Г. Г. Зуйков. Москва, 1965. 61 с.
20. Васильев А. Н. Тактические приемы – основа следственной тактики // Социалистическая законность. 1974, № 4. С. 44-47.
21. Проблемы судебной этики / Е. А. Зайцев, Я. С. Киселев, Ю.В. Корневский, М. С. Строгович; под ред. М. С. Строговича. Москва: Наука, 1974. 272 с.
22. Белкин Р. С. Общая теория советской криминалистики. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1986. 398 с.
23. Филиппов А. Г. Общие положения криминалистической тактики и порядок производства следственных действий // Криминалистика: учебник / В. В. Агафонов, Н. А. Бурнашев, Е. А. Волков, В. А., Газизов [и др.]; под ред. А. Г. Филиппова. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Спарк, 2004. 750 с. URL: <https://be5.biz/pravo/k013/17.html>.
24. Яблоков Н. П. Общие положения криминалистической тактики // Криминалистика: учебник для студентов вузов / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. 943 с.
25. Колдин В. Я. Тактический прием в системе криминалистической деятельности // Криминалистика: учебник / под ред. Н. П. Яблокова. Москва: Юристъ, 2001. 718 с. URL: <https://studfile.net/preview/429708/page:59>.
26. Зеленский В. Д., Влезько Д. А., Головин М. В., Грицаев С. И. Основные положения следственной тактики: монография / отв. ред. В. Д. Зеленский. Краснодар: КубГАУ, 2011. 275 с. URL: <https://pravo.studio/taktika-kriminalisticheskaya/osnovnyie-polojeniya-sledstvennoy-taktiki.html>.

27. Диев В. С. Рациональные решения: критерии, модели, парадоксы // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 4–12. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20184283>.

28. Лекторский В. А. Рациональность как ценность культуры // Вопросы философии. 2012. № 5. С. 26–34. URL: http://vphil.ru/index.php?id=527&option=com_content&task=view.

References

1. Belkin R. S. *Kurs kriminalistiki: Obshchaia teoriia kriminalistiki: v 3 t. T. 1* [Course of criminalistics: General theory of forensic science: in 3 vols. Vol. 1]. Moscow: Iurist", 1997, 408 p. Available at: <https://may.alleng.org/d/jur/jur720.htm> [in Russian].

2. Knyazkov A. S. *Priznaki takticheskogo priema i kriterii dopustimosti ego primeneniia* [Characteristics of tactical technique and admissibility criteria for its application]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2012, no. 355, pp. 94–102. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17526152> [in Russian].

3. Komissarov V. I. *Kriminalisticheskaia taktika: istoriia, sovremennoe sostoianie i perspektivy razvitiia* [Forensic tactics: history, current state and development prospects]. Moscow: Iurlitinform, 2009, 192 p. [in Russian].

4. Malyutin M. P. *Takticheskie priemy v rassledovanii prestuplenii: monografiia* [Tactics in crime investigation: monograph]. Moscow: Iurlitinform, 2009, 184 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19789211> [in Russian].

5. Moskvina E. O. *Takticheskii priem* [Tactical technique]. Moscow: Iurlitinform, 2006, 88 p. [in Russian].

6. Porubov N. I. *Dopros v sovetskom ugolovnom sudoproizvodstve. 2-e izd., pererab. i dop.* [Interrogation in Soviet criminal proceedings. 2nd edition, revised and enlarged]. Minsk: Vysheish. shk., 1973, 368 p. [in Belarusian].

7. Porubov N. I., Porubov A. N. *Dopros: protsessual'nye i kriminalisticheskie aspekty: monografiia* [Interrogation: procedural and criminalistic aspects: monograph]. Moscow: Iurlitinform, 2013, 304 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23158512> [in Russian].

8. Savel'eva M. V., Smushkin A. B. *Sledstvennye deistviia: uchebnik dlia magistr. 2-e izd., pererab. i dop.* [Investigative actions: textbook for masters. 2nd edition, revised and enlarged]. Moscow: Iurait, 2015, 293 p. Available at: https://urss.ru/PDF/add_ru/192010-1.pdf [in Russian].

9. Selivanov N. A. *Sovetskaia kriminalistika: sistema poniatii* [Soviet criminalistics: a system of concepts]. Moscow: Iurid. lit., 1982, 152 p. [in Russian].

10. Filippov A. G. *Poniatie i sodержanie kriminalisticheskoi taktiki. Ee mesto v sisteme kriminalistiki* [The concept and content of forensic tactics. Its place in the system of criminalistics]. In: *Kriminalisticheskaia taktika: uchebnoe posobie dlia akademicheskogo bakalavriata. Pod. red. A. G. Filippova* [Filippov A. G. (Ed.) Criminalistic tactics. Study guide for academic undergraduate studies]. Moscow: Izdatel'stvo Iurait, 2016, 207 p. Available at: <https://be5.biz/pravo/k013/17.html> [in Russian].

11. Fomina I. A., Smirnov V. A. *Takticheskii priem «Nabludenie» v praktike sledstvennykh organov* [Tactical

reception «Observation» in the practice of the investigating authorities]. *Sibirskii iuridicheskii vestnik* [Siberian Law Herald], 2019, no. 2, pp. 108–112. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/takticheskii-priem-nablyudenie-v-praktike-sledstvennykh-organov> [in Russian].

12. Kirillov V. I., Starchenko A. A. *Logika: uchebnik dlia iuridicheskikh vuzov. 5-e izd., pererab. i dop.* [Logics: textbook for law schools. 5th edition, revised and enlarged]. Moscow: Iurist", 1999, 256 p. Available at: <http://informatika-vt-2011.narod.ru/olderfiles/1/Logika.PDF> [in Russian].

13. *Sovetskaia kriminalistika. Teoreticheskie problemy. N. A. Selivanov, V. G. Tanasevich, A. A. Eisman, N. A. Yakubovich* [N. A. Selivanov, V. G. Tanasevich, A. A. Eisman, N. A. Yakubovich. Soviet criminalistics. Theoretical problems]. Moscow: Iurid. lit., 1978, 192 p. Available at: https://zinref.ru/000_uchebniki/04600_raznie_6/683/001.htm [in Russian].

14. Bayanov A. I. *Informatsionnoe modelirovanie v taktike sledstvennykh deistvii: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Information modeling in the tactics of investigative actions: author's abstract of the Candidate's of Juridical Sciences thesis]. Moscow, 1978, 24 p. Available at: http://dspace.nlu.edu.ua/bitstream/123456789/15722/1/Bayanov_1978.pdf [in Russian].

15. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka: Ok. 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenii. S. I. Ozhegov; Pod red. prof. L. I. Skvortsova. 28-e izd., pererab.* [Ozhegov S. I. Explanatory dictionary of the Russian language: About 100 000 words, terms and phraseological expressions, professor Skvortsova L. I. (Ed.). 28th edition, revised]. Moscow: OOO «Izdatel'stvo “Mir i Obrazovanie”»: OOO «Izdatel'stvo “Oniks”», 2012, 1376 p. Available at: <https://tolkovyj-slovar-ozhegova.slovaronline.com> [in Russian].

16. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii. S. I. Ozhegov i N. Iu. Shvedova; Rossiiskaia akad. nauk, In-t rus. iaz. im. V. V. Vinogradova. 4-e izd., dop.* [Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions. 4th edition, enlarged]. Moscow: A TEMP, 2006, 938 p. Available at: <https://www.shamardanov.ru/s-i-ozhegov-n-yu-shvedova-tolkovij-slovar-russkogo-yazyka-skachat-djvu.html> [in Russian].

17. Bykhovskiy I. E. *Protsessual'nye i takticheskie voprosy provedeniia sledstvennykh deistvii: uchebnoe posobie* [Procedural and tactical issues of conducting investigative actions: textbook]. Volgograd: NIIRIO VSSh MVD SSSR, 1977, 95 p. [in Russian].

18. Vasiliev A. N. *Taktika otdel'nykh sledstvennykh deistvii* [Tactics of individual investigative actions]. Moscow: Iurid. lit., 1981, 112 p. [in Russian].

19. Shalamov M. P., Zuikov G. G. *Nekotorye problemy sovetskoi kriminalistiki: uchebn. posobie* [Some problems of Soviet criminalistics: textbook]. Moscow, 1965, 61 p. [in Russian].

20. Vasiliev A. N. *Takticheskie priemy – osnova sledstvennoi taktiki* [Tactical techniques – basis of investigative tactics]. *Sotsialisticheskaja zakonnost'*, 1974, no. 4, pp. 44–47 [in Russian].

21. *Problemy sudebnoi etiki. Zaitsev E. A., Kiselev Ia. S., Korenevskii Iu. V., Strogovich M. S.; pod red. M. S. Strogovicha* [Zaitsev E. A., Kiselev Ya. S., Korenevskiy Yu. V., Strogovich M. S. Problems of judicial ethics. Strogovich M. S. (Ed.)]. Moscow: Nauka, 1974, 272 p. [in Russian].

22. Belkin R. S. *Obshchaia teoriia sovetskoi kriminalistiki* [General theory of Soviet criminalistics]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1986, 398 p. [in Russian].
23. Filippov A. G. *Obshchie polozheniia kriminalisticheskoi taktiki i poriadok proizvodstva sledstvennykh deistvii* [General provisions of forensic tactics and the procedure for the production of investigative actions]. In: *Kriminalistika: uchebnik. Agafonov V. V., Burnashev N. A., Volkov E. A., Gazizov V. A., i dr.; pod red. Filippova A. G. 3-e izd., pererab. i dop.* [Agafonov V. V., Burnashev N. A., Volkov E. A., Gazizov V. A. et al.; Filippova A. G. (Ed.) Criminalistics: textbook. 3rd edition, revised and enlarged]. Moscow: Spark, 2004, 750 p. Available at: <https://be5.biz/pravo/k013/17.html> [in Russian].
24. Yablokov N. P. *Obshchie polozheniia kriminalisticheskoi taktiki* [General provisions of forensic tactics]. In: *Kriminalistika: uchebnik dlia studentov vuzov. Pod red. A. F. Volynskogo, V. P. Lavrova. 2-e izd., pererab. i dop.* [Volynsky A. F., Lavov V. P. (Eds.) Criminalistics: textbook for university students. 2nd edition, revised and enlarged]. Moscow: IuNITI-DANA: Zakon i pravo, 2012, 943 p. [in Russian].
25. Koldin V. Ya. *Takticheskii priem v sisteme kriminalisticheskoi deiatel'nosti* [Tactical technique in the system of forensic activity]. In: *Kriminalistika: uchebnik. Pod red. N. P. Yablokova* [Yablokov N. P. (Ed.) Criminalistics: textbook]. Moscow: Iurist", 2001, 718 p. Available at: <https://studfile.net/preview/429708/page:59/> [in Russian].
26. Zeleniskii V. D., Vlez'ko D. A., Golovin M. V., Gritsaev S. I. *Osnovnye polozheniia sledstvennoi taktiki: monografiia* [Zelenskii V. D., Vlez'ko D. A., Golovin M. V., Gritsaev S. I.; Zelenskii V. D. (Ed.) The main provisions of investigative tactics: monograph]. Krasnodar: KubGAU, 2011, 275 p. Available at: <https://pravo.studio/taktika-kriminalisticheskaya/osnovnyie-polojieniia-sledstvennoy-taktiki.html> [in Russian].
27. Diev V. S. *Ratsional'nye resheniia: kriterii, modeli, paradoksy* [Rational solutions: criteria, models, paradoxes]. *Voprosy Filosofii*, 2013, no. 8, pp. 4–12. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20184283> [in Russian].
28. Lektorskii V. A. *Ratsional'nost' kak tsennost' kul'tury* [Rationality as a value of culture]. *Voprosy Filosofii*, 2012, no. 5, pp. 26–34. Available at: http://vphil.ru/index.php?id=527&option=com_content&task=view [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-4-120-125
УДК 340.66

Дата: поступления статьи / Submitted: 12.09.2020
после рецензирования / Revised: 15.10.2020
принятия статьи / Accepted: 27.11.2020

Научная статья / Scientific article

О. В. Сергеева

Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация
E-mail: sov.ir@yandex.ru

Ю. В. Зиненко

Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск, Российская Федерация
E-mail: afrodit0601@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СЛУЧАЯХ НЕНАДЛЕЖАЩЕГО ИСПОЛНЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ МЕДИЦИНСКИМИ РАБОТНИКАМИ

Аннотация: В статье авторы обращаются к проблеме ненадлежащего оказания медицинской помощи медицинскими работниками. Авторами освещаются вопросы проведения судебно-медицинской экспертизы в случаях, когда медицинская помощь оказана ненадлежащим образом. Даются понятие и примерный перечень объектов, подлежащих рассмотрению экспертной комиссией, в случаях ненадлежащего оказания медицинской помощи. Описываются этапы проведения судебно-медицинской экспертизы при данном виде преступлений. В статье обозначаются наиболее важные моменты при проведении экспертиз такого рода.

Ключевые слова: ненадлежащее оказание медицинской помощи, судебно-медицинская экспертиза, экспертная комиссия, медицинская документация.

Цитирование. Сергеева О. В., Зиненко Ю. В. Некоторые аспекты проведения судебно-медицинской экспертизы в случаях ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей медицинскими работниками // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 4. С. 120–125. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-120-125>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

O. V. Sergeeva

East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation
E-mail: sov.ir@yandex.ru

Y. V. Zinenko

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russian Federation
E-mail: afrodit0601@mail.ru

SOME ASPECTS OF FORENSIC MEDICAL EXAMINATION IN CASES OF IMPROPER PERFORMANCE OF PROFESSIONAL DUTIES BY MEDICAL PROFESSIONALS

Abstract: In the article, the authors address the problem of improper provision of medical care by medical professionals. The authors highlight the issues of conducting forensic medical examination in cases where medical care is provided improperly. The concept and an approximate list of objects to be considered by the expert commission in cases of improper medical care is given. The stages of conducting a forensic medical examination for this type of crime are described. The article highlights the most important points in the appointment of such examinations.

Key words: improper provision of medical care, forensic medical examination, expert commission, medical documentation.

Citation. Sergeeva O. V., Zinenko Y. V. *Nekotorye aspekty provedeniia sudebno-meditsinskoj ekspertizy v sluchaiakh nenadlezhashchego ispolneniia professional'nykh obiazannostei meditsinskimi rabotnikami* [Some aspects of forensic medical examination in cases of improper performance of professional duties by medical professionals]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 4, pp. 120–125. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-120-125> [in Russian].

Information about the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

© Ольга Витольдовна Сергеева – старший преподаватель кафедры криминалистики, Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Область научных интересов: вопросы судебно-медицинской экспертизы, вопросы криминалистики и процессуально-го законодательства применительно к судебной медицине.

© Юлия Васильевна Зиненко – кандидат медицинских наук, доцент кафедры криминалистики, Сибирский юридический институт МВД России, 660131, Российская Федерация, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

© Olga V. Sergeeva – senior lecturer of the Department of Criminology, East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 110, Lermontov Street, Irkutsk, 664074, Russian Federation.

Research interests: questions of forensic medical examination, questions of criminalistics and procedural legislation in relation to forensic medicine.

© Yulia V. Zinenko – Candidate of Medical Sciences, associate professor of the Department of Criminology, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 20, Rokossovsky Street, Krasnoyarsk, 660131, Russian Federation.

Тема кандидатской диссертации: «Морфометрические особенности трупов мужчин, погибших от strangulation механической асфиксии». Автор 30 научных работ, в том числе учебно-методических пособий: «Организация судебно-медицинской экспертизы по определению тяжести вреда здоровью (2020)», «Получение образцов биологического происхождения для сравнительного исследования: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты» (2020).

Область научных интересов: актуальные проблемы судебно-медицинской экспертизы живых лиц: проблемы назначения и производства судебно-медицинских экспертиз по определению тяжести вреда здоровью, комиссионных судебно-медицинских экспертиз, в том числе по фактам ненадлежащего оказания медицинской помощи.

Качество оказания медицинской помощи в последние годы не теряет своей актуальности, более того, привлекает все большее внимание общественности. Сохраняется направленность ежегодного значительного роста обращений граждан, недовольных качеством оказанной медицинской помощи, в правоохранительные органы.

Мониторинг по количеству обращений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи, в Следственный комитет Российской Федерации от пациентов и их родственников выглядит следующим образом: в 2015 году количество обращений составило 4376 случаев, в 2016 году – 4947, в 2017 году – 6050, в 2018 – 6623, в первом полугодии 2019 года – 3447 случаев.

Сведения по уголовным делам о преступлениях, связанным с «ятрогениями», в последние годы, по данным Следственного комитета Российской Федерации, выглядит следующим образом: в 2017 году было возбуждено 1791 дело, из которых окончено 1098, направлено в суд с обвинительным заключением 175 в отношении 199 обвиняемых, судом оправдано 8 медицинских работников; 2018 год – возбуждено 2229 дел, окончено 1837, направлено в суд с обвинительным заключением 265 в отношении 305 обвиняемых, оправдан 21 медицинский работник; I полугодие 2019 года – из 1227 возбужденных дел окончено 948, направлено в суд с обвинительным заключением 158 в отношении 187 обвиняемых, оправдано 12 медицинских работников [1].

Вполне обоснованным и понятным выглядит пристальнейшее внимание Следственного комитета Российской Федерации к выше обозначенным инцидентам, а также необходимость в их полном, всестороннем и объективном расследовании, что и является одним из приоритетных направлений деятельности Следственного комитета.

Безусловно, и здесь нельзя не согласиться с представителями Национальной медицинской палаты, вопрос о виновности медицинского работника, а тем более об уголовной ответственности, «может стоять только при комиссионно доказанных умышленных и (или) систематических действиях его (их), приводящих к смерти или инвалидности людей» [2].

Законодательно установлено, что единственным видом экспертиз, назначаемым при любом

ration. Subject of Candidate's thesis: «Morphometric features of corpses of men who died from strangulation mechanical asphyxia». Author of 30 scientific papers, including teaching aids: «Organization of forensic medical examination to determine the severity of harm to health» (2020), «Obtaining samples of biological origin for comparative research: criminal procedural and criminalistic aspects» (2020).

Research interests: actual problems of forensic medical examination of living persons: problems of appointment and production of forensic medical examinations to determine the severity of harm to health, commission forensic medical examinations, including on the facts of improper medical care.

виде дел, в том числе уголовных, гражданских, является судебно-медицинская экспертиза. Целью проводимых судебно-медицинских экспертиз является установление ошибок в оказании медицинской помощи, установление прямых и косвенных связей между совершенными ошибками и исходами, наличия или отсутствия вреда здоровью пациента, степени его тяжести. «Другой стороной медали» проводимых судебно-медицинских экспертиз является, кроме того, недопущение необоснованного обвинения медицинских работников в профессиональных нарушениях и, таким образом, защита их профессиональной репутации; профилактика правонарушений в сфере здравоохранения; усиление правового воспитания медицинских работников [3, с. 71].

Юридическим основанием производства судебно-медицинской экспертизы, как и другой судебной экспертизы, могут являться в соответствии со статьей 19 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» определение суда, постановление судьи, лица, производящего дознание, следователя. Судебно-медицинская экспертиза считается назначенной со дня вынесения соответствующего определения или постановления. Судебно-медицинские экспертизы по факту ненадлежащего оказания медицинской помощи являются по своей сути сложными, многогранными экспертизами и проводятся, как правило, отделами (отделениями) сложных экспертиз государственных бюджетных учреждений здравоохранения, осуществляющих проведение судебно-медицинских экспертиз. Имеется практика поручения экспертиз по делам такого рода отделам (отделениям) сложных экспертиз региональных государственных бюджетных учреждений здравоохранения, осуществляющих проведение судебно-медицинских экспертиз, иных субъектов Российской Федерации, граничащих с субъектом, в котором совершено преступление или судебно-медицинским экспертам Следственного комитета.

Судебно-медицинские экспертизы в любом случае проводятся комиссионно с участием штатных судебно-медицинских экспертов и, как правило, приглашенных высококвалифицированных врачей, обладающих большим опытом клинической практики по необходимой специальности.

Нормативными правовыми актами в штате государственных бюджетных учреждений здравоохранения, осуществляющих проведение судебно-медицинских экспертиз, предусмотрено наличие только врачей – судебно-медицинских экспертов. Внештатные врачи-эксперты вводятся в состав комиссии в случае потребности в их специальных знаниях. Это могут быть врачи клинических и иных узких специальностей либо являющиеся специалистами в какой-либо узкой научной области. Особенно принимается во внимание наличие у внештатного врача-эксперта большого стажа работы, ученой степени и опыта практической работы. Включение внештатного специалиста в состав экспертной комиссии осуществляется по ходатайству государственного бюджетного учреждения здравоохранения, осуществляющего проведение судебно-медицинских экспертиз, лицом, проводящим расследование, путем оформления отдельного постановления.

Этапы проведения такого рода экспертиз чаще всего включают несколько пунктов. На первом этапе комиссией изучаются материалы дела, заявляются ходатайства, например, в случае необходимости предоставления недостающих материалов и объектов исследования. На этом же этапе комиссии необходимо определиться, какие дополнительные исследования необходимо провести и есть ли необходимость в привлечении к проведению экспертизы врачей-клиницистов и каких именно специальностей. Кроме того, экспертами определяется нормативная правовая база, регламентирующая деятельность медицинских работников, в частности, в настоящее время определяющее значение придается Стандартам оказания медицинской помощи по каждой группе заболеваний. Стандарт медицинской помощи содержит указание на вид медицинской помощи, при котором используется данный Стандарт; перечень диагностических и лечебных медицинских услуг с усредненными показателями частоты предоставления и кратности применения; перечень используемых лекарственных средств с указанием разовых и курсовых доз; перечень медицинских изделий, имплантируемых в организм человека; перечень компонентов крови и препаратов с указанием количества и частоты их предоставления; перечень видов лечебного питания, включая специализированные продукты лечебного питания и т. д. в зависимости от особенностей заболевания (состояния) [4]. Именно на основе Стандартов комиссией будут оцениваться качество оказанной медицинской услуги, наличие дефектов в оказании медицинской помощи, выявляться характер действий либо бездействий медицинских работников и устанавливаться причинно-следственные связи между их действиями (бездействиями) и наступившими последствиями [5, с. 43].

Кроме того, комиссией будут учтены и другие нормативные правовые акты, такие как приказы, инструкции, положения, разработанные Министерством здравоохранения Российской Федерации.

На следующем этапе комиссией будет проводиться реконструкция произошедших событий по материалам дела и запрошенной медицинской документации. Целесообразно запросить медицинскую документацию, касающуюся не только конкретно рассматриваемого случая, но для получения более информативной картины о состоянии здоровья учесть факты более раннего или позднего обращения пациента за медицинской помощью (возможно, даже за несколько лет до исследуемого события) и запросить соответствующую медицинскую документацию. В случае необходимости комиссия имеет право назначить и провести дополнительные исследования (биохимические, гистологические и другие). Как правило, такие исследования производятся на базе своего же государственного экспертного учреждения.

На этом же этапе к работе в комиссии привлекаются внештатные врачи-клиницисты. Считается за правило привлекать врачей-клиницистов как можно более разных специальностей, конечно же, с учетом диагноза пациента. Внештатные врачи-клиницисты также подвергают всестороннему изучению медицинскую документацию. И далее коллегиально на заседании экспертной комиссии совместно с внештатными врачами-экспертами обсуждают данный конкретный случай.

Объектами исследования экспертной комиссии становятся материалы дела, подлинники медицинских документов (амбулаторная карта, истории болезни, результаты лабораторных и функциональных исследований, рентгенограммы, томограммы, пленки ЭКГ, операционный гистологический материал, биопсийный материал). Если предоставляется возможность, комиссии целесообразно не полагаться на готовые заключения исследований, а лично пересматривать пленки рентгенограмм, томограмм, ЭКГ и результаты других исследований. Либо ходатайствовать перед следственными органами или судом о привлечении дополнительного специалиста [6, с. 69].

Объектами исследования экспертной комиссии могут стать видеоматериалы, например записи с камер видеонаблюдения, установленных в приемном отделении, операционной либо диагностическом кабинете. Это могут быть и записи с видео- и фотокамер родственников, самого пациента или случайных свидетелей.

Объектами исследования могут стать инструменты, медицинская аппаратура, особенно при подозрении на их неисправность.

Кроме того, для дачи заключения комиссия может использовать результаты внутренних служебных проверок по данному происшествию, а также результаты экспертиз страховых компаний.

Что касается материалов дела, то особое внимание экспертная комиссия уделяет показаниям всего медицинского персонала: врачей, медицинских сестер, фельдшеров, принимавших участие в оказании медицинской помощи пациенту на всех этапах. В некоторых случаях возникает необходимость опросить всех лиц, присутствовавших

при оказании медицинской помощи, с целью достоверного установления сведений о том, кем и каким образом она оказывалась. На медицинских работников запрашиваются и приобщаются к делу помимо копий всех документов характеристика с места работы, в которой должны быть отражены следующие сведения: по какой специальности обучался в ВУЗе, по какой специальности и когда проходил последипломное обучение, по какой специальности имеется сертификат и период его действия, сведения о наличии или отсутствии квалификационной категории, ученой степени, данные о местах предыдущей работы, наличии дисциплинарных взысканий. Так складывается понимание о том, что могло привести к «врачебной ошибке», если ее факт будет установлен.

Для исключения организационного компонента при ненадлежащем оказании медицинской помощи дополнительно к материалам делам целесообразно запросить справочные данные – «характеристику» на медицинское учреждение, в котором происходило оказание медицинской помощи. В указанной характеристике следует указать профиль лечебного учреждения, обеспеченность медицинскими кадрами, возможность инструментального и лабораторного обследования, аппаратную оснащенность, мощность коечного фонда, организацию работы бригад, отделений и тому подобные сведения. Обращение внимания экспертной комиссией на данный момент значимо для разделения ошибки непосредственно медицинского работника от дефектов, произошедших в связи с организационными недостатками в медицинской организации, например, это отсутствие средств лечения и диагностики, отсутствие или нечеткий порядок перевода в специализированное отделение и иные дефекты. Конечно же, было бы правильно отражать наличие организационных дефектов в медицинской карте.

В соответствии с законодательством комиссия экспертов имеет право запросить дополнительные материалы, если усмотрит важность их значения для результатов экспертизы. Комиссия имеет право присутствовать при проведении следственных действий, в том числе допросе свидетелей, подозреваемых, задавать с разрешения следователя интересующие вопросы.

Основополагающим юридическим документом при проведении судебно-медицинской экспертизы в случаях ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей медицинскими работниками является медицинская документация. Первостепенное значение имеют документы первичного учета, а именно: сопроводительный лист станции скорой медицинской помощи, медицинская документация стационарного и амбулаторного больного, история родов, история развития ребенка и другие документы. По справедливому замечанию О. П. Грибунова, следствию «необходимо представить в распоряжение экспертов максимально полную подлинную медицинскую документацию, отражающую течение заболевания

соответствующего лица, из всех медицинских учреждений, где он находился на лечении» [7, с. 94].

Экспертная комиссия, исследуя медицинскую документацию и осуществляя анализ ее ведения, обращает внимание на развернутость записей, наличие поправок в тексте, нечитаемых или трудночитаемых записей, признаков удаления записей.

Комиссия экспертов дает оценку клиническому диагнозу по правильности формулировки, полноте, достоверности и своевременности установления. Осуществляется оценка качества проведенных диагностических мероприятий по полноте и своевременности обследования, правильности трактовки и использования результатов.

Пристальное внимание обращается на объем лечебных мероприятий, их правильность, достаточность и своевременность. А кроме того, на обоснованность выбора лечебных мероприятий, правильность выполнения, объем оперативного вмешательства, проведение мероприятий, направленных на снижение риска осложнений.

В случае развития неблагоприятного исхода при оказании медицинской помощи, очевидно, одним из самых важных вопросов, который предстоит решить экспертной комиссии, является вопрос об установлении причинно-следственной связи выявленных недостатков с произошедшим исходом, а также причин такого исхода и условий, которые этому способствовали.

Важнейшее значение для проведения судебной экспертизы имеет изучение оригиналов медицинской документации. Записи в медицинских документах всегда будут интересовать следователя и судебно-медицинского эксперта. К сожалению, нужно отметить, что изъяны ведения медицинской документации – не такое уж редкое явление. Так, по сведениям Бюро судебно-медицинской экспертизы Московской области, при анализе структуры и причин дефектов оказания медицинской помощи по медицинским картам стационарного больного было выявлено большое количество погрешностей в оформлении, которые чаще всего были «представлены исправлениями, нечитаемым и небрежным почерком, использованием непонятных и непринятых сокращений». Кроме того, медицинские работники «грешили» «неполным сбором анамнеза, отсутствием времени осмотра, малоинформативным описанием следов повреждений на теле, отсутствием плана обследования больных, недостаточной информативностью дневниковых записей и нарушением регулярности их ведения; отсутствием обоснования при направлении на медицинские вмешательства; отсутствием протоколов инструментальных исследований и так далее» [8, с. 24].

И конечно же, совершенно недопустимы факты, касающиеся внесения в медицинскую документацию ложных сведений. Так, по данным Следственного комитета Российской Федерации, при расследовании причины смерти несовершеннолетнего Б. в детской клинической больнице города Белгорода в 2014 году установлено, что

медсестра по указанию врача-анестезиолога-реаниматолога Ш. после смерти пациента умышленно внесла в «График течения операции» неверные сведения о применении анестетика [1].

Таким образом, анализ медицинской документации занимает первостепенную роль при проведении экспертизы по факту ненадлежащего оказания медицинской помощи.

Итак, комиссия экспертиза в случаях ненадлежащего оказания медицинской помощи, как правило, будет решать вопрос о состоянии пациента на всех этапах оказания медицинской помощи; адекватности назначенного обследования и его соответствия диагнозу; обсуждать назначенное лечение; давать оценку правильности ведения медицинской документации; судить о показаниях к оперативному вмешательству и своевременности его выполнения.

Ключевая роль при защите нарушенных прав пациентов принадлежит заключению эксперта. И чаще всего судебное решение основывается именно на результатах экспертизы. Выводы экспертной комиссии по делам о ненадлежащем оказании медицинской помощи представляют результат всестороннего, полного и объективного исследования представленных материалов.

Помимо ответов на заданные следственными органами или судом вопросы, экспертная комиссия обязательно устанавливает диагноз пациента либо в случае смерти – причину смерти. Установление причины смерти, равно как и наличия или отсутствия причинной связи между действиями (бездействием) определенного медицинского работника и наступившим смертельным исходом, имеет исключительно большое значение для правильного рассмотрения дела [9, с. 70]. Описывается каждый этап оказания пациенту медицинской помощи с позиции, как протекало заболевание, как медицинскому работнику следовало бы поступить в данной ситуации, какие ошибочные действия были им совершены, каким образом это повлияло на ситуацию. Кроме того, комиссией экспертов устанавливается сам факт дефекта в оказании медицинской помощи, мог ли дефект при оказании медицинской помощи непосредственно привести к неблагоприятному исходу для пациента, то есть наличие или отсутствие прямой причинно-следственной связи между действиями медицинского персонала и наступлением последствий для пациента. Установление связи – важный экспертный вопрос, который затем используется следственными органами и судами для уголовной квалификации деяния, совершенного медицинскими работниками [10, с. 56].

Таким образом, ведущая роль в установлении объективной истины в случаях ненадлежащего оказания медицинской помощи, сопровождающихся правовыми последствиями, несомненно, принадлежит судебно-медицинской экспертизе. Основными задачами комиссионной экспертизы в таких случаях являются выявление дефекта в оказании медицинской помощи, определение харак-

тера такого дефекта, установление причины допущения профессиональной ошибки, установления причинно-следственной связи между допущенным дефектом в оказании медицинской помощи и наступившими для пациента последствиями.

Библиографический список

1. Nacmedpalata. URL: <https://nacmedpalata.ru/?action=show&id=29283> (дата обращения 10.06.2020).
2. Vademec. URL: <https://vademec.ru/news/2018/07/19/nmp-ne-soglasna-s-predlozhennoy-redaktsiye-stati-ovrachebnykh-oshibkakh/> (дата обращения: 10.06.2020).
3. Копылов А. В., Кулькина И. В., Сараджанц К. И. Правовые аспекты назначения и проведения судебно-медицинских экспертиз и исследований, в том числе при расследовании неблагоприятных исходов // Медицинское право: теория и практика. Москва: Национальный институт медицинского права, 2020. Т. 5, № 2 (10). С. 68–72. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42837290>; <http://www.med-law.ru/files/348/medicinskoe-pravo-teoriya.pdf>.
4. Белянинова Ю. В., Гусева Т. С., Захарова Н. А., Савина Л. В., Соколова Н. А., Хлистун Ю. В. Комментарий к Федеральному закону от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Специально для системы «Гарант», 2016. Доступ из системы «Гарант» URL: <http://docs.cntd.ru/document/902312609> (дата обращения: 10.06.2020).
5. Шевчук Е. П. Правовое значение стандартов оказания медицинской помощи в Российской Федерации // Глаголь правосудия. 2016. 1 (11). С. 43–47. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26486284>.
6. Зиненко Ю. В., Бушуев А. И., Сергеева О. В. К вопросу о проблемах назначения и производства комиссионных судебно-медицинских экспертиз // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1 (13). С. 64–71. DOI: <http://doi.org/10.24411/2587-9820-2020-10008>.
7. Назначение судебных экспертиз: учебное пособие / авт.-сост. О. П. Грибунов, О. В. Трубкина. Иркутск: ФГКОУ ВПО «ВСИ МВД России», 2014. 152 с. URL: <https://fse.ms/biblioteka/uchebno-metodicheskoe-posobie/naznachenie-sudebnyh-ekspertiz-o-p-gribunov-o-v-trubkina>.
8. Максимов А. В. Дефекты оказания медицинской помощи, выявленные при проведении судебно-медицинских экспертиз умерших в стационарах медицинских организаций // Судебная медицина. 2015. Т. 1, № 2. С. 24–25. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24077381>.
9. Вермель И. Г. Судебно-медицинская экспертиза лечебной деятельности (вопросы теории и практики). Свердловск, 1988. 112 с. URL: https://www.sinref.ru/000_uchebniki/03200medecina_2/765/000.htm.
10. Клевно В. А., Веселкина О. В., Сидорович Ю. В. Мониторинг дефектов оказания медицинской помощи по материалам Бюро судебно-медицинской экспертизы Московской области в 2016 году: ежегодный доклад / под ред. проф. В. А. Клевно. Москва: Ассоциация СМЭ, 2017. 140 с.: ил. URL: <http://klevno.ru/index.php/announcements/228-monitoring-defektov-okazaniia-meditsinskoi-pomoshchi-po-materialam-biuro-sudebno-meditsinskoi-ekspertizy-moskovskoi-oblasti-v-2016-godu-ezhagodnyi-doclاد>.

References

1. Available at: <https://nacmedpalata.ru/?action=show&id=29283/> (accessed 10.06.2020) [in Russian].
2. Available at: <https://vademec.ru/news/2018/07/19/nmp-ne-soglasna-s-predlozhennoy-redaktsiye-stati-o-vrachebnykh-oshibkakh> (accessed 10.06.2020) [in Russian].
3. Kopylov A. V., Kulkina I. V., Saradzants K. I. *Pravovye aspekty naznacheniia i provedeniia sudebno-meditsinskikh ekspertiz i issledovani, v tom chisle pri rassledovanii neblagopriiatnykh iskhodov* [Legal aspects of appointment and carrying out of judicial examinations and researches, including in the investigation of adverse responses]. *Meditsinskoe pravo: teoriia i praktika [Elektronnyi resurs]* [Medical law: theory and practice [Electronic resource]]. Moscow: National Institute of medical law, 2020, vol. 5, no. 2 (10), 194 p.; pp. 68–72. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42837290>; <http://www.med-law.ru/files/348/meditsinskoe-pravo-teoriya.pdf>.
4. Belyaninova Yu. V., Guseva T. S., Zakharova N. A., Savina L. V., Sokolova N. A., Khlisun Yu. V. *Kommentarii k Federal'nomu zakonu ot 21 noiabria 2011 goda № 323-FZ «Ob osnovakh okhrany zdorov'ia grazhdan v Rossiiskoi Federatsii». Spetsial'no dlia sistemy GARANT, 2016. Dostup iz sistemy GARANT* [Comment to the Federal Law as of November 21, 2011 N 323-FZ «On the basics of public health protection in the Russian Federation». Especially for the GARANT system, 2016. Access from the GARANT system]. Retrieved from EPS «System GARANT». Available at: <http://docs.cntd.ru/document/902312609> (accessed 10.06.2020) [in Russian].
5. Shevchuk E. P. *Pravovoe znachenie standartov okazaniia meditsinskoj pomoshchi v rossiiskoi federatsii* [Legal value standards of care in the Russian Federation]. *Glagol' pravosudiia* [Glagol of Justice], 2016, no. 1 (11), pp. 43–47. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26486284> [in Russian].
6. Zinenko Yu. V., Bushuev A. I., Sergeeva O. V. *K voprosu o problemakh naznacheniia i proizvodstva komissionnykh sudebno-meditsinskikh ekspertiz* [On the issue of the problems of appointment and obtaining expert opinions]. *Kriminalistika: vchera, segodnia, zavtra* [Criminalistics: yesterday, today, tomorrow], 2020, no. 1 (13), pp. 64–71. DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10008 [in Russian].
7. *Naznachenie sudebnykh ekspertiz: uchebnoe posobie. Avt.-sost. O. P. Gribunov, O. V. Trubkina* [Gribunov O. P., Trubkina O. V. Appointment of forensic examinations: textbook]. Irkutsk: FGKOU VPO «VSI MVD Rossii», 2014, 152 p. Available at: <https://fse.ms/biblioteka/uchebno-metodicheskoe-posobie/naznachenie-sudebnykh-ekspertiz-o-p-gribunov-o-v-trubkina/> [in Russian].
8. Maksimov A. V. *Defekty okazaniia meditsinskoj pomoshchi, vyavlennye pri provedenii sudebno-meditsinskikh ekspertiz umershikh v statsionarakh meditsinskikh organizatsii* [Defects in medical care identified when conducting forensic examinations of deaths in hospitals, medical organizations]. *Sudebnaia meditsina* [Russian Journal of Forensic Medicine], 2015, vol. 1, no. 2, pp. 24–25. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24077381>.
10. Vermel I. G. *Sudebno-meditsinskaia ekspertiza lechebnoi deiatel'nosti (voprosy teorii i praktiki)* [Forensic medical examination of medical activity (issues of theory and practice)]. Sverdlovsk, 1988, 112 p. Available at: https://www.sinref.ru/000_uchebniki/03200medecina_2/765/000.htm [in Russian].
11. Klevno V. A., Veselkina O. V., Sidorovich Yu. V. *Monitoring defektov okazaniia meditsinskoj pomoshchi po materialam Biuro sudebno-meditsinskoj ekspertizy Moskovskoi oblasti v 2016 godu: ezhegodnyi doklad. Pod red. prof. V. A. Klevno* [Monitoring of defects in medical care according to the materials of the Office of the Chief Medical Examiner of the Moscow Region in 2016: annual report]. Moscow: Assotsiatsiia SME, 2017, 140 p.: illustrated. Available at: <http://klevno.ru/index.php/announcements/228-monitoring-defektov-okazaniia-meditsinskoj-pomoshchi-po-materialam-biuro-sudebno-meditsinskoj-ekspertizy-moskovskoi-oblasti-v-2016-godu-ezhegodnyi-doklad>.

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-4-126-130
УДК 343.985

Дата: поступления статьи / Submitted: 11.09.2020
после рецензирования / Revised: 23.10.2020
принятия статьи / Accepted: 27.11.2020

Научная статья / Scientific article

С. Ю. Карпов

Академия Государственной противопожарной службы МЧС России, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: kafedrandagps@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8655-2436>

В. В. Садовский

Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС России,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: odiap@63.mchs.gov.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ, СОПРЯЖЕННЫХ С ПОДЖОГАМИ

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые особенности расследования уголовных дел, сопряженных с поджогами. Даются рекомендации для сотрудников следственно-оперативных групп при планировании следственных и оперативно-розыскных действий на первоначальном этапе расследования поджогов. Затрагиваются вопросы о влиянии на раскрываемость оперативности прибытия к месту пожара следователя (дознателя), об особенностях сбора информации на месте пожара, получении информации на основе специальных знаний, позволяющих сформировать план розыска предполагаемого преступника и его криминологический портрет личности. С развитием новых технологий для оперативности получения информации от специалиста (эксперта) при расследовании поджогов необходимо применение технологии иммерсивного телеприсутствия (видео-присутствия). Это позволяет более качественно провести осмотр места преступления при отсутствии эксперта (специалиста) непосредственно на месте. Использование электронных баз данных и применение современных средств связи также способствуют раскрытию преступлений, связанных с поджогами по «горячим следам».

Ключевые слова: расследование пожаров, поджог, пожарная безопасность, пожар, умышленное уничтожение имущества, осмотр места пожара, неотложные следственные действия.

Цитирование. Карпов С. Ю., Садовский В. В. Особенности первоначального этапа расследования уголовных дел, сопряженных с поджогами // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 4. С. 126–130. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-126-130>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

S. Yu. Karpov

Academy of the State Fire Service Emercom of Russia, Moscow, Russian Federation
E-mail: kafedrandagps@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8655-2436>

V. V. Sadovsky

Saint Petersburg University of State Fire Service of Emercom of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: odiap@63.mchs.gov.ru

PECULIARITIES OF INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES ASSOCIATED WITH ARSONS

Abstract: The article discusses some of the features of the investigation of criminal cases involving arson. Recommendations are given for the officers of the investigative-operational groups when planning further actions at the initial stage of the investigation of arson. The questions about the influence on the detection rate of the promptness of arrival to the place of the fire of the investigator (interrogator), about the features of collecting information at the place of the fire are touched upon. Obtaining information on the basis of special knowledge, allowing to formulate a search plan for the alleged offender and his criminological personality portrait. With the development of new technologies, for the efficiency of obtaining information from a specialist (expert) in the investigation of arson, it is necessary to use the technology of immersive telepresence (video presence). This allows for a better inspection of the crime scene in the absence of an expert (specialist) directly on the spot. The use of electronic databases and the use of modern means of communication also contribute to solving crimes related to arson «hot on the trail».

Key words: investigation of fires, arson, fire safety, fire, deliberate destruction of property, inspection of the fire site, urgent investigative actions.

Citation. Karpov S. Yu., Sadovsky V. V. *Osobennosti pervonachal'nogo etapa rassledovaniia ugovolnykh del sopriazhennykh s podzhogami* [Peculiarities of investigation of criminal cases associated with arsons]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 4, pp. 126–130. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-126-130> [in Russian].

Information about the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

© Сергей Юрьевич Карпов – старший преподаватель кафедры надзорной деятельности, Академия Государственной противопожарной службы МЧС России, 129366, Российская Федерация, г. Москва, ул. Бориса Галушкина, 4.

© Sergey Yu. Karpov – senior lecturer of the Department of Supervision, Academy of the State Fire Service Emercom of Russia, 4, Boris Galushkina Street, Moscow, 129366, Russian Federation. Author of more than 30 scientific works,

Автор более 30 научных работ, в том числе учебного пособия: «Расследование и экспертиза пожаров» (2017), учебника «Основы расследования и экспертизы пожаров» (2019).

Область научных интересов: судебная экспертиза, криминалистика, административное расследование по делам о пожарах и нарушениях требований пожарной безопасности, совершенствование деятельности органа дознания МЧС России.

Владислав Валерьевич Садовский – заместитель начальника Главного управления – начальник управления надзорной деятельности и профилактической работы Главного управления МЧС по Самарской области; Российская Федерация, Самарская область, г. Самара, ул. Галактионовская, 193.

Область научных интересов: расследование пожаров, уголовно-процессуальное право.

Поджог (юрид.), или умышленное инициирование возгорания – распространенная форма общеопасного повреждения имущества и причинения вреда здоровью человека. Общедоступность средств, способствующих воспламенению (бензин, керосин и т. д.), в значительной степени увеличивает потенциальную опасность поражающих факторов огня. Поджог выступает формой противоправного поведения, входящей в объективную сторону разных составов преступлений. Это и умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества – ст. 167 УК РФ, ст. 205 УК РФ «Террористический акт», ст. 212 УК РФ «Массовые беспорядки», ст. 261 УК РФ «Уничтожение или повреждение лесных насаждений», ст. 262 УК РФ «Нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов», ст. 281 УК РФ «Диверсия», ст. 105 УК РФ «Убийство».

Расследование преступлений, связанных с поджогами, представляет значительную сложность. Это связано с тем, что чаще всего под воздействием высоких температур в большинстве своем уничтожаются криминалистически важные следы (доказательства). Кроме того, нередко обвиняемые маскируют возникновение пожара под техническую и природную причину, нарушение требований пожарной безопасности или неосторожность при обращении с огнем и иными источниками повышенной опасности сотрудниками учреждений, организаций. Кроме этого, на следовую картину на месте пожара существенно влияет деятельность пожарных подразделений по тушению пожара, а также погодные условия. Данные обстоятельства подчеркивают актуальность затронутой темы, а также необходимость дополнительных исследований преступлений, связанных с поджогами.

Учитывая особенности обнаружения и исследования следов на месте совершения поджогов, очень важно не только оперативно прибыть к месту пожара, но и осуществить необходимые следственно-оперативные мероприятия по определению лиц, причастных к преступлению на первоначальной стадии расследования.

При расследовании поджогов важными элементами в доказывании механизма совершения

including the study guide: «Investigation and expertise of fire» (2017), textbook «Fundamentals of investigation and expertise of fire» (2019).

Research interests: forensic expertise, forensic science, administrative investigation in cases of fires and violations of fire safety requirements, improving the activities of the body of inquiry of the Russian Emergencies Ministry.

© **Vladislav V. Sadovsky** – deputy head of the Chief Directorate – head of the Department for Supervision and Preventive Work of the Main Directorate of the Ministry of Emergency Situations in the Samara Region, 193, Galaktionovskaya Street, Samara, Russian Federation.

Research interests: investigation of fires, criminal procedure law.

преступления являются материальные объекты (вещественные доказательства), которые обладают свойствами, отображающими обстоятельства совершения преступления в виде следов воздействия на них, их изменения с учетом временных и пространственных факторов и т. д. Поэтому прибытие лиц, осуществляющих расследование по делам о пожарах, должно быть своевременным, и желательно его выполнить до окончания ликвидации пожара пожарными подразделениями. На этапе тушения пожара дознаватель (следователь) визуально и с помощью фото- и видеоаппаратуры фиксирует общую обстановку на месте, определяет направленность распространения горения (развитие пожара), интенсивность и цвет пламени, дыма, изменение конструктива здания и других вещественных доказательств, исследование которых после ликвидации пожара может быть затруднительным, а следы преступления могут быть утрачены [1, с. 13]. Особенность расследования поджогов заключается в том числе и в розыске подозреваемого. Розыск человека, совершившего поджог, – одна из самых главных оперативных задач при расследовании, решение которой в соответствии с требованиями УПК РФ и Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» поручается оперативным сотрудникам правоохранительных органов [2, с. 7].

Совместная работа должностного лица органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, с дознавателем (следователем) и другими лицами, участвующими в расследовании преступления, связанного с поджогом, очень важна и является залогом успешного розыска преступника. Особенностью при расследовании преступлений, связанных с поджогами на первоначальном этапе, являются сбор и обработка информации с применением специальных знаний, позволяющих определить механизм возникновения горения и способ совершения поджога, локализовать очаг возгорания [3, с. 157]. Успешным действиям сотрудников при анализе информации и поимке предполагаемого преступника может способствовать разработка алгоритмов действия (инструкций) в зависимости от характера преступления и оперативной обстановки. Сбор и анализ информации о пожаре может

осуществляться с момента сообщения о нем, а деятельность сотрудников по расследованию можно разделить на несколько этапов.

Первый этап (подготовительный) – по времени он занимает небольшой период с момента сообщения о пожаре и до прибытия сотрудников на место преступления. В этот период можно запросить и проанализировать информацию по лицам, проживающим в непосредственной близости от пожара, имеющим судимость и склонность к совершению поджогов. Современное развитие компьютерных технологий, а также электронное формирование баз данных дают возможность сотрудникам получить данную информацию достаточно быстро. Мобильная связь позволяет получать оперативно информацию с места тушения пожара, и по итогам ее анализа возможно скорректировать (ранжировать) первоначальные действия, исходя из важности и необходимости. На первоначальном этапе (по возможности на подготовительном) должностное лицо, осуществляющее мероприятия по расследованию, должно отработать и учесть следующую информацию:

- о поступивших ранее заявлениях от потерпевших, об угрозах в их адрес или готовящемся преступлении;
- об имеющейся неблагоприятной социальной или криминогенной обстановке на объекте до возникновения пожара;
- об имеющихся финансовых задолженностях потерпевших перед конкретными людьми или организациями;
- об имеющихся случаях страхования имущества потерпевшими, в том числе с описью имущества и на большие страховые суммы;
- об имеющихся случаях ранее происходивших аналогичных пожаров (возможно, страхового мошенничества) у лиц, проживающих по адресу пожара или имеющих отношение к объекту недвижимости;
- о социальном и материальном положении потерпевших (пострадавших) от пожара;
- о времени и условиях обнаружения пожара, а также данных о лицах, сообщивших о пожаре;
- об объекте пожара и его противопожарном состоянии, наличии систем противопожарной защиты и т. д. (запросы информации в ФГПН МЧС России, территориальном бюро технической инвентаризации, администрации города или поселения);
- об одновременном двух и более пожарах в районе выезда пожарного подразделения;
- о случаях предстоящих проверок объекта на предмет финансовой и хозяйственной деятельности объекта, а также завоза крупной и дорогостоящей партии товара и ценностей;
- о планировании строительства объекта на месте сгоревшего здания (на практике в большинстве случаев при отсутствии договоренности с собственником объекта о покупке ветхого жилья или иного объекта, находящегося на территории

предполагаемого строительства (застройки), на данных объектах происходят пожары);

- о наличии видеокамер на прилегающих объектах (в районе);
- о случаях хищения (уничтожения) лесных насаждений (на практике после совершения незаконной вырубki лесных насаждений, дабы скрыть следы преступления, совершают поджоги, кроме этого, поджог может быть совершен для выделения средств из государственного бюджета на восстановление лесных насаждений);
- о поступивших в лечебные заведения больных с признаками ожогов;
- об анализе сотовых средств связи в радиусе места пожара (за час до пожара и в течение часа после пожара) и идентификации их собственников для дальнейшей работы [4, с. 88].

Важным обстоятельством при сборе и анализе информации на предварительном этапе являются конфиденциальность и обеспечение условий, препятствующих утечке полученной оперативной информации.

Работа и взаимосвязь с участковыми уполномоченными полиции позволяет получить дополнительную оперативную информацию о возможных обстоятельствах пожара и причастных лицах. На подготовительном этапе особое внимание нужно уделить наличию и исправности технических средств, необходимых для производства осмотра места пожара, а также для проведения иных неотложных следственных действий. Фото-, видео- и другая аппаратура должна быть исправна, проверена, иметь дополнительные зарядные устройства, накопитель памяти и т. д. и быть пригодной для применения в различных погодных и иных условиях. Время – важный критерий при расследовании преступлений по «горячим следам», поэтому наличие исправного транспортного средства (учитывающего тип и характер дорожного покрытия, ведущего к месту пожара) является обязательным условием. При следовании на место пожара и при подъезде к нему нужно обращать пристальное внимание на обстановку, не соответствующую нормам, правилам и другим условиям, несвойственным обычной обстановке. При совершении поджогов в большинстве случаев преступники дополнительно предпринимают действия, направленные на сокрытие следов преступления и увеличение времени обнаружения пожара [5, с. 75]. Например, сотрудника должны заинтересовать такие обстоятельства при следовании к месту пожара, как:

- наличие препятствий в виде сваленных деревьев на проезжей части при подъезде к месту пожара (препятствие для пожарной техники, как правило, в сельских районах и лесных массивах);
- вывод из строя наружного противопожарного водоснабжения (необеспечение пожарной техники средством тушения);
- вывод из строя (или ее неисправность) пожарной сигнализации, системы оповещения лю-

дей при пожаре, автоматического пожаротушения, телефонной связи;

– наличие посторонних людей непосредственно на объекте пожара или на подъезде к объекту пожара, в том числе предпринимающих действия (бездействия), направленные на затруднение в тушении пожара, передвижении пожарной техники или работе сотрудников следственно-оперативной группы;

– показания контролирующих приборов, фиксирующих превышение норм допустимых параметров (дозиметры и т. д.) [6, с. 124].

На втором этапе (основном) происходит осмотр места пожара (преступления) совместно со специалистом (экспертом), обладающим специальными знаниями, которого заранее необходимо оповестить и доставить, как правило, специалистом в подобных случаях выступает инженер пожарно-испытательной лаборатории, на место осмотра. На этапе осмотра важно выявить очевидцев как носителей наиболее значимой информации о пожаре. В данном случае необходимо учитывать потенциальный психологический портрет указанных лиц – носителей нужной информации о пожаре и готовность их сообщить информацию без искажения и фальсификации.

При совершении преступлений с помощью поджога на опасных и социально важных объектах, необходимо вызвать на место пожара руководителя объекта, для получения информации о характеристике объекта и изменениях, в том числе кадровых, произошедших до пожара.

На охраняемых объектах, как правило, существует служба безопасности, которая обладает информацией об объекте и обстоятельствах, предшествующих пожару.

Следующим этапом работы можно выделить осмотр прилегающей территории на предмет наличия орудий преступлений (факел, канистра и т. д.), следов несанкционированного проникновения на объект (сломанные дверные замки и т. д.), следов пребывания человека, следов транспортных средств, остатков вещественных доказательств после пожара, их состояния и происхождения, других следов, несущих информацию или требующих логического обоснования причастности к поджогу. Важно при осмотре учитывать и показания пожарных. Они обладают сведениями о развитии пожара, возможном месте первоначального горения (по пламени, дыму или другим признакам), состоянии оконных и дверных проемов к моменту прибытия и т. д. По прибытии на место пожара первый руководитель тушения пожара (начальник караула) отправляет фотоотчет и первоначальную информацию о пожаре в ЦУКС МЧС РФ и постоянно информирует руководство службы пожаротушения об изменениях.

Раскрытие преступлений, связанных с поджогами, не может обойтись без экспертов (специалистов), обладающих специальными знаниями [7, с. 4]. При расследовании очень важно знать первичное место пожара, механизм возникнове-

ния горения, динамику распространения, влияние опасных факторов на следовую картину и т. д. Преступник при поджоге на месте преступления оставляет следы, в некоторых случаях он пытается замаскировать их, но в любом случае следы остаются. Многие следы преступления на пожаре под воздействием высокой температуры меняют свое состояние и свойства, а чаще полностью разрушаются (исчезают). Но все равно даже в этом случае они несут информацию, которую можно «прочитать» с помощью специальных знаний и приборов, используемых для исследования. Определение и поиск потенциальных признаков и следов поджога можно разделить на два этапа. Первый – визуальный (органолептический метод) с учетом показаний очевидцев и оперативной информации, полученной до момента осмотра места пожара. В дальнейшем полученная экспертная информация о пожаре (второй этап) поможет сформировать версию о возможном способе совершения преступления. Эта информация ляжет в основу оперативно-розыскных мероприятий и расследования преступления.

На третьем этапе (розыском) – происходят анализ собранной на предыдущих этапах информации, отработка следственных версий и розыск преступника. Для более эффективной работы оперативных сотрудников на этом этапе предлагается разработать опорно-логическую карту со значимой информацией о пожаре, хронологией событий, признаках поджога и возможном механизме возникновения горения. Данная информация в совокупности позволит сформировать предполагаемый портрет преступника и его особенности [8, с. 83].

В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий могут использоваться технологии иммерсионного телеприсутствия на месте пожара, видео- и аудиозапись, а также другие способы получения информации [9, с. 20].

Библиографический список

1. Чешко И. Д. Технические основы расследования пожаров: методическое пособие. Москва: ВНИИПО, 2002. 330 с. URL: <https://fireman.club/literature/technicheskie-osnovy-rassledovaniya-pozharov-metodicheskoe-posobie-cheshko-i-d-vniipo-2002-skachat-v-doc-formate>.
2. Макаревич А. А., Бабушкин М. Ю. Использование возможностей органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в раскрытии и расследовании преступлений: учебно-методическое пособие. Москва, 2008. 106 с.
3. Назаров С. А. Понятие механизма преступления, соотношение с предметом доказывания и составом преступления по делам о пожарах // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2020. № 1. С. 155–159. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42558545>.
4. Чешко И. Д., Плотников В. Г. Анализ экспертных версий возникновения пожара: в 2 кн. Санкт-Петербург: ФГБУ ВНИИПО МЧС России, 2012. Кн. 2. 364 с.: ил. URL: <https://fireman.club/literature/analiz-espertnyih-versiy-voznikoveniya-pozhara-chast-2-cheshko-i-d-2012>.

5. Расследование и экспертиза пожаров: учебное пособие. / сост. В. И. Козлачков, И. А. Лобаев, А. В. Ершов, Д. А. Вечтомов, С. А. Назаров, В. Г. Булгаков [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Академия ГПС МЧС России, 2017. 248 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30698219>.

6. Богатищев А. И., Зернов С. И., Карпов С. Ю. Методы решения задач пожарно-технической экспертизы: учебное пособие. Москва: Академия ГПС МЧС России, 2009. 153 с. URL: https://academygps.ru/upload/Library_files/fragments/40.pdf.

7. Зернов С. И., Карпов С. Ю. Назначение и производство экспертиз при административном расследовании правонарушений в области пожарной безопасности: учебное пособие. Москва: Академия ГПС МЧС России, 2011. 106 с. URL: https://academygps.ru/upload/Library_files/fragments/49.pdf.

8. Хуснутдинова А. А. Личность преступника по делам об умышленном уничтожении или повреждении чужого имущества путем поджога // Закон и право. 2009. № 10. С. 81–83. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12912671>.

9. Прус Ю. В., Хажикаров М. Х., Ягодин А. А., Карпов С. Ю., Бурдастых В. В. Технологии иммерсивного телеприсутствия в обеспечении взаимодействия инспектора пожарного надзора и пожарно-технического эксперта // Ежегодная международная научно-техническая конференция Системы безопасности. 2013. № 22. С. 20–22. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21818799&>.

References

1. Cheshko I. D. *Tekhnicheskie osnovy rassledovaniia pozharov: metodicheskoe posobie* [Technical foundations of fire investigation: methodological manual]. Moscow: VNIPO, 2002, 330 p. Available at: <https://fireman.club/literature/tekhnicheskie-osnovy-rassledovaniya-pozharov-metodicheskoe-posobie-cheshko-i-d-vniipo-2002-skachat-v-doc-formate> [in Russian].

2. Makarevich A. A., Babushkin M. Yu. *Ispol'zovanie vozmozhnostei organov, osushchestvliaiushchikh operativno-rozysknuuiu deiatel'nost' v raskrytii i rassledovanii prestuplenii: uchebno-metodicheskoe posobie* [Using the capabilities of the bodies carrying out operational-search activities in the disclosure and investigation of crimes: study guide]. Moscow, 2008, 106 p. [in Russian].

3. Nazarov S. A. *Poniatie mekhanizma prestupleniia, sootnoshenie s predmetom dokazyvaniia i sostavom prestupleniia po delam o pozharakh* [The concept of the mechanism of the crime, its relation to the subject of the evidence and the delicti in cases of fires]. *Sovremennaiia*

nauka: Aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriia: Ekonomika i pravo [Modern science: actual problems of theory and practice, a Series of «Economics and law»], 2020, no. 1, pp. 155–159. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42558545>.

4. Cheshko I. D. Plotnikov V. G. *Analiz ekspertnykh versii vozniknoveniia pozhara: v 2 kn.* [Analysis of expert versions of a fire: in 2 books]. Saint Petersburg: FGBU VNIPO MChS Rossii, 2012, book 2, 364 p.: illustrated. Available at: <https://fireman.club/literature/analiz-ekspertnykh-versiy-vozniknoveniya-pozhara-chast-2-cheshko-i-d-2012> [in Russian].

5. *Rassledovanie i ekspertiza pozharov: uchebnoe posobie. Sostaviteli: V. I. Kozlachkov, I. A. Lobaev, A. V. Ershov, D. A. Vechtomov, S. A. Nazarov, V. G. Bulgakov i dr. 2-e izd., pererab. i dop.* [Kozlachkov V. I., Lobaev I. A., Ershov A. V., Vechtomov D. A., Nazarov S. A., Bulgakov V. G. (Eds.) Investigation and examination of fires: textbook. 2nd edition, revised and enlarged]. Moscow: Akademiia GPS MChS Rossii, 2017, 248 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30698219> [in Russian].

6. Bogatishchev A. I., Zernov S. I., Karpov S. Yu. *Metody resheniia zadach pozharo-tekhnicheskoi ekspertizy: uchebnoe posobie* [Methods for solving problems of fire investigation: textbook]. Moscow: Akademiia GPS MChS Rossii, 2009, 153 p. Available at: https://academygps.ru/upload/Library_files/fragments/40.pdf [in Russian].

7. Zernov S. I., Karpov S. Yu. *Naznachenie i proizvodstvo ekspertiz pri administrativnom rassledovanii pravonarushenii v oblasti pozharnoi bezopasnosti: ucheb. posobie* [Appointment and production of examinations in administrative investigation of offenses in the field of fire safety: textbook]. Moscow: Akademiia GPS MChS Rossii, 2011, 106 p. Available at: https://academygps.ru/upload/Library_files/fragments/49.pdf [in Russian].

8. Khusnutdinova A. A. *Lichnost' prestupnika po delam ob umyshlennom unichtozhenii ili povrezhdenii chuzhogo imushchestva putem podzhoga* [Criminal identity based on the cases of deliberate destruction or damage of other people's property by arson]. *Zakon i pravo* [Law and Legislation], 2009, no. 10, pp. 81–83. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12912671> [in Russian].

9. Prus Yu. V., Khazhikarov M. Kh., Yagodin A. A., Karpov S. Yu., Burdastykh V. V. *Tekhnologii immersivnogo telepristutstviia v obespechenii vzaimodeistviia inspektora pozharnogo nadzora i pozharo-tekhnicheskogo eksperta* [Technologies of immersive telepresence in ensuring interaction between a fire inspector and a fire-technical expert]. *Ezhegodnaia mezhdunarodnaia nauchno-tekhnicheskaiia konferentsiia «Sistemy bezopasnosti»* [Annual International Scientific-Technical Conference «Safety Systems»], 2013, no. 22, pp. 20–22. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21818799&> [in Russian].

Трибуна молодого ученого TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-4-131-135
УДК 342.395.8

Дата: поступления статьи / Submitted: 10.10.2020
после рецензирования / Revised: 26.10.2020
принятия статьи / Accepted: 27.11.2020

Научная статья / Scientific article

А. В. Дулгер

Институт права, Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти, Российская Федерация
E-mail: a.dulger@tlttsu.ru

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА АНТИСОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА А. В. КОЛЧАКА В СФЕРЕ НАЛОГОВ

Аннотация: В данной статье рассматривается законодательство антисоветских государственных образований в сфере налогов, в частности правительства А. В. Колчака. Особенное внимание уделяется последующей реализации нормативных актов в сфере регулирования налогов на территории Западной Сибири. Описываются особенности налоговой политики правительства Колчака в условиях революции и Гражданской войны с учетом предшествующих мероприятий органов советской власти. Исследуется восстановление системы налоговых органов. Подробно рассматриваются виды прямых и косвенных налогов, таких как налог на прибыль предприятий, промысловый налог, акцизы на алкогольную и табачную продукцию, подоходный налог, налог на развлечения. Оценивается влияние налоговой политики А. В. Колчака на иные антисоветские правительства, действовавшие на территории России в 1917–1921 гг., и в какой-то мере на налоговую политику советской власти после поражения белого движения. Автор предполагает и аргументирует недостаточную эффективность налоговой политики белого правительства А. В. Колчака, что послужило одной из причин его поражения.

Ключевые слова: законодательство, закон, право, белое правительство, Колчак А. В., антисоветские государственные образования, налоги и сборы, налоговые органы.

Цитирование. Дулгер А. В. Правовая политика антисоветского правительства А. В. Колчака в сфере налогов // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 4. С. 131–135. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-131-135>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

A. V. Dulger

Institute of Law, Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation
E-mail: a.dulger@tlttsu.ru

LEGAL POLICY OF ANTI-SOVIET A. V. KOLCHAK'S GOVERNMENT IN THE SPHERE OF TAXES

Abstract: This article discusses the legislation of anti-Soviet state entities in the field of taxes, in particular, the government of A.V. Kolchak. Particular attention is paid to the subsequent implementation of regulatory acts in the field of tax regulation in Western Siberia. The features of the tax policy of the Kolchak's government in the conditions of revolution and civil war are described considering the previous events of the Soviet authorities. The restoration of the tax system is being investigated. The types of direct and indirect taxes, such as corporate income tax, commercial tax, excise taxes on alcohol and tobacco products, income tax, entertainment tax, are examined in detail. The impact of tax policy of A. V. Kolchak to other anti-Soviet governments that acted on the territory of Russia in 1917–1921, and to some extent to the tax policy of the Soviet government after the defeat of the white movement is estimated. The author assumes and argues the lack of effectiveness of the tax policy of the white A. V. Kolchak's government, which was one of the reasons for his defeat.

Key words: legislation, law, law, white government, A. V. Kolchak, anti-Soviet state formations, taxes and fees, tax authorities.

Citation. Dulger A. V. *Pravovaya politika antisovetskogo pravitel'stva A. V. Kolchaka v sfere nalogov* [Legal policy of anti-Soviet A. V. Kolchak's government in the sphere of taxes]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 4, pp. 131–135. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-131-135> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© **Артем Вячеславович Дулгер** – преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Институт права Тольяттинского государственного университета, 445020, Российская Федерация, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

© **Artem V. Dulger** – lecturer of the Department of Theory and History of State and Law, Institute of Law, Togliatti State University, 14, Belorusskaya Street, Togliatti, 445020, Russian Federation.

Тема планируемой кандидатской диссертации: «Правовое регулирование экономики и социальных отношений в антисоветских государственных образованиях». Автор 3 научных статей.

Область научных интересов: теория и история государства и права, гражданское право, гражданский процесс, арбитражный процесс.

В связи с переходом России на новый исторический путь развития в 1990-е годы XX столетия и появившейся возможностью изучения по известным причинам закрытых ранее архивных фондов чрезвычайно возрос интерес исследователей к белому движению. В настоящее время об этом уникальном периоде отечественной истории написано значительное количество научных работ, но, несмотря на это, многие стороны этого явления до сих пор являются недостаточно исследованными. Хорошо изучены вопросы, связанные с формированием и функционированием органов власти и управления антисоветских государственных образований, ролью политических партий в их становлении, политических режимов, военной организации и т. д. Вместе с тем вопросы правового регулирования экономических отношений в антисоветских государственных образованиях остаются малоизученными. Разгром белого движения исследователи в основном связывают с военными успехами Красной армии и недостаточно внимания уделяют иным причинам поражения антисоветских государственных образований, связанных с проводившейся ими экономической политикой, а также законодательством в данной сфере, что, как правило, приводило к недовольству среди населения [1, с. 20].

Последнее время имеет место тенденция увеличения количества работ, посвященных исследованиям антисоветских государственных образований в период революции 1917–1921 гг. Подавляющее большинство работ выполнены учеными-историками, в то время как соответствующих исследований со стороны ученых-юристов крайне мало. Белому движению посвящены докторская диссертация В. П. Федюка «Белое движение на Юге России 1917–1920 гг.» (Ярославль, 1995), кандидатская диссертация В. Н. Романишиной «Социальный состав и идеология Белого движения в годы гражданской войны в России 1917–1920 гг. (Москва, 2001), кандидатская диссертация Г. Н. Цаканян «Белая власть Юга России и антибольшевистские политические партии и организации в 1918–1920 гг.» (Пятигорск, 2004), кандидатская диссертация С. С. Салазниковой «Антибольшевистские правительства Сибири и Урала в период “демократической контрреволюции”»: январь–ноябрь 1918 г.» (Екатеринбург, 2005), кандидатская диссертация Д. В. Салдугеева «Чехословацкий корпус и небольшевистские правительства Поволжья, Урала и Сибири: проблемы взаимоотношений: 1918–1920 гг.» (Челябинск, 2006), докторская диссертация В. Ж. Цветкова «Формирование и эволюция политического курса Белого движения в России в 1917–1922 гг.» (Москва, 2010). Однако ни в одной

Subject of the planned Candidate's thesis: «Legal regulation of economy and social relations in anti-Soviet state entities». Author of 3 scientific articles.

Research interests: theory and history of state and law, civil law, civil procedure, arbitration process.

из перечисленных работ не рассматриваются проблемы правового регулирования экономики в государственных образованиях «белой» России, в том числе налогового законодательства.

Представляет интерес кандидатская диссертация А. В. Яковлева на тему «Политическая и социально-экономическая деятельность Белого движения в период Гражданской войны в России (1918–1920)» (Москва, 2009), где частично уделено внимание экономической политике «белых» правительств. В монографии С. В. Карпенко «Белые генералы и русская смута» (Москва, 2009), затронут вопрос о проблемах белого движения в сфере финансов и экономики как фактор поражения в гражданской войне.

Таким образом, вопросам правового регулирования экономики антисоветских государственных образований в годы гражданской войны в России в XX веке посвящено крайне недостаточно внимания, в том числе среди вышеуказанных научных работ. Для развития и детальной разработки данной темы необходима комплексная проработка законодательства белых правительств в сфере экономики, а в применительно к данной статье – конкретно в сфере налогового регулирования правительства А. В. Колчака. Подобное исследование призвано определить новые существенные причины поражения Белого движения, известным представителем которого стал А. В. Колчак.

Следует отметить некоторые общие закономерности и условия, в которых «развивались» белые правительства на территории России. Для антисоветских сил в условиях непрерывных военных действий и контрреволюции была характерна катастрофическая нехватка денежных средств, несмотря на наличие золотого запаса, вывезенного лидерами Белого движения. Все же правительства максимально старались решать вопросы военного, экономического и социального значения за счет оборотных средств, которые восполнялись путем взимания налогов.

Здесь следует отметить, что белые правительства осуществляли свою деятельность на территориях, захваченных у большевиков либо до их «прихода» на эти территории, где стремительно изменялись дореволюционные порядки. Например, в части налогов был отменен ряд косвенных налогов, вводился налог на имущество по прогрессивной шкале против богатых слоев населения (т. н. эксплуататоров). Также был упразднен центральный налоговый аппарат. Однако налоговые органы на местах не были упразднены и продолжали свою деятельность, поскольку советской власти не хватило времени их ликвидировать из-за прихода в соответствующие регионы антисоветских белых правительств.

В различных частях России власть стремительно переходила «из рук в руки», причем чаще всего не к большевикам или белым, а к лицам противоположных взглядов и политических настроений. Белые правительства после завоевания таких территорий сталкивались с сопротивлением местных жителей и их отказом платить налоги «временной власти». Ситуация осложнялась обилием различных местных валют и денежных знаков, обесцениванием основной валюты, а также хаотичным урегулированием налогового законодательства либо вовсе его отсутствием.

В частности, правительство А. В. Колчака было вынуждено начинать законотворческую работу в сфере налогов с восстановления деятельности центральных налоговых органов. Система налоговых органов выглядела следующим образом. Податная инспекция осуществляла деятельность по уездам, каждый из которых именовался участком. Промышленное и подоходное отделения инспекции действовали на территории городов. На уровне районов были созданы губернские и областные управления, в ведомстве которых находились акцизы на виноделие. Также существовала отдельная структура таможенных органов (участки и посты). Денежные средства от уплаты налогов и сборов аккумулировались в казенных палатах [2, с. 28]. В качестве центрального налогового органа было воссоздано Главное управление налогов и сборов, действовавшее в Российской империи.

Одного лишь воссоздания четкой структуры налоговых органов было недостаточно для пополнения бюджета правительства. В свете этого представлялись актуальными проведение законотворческой работы и упорядочивания налогового законодательства, введение новых налоговых ставок и отмена ранее действовавших бессистемных налогов и сборов. Однако предпринятые меры в этом направлении не дали ожидаемого результата. Вместо эффективной системы фискальных органов и планомерной реализации налоговой политики противоречивые действия правительства А. В. Колчака привели к чрезмерной налоговой нагрузке на подконтрольных территориях [3, с. 211].

Например, в период функционирования Временного сибирского правительства, постановлением Совета Министров от 27.07.1918 были продлены низкие налоговые ставки с недвижимости, оброчной и поземельной подати, сборов от промысла, действовавшие с 1915 г. Однако сразу после этого новым постановлением от 23.09.1918 указанные ставки налогов были увеличены в два раза, а также введены дополнительные сборы и акцизы. Одновременно с этим налогом принятый налог на прибыль ударил по торговле и промышленности, увеличив налоговую нагрузку предпринимателей до 90 % от прибыли. Правительство А. В. Колчака постановлением от 09.04.1919 предоставило налоговым органам на местах самостоятельно определять ставку налога на прибыль, исходя из финансового положения предприятий.

Данная мера в определенной степени облегчила налоговую нагрузку на предприятия, налог в среднем не превышал 50 % от прибыли [4].

Однако дополнительно был введен в сентябре 1919 г. налог на коммерческие посылки в целях противодействия схемам некоторых предприятий по уклонению от уплаты налогов путем доставки товаров почтой [5, с. 57].

Неоднократно повышались и вводились новые косвенные налоги, в частности акцизы на право продажи алкогольной продукции, особенно вина и водки, на табачные изделия, продукты нефтепереработки. Также увеличились судебные и канцелярские государственные пошлины [6]. В целях финансового обеспечения вооруженных сил, действовавших на стороне правительства А. В. Колчака, были разработаны чрезвычайные налоги (на объявления, билеты, развлекательные мероприятия, досуг в ресторанах, продажи на аукционах и комиссионных складах).

Правительство А. В. Колчака оценивало финансовое состояние налогоплательщиков при распределении налоговой нагрузки. Если до предпринятых мер основными плательщиками выступали крупные предприятия, то после введения дополнительного промышленного налога налоговое бремя было возложено на торговые и промышленные предприятия. Таким образом, налоговая политика правительства А. В. Колчака преследовала цель перераспределения налогового бремени и эффективного пополнения казны. В реальности предприятия учитывали предстоящие налоговые платежи при определении стоимости товаров и услуг, что возлагало дополнительное налоговое бремя на конкретного потребителя (примерно как в настоящее время действует и применяется налог на добавленную стоимость). В результате недовольство населения только усиливалось. В связи с этим более активно применялись именно косвенные налоги [5, с. 104].

Одним из важнейших прямых налогов в антисоветских государственных образованиях «белой» России, в том числе в правительстве А. В. Колчака, оставался подоходный налог. Его размер и порядок сбора также был установлен Временным правительством и оставался неизменным с весны 1917 года. Налогоплательщик составлял декларацию о доходах и в соответствии с ней должен был уплачивать от 2 до 30 % от суммы своих доходов [5, с. 100]. А. В. Колчак не одобрил введение единовременного подоходного налога с богатого населения, поскольку, по его мнению, такие меры характерны для большевиков [7, с. 125]. От обложения освобождались одежда, обувь и предметы первой необходимости не дороже 2 тыс. рублей [8, с. 129]. В качестве социальной меры поддержки государственных служащих в их отношении была установлена пониженная процентная ставка [9, с. 26].

На практике применение подоходного налога оказалось сложным для власти. Если данный налог без сложностей возложили на городское население и рабочих, то с крестьянами ситуация была

проблемная [10, с. 696]. Дело в том, что основной доход крестьян выражается в натуральной форме, что требовалось учитывать при определении налогооблагаемой базы. Также в этих целях власти осуществляли сбор сведений, например, о количестве человек в семье, площади хозяйства, поголовье скота, видах промысла и объеме заготовок, наличии долгов. Законодательно правительство было вынуждено пойти на снижение ставок и исключить из налогообложения доходы в пределах трех тысяч рублей в год.

Однако это также не привело к ожидаемым результатам. Правового и фактического решения проблемы низкой собираемости налоговых платежей правительство не нашло, была предпринята попытка привлечь само население к контролю за другими налогоплательщиками [9, с. 28].

Налоговая практика стала ужесточаться, правительство разработало новые меры по взиманию налогов с подконтрольных лиц, а именно с рабочих. На работодателей возлагалась обязанность предоставлять отчет о размере доходов своих работников и самостоятельно производить оплату налогов за них. Данная мера повысила эффективность налоговой политики, но встретила крайнее недовольство среди рабочего населения. Тем не менее в связи с недостаточной эффективностью добровольного сбора налогов правительство было вынуждено предпринимать принудительные меры взыскания, привлекая органы полиции. Среди сотрудников полиции наиболее активно привлекались участковые, что существенно увеличило их должностную нагрузку.

Опыт проработки и реализации правительствам А. В. Колчака налоговых реформ перенимался иными антисоветскими государственными образованиями. Схожая структура налоговых органов была создана в правительстве А. Деникина, в Совете Министров Северной области и в правительстве Н. Юденича. Аналогичные реформы в сфере налогового законодательства, учитывавшие финансовую состоятельность налогоплательщиков и возможность реального получения налогов, проводились правительством А. Деникина. После поражения правительства А. В. Колчака большевики на освобожденных от власти белых территориях некоторое время не отменяли действовавшие налоги и продолжали их взимание [11, с. 215].

Однако все предпринятые законодательные меры антисоветского правительства А. В. Колчака не привели к ожидаемым результатам, законы в большей степени остались без должной реализации. В виду сложностей с собираемостью налогов, власть не смогла обеспечить стабильность экономики и социальной сферы. Попытки учитывать «провалы» определенных мер и возвращение к прежним, в том числе дореволюционным налогам, только усугубило положение антибольшевистской власти в глазах населения. Неудачная налоговая политика А. В. Колчака является одной из существенных причин поражения Белого движения на территории Западной Сибири.

Библиографический список

1. Медведев В. Г. Органы власти и законодательство антисоветских государственных образований «белой» России в годы гражданской войны. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2014. 512 с.
2. Обзор деятельности Министерства финансов за вторую половину 1918 г. Омск, 1919. С. 28–29.
3. Дмитриев Н. И. Налоговая политика белогвардейских правительств Сибири // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1996. № 4. С. 210–216. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35647526>.
4. Россия и союзники // Правительственный вестник (Омск). 1919. 13 июня. С. 3. URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/2016/000417105/index.html>.
5. Рынков В. М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 г.). Новосибирск: Сибпринт, 2006. 212 с. URL: <https://zaimka.ru/gynkov-financial-policy>.
6. Постановление Совета Министров от 20 января 1919 года «О поднятии акциза на право продажи винных и водочных изделий» // Правительственный вестник (Омск). 1919. 8 февраля. URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/2016/000417105/index.html>.
7. Орловская губерния в период иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920 гг.): сб. документов и материалов / Гос. архив Орлов. обл. Орлов. гос. пед. ин-т. Орел: Кн. изд-во, 1963. 295 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_006440984.
8. Подобедов М. Воронеж под властью белогвардейцев // Борьба за Воронеж. Воронеж, 1939. С. 129–130.
9. Вестник финансов, промышленности и торговли: [журнал] / [Министерство финансов Временного Российского правительства; редактор: А. М. Осендовский]. Омск: М-во финансов Временного правительства России, 1919. 28 с.
10. Кириллов А. К. Последнее звено долгой податной реформы капиталистической России: преобразование подоходного налога в 1918–1919 годы (на западносибирском материале) // Историко-экономические исследования. 2015. Т. 16, № 4. С. 681–701. [http://dx.doi.org/10.17150/2308-2588.2015.16\(4\).681-701](http://dx.doi.org/10.17150/2308-2588.2015.16(4).681-701).
11. Марискин О. И. Государево тягло. Налогообложение крестьянства России во второй половине XIX – первой трети XX в. (По материалам Сред. Поволжья). Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2004. 237 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19689403>.

References

1. Medvedev V. G. *Organy vlasti i zakonodatel'stvo antisovetskikh gosudarstvennykh obrazovanii «beloi» Rossii v gody grazhdanskoi voiny* [Authorities and legislation of anti-Soviet state formations of «white» Russia during the years of the Civil War]. Moscow; Berlin: Direkt-Media, 2014, 512 p. [in Russian].
2. *Obzor deiatel'nosti Ministerstva finansov za vtoruiu polovinu 1918 g.* [Review of the activities of the Ministry of Finance for the second half of 1918]. Omsk, 1919, pp. 28–29 [in Russian].
3. Dmitriev N.I. *Nalogovaia politika belogvardeiskikh pravitel'stv Sibiri* [Tax policy of the whiteguard

- governments of Siberia]. *Izvestiia Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeia*, 1996, no. 4, pp. 210–216. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35647526> [in Russian].
4. *Rossii i soiuzniki* [Russia and the Allies]. *Pravitel'stvennyi vestnik (Omsk)* [Government Gazette (Omsk)], 1919, June 13, p. 3. Available at: <http://sun.tsu.ru/mminfo/2016/000417105/index.html> [in Russian].
5. Rynkov V. M. *Finansovaia politika antibol'shevistskikh pravitel'stv vostoka Rossii (vtoraia polovina 1918 – nachalo 1920 g.)* [Financial policy of anti-Bolshevik governments in eastern Russia (second half of 1918 – early 1920)]. Novosibirsk: Sibprint, 2006, 212 p. Available at: <https://zaimka.ru/rynkov-financial-policy> [in Russian].
6. *Postanovlenie Soveta Ministrov ot 20 ianvaria 1919 goda «O podniiatii aktsiza na pravo prodazhi vinnykh i vodochnykh izdelii»* [Decree of the Council of Ministers as of January 20, 1919 «On raising the excise tax on the right to sell wine and vodka products»]. *Pravitel'stvennyi vestnik (Omsk)* [Government Gazette (Omsk)], 1919, February 8. Available at: <http://sun.tsu.ru/mminfo/2016/000417105/index.html> [in Russian].
7. *Orlovskaiia guberniia v period inostrannoi voennoi interentsii i grazhdanskoi voiny. (1918–1920 gg.): sbornik dokumentov i materialov* [Oryol province during the period of foreign military intervention and civil war. (1918–1920): collection of documents and materials]. Oryol: Kn. izd-vo, 1963, 295 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_006440984 [in Russian].
8. Podobedov M. *Voronezh pod vlast'iu belogvardeitsev* [Voronezh under the rule of the whiteguards]. In: *Bor'ba za Voronezh* [Fight for Voronezh]. Voronezh, 1939, pp. 129–130 [in Russian].
9. *Vestnik finansov, promyshlennosti i torgovli: [zhurnal]. [Ministerstvo finansov Vremennogo Rossiiskogo pravitel'stva; red. A. M. Ossendovskii]* [Bulletin of finance, industry and trade: [journal]. [Ministry of Finance of the Provisional Russian Government; ed. A. M. Ossendovsky]. Omsk: M-vo finansov Vremennogo pravitel'stva Rossii, 1919, 28 p. [in Russian].
10. Kirillov A. K. *Poslednee zveno dolgoi podatnoi reformy kapitalisticheskoi Rossii: preobrazhenie podokhodnogo naloga v 1918–1919 gody (na zapadnosibirskom materiale)* [The last link in the long tax reform of capitalist Russia: the transformation of income tax in 1918–1919 (using the example of Western Siberia)]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniia* [Journal of Economic History and History of Economics], 2015, vol. 16, no. 4, pp. 681–701. DOI: [http://dx.doi.org/10.17150/2308-2588.2015.16\(4\).681-701](http://dx.doi.org/10.17150/2308-2588.2015.16(4).681-701) [in Russian].
11. Mariskin O. I. *Gosudarevo tiaglo. Nalogooblozhenie krest'ianstva Rossii vo vtoroi polovine XI – pervoi treti XX v. (Po materialam Sred. Povolzh'ia)* [Gosudarevo tax. Taxation of the peasantry of Russia in the second half of the XIX – the first third of the XX century. (Based on materials from the Middle Volga region)]. Saransk: Izd-vo Mord. un-ta, 2004, 237 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19689403> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-4-136-141
УДК 347.9

Дата: поступления статьи / Submitted: 12.06.2020
после рецензирования / Revised: 28.07.2020
принятия статьи / Accepted: 27.11.2020

Научная статья / Scientific article

Е. Н. Губина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: kartina74@mail.ru

Д. В. Давитавян

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: dianadav98@mail.ru

ЗАЩИТА ПРАВ ВЗЫСКАТЕЛЯ В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация: На основе анализа научной литературы в работе определено понятие защиты права в исполнительном производстве. В статье рассматриваются положения действующего исполнительного законодательства, посвященные защите прав взыскателя в исполнительном производстве. Исследование понятия «защита права» и его правовой природы представляется актуальным для исполнительного производства, вместе с тем позволит всесторонне рассмотреть специальные способы защиты прав взыскателей. В юридической литературе можно встретить разные подходы к определению юридического значения термина «защита права». Единого подхода к дефиниции понятия «защита права» не сложилось. Различие в интерпретации понятия обусловлено многоаспектностью термина и разнообразием методологических установок авторов при исследовании объекта познания. Особое внимание уделяется проблематике возможности обращения взыскания на единственное жилое помещение должника с целью установления баланса интересов в рамках исполнительного производства. Для обеспечения прав и законных интересов взыскателя в исполнительном производстве и устранения пробелов действующего исполнительного законодательства авторами предлагается внести поправки и дополнения в действующее законодательство, в частности в федеральный закон «Об исполнительном производстве».

Ключевые слова: защита права, взыскатель, исполнительное производство, единственное жилое помещение.

Цитирование. Губина Е. Н., Давитавян Д. В. Защита прав взыскателя в исполнительном производстве: проблемы и перспективы развития // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 4. С. 136–141. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-136-141>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

E. N. Gubina

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: kartina74@mail.ru

D. V. Davitavyan

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: dianadav98@mail.ru

PROTECTION OF THE RIGHTS OF THE JUDGMENT CREDITOR IN ENFORCEMENT PROCEEDINGS: CHALLENGES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Abstract: Based on the analysis of scientific literature, the paper defines the concept of protection of rights in enforcement proceedings. The article discusses the provisions of the current executive legislation on the protection of the rights of the claimant in enforcement proceedings. The study of the concept of «protection of rights» and its legal nature is relevant for enforcement proceedings, however, will allow a comprehensive review of special ways to protect the rights of claimants. In the legal literature, you can find different approaches to determining the legal meaning of the term «protection of rights». There is no single approach to the definition of «protection of rights». The difference in the interpretation of the concept is due to the multidimensional nature of the term and the variety of methodological attitudes of the authors in the study of the object of knowledge. Particular attention is paid to the issue of the possibility of foreclosure on the debtor's only residential premises in order to establish a balance of interests in the framework of enforcement proceedings. To ensure the rights and legitimate interests of the claimant in enforcement proceedings and eliminate gaps in the current enforcement legislation, the authors propose to make amendments and additions to the current legislation, in particular, to the Federal Law «On enforcement proceedings».

Key words: protection of the right, creditor, enforcement proceedings, sole residence.

Citation. Gubina E. N., Davitavyan D. V. *Zashchita prav vzyiskatel'ia v ispolnitel'nom proizvodstve: problemy i perspektivy razvitiia* [Protection of the rights of the judgment creditor in enforcement proceedings: challenges and prospects for development]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, vol. 6, no. 4, pp. 136–141. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-136-141> [in Russian].

Information about the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

© **Екатерина Николаевна Губина** – старший преподаватель кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34. Автор и соавтор более 50 научных работ.

Область научных интересов: проблемы гражданского и арбитражного судопроизводства, исполнительное производство, исковое производство.

© **Диана Ваграмовна Давитавян** – студент IV курса юридического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Область научных интересов: гражданское процессуальное право, исполнительное производство.

Уяснение понятия «защита права» и его правовой природы представляется актуальным для исполнительного производства, вместе с тем позволит всесторонне рассмотреть специальные способы защиты прав взыскателей. В юридической литературе можно встретить разные подходы к определению юридического значения термина «защита права». Профессор С. С. Алексеев полагает, что защита права – это государственно-принудительная деятельность, направленная на осуществление «восстановительных» задач, а именно на восстановление нарушенного права, обеспечение исполнения юридической обязанности [1, с. 161]. А. П. Сергеев под защитой права понимает предусмотренные законом меры, которые направлены на восстановление или признание гражданских прав и защиту интересов при их нарушении или оспаривании [2, с. 326]. Отметим, что, по мнению Е. М. Тужиловой-Орданской, защита права является правовым институтом. Смысл данного термина сводится к совокупности гражданско-правовых норм, регулирующих порядок, способы и деятельность уполномоченных органов, направленные на принудительное осуществление правомочий, предусмотренных законом, а также на пресечение правонарушений, посягающих на указанное субъективное право.

Как видим, единого подхода к дефиниции понятия «защита права» не сложилось. Исходя из рассмотренных точек зрения, можно сделать вывод, что данный термин рассматривается с нескольких позиций. В частности, как деятельность органов государственной власти, как система мер, направленных на обеспечение субъективных прав и их восстановление и как правовой институт гражданского права. Выделение какой-либо одной из представленных точек зрения в качестве истины в последней инстанции нецелесообразно. Различие в интерпретации понятия обусловлено многоаспектностью термина и разнообразием методологических установок авторов при исследовании объекта познания. Когда речь заходит о защите права, необходимо исходить из того, какую же цель преследует данная правовая категория. Цель защиты права, безусловно, – это его осуществле-

© **Ekaterina N. Gubina** – senior lecturer of the Department of Civil Procedure and Business Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation. Author and coauthor of more than 50 scientific papers.

Research interests: problems of civil and arbitration proceedings, enforcement proceedings, claim proceedings

© **Diana V. Davitavyan** – student of the IV year of study, Law Faculty, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Research interests: civil procedure law, enforcement proceedings.

ние, т. е. получение того блага, которое заложено в соответствующее право. В случае невозможности осуществления лицом своего права существует 2 пути решения проблемы: отказ от своих притязаний либо защита своих прав.

В. П. Грибанов отмечает, что в теории государства и права вопрос о защите гражданских прав неразрывно связан с содержанием субъективного права [3, с. 104]. Вместе с тем субъективное право представляет собой совокупность возможностей управомоченного лица, которые выражаются в осуществлении права своими собственными действиями, требовании определенного поведения от обязанного лица и, наконец, в возможности обратиться к компетентным государственным органам с требованием о защите нарушенного или оспариваемого права. Однако не представляется верным сводить содержание права на защиту лишь к деятельности аппарата государственного принуждения. Право на защиту также включает в себя возможность защищать принадлежащее ему право собственными действиями фактического характера, т. е. речь идет о самозащите гражданских прав. Безусловно, применение самозащиты неразрывно связано с характером самого защищаемого субъективного права.

А. П. Вершинин в свою очередь проводит разграничение следующих понятий: «способы», «виды», «методы», «средства» и «формы» защиты прав [4, с. 32]. Способы защиты прав – это предусмотренные законом действия, которые непосредственно направлены на устранение препятствий на пути осуществления прав субъектами. Термин виды защиты прав целесообразнее использовать при классификации способов защиты. Зачастую происходит подмена понятий, и вместо термина «способы защиты прав» используют термин «методы защиты прав». Однако это неверно, т. к. метод – это совокупность каких-либо способов и средств. Средство защиты – это волеизъявление, которое совершается при установлении нарушения прав: претензия, иск, жалоба и т. д. И наконец, форма защиты прав – это разновидность юридической деятельности по защите прав в целом. Применяются неюрисдикционные (самозащита)

и различные юрисдикционные формы защиты (судебные, административные).

Таким образом, под защитой права в рамках исполнительного производства следует понимать самостоятельную правовую категорию, включающую в себя совокупность действий судебных органов, ФССП РФ, направленных на восстановление нарушенных субъективных прав путем применения правовых мер воздействия на правообязанных субъектов.

Законодательным механизмом защиты прав субъектов, в частности взыскателя, в исполнительном производстве является Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ.

Один из способов защиты прав взыскателя регулируется ст. 118 ФЗ «Об исполнительном производстве». В случае если лицо, выплачивающее должнику заработную плату и иные периодические платежи, удержало с него денежную сумму, причитающуюся взыскателю, но не перечислило последнему, то взыскатель может обратиться в суд для рассмотрения своих требований в порядке искового производства. В силу ст. 9 и 98 ФЗ «Об исполнительном производстве» исполнительный лист может быть получен как от судебного пристава-исполнителя, так и от взыскателя при условии, что задолженность не превышает 100 000 рублей. В обязанность лица, осуществляющего выплаты заработной платы или иных периодических платежей, входит не только удержание соответствующей суммы долга, но и перечисление в трехдневный срок в пользу взыскателя. Неосуществление обязанным лицом выплаты или перевода в трехдневный срок является поводом для обращения в суд с иском. Истцом по делу, он же взыскатель в исполнительном производстве, может являться гражданин, организация, орган государственной власти либо орган местного самоуправления. Ответчиком по делу будет являться работодатель должника, в частности физическое лицо, индивидуальный предприниматель или организация. При получении должником пенсии ответчиком будет являться Пенсионный фонд РФ, в случае обучения на бюджетной основе в вузе ответчиком будет учебное заведение. Должник не является стороной по делу, однако привлекается как третье лицо, не заявляющее самостоятельных требований. Если решением суда требования истца (взыскателя) не будут удовлетворены, то у должника в соответствии со ст. 1102 ГК РФ возникает право требования удержанной с него денежной суммы как неосновательного обогащения [5]. В зависимости от субъектного состава сторон возможно обращение в суд общей юрисдикции или в арбитражный суд. Истец при подаче искового заявления от уплаты государственной пошлины не освобождается. Согласно ст. 91 ГПК РФ и ст. 103 АПК РФ цена иска по искам о взыскании денежных

средств определяется исходя из взыскиваемой суммы. Государственная пошлина уплачивается в процентном соотношении к цене иска согласно ст. 339.19 НК РФ при обращении в суд общей юрисдикции и в соответствии со ст. 339.21 НК РФ в арбитражный суд [6]. При принятии искового заявления к производству и переходе к рассмотрению дела по существу на истца ложится обязанность по доказыванию своих требований.

В частности, доказательству подлежат следующие факты:

- был ли направлен взыскателем или же судебным приставом-исполнителем исполнительный документ лицу, осуществляющему выплаты должнику заработной платы и иных периодических платежей;

- наличие между должником и ответчиком материальных правоотношений (трудовых, пенсионных и т.д.);

- непоступление денежных сумм в пользу взыскателя;

- получение денежной суммы должником за вычетом той суммы денежных средств, которая подлежит уплате в счет задолженности;

- наличие возможности у ответчика на момент удержания с должника денежной суммы перечислить денежные средства взыскателю;

- установление размера и просрочки удержанной денежной суммы с должника.

В соответствии со ст. 113 ФЗ «Об исполнительном производстве» при нарушении положений исполнительного законодательства виновное лицо подвергается административной или уголовной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации. Дополнительной ответственностью лица, которое осуществляет выплаты заработной платы и иных периодических платежей, является имущественная ответственность, которая предусматривает дополнительные гарантии защиты прав взыскателя.

Однако такая защита прав взыскателя является неэффективной и нецелесообразной [7, с. 154]. Поскольку повторное обращение в суд предполагает и несение повторных расходов, то дополнительная защита прав и законных интересов взыскателя со стороны законодателя в данном случае не усматривается. Стоит отметить, что взыскатель может получить лишь проценты на сумму долга по ст. 395 ГК РФ. Обозначим, что сумма административного штрафа поступает в бюджет, взыскатель кроме присужденной денежной суммы по исполнительному документу получает незначительную в денежном выражении защиту своих субъективных прав.

Для того чтобы иметь представление о получаемой сумме должником, произведем расчеты. Пусть сумма задолженности составляет 100 000 рублей, период просрочки 30 дней, тогда конечная сумма, которую получит взыскатель, будет равна $100\,000 \text{ рублей} * 30 * 6 \% / 366 = 491,80 \text{ рубля}$. Установление законодателем неустойки за каждый

день просрочки представляется более значимым в денежном выражении.

Следующий способ защиты прав взыскателя закреплен не в главе 17 ФЗ «Об исполнительном производстве», а регулируется ст. 114 главы 15 упомянутого нормативного акта. Речь пойдет о привлечении банка или иной кредитной организации к ответственности за неисполнение исполнительного документа. Судебный пристав-исполнитель наделяется полномочиями по составлению протокола об административном правонарушении и направлению в арбитражный суд заявления о привлечении банка или иной кредитной организации к административной ответственности. В статье 17.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (далее – КоАП РФ) предусмотрена административная ответственность в случае невыполнения банком или иной кредитной организацией содержащегося в исполнительном документе требования о взыскании денежных средств с должника [8]. Административный штраф на банк или иную кредитную организацию накладывается в размере половины от денежной суммы, подлежащей взысканию с должника, но не более одного миллиона рублей. Кроме того, согласно ст. 332 АПК РФ, за неисполнение судебного акта арбитражного суда на банк может быть наложен судебный штраф. Указанные суммы перечисляются в бюджет, а не в пользу взыскателя. Представляется целесообразным предусмотреть гражданско-правовую ответственность банков и иных кредитных организаций в виде неустойки, которая будет взиматься в пользу взыскателя.

На сегодняшний день исполнение судебных решений находится на низком уровне. В 2020 году общее количество исполнительных производств, находящихся на исполнении в отчетном периоде по исполнительным документам, выданным судами общей юрисдикции, составило 27 691 325. Окончено из них лишь 5 273 453, т. е. всего 19 % [9]. В связи с этим дискуссия о возможности обращения взыскания на единственное жилое помещение, пригодное для проживания должника и членов его семьи, набирает обороты и не теряет своей актуальности. В Постановлении от 14 мая 2012 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой ст. 446 ГПК РФ в связи с жалобами граждан Ф. Х. Гумеровой и Ю. А. Шикунова» Конституционный Суд указал, что имущественные интересы должника не должны соблюдаться в ущерб имущественным интересам кредиторов (взыскателей) [10]. Иммунитет, установленный в отношении единственного пригодного для жилья помещения, не может рассматриваться как абсолютный и чрезмерно ограничивать права кредитора. По мнению Конституционного Суда, иммунитет не должен распространяться на все жилое помещение, а только на ту площадь, которая является необходимой для проживания должника и

членов его семьи. Тем не менее положение абзаца второго части первой ст. 446 ГПК РФ не было признано КС РФ противоречащим Конституции РФ, такое решение обусловлено определенными причинами. В частности, отсутствие законодательно закрепленного определения, каким разумным параметрам должно соответствовать жилое помещение для обеспечения нормального уровня существования должника и членов его семьи, может неизбежно повлечь проблемы произвольной трактовки в правоприменительной практике.

Рассмотренное Постановление КС РФ было принято в далеком 2012 году. Попытки внесения изменений в Гражданский процессуальный кодекс были предприняты в 2016 году, однако реальных поправок по настоящее время в законодательство внесено так и не было. Проект Федерального закона «О внесении изменений в ГПК РФ, СК РФ и ФЗ “Об исполнительном производстве”» по состоянию на 30.12.2016 г. (далее – Законопроект) допускает возможность ограничения пределов имущественного иммунитета единственного жилья, которое по своим параметрам превышает разумные потребности. Вместе с тем Законопроект устанавливает, что новое жилье, приобретаемое должником взамен, должно соответствовать норме предоставления жилого помещения с учетом членов семьи, проживающих совместно с должником. Получается некое совмещение норм жилищного и гражданского законодательства. В ЖК РФ указано, что норма предоставления применима к договору социального найма, однако должнику жилое помещение принадлежит на праве собственности [11]. Нельзя не учитывать различие в правовой природе и целях предоставления жилья по договору социального найма и принадлежности его лицу на праве собственности. Нормированность же площади жилья в социальном фонде объясняется, с одной стороны, обеспечительными возможностями государства, муниципалитетов, с другой стороны, количеством нуждающихся и пригодностью жилых помещений для проживания.

Однако четкие критерии жилья, на которое может быть обращено взыскание, не определены. Более того, не установлено, по каким категориям дел возможно применение такой принудительной меры исполнения. Так как кредитные и микрофинансовые организации не всегда досконально проверяют платежеспособность клиента при выдаче кредита и одобряют заявку, это может привести к злоупотреблениям со стороны кредиторов, уверенных в том, что их требования по обязательствам в любом случае должником будут исполнены. Заметим, что сама идея в целом и предлагаемый Законопроект в частности требуют на сегодняшний день дополнительной проработки и корректировки.

Резюмируя исследование вопроса о способах защиты прав взыскателя в исполнительном производстве уместно обратиться к словам президента Международного союза судебных исполнителей

Жак Иснара, произнесенным на XIX Всемирном конгрессе Союза: «Невозможно существование государства без закона, закона без судьи и судебного решения без судебного исполнителя» [12, с. 5] Действительно, отсутствие налаженного функционирования процессуального механизма по исполнению судебных актов и актов иных органов указывает на незавершенность процесса правосудия.

Для обеспечения прав и законных интересов взыскателя в исполнительном производстве и устранения пробелов действующего исполнительного законодательства целесообразно внести следующие поправки и дополнения.

Предлагается дополнить главу 15 ФЗ «Об исполнительном производстве» статьей следующего характера: «За нарушение предусмотренного ч. 3 ст. 98 законодательства Российской Федерации об исполнительном производстве срока, а также за невыполнение (задержку) перевода удержанных денежных средств из заработной платы и иных доходов должника в пользу взыскателя виновное лицо уплачивает кредитору за каждый день просрочки неустойку (пеню) в размере 0,1 %».

Дополнить ст. 114 ФЗ «Об исполнительном производстве» в следующей редакции: «За нарушение предусмотренного ч. 5 ст. 70 законодательства Российской Федерации об исполнительном производстве срока, а также невыполнение (задержку) перевода денежных средств в пользу взыскателя, банк или иная кредитная организация уплачивает кредитору за каждый день просрочки неустойку (пеню) в размере 0,1 %».

Дополнить проект Федерального закона «О внесении изменений в ГПК РФ, СК РФ и ФЗ “Об исполнительном производстве”» по состоянию на 30.12.2016 и определить, по каким категориям дел возможно обращение взыскания на единственное жилое помещение, а также обозначить параметры жилья, подлежащего взысканию.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Общая теория права: учебник: в 2 т. Москва: Юрид. лит., 1981. Т. 1. 356 с. URL: <http://kursach.com/biblio/0010002/000.htm>.
2. Абрамова Е. Н. Гражданское право: учебник: в 3 т. Москва: Проспект, 2016. Т. 1. 1008 с. URL: <https://may.alleng.org/d/jur/jur771.htm>.
3. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. Москва: Статут, 2001. 411 с. URL: <https://civil.consultant.ru/elib/books/1>.
4. Вершинин А. П. Выбор способа защиты гражданских прав. Санкт-Петербург, 2000. 384 с.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019, с изм. от 12.05.2020) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 9. Ст. 773. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.
6. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 21.05.2020) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

URL: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002000032000&docid=15>.

7. Горбаль М. Н. Проблемы защиты прав взыскателя и должника в исполнительном производстве России // Наука: прошлое, настоящее, будущее: сб. ст. Международной науч.-практ. конф. Уфа, 2017. С. 154–156. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29373917>.

8. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 1. URL: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002002001000&docid=98>.

9. Основные показатели деятельности ФССП РФ за январь-март 2020. URL: <http://fssprus.ru/indicators> (дата обращения: 06.05.2020)

10. Постановление Конституционного Суда от 14.05.2012 № 11-П. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129823 (дата обращения: 06.05.2020).

11. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1. Ст. 14. URL: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002005001000&docid=118>.

12. Исполнительное производство: учебник / под общ. ред. В. В. Яркова. Москва: Статут, 2020. 576 с. URL: http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/ispolnitelnoe_proizvodstvo_uchebnik/.

References

1. Alekseev S. S. *Obshchaya teoriia prava: uchebnik: v 2 t.* [General theory of law: textbook: in 2 vols.]. Moscow: Iurid. lit., 1981, vol. 1, 356 p. Available at: <http://kursach.com/biblio/0010002/000.htm> [in Russian].
2. Abramova E. N. *Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 3 t.* [Civil law: textbook: in 3 vols.]. Moscow: Prospekt, 2016, vol. 1, 1008 p. Available at: <https://may.alleng.org/d/jur/jur771.htm> [in Russian].
3. Gribanov V. P. *Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav* [Exercise and protection of civil rights]. Moscow: Statut, 2001, 411 p. Available at: <https://civil.consultant.ru/elib/books/1> [in Russian].
4. Vershinin A. P. *Vybor sposoba zashchity grazhdanskikh prav* [Choice of the way of civil rights protection]. Saint Petersburg, 2000, 384 p. [in Russian].
5. *Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii. Chast' pervaya ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 16.12.2019, s izm. ot 12.05.2020)* [Civil Code of the Russian Federation. Part one as of 30.11.1994, no. 51-FZ (revised 16.12.2019, as revised in 12.05.2020)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 1996, no. 9, Article 773. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142 [in Russian].
6. *Nalogovyi kodeks Rossiiskoi Federatsii. Chast' vtoraya ot 05.08.2000 № 117-FZ (red. ot 21.05.2020)* [Tax Code of the Russian Federation. Part two as of 05.08.2000 № 117-FZ (revised 21.05.2020)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2000, no. 32, Article 3340. Available at: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002000032000&docid=15> [in Russian].
7. Gorbali` M. N. *Problemy zashchity prav vzyiskatel'ia i dolzhnika v ispolnitel'nom proizvodstve Rossii* [Problems

- of protecting the rights of the claimant and debtor in the enforcement proceedings of Russia]. In: *Nauka: proshloe, nastoiashchee, budushchee: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Science: past, present, future: collection of articles of the International research and practical conference]. Ufa, 2017, pp. 154–156. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29373917> [in Russian].
8. *Kodeks ob administrativnykh pravonarusheniakh Rossiiskoi Federatsii ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 24.04.2020)* [Code of Administrative Offenses of the Russian Federation as of 30.12.2001 № 195-FZ (revised 24.04.2020)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2002, no. 1, Article 1. Available at: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002002001000&docid=98> [in Russian].
9. *Osnovnye pokazateli deiatel'nosti FSSP RF za ianvar'-mart 2020* [Main performance indicators of the Federal Bailiff Service of the Russian Federation for January-March 2020]. Available at: <http://fssprus.ru/indicators> (accessed 06.05.2020) [in Russian].
10. *Postanovlenie Konstitutsionnogo suda ot 14.05.2012 № 11-P* [Resolution of the Constitutional Court dated 14.05.2012 № 11-P]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129823 (accessed 06.05.2020) [in Russian].
11. *Zhilishchnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 29.12.2004 N 188-FZ (red. ot 24.04.2020)* [Housing Code of the Russian Federation dated 29.12.2004 № 188-FZ (revised 24.04.2020)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2005, no. 1, Article 14. Available at: <http://www.szrf.ru/szrf/doc.phtml?nb=100&issid=1002005001000&docid=118> [in Russian].
12. *Ispolnitel'noe proizvodstvo: uchebnik. Pod obshch. red. V. V. Iarkova* [Yarkov V. V. (Ed.) Enforcement proceeding: textbook]. Moscow: Statut, 2020, 576 p. Available at: http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/ispolnitelnoe_proizvodstvo_uchebnik [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-4-142-145
УДК 343.133

Дата: поступления статьи / Submitted: 11.08.2020
после рецензирования / Revised: 22.09.2020
принятия статьи / Accepted: 27.11.2020

Научная статья / Scientific article

К. А. Талалаев

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: talalaev.k@ya.ru

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Аннотация: Используя исторический и сравнительно-правовой методы, автор статьи исследует термин «уголовное преследование», сопоставляет его с другими схожими понятиями: «обвинение», «судебное преследование», «преследование». В статье отражен исторический процесс формирования данного понятия, а также представлены различные точки зрения ученых на проблему определения уголовного преследования. Проведенное исследование понятия «уголовное преследование» позволяет заключить, что с учетом его исторического развития, длительной эволюции в отечественном законодательстве и науке в настоящее время оно не позволяет в полной мере отразить всю процессуальную деятельность стороны обвинения. Закрепленное в статье 5 УПК РФ определение этого термина не в достаточной степени отражает специфику этого вида процессуальной деятельности. В статье предлагается определять этот термин более широко, как любую процессуальную деятельность стороны обвинения, имеющую целью изобличение лица в совершении деяния, запрещенного уголовным законом.

Ключевые слова: уголовное преследование, уголовный процесс, обвинение, предварительное расследование, судебное преследование.

Цитирование. Талалаев К. А. Уголовное преследование: проблемы определения // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 4. С. 142–145. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-142-145>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

К. А. Talalaev

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: talalaev.k@ya.ru

CRIMINAL PROSECUTION: THE PROBLEMS OF DEFINITION

Abstract: The author of the article uses historical and comparative legal research methods and studies the term «criminal prosecution». The term criminal prosecution is compared with other similar concepts in the article. The author examines the historical process of formation of this concept. The author of the article will outline the content of the discussion about the term criminal prosecution. The modern definition of this term is not correct in the criminal procedure law of the Russian Federation. The author proposes a new definition of the term. Criminal prosecution is the procedural activity of the prosecution in order to expose a person of committing an act prohibited by the criminal law.

Key words: criminal prosecution, criminal process, accusing, preliminary investigation, judicial prosecution.

Citation. Talalaev K. A. *Ugolovnoe presledovanie: problemy opredeleniia* [Criminal prosecution: the problems of definition]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 4, pp. 142–145. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-142-145> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Кирилл Андреевич Талалаев – аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики, юридический факультет, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Область научных интересов: уголовное преследование, уголовный процесс, обвинение, предварительное расследование, судебное преследование.

В Уставе уголовного судопроизводства 1864 года (далее – УУС 1864 г.) использовалось сразу несколько схожих понятий «уголовное преследование», «судебное преследование», «преследование», «уголовный иск». Определение и соотношение этих терминов как в дореволюционной, так и в современной процессуальной литературе является дискуссионным.

Занимавшийся исследованием данной проблемы Р. В. Мазюк отмечает, что непосредственное

© Kirill A. Talalaev – postgraduate student of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Research interests: criminal prosecution, criminal process, accusing, preliminary investigation, judicial prosecution.

влияние на содержание понятий «уголовное преследование», «судебное преследование», «преследование», «уголовный иск» оказали аналогичные институты из французского Code d'instruction criminelle 1808 (далее – Кодекс уголовного преследования 1808 г.). Незрелость российской юридической техники XIX в., неразграниченность отраслей права, а также кризисное состояние политической и экономической сферы фактически исключали разработку законов высокого право-

вого уровня. Многие институты и термины были заимствованы из уголовно-процессуальных актов зарубежных стран, в основном, Германии и Франции. При этом разработчики УУС 1864 г. стремились придать иноязычным терминам адекватное для отечественного уголовного процесса содержание [1].

В Кодексе уголовного расследования 1808 г. использовалось понятие *l'action publique*, ставшее прототипом категории «уголовное преследование» в УУС (ст. 529, 542 и 772 УУС 1864 г.). Статьи 529, 542 и 772 УУС регулировали порядок приостановления, прекращения или возобновления уголовного преследования. Во французском кодексе этот термин переводился как «публичный иск». Использование в УУС 1864 г. термина уголовное, а не публичное преследование, как обоснованно отмечается в литературе, было связано с историческими особенностями употребления термина «публичный» (синонимы «всенародный», «вселюдный») в российском праве. В этом смысле понятие «уголовное преследование» при переводе термина *l'action publique* семантически в большей степени отражало содержание процессуальной деятельности, осуществляемой от имени и в интересах государства [1].

Другим термином, который использовался в УУС 1864 г. как одна из разновидностей «уголовного преследования», стал термин «преследование судебное». Раскрывалось это понятие в ст. 1, 252, 253 УУС. В отличие от других терминов, характеризующих уголовное преследование, к судебному преследованию относилась только судебная деятельность прокурора по предъявлению и поддержанию обвинения в суде. Таким образом деятельность по судебному преследованию не включала меры, принимаемые органом дознания для предупреждения и пресечения преступлений, хотя такая деятельность являлась реализацией уголовного преследования.

В УУС также использовался термин «уголовный иск» (ст. 5 и 593). Уголовный иск противопоставлялся гражданскому иску, как частные интересы в уголовном процессе противопоставляются интересам публичным. Данный термин в УУС 1864 г. раскрывал содержание прав потерпевшего требовать привлечения виновного к уголовной ответственности, а также получить от осужденного материальное возмещение за причиненный вред, возмещение по гражданскому иску [1]. Такой подход законодателя современниками объяснялся неумением вплоть до судебной реформы отличать частный интерес от общественного, гражданское дело от уголовного, что влекло многочисленные ошибки на практике.

Кодексу уголовного расследования 1808 г. также был известен термин «преследование», определявшийся узко, как уголовное преследование конкретного лица. Другие аналогичные термины французского кодекса понимались в широком смысле как потенциальная возможность применения принуждения со стороны государства к лицам, совершившим преступление [1].

Подводя итоги обсуждения понятий «уголовное преследование», «судебное преследование», «преследование», «уголовный иск», можно сказать, что эти термины имели схожее, но не идентичное содержание и в целом каждый из этих терминов являлся элементом сложного, дифференцированного термина «уголовное преследование». В частности, термин «судебное преследование» не включал деятельность в сфере дознания, осуществляемую полицией, и характеризовал только судебную деятельность прокурора по предъявлению и поддержанию обвинения в суде. Данное понимание соответствует юридической технике французского Кодекса уголовного расследования 1808 г., где использовался аналогичный дифференцированный подход к определению термина «уголовное преследование».

В советский период развития уголовного процесса термин «уголовное преследование» стал одной из наиболее разработанных в науке и значимых для уголовного процесса категорий. В УПК РСФСР 1923 г. содержание этого термина раскрывалось в ст. 4 и 9, где под уголовным преследованием понималась избобличительная деятельность стороны обвинения с момента возбуждения уголовного дела как в отношении конкретного лица, так и по определенному факту [2, с. 88–89].

Данное определение уголовного преследования было сформулировано сначала в науке профессором М. А. Чельцовым, а затем было легализовано в УПК РСФСР 1923 г. Однако обсуждаемый термин в науке советского уголовного процесса продолжал оставаться дискуссионным [3, с. 194]. В частности, с позицией М. А. Чельцова не соглашался М. С. Строгович, который относил к уголовному преследованию только обвинительную деятельность уполномоченных должностных лиц в отношении конкретного лица [4, с. 65]. Он, не соглашаясь с М. А. Чельцовым, писал: «Уголовное преследование может иметь место только в отношении определенного лица. Возбуждение уголовного дела производится в отношении факта, события, содержащего признаки преступления (*in rem*), тогда как возбуждение уголовного преследования производится в отношении лица, избобличаемого в совершении преступления (*in personam*)» [5, с. 253.].

В поздний советский период дискуссии относительно содержания термина «уголовное преследование» продолжились, однако в принятом УПК РСФСР 1960 г. обсуждаемый термин отсутствовал. Необходимо отметить длительный и стабильный период действия УПК РСФСР 1960 г., что, в частности, обуславливалось высокой юридической техникой документа. Однако термин «уголовное преследование» не появился и в более поздних редакциях УПК, что породило дальнейшие дискуссии относительно определения этого термина.

Можно говорить лишь об упоминании уголовного преследования в некоторых нормативных актах и решениях высших судебных органов РФ, принятых существенно позже

(ФЗ «О прокуратуре РФ от 17.11.1995, Уголовный кодекс РФ 1996, международные договоры и соглашения о правовой помощи, подписанные и ратифицированные РФ).

Отдельно необходимо отметить активную деятельность Конституционного Суда РФ в начале XXI в. В этот период УПК РСФСР, который применялся уже почти сорок лет, не обеспечивал реализацию целей и задач, обозначенных в Конституции РФ 1993 г., безнадежно устарел. В период подготовки нового УПК РФ роль связующего звена между устаревшим УПК РСФСР 1960 г. и новой социально-политической действительностью Российской Федерации взял на себя Конституционный Суд РФ, который в этот исторический период вынес десятки постановлений по вопросам конституционности отдельных положений уголовно-процессуального закона (Постановление КС РФ от 27.06.2000 № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова»; Постановление Конституционного Суда РФ от 14.01.2000 № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений УПК РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки Смирновой И. П. и запросом Верховного Суда Российской Федерации»; Постановление КС РФ от 28.11.1996 № 19 «По делу о проверке конституционности статьи 418 УПК РСФСР в связи с запросом Каратузского суда Красноярского края»).

Тем не менее определение термина «уголовное преследование» в приведенных выше нормативных правовых актах и решениях Конституционного Суда РФ было непоследовательным, а зачастую и противоречивым. В законодательстве Российской Федерации этот термин объективно использовался редко. Вероятно, поэтому базовые подходы к определению уголовного преследования, предложенные Конституционным Судом РФ, так и не нашли законодательного закрепления.

В 2001 г. в результате активного влияния американских экспертов был принят новый для России Уголовно-процессуальный кодекс. Пересмотру и обновлению были подвергнуты многие процессуальные институты и категории. Многие советские термины были переопределены. Также необходимо отметить, что после длительного периода забвения в новом Уголовно-процессуальном кодексе вновь стал активно использоваться термин «уголовное преследование», который был изложен в новой интерпретации.

Термин «уголовное преследование» в УПК РФ 2001 г. используется по тексту всего документа, ему дается определение. В этой связи можно говорить о том, что это понятие является одной из основополагающих и универсальных категорий уголовно-процессуального закона, используемых при раскрытии содержания многих процессуальных институтов.

В пункте 55 ст. 5 УПК РФ дано официальное определение понятию «уголовное преследование», под которым теперь следует понимать процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Кроме того, данным термином обозначено и название главы 3 УПК РФ, которая предоставляет возможность раскрыть сущность этого понятия, включая положения о видах уголовного преследования, о том, кто обязан его осуществлять, о правах потерпевших на участие в уголовном преследовании, а также про привлечение к уголовному преследованию по заявлению коммерческой или иной организации.

Однако действующий уголовно-процессуальный закон породил дискуссию о соотношении функции уголовного преследования и функции обвинения.

В пункте 22 ст. 5 УПК РФ раскрывается понятийный аппарат обвинения, согласно которому «обвинение представляет собой утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном настоящим Кодексом». То есть данное обозначение можно рассматривать как окончательное установление конкретного лица, причастного к совершенному общественно опасному деянию. Во всех случаях понятие обвинения должно подразумеваться как одна из составных частей уголовного преследования. При обращении к практике Конституционного Суда Российской Федерации становится очевидным, что функция обвинения заключается в возбуждении уголовного преследования, формулировании обвинения и отстаивании его в суде» (Определение Конституционного Суда РФ от 06.03.2003 № 104-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Бокситогорского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности части первой статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»). Приведенная позиция Конституционного Суда Российской Федерации о том, что функция обвинения реализуется посредством возбуждения уголовного преследования, формулирования обвинения и его поддержания перед судом, является бесспорной, но, в свою очередь, невозможно отождествление возбуждения уголовного преследования с уголовным преследованием, так как первое является началом второго. Таким образом, понятия «уголовное преследование» и «функция обвинения» нетождественны, так как уголовное преследование является более широким понятием и представляет собой процессуальную деятельность, посредством которой реализуется функция обвинения. Более того, уголовное преследование и функция обвинения имеют различия в целях, процедуре, субъектах и объеме [6, с. 54].

Разработчики УПК РФ уклонились от разрешения дискуссий, связанных с определением термина «уголовное преследование», выбрав нейтральное

умеренно-расширительное толкование рассматриваемого понятия. Как следует из определения термина «уголовное преследование» в УПК РФ 2001 г., законодатель попытался сохранить самостоятельное смысловое значение у термина «уголовное преследование», пытаясь отграничить его от схожих понятий «обвинение», «расследование», «производство по уголовному делу».

Проведенное исследование понятия «уголовное преследование» позволяет заключить, что с учетом его исторического развития, длительной эволюции в отечественном законодательстве и науке в настоящее время оно не позволяет в полной мере отразить всю процессуальную деятельность стороны обвинения. Закрепленное в статье 5 УПК РФ определение этого термина не в достаточной степени отражает специфику этого вида процессуальной деятельности.

По-прежнему в законе недостаточно конкретно определен начальный этап уголовного преследования, на должном уровне не обеспечивается реализация конституционных прав личности. Как представляется, начальным моментом уголовного преследования является совершение любых процессуальных и следственных действий, содержание которых дает основание лицу полагать, что в отношении него осуществляется проверка на причастность его к совершению преступления. Процессуальный статус подозреваемого и обвиняемого является фактическим и признается вне зависимости от наличия у конкретного лица определенного процессуального статуса, в любой стадии процесса [7]. Сформулированное в таком виде определение уголовного преследования не охватывает собой деятельность стороны обвинения, направленную на применение к лицу принудительных мер медицинского характера и принудительных мер воспитательного воздействия. Представляется, что определение уголовного преследования как процессуальной деятельности, осуществляемой стороной обвинения в целях изобличения лица в совершении деяния, запрещенного уголовным законом, более полно определяет цели и характер данной процессуальной деятельности.

Библиографический список

1. Мазюк Р. В. Об использовании понятий «уголовное преследование», «судебное преследование», «преследование» в уставе уголовного судопроизводства 1864 г // Глаголь правосудия. 2014. № 2 (8). С. 29–33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-ispolzovanii-ponyatiy-ugolovnoe-presledovanie-sudebnoe-presledovanie-v-ustave-ugolovno-sudoproizvodstva-1864-g> (дата обращения: 02.09.2020); <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25292151>.
2. Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. Москва: Госюриздат, 1951. 511 с.
3. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 1. Москва: Наука, 1968. 468 с. URL: <http://kalinovskiy-k.narod.ru/b/strogovich/Strogovich.html>.

4. Строгович М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. Москва: Изд-во АН СССР, 1951. 191 с.

5. Строгович М. С. Уголовный процесс: учебник. Москва: Изд-во МЮ СССР, 1946. 511 с.

6. Сухарева Н. Д. Прекращение уголовного преследования на стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Иркутск, 2002. 178 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/prekrashchenie-ugolovnoego-presledovaniya-na-stadii-predvaritelnogo-rassledovaniya>.

7. Агабеков К. С. О начале уголовного преследования в условиях охранительного правосудия // Мировой судья. 2019. № 1. С. 14–18. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36685769>; <https://wiselawyer.ru/poleznoe/94589-nachale-ugolovnoego-presledovaniya-usloviyakh-okhranitel'nogo-pravosudiya>.

References

1. Mazyuk R. V. *Ob ispol'zovanii ponyatii «ugolovnoe presledovanie», «sudebnoe presledovanie», «presledovanie» v ustave ugolovnoego sudoproizvodstva 1864 g.* [About the use of the term «criminal prosecution», «judicial prosecution», «prosecution» in the Statute of criminal proceedings 1864]. *Glagol' pravosudiia* [Glagol of Justice], 2014, no. 2 (8), pp. 29–33. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-ispolzovanii-ponyatiy-ugolovnoe-presledovanie-sudebnoe-presledovanie-presledovanie-v-ustave-ugolovnoego-sudoproizvodstva-1864-g>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25292151> (accessed 02.09.2020) [in Russian].
2. Cheltsov M. A. *Sovetskii ugolovnyi protsess* [Soviet criminal procedure]. Moscow: Gosjurizdat, 1951. 511 p. [in Russian].
3. Strogovich M. S. *Kurs sovetskogo ugolovnoego protsessa: v 2 t. T. 1* [Course of the Soviet criminal process: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow: Izdatel'stvo «Nauka», 1968, 468 p. Available at: <http://kalinovskiy-k.narod.ru/b/strogovich/Strogovich.html> [in Russian].
4. Strogovich M. S. *Ugolovnoe presledovanie v sovetskom ugolovnom protsesse* [Criminal prosecution in the Soviet criminal process]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1951, 191 p. [in Russian].
5. Strogovich M. S. *Ugolovnyi protsess: uchebnik* [Criminal procedure: textbook]. Moscow: Izd-vo MIU SSSR, 1946, 511 p. [in Russian].
6. Sukhareva N. D. *Prekrashchenie ugolovnoego presledovaniia na stadii predvaritel'nogo rassledovaniia: dis. ... kand. iurid. nauk: 12.00.09* [Termination of criminal prosecution at the stage of preliminary investigation: Candidate's of Legal Sciences thesis: 12.00.09]. Irkutsk, 2002, 178 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/prekrashchenie-ugolovnoego-presledovaniya-na-stadii-predvaritelnogo-rassledovaniya> [in Russian].
7. Agabekov K. S. *O nachale ugolovnoego presledovaniia v usloviakh okhranitel'nogo pravosudiia* [On Initiation of Criminal Proceedings in the Conditions of Protective Justice]. *Mirovoi sud'ia* [Magistrate Judge], 2019, no. 1, pp. 14–18. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36685769>; <https://wiselawyer.ru/poleznoe/94589-nachale-ugolovnoego-presledovaniya-usloviyakh-okhranitel'nogo-pravosudiya> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-4-146-152
УДК 343.98

Дата: поступления статьи / Submitted: 24.09.2020
после рецензирования / Revised: 30.10.2020
принятия статьи / Accepted: 27.11.2020

Научная статья / Scientific article

М. В. Сырецкий

Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Омск, Российская Федерация
E-mail: msyrecky@yandex.ru

ВИДЕОРЕГИСТРАТОР – ИСТОЧНИК КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЯМИ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В СФЕРЕ ПАССАЖИРСКИХ ПЕРЕВОЗОК

Аннотация: В статье затронуты вопросы влияния негативных факторов на осмотр места дорожно-транспортного происшествия при расследовании преступлений, связанных с нарушениями правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в сфере пассажирских перевозок. Обращено внимание на то, что видеозапись служит одним из ресурсов криминалистически значимой информации о произошедшем ДТП, одним из источников которой являются видеорегистраторы. Определены задачи, решаемые при исследовании данных с регистраторов. Приведена классификация устройств в зависимости от вида транспортных средств, оборудованных ими. Рассмотрены вопросы обнаружения, изъятия и использования информации с видеорегистраторов. Проанализированы технические особенности и возможности видеорегистраторов, имеющие непосредственное отношение к анализу информации о произошедшем событии. Затронута специфика процесса записи потоковых данных (RAW-видеопоток) на устройстве в момент аварийного завершения работы регистратора в результате ДТП, а также особенности обеспечения сохранности информации и ее изъятия. Указаны виды и возможности криминалистических экспертиз, объектом исследования которых впоследствии может стать запись с видеорегистратора. Поднимается вопрос о необходимости проведения разъяснительной работы следователем с участниками и очевидцами ДТП с целью предотвращения невозвратной утери информации о происшествии, содержащейся на их устройствах.

Ключевые слова: расследование дорожно-транспортных происшествий, осмотр, транспортные средства, пассажирские перевозки, видеорегистратор, видеозапись.

Цитирование. Сырецкий М. В. Видеорегистратор – источник криминалистически значимой информации при расследовании преступлений, связанных с нарушениями правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в сфере пассажирских перевозок // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 4. С. 146–152. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-146-152>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

M. V. Syretsky

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russian Federation
E-mail: msyrecky@yandex.ru

VIDEO RECORDER IS A SOURCE OF CRIMINALLY SIGNIFICANT INFORMATION IN INVESTIGATING CRIMES RELATED TO VIOLATIONS OF ROAD TRAFFIC AND VEHICLE OPERATION IN THE PASSENGER TRAFFIC SPHERE

Abstract: The article touches upon the issues of the influence of negative factors on the inspection of the scene of a traffic accident in the investigation of crimes related to violations of traffic rules and the operation of vehicles in the field of passenger transportation. Attention is drawn to the fact that video recording is one of the resources of forensically significant information about an accident that has occurred, one of the sources of which are video recorders. The tasks to be solved when examining data from recorders are determined. The classification of devices is given depending on the type of vehicles equipped with them. The issues of detection, seizure and use of information from video recorders are considered. The technical features and capabilities of DVRs are analyzed, which are directly related to the analysis of information about the event. The specifics of the process of recording streaming data (RAW video stream) on the device at the time of the emergency shutdown of the recorder as a result of an accident, as well as the peculiarities of ensuring the safety of information and its withdrawal are touched upon. The types and possibilities of forensic examinations are indicated, the object of research of which can subsequently be a recording from a video recorder. The question is raised about the need for an explanatory work by the investigator with the participants and eyewitnesses of the accident in order to prevent the irrevocable loss of information about the accident contained on their devices.

Key words: investigation of road traffic accidents, inspection, vehicles, passenger traffic, video recorder, video recording.

Citation. Syretsky M. V. *Videoregistrators – sources of criminally significant information in investigating crimes related to violations of road traffic and vehicle operation in the passenger traffic sphere*. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 4, pp. 146–152. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-146-152> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© **Михаил Викторович Сырецкий** – майор полиции, преподаватель кафедры криминалистики, Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 644092, Российская Федерация, г. Омск, проспект Комарова, 7.

Тема планируемой кандидатской диссертации «Методика расследования преступлений, связанных с нарушениями правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в сфере пассажирских перевозок» Автор и соавтор 10 научных работ, в том числе научных статей «Противодействие при расследовании нарушения ПДД и эксплуатации транспортных средств в сфере пассажирских перевозок» (2018), «Понятие следственной ситуации в методике расследования преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в сфере пассажирских перевозок» (2018), «Роль способа совершения преступления в методике расследования преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в сфере пассажирских перевозок» (2019), «Элементы криминалистической характеристики преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в сфере пассажирских перевозок» (2019), «Осмотр места происшествия как способ преодоления противодействия расследованию преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в сфере пассажирских перевозок» (2020)

Область научных интересов: организационно-тактическая деятельность следователя по производству следственных действий; организация, планирование и методика расследования отдельных видов и групп преступлений.

Безопасность дорожного движения является одной из важных социально-экономических и демографических задач в нашей стране. Согласно утвержденной Правительством Российской Федерации концепции федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах», «аварийность на автомобильном транспорте наносит огромный материальный и моральный ущерб как обществу в целом, так и отдельным гражданам. Дорожно-транспортный травматизм приводит к исключению из сферы производства людей трудоспособного возраста. Ежегодно в Российской Федерации в результате дорожно-транспортных происшествий погибают и получают ранения свыше 270 тыс. человек» [1].

© **Mikhail V. Syrecky** – police major, lecturer at the Department of Criminalistics, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 7, Komarov Avenue, Omsk, 644092, Russian Federation.

Subject of the planned Candidate's thesis: «Methods of investigating crimes related to violations of traffic rules and the operation of vehicles in the field of passenger transportation». Author and coauthor of 10 scientific papers, including scientific articles «Counteraction in the investigation of traffic violations and the operation of vehicles in the field of passenger transportation» (2018), «The concept of an investigative situation in the method of investigating crimes related to violation of traffic rules and the operation of vehicles in the field of passenger transportation» (2018), «The role of the method of committing a crime in the method of investigating crimes related to violation of traffic rules and operation of transport means in the field of passenger transportation» (2019), «Elements of the criminalistic characteristics of crimes related to violation of traffic rules and the operation of vehicles in the field of passenger transportation» (2019), «Inspection of the scene as a method of remediation of counteraction to the investigation of crimes related to violation of traffic rules and the operation of vehicles in the field of passenger transportation» (2020).

Research interests: organizational and tactical activities of the investigator for the production of investigative actions; organization, planning and methods of investigation of certain types and groups of crimes.

Статистические данные, опубликованные на официальном сайте Госавтоинспекции ГУОБДД МВД России, свидетельствуют о немалом числе дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) совершаемых по вине водителей, осуществлявших перевозки граждан [2], каждое из которых вызывает большой общественный резонанс. Перечисленные факторы обуславливают значимость минимизации нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в сфере пассажирских перевозок (см. таблицу).

Анализ судебно-следственной практики преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в сфере пассажирских перевозок, свидетельствует о том, что осмотр места происшествия

Таблица

Статистические данные аварийности по причинам нарушения ПДД водителями

Данные аварийности по причинам нарушения ПДД водителями									
	Автобусов			Троллейбусов			Трамваев		
	Кол-во ДТП	Погибло	Ранено	Кол-во ДТП	Погибло	Ранено	Кол-во ДТП	Погибло	Ранено
2015	4996	324	7842	329	5	406	157	9	215
2016	5294	257	8194	402	10	434	149	7	201
2017	5608	324	8693	339	3	383	133	1	158
2018	5815	269	8854	321	4	376	149	7	223
2019	5535	246	8785	319	4	402	145	5	179
январь-апрель 2020	1189	47	1789	47	1	48	29	3	30

осуществлялся в 100 % изученных нами дел. Он является первоначальным следственным действием, привносящим в расследование существенную часть криминалистически значимой информации благодаря анализу совокупности материальных и идеальных следов. Место происшествия – это всегда мир вещей, следов и отношений, уникальное хранилище комплекса самой разнообразной информации [3, с. 190]. Т. В. Демидова достаточно точно отметила, что тщательное и детальное изучение всей системы следов и объектов, имеющих на месте происшествия, позволяет следователю восстановить полную картину события и проследить динамику происшедшего события [4, с. 45]. Неквалифицированное проведение осмотра приводит к невозможным утратам следов и вещественных доказательств, так как восполнить пробелы, допущенные на первоначальном осмотре, путем проведения повторных осмотров уже вряд ли удастся [5, с. 53].

Несмотря на сложность и изменчивость обстановки, продиктованной, в том числе динамичностью и скоротечностью ДТП, участниками которого стали транспортные средства, осуществляющие пассажирские перевозки, задачи, стоящие перед лицом, производящим осмотр места происшествия, по большей мере такие же, как и по другим видам преступлений. Они включают в себя обнаружение, фиксацию и изъятие следов, их предварительное исследование, а также выявление сопутствующей информации, позволяющей произвести всесторонний анализ произошедшего события.

К числу неблагоприятных аспектов, влияющих на качественную составляющую результата рассматриваемого следственного действия, можно отнести недолговечность обстановки ДТП в результате воздействия на нее следующих факторов:

- погодных условий;
- динамичности движения – следы на месте происшествия подвержены уничтожению почти сразу же после их образования проезжающими мимо другими транспортными средствами;
- необходимостью возобновления движения в кратчайшие сроки, так как его остановка влияет на многие стороны общественной деятельности;
- умышленных и непреднамеренных действий участников ДТП и иных лиц, находящихся на месте.

Предотвратить влияние указанных негативных факторов, а следовательно, избежать вызываемых ими последствий, можно посредством своевременного выезда на место происшествия, грамотного и тщательного проведения его осмотра, который «является процессуальным действием состоящим в непосредственном восприятии, исследовании, оценке и фиксации состояния, свойств и признаков материальных объектов с целью выявления фактических данных (доказательств) и выяснения обстоятельств, имеющих значение для установления истины по делу» [6, с. 18].

Одним из ресурсов криминалистически значимой информации о произошедшем ДТП, а также событиях предшествующих и происходящих по-

сле, является видеозапись, источниками которой могут выступать:

- видеорегистраторы;
- камеры наружного наблюдения;
- иные видеозаписывающие устройства – фото-, видеоаппаратура, смартфоны, планшеты, на которые очевидцы, а также участники происшествия фиксируют ситуацию, либо момент ДТП вообще случайно попадает в кадр сторонней записи.

Информация с видеозаписывающих устройств помогает решить ряд задач, стоящих перед расследованием, а именно:

- изучить обстановку и условия, в которых протекало происшествие;
- исследовать механизм ДТП;
- установить параметры движения непосредственно перед ДТП;
- установить, лицо, управлявшее транспортным средством;
- установить свидетелей, очевидцев происшествия.

Более подробно остановимся на вопросах обнаружения, изъятия и использования информации с видеорегистраторов при расследовании преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в сфере пассажирских перевозок, и обратим внимание на следующие обстоятельства:

- место установки устройства, запись с которого интересует правоохранительные органы;
- технические особенности и возможности приборов.

При рассмотрении первого блока обстоятельств необходимо учитывать вопросы, касающиеся, с одной стороны, непосредственного обнаружения мест крепления видеорегистратора, с другой – в чем конкретно транспортном средстве находится прибор.

В зависимости от причастности лиц к совершенному ДТП видеозаписывающее оборудование можно классифицировать на устройства, установленные в транспортном средстве:

- а) виновника ДТП;
- б) иных участников ДТП;
- в) мимо проезжающих и не участвующих в происшествии.

В свою очередь, каждое из них можно подразделить, на транспортные средства, осуществляющие пассажирские перевозки либо нет.

Выделение в особый блок видеозаписывающих приборов, установленных в транспортных средствах, осуществляющих пассажирские перевозки, выполнено нами не случайно. Это связано с тем, что в настоящее время данный вид транспорта дополнительно оснащается регистраторами, производящими фиксацию событий, происходящих внутри салона. Указанная информация имеет существенное значение при рассмотрении вопросов: о нахождении пассажиров в момент ДТП, об особенностях их травматизма, в том числе обстоятельств падения человека внутри транспортного средства, при осуществлении посадки или высад-

ки, наличия в салоне посторонних предметов, не предусмотренного конструкцией оборудования, наличия/отсутствия ремней безопасности и использования их пассажирами.

При осмотре необходимо тщательно исследовать места возможного крепления видеореги­страторов. Наиболее типичными являются передние ветровые стекла, зеркала заднего вида, «торпеды» транспортных средств. Необходимо обращать внимание на следы установки – наличие соответствующего кронштейна, двухстороннего скотча, следов креплений присосок. Приборы могут быть сбиты со штатных мест в результате ударов при столкновении либо умышленно изъяты виновниками ДТП с целью сокрытия доказательств. Также следует учитывать, что существуют зеркала заднего вида со встроенным видеозаписывающим устройством, объектив которого скрыт в корпусе зеркала. Наличие слота для карты памяти свидетельствует об интегрированном регистраторе.

При обнаружении устройства в протоколе осмотра необходимо зафиксировать его марку, модель, серийный номер, тип носителя, на который осуществляется запись, место крепления и направление ракурса записи, состояние прибора. В случае если устройство находится в исправном, рабочем состоянии, то в протоколе осмотра места происшествия отражаются дата и время, настроенные на нем. Это необходимо для дальнейшего изучения информации, сопоставления событий в хронологическом порядке, а также позволит правильно соотнести фрагменты видеозаписи с расследуемым ДТП, так как имеют место быть случаи несовпадения установок даты и времени на оборудовании с реальным временем в силу пренебрежения водителями проверкой настроек перед выездом.

В случае обнаружения исправно работающего видеореги­стратора целесообразно на месте в присутствии понятых просмотреть запись для прояснения картины ДТП, организации более полного и качественного осмотра места происшествия, установления новых обстоятельств, которые при изучении дорожной обстановки выявлены не были, соотнесения даты и времени на устройстве с реальными, установления свидетелей и очевидцев, а также скрывшихся транспортных средств. Просмотр может быть организован двумя способами: 1) на дисплее устройства; 2) с использованием ноутбука (при технической возможности просмотра с карт памяти) либо подсоединением напрямую регистратора к компьютеру при помощи кабелей. В дальнейшем в случае утраты по каким-либо причинам видеозаписи понятые будут допрошены по ее содержанию.

При установлении фактов наличия информации о расследуемом событии на видеореги­страторах, установленных на транспортных средствах, не участвовавших в происшествии, до их владельцев необходимо довести то, что запись, содержащаяся на устройстве, важна для правоохранительных органов, ее необходимо сохранить и передать следователю.

Говоря об обстоятельствах, связанных с техническими особенностями и возможностями видеореги­страторов, остановимся на некоторых из них. Они имеют непосредственное отношение к анализу информации при расследовании преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в сфере пассажирских перевозок.

Угол обзора, чем он меньше, тем минимальнее фиксируется окружающая обстановка. При его характеристике менее 120° в поле зрения попадет только то, что происходит прямо перед капотом транспортного средства.

Современные модели видеореги­страторов оснащены GPS-модулем. Во время записи в видеоролике фиксируется информация о местоположении. В дальнейшем при просмотре на компьютере можно соотнести изображение с картой. Погрешность обычно не превышает 10 метров и зависит от места установки устройства в салоне автомобиля, плотности городской застройки, рельефа местности.

Функция GPS-навигатора позволяет одновременно с видеосъемкой фиксировать не только местоположение машины, но и ее скорость, а также направление движения в соответствующий момент времени.

Некоторые устройства оснащаются модулем беспроводной связи Wi-Fi, при помощи которого соединяются видеореги­стратор и смартфон. Минимальный набор возможностей, предоставляемых приложением, – просмотр изображения с камеры прибора и перенос файлов с карты памяти устройства на телефон. Как правило, со смартфона можно произвести все настройки регистратора [7]. Об этом необходимо помнить и на месте происшествия предпринять меры, исключающие возможность заинтересованным лицам дистанционно удалить видеозапись.

Одной из существенных функций видеореги­страторов является G-сенсор – датчик, встроенный в устройство, фиксирующий колебания автомобиля в пространстве. С его помощью реализована функция аварийной записи. При фиксации удара сенсором видеопоток с информацией о дорожной обстановке, предшествующей столкновению, а также о некотором времени после него будет автоматически сохранен в отдельную папку на карте памяти как особо важный файл, не подлежащий перезаписи при циклическом режиме видеосъемки. Пользователь сам задает параметры настройки чувствительности датчика удара и интервалы времени до и после столкновения. Может возникнуть ситуация, когда данные с моментом ДТП не записываются ввиду отсутствия места на карте памяти. Причиной этого служат установки G-сенсора, при которых колебания, возникающие из-за неровности дорожного покрытия, воспринимаются последним как аварийно опасные и сохраняются непере­записываемыми файлами, заполняя всю память на флеш-карте, при этом лишняя информация своевременно не удаляется пользователем.

Немаловажной характеристикой видеорегистраторов является источник питания. В большинстве моделей в качестве резервного используются Li-Ion аккумуляторы. При низких температурах они теряют емкость и выходят из строя, что не позволяет обеспечить бесперебойную работу оборудования.

Запись на регистраторах может производиться циклически или сплошным потоком. Видео в циклическом режиме формируется в виде роликов продолжительностью 1–45 минут каждый. Устройству требуется время, чтобы сохранить файл и начать запись следующего. Такие паузы обычно составляют 1–4 секунды. Если в этот момент произойдет ДТП, то видеорегистратор не зафиксирует происшествие. Слабый процессор, плохая «прошивка» являются причинами разрывов между роликами. Недостаточная производительность используемой карты памяти, не соответствующей списку рекомендованных производителем регистратора, может стать причиной сбоя в работе прибора и увеличения пауз между файлами – видеороликами.

Так, при исследовании видеорегистратора эксперт установил, что владелец использовал карту памяти, которая имеет класс скорости (class 6), что ниже заявленного в требованиях производителя устройства (class 10). Согласно временным показателям, разница между временем завершения записи последнего файла перед возможным дорожно-транспортным происшествием и временем создания следующего файла, зафиксированным в файловой системе FAT32, составляет 5 секунд [8]. В указанный 5-секундный отрезок времени произошло ДТП, и момент происшествия не был зафиксирован видеорегистратором.

Необходимо учитывать то, что новая информация накладывается на старую, при этом прежняя удаляется. Восстановить перезаписанные данные уже невозможно. В устройствах, в которых используются накопители, имеющие сравнительно небольшой объем памяти, циклическая запись имеет небольшие временные промежутки. По этой причине несвоевременное установление свидетелей, чьи регистраторы зафиксировали ДТП, приводит к невозможной утрате криминалистически значимой информации.

Т. В. Демидова справедливо указывает, что на качество расследования дорожно-транспортных преступлений влияет множество факторов, одним из которых являются недостатки использования специальных знаний при проведении отдельных следственных действий [9, с. 4–5]. При осмотре прибора следует установить место хранения информации на видеорегистраторе. Он может быть оснащен встроенной памятью – внутренней или внешней. Существуют модели, оборудованные сразу двумя слотами microSD. Считаем, что при осмотре места происшествия по делам о ДТП, в том числе по преступлениям, связанным с нарушениями правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в сфере пасса-

жирских перевозок, требуется изымать не только флеш-карты из регистраторов, но и само устройство, в каком бы состоянии последнее ни было. Это необходимо с целью предотвращения утраты информации. Бывает и так, что прибор не успевает сохранить необходимый фрагмент данных либо они записаны, но оборудование в результате ДТП аварийно завершает свою работу, а видеопоток не отображается в меню либо не проигрывается. Причиной служит незавершение финализации файла. Техническая особенность видеозаписи на регистраторе состоит в том, что сначала пишутся потоковые данные (RAW-видеопоток), которые преобразуются оперативной памятью устройства (конвертируются в определенный формат) и после сохраняются на носитель. Оперативная память бывает двух видов – энергозависимая или нет. В первом случае внезапное отключение источника питания приводит к прерыванию операции преобразования видеопотока. Аварийное завершение работы регистратора в результате ДТП может также стать причиной приостановки указанного процесса. В данном случае не происходит финализации файла, а сохраняются только потоковые данные. При изъятии лишь флеш-карты и последующем просмотре ее содержимого на другом специально не приспособленном для этих целей оборудовании может произойти перезапись на то место, где хранится непреработанная информация с моментом ДТП. Избежать подобной ситуации поможет изъятие устройства с флеш-картой и направление объектов на компьютерную экспертизу с целью исследования информации находящейся на них.

При умышленном удалении видеозаписи с регистратора в некоторых случаях ее можно восстановить. Это зависит от особенностей реализации программного обеспечения и операционной системы конкретного устройства. Сами данные сразу не стираются, а делается пометка о том, что диск свободен для записи новых. Поэтому если необходимые сведения еще не перезаписаны, то видео можно восстановить. По этой причине носители информации необходимо как можно быстрее изымать и направлять их на исследование.

Следует учитывать тот факт, что владельцы устройства также могут удалить файлы, содержащие видеозапись предшествующих происшествию событий, на которой зафиксирована аварийно опасная езда, нарушение ПДД и другие обстоятельства, находящиеся непосредственно в причинно-следственной связи с ДТП.

В настоящее время в сети Интернет во множестве источников имеются рекомендации для участников ДТП, носящие негативный характер для всестороннего расследования события, такого рода как «заменить флеш-карту с записью и не передавать ее сразу же полицейским» [10]. Это формирует отрицательное отношение к сотрудникам, прибывшим на место ДТП, а также препятствует своевременному изучению видео должностными лицами, исследующими обстоятельства произошедшего. Ученые совершенно справедливо отме-

чают, что противодействие расследованию осуществляется еще до возбуждения уголовного дела. [11, с. 13; 12, с. 47; 13, с. 43–44]. По сути, граждане, следующие таким рекомендациям, не осознанно становятся субъектами противодействия расследованию, способом проявления которого является «утаивание информации о преступлении, ее носителях... несообщение интересующей следствию информации» [14, с. 14].

Впоследствии запись с регистратора может быть объектом исследования видеотехнической и компьютерной экспертиз. Основным назначением первой является исследование файловых структур видеозаписей в цифровом формате, установление содержания видеоматериала; выявление признаков монтажа; идентификация устройства, при помощи которого выполнялась запись. При производстве второй осуществляются поиск информации на носителе и предоставление ее органам следствия в удобном для восприятия виде. Помимо этого, в случае необходимости может назначаться портретная экспертиза, которая решает вопросы, связанные с идентификацией лица, управлявшего транспортным средством.

Подводя итог вышесказанному, считаем, что следователь, выезжающий на место происшествия, в том числе по делам, связанным с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в сфере пассажирских перевозок, должен проводить разъяснительные работы с участниками ДТП и очевидцами, доводя до их сведения значимость информации с видеорегистраторов для расследования преступления, а также правила обращения с источниками этой записи с целью предотвращения невозвратной ее утери.

При расследовании преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в сфере пассажирских перевозок, видеорегистратор может служить источником криминалистически значимой информации. Однако в силу незнания технических особенностей осуществления процесса видеозаписи, а иногда и умышленных действий заинтересованных лиц данные могут быть удалены безвозвратно. При возникновении сомнения в том, что сведения сохранятся на флеш-карте при ее извлечении с последующим просмотром на стороннем оборудовании на месте происшествия, необходимо производить изъятие устройства в каком бы оно ни было состоянии вместе с носителем информации и передавать специалисту для последующего исследования.

Библиографический список

1. Постановление Правительства РФ от 03.10.2013 № 846 (ред. от 16.05.2020) «О федеральной целевой программе “Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах”». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/499048500>.

2. Официальный сайт Госавтоинспекции ГУОБДД МВД России. URL: <http://www.gibdd.ru/stat> (дата обращения: 10.06.2020).

3. Следственные действия: Криминалист. рекомендации. Типовые образцы док. / [Богомолова С. Н. и др.]; под ред. В. А. Образцова. Москва: Юристъ, 1999. 499 с.

4. Демидова Т. В. Качественный осмотр места происшествия по делам о ДТП как одно из условий предупреждения экспертных ошибок // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 45–47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kachestvennyu-osmotr-mesta-proisshestiya-po-delam-odtp-kak-odno-iz-usloviy-preduprezhdeniya-ekspertnyh-oshibok>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23271046>.

5. Расследование нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: учебное пособие / под общ. ред. Я. М. Мазунина, А. П. Сысенко. Омск: ОМА МВД России, 2017. 135 с.

6. Колмаков В. П. Следственный осмотр. Москва: Юрид. лит., 1969. 196 с. URL: http://library.nlu.edu.ua/POLN_TEXT/KNIGI_2009_2/KOLMAKOV_1969.pdf.

7. Сайт журнала «АвтоДела». URL: https://www.autodela.ru/main/top/test/videoreg_s_wi-fi (дата обращения: 09.06.2020).

8. Сайт DATARC Компьютерно-техническое исследование по техническому заданию № 45532, 2018 г. URL: <https://www.datarc.ru/cases/ekspertiza/issledovanie-microsd-zapisey-videoregistratora.html> (дата обращения: 14.06.2020).

9. Демидова Т. В. Взаимодействие следователя с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений при расследовании дорожно-транспортных преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2010. 232 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19218272>.

10. Сайт журнала «АвтоДела» URL: https://www.autodela.ru/main/top/review/videoreg_after_dtp (дата обращения: 09.06.2020); сайт «ТрансТехСервис» URL: <https://www.tts.ru/blog/pdd-shtrafy/videoregistrator-kak-dokazatelstvo-v-sude> (дата обращения: 09.06.2020); сайт «КОМПМАСТЕР» URL: https://911.kg/recovering_data_from_car_dvrs (дата обращения: 09.06.2020).

11. Лавров В. П. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению. Москва: Акад. упр. МВД России, 2011. 147 с.

12. Волынский, А. Ф. Криминалистика: учебник для студентов вузов / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. 943 с. URL: <https://pravo.studio/tehnika-kriminalisticheskaya/kriminalistika-uchebnik-dlya-vuzov-pod-red.html>.

13. Тишутина И. В. Противодействие расследованию организованной преступной деятельности: теория и практика выявления и преодоления: монография / под ред. А. Ф. Волынского. Москва: Юрлитинформ, 2012. 346 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19862928>.

14. Ремизов С. М. Противодействие расследованию дорожно-транспортных преступлений и криминалистические методы его преодоления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2007. 23 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/protivodeistvie-rassledovaniyu-dorozhno-transportnykh-prestuplenii-i-kriminalisticheskie-met/read>.

References

1. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 03.10.2013 № 846 (red. ot 16.05.2020) «O federal'noi tselevoi programme "Povyshenie bezopasnosti dorozhnogo dvizheniia v 2013-2020 godakh"»* [Decree of the Government of the Russian Federation as of 03.10.2013 № 846 (revised 16.05.2020) «On the federal target program "Improving road traffic safety in 2013–2020"»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <http://docs.cntd.ru/document/499048500> [in Russian].
2. *Ofitsial'nyi sait Gosavtoinspektsii GUOBDD MVD Rossii* [Official website of the State Automobile Inspectorate of the National Highway Traffic Safety Administration of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. Available at: <http://www.gibdd.ru/stat> (accessed 10.06.2020) [in Russian].
3. *Sledstvennye deistviia: Kriminalist. rekomendatsii. Tipovye obratzsy dok. [Bogomolova S. N. i dr.; pod red. V. A. Obratsova* [Bogomolova S. N. et al. Investigative actions: Criminalist recommendations. Typical samples documents; Obratsov V. A. (Ed.)]. Moscow: Iurist", 1999, 499 p. [in Russian].
4. Demidova T. V. *Kachestvennyi osmotr mesta proisshestiia po delam o DTP kak odno iz usloviu preduprezhdeniia ekspertnykh oshibok* [Qualitative examination of the scene in cases of accident as one of the conditions warning expert errors]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2015, no. 3, pp. 45–47. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kachestvennyy-osmotr-mesta-proisshestiia-po-delam-o-dtp-kak-odno-iz-usloviu-preduprezhdeniia-ekspertnykh-oshibok>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23271046> [in Russian].
5. *Rassledovanie narusheniia pravil dorozhnogo dvizheniia i ekspluatatsii transportnykh sredstv: uchebnoe posobie. Pod obshch. red. Ia. M. Mazunina, A. R. Sysenko* [Mazunin Ya. M., Sysenko A. R. (Eds.) Investigation of violations of traffic rules and the operation of vehicles: textbook]. Omsk: OMA MVD Rossii, 2017, 135 p. [in Russian].
6. Kolmakov V. P. *Sledstvennyi osmotr* [Investigative examination]. Moscow: Iurid. lit., 1969, 196 p. Available at: http://library.nlu.edu.ua/POLN_TEXT/KNIGI_2009_2/KOLMAKOV_1969.pdf [in Russian].
7. *Sait zhurnala «AvtoDela»* [Official website of the magazine «AutoDela»]. Available at: https://www.autodela.ru/main/top/test/videoreg_s_wi_fi (accessed 09.06.2020) [in Russian].
8. *Sait DATARC Komp'iuterno-tekhicheskoe issledovanie po tekhnicheskomu zadaniu № 45532, 2018 g.* [Website DATARC Computer-aided research on terms of reference № 45532, 2018]. Available at: <https://www.datarc.ru/cases/ekspertiza/issledovanie-microsd-zapisey-videoregistratora.html> (accessed 14.06.2020) [in Russian].
9. Demidova T. V. *Vzaimodeistvie sledovatel'ia s sotrudnikami ekspertno-kriminalisticheskikh podrazdelenii pri rassledovanii dorozhno-transportnykh prestuplenii: dis. ... kand. iurid. nauk* [Interaction of the investigator with the staff of the forensic departments in the investigation of road traffic crimes: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2010, 232 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19218272> [in Russian].
10. *Sait zhurnala «AvtoDela»* [Official website of the magazine «AutoDela»]. Available at: https://www.autodela.ru/main/top/review/videoreg_after_dtp (accessed 09.06.2020); *sait «TransTekhServis»* [official website of «TransTechService»] Available at: <https://www.tts.ru/blog/pdd-shtrafy/videoregistrators-kak-dokazatelstvo-v-sude/> (accessed 09.06.2020); *sait «KOMPMASER»* [official website of «KOMPMASER»]. Available at: https://911.kg/recovering_data_from_car_dvrs (accessed 09.06.2020) [in Russian].
11. Lavrov V. P. *Protivodeistvie rassledovaniu prestuplenii i mery po ego preodoleniiu* [Counteraction to the investigation of crimes and measures to overcome it]. Moscow: Akad. upr. MVD Rossii, 2011, 147 p. [in Russian].
12. *Kriminalistika: uchebnik dlia studentov vuzov. A. F. Volynskii; pod red. A. F. Volynskogo, V. P. Lavrova. 2-e izd., pererab. i dop.* [Volynsky A. F. Forensic science: textbook for university students. Volynsky A. F., Lavrov V. P. (Eds.). 2nd edition, revised and enlarged]. Moscow: IuNITI-DANA: Zakon i pravo, 2012, 943 p. Available at: <https://pravo.studio/tehnika-kriminalisticheskaya/kriminalistika-uchebnik-dlya-vuzov-pod-red.html> [in Russian].
13. Tishutina I. V. *Protivodeistvie rassledovaniu organizovannoi prestupnoi deiatel'nosti: teoriia i praktika vyivleniia i preodoleniia: monografiia. Pod red. A. F. Volynskogo* [Counteraction to the investigation of organized crime: theory and practice of identifying and overcoming: monograph. Volynsky A. F. (Ed.)]. Moscow: Iurlitinform, 2012, 346 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19862928> [in Russian].
14. Remizov S. M. *Protivodeystvie rassledovaniu dorozhno-transportnykh prestuplenii i kriminalisticheskie metody ego preodoleniia* [Counteraction to the investigation of road traffic crimes and forensic methods of overcoming it: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2007, 23 p. Available at: <https://www.disscat.com/content/protivodeistvie-rassledovaniyu-dorozhno-transportnykh-prestuplenii-i-kriminalisticheskie-met/read> [in Russian].

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ REQUIREMENTS TO THE DESIGN OF ARTICLES

Для публикации научных работ в журнале «Юридический вестник Самарского университета» принимаются статьи, соответствующие научным требованиям, общему направлению журнала и представляющие интерес для достаточно широкого круга российской и зарубежной научной общественности.

Предлагаемый в статье материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое (внутреннее) рецензирование. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Правила оформления

Текст статьи

- Статья предоставляется на русском или английском языке в печатном (формат А4) и электронном (по эл. почте) видах.
- Перед заглавием статьи проставляется шифр УДК.
- Название работы, список авторов в алфавитном порядке (ФИО, место работы, индекс и адрес места работы, должность, электронная почта), аннотация, ключевые слова, библиографический список, названия таблиц и рисунков должны быть представлены на русском и английском языках.
- Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word для Windows с расширением doc или rtf гарнитурой Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
- Объем основного текста не должен превышать 25 страниц.
- Рисунки и таблицы предполагают наличие названия и сквозную нумерацию.
- Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 по порядку цитирования после основного текста. Допускается не более 20–30 источников.
- Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках, например [14, с. 28]. Ссылки на иностранные источники приводятся на языке оригинала.
- References оформляется в соответствии с *American Psychological Association (APA) Style*.

Графика

- Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формат TIF.
- Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран гарнитурой Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы.

Формулы

- Единицы измерения следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- В статье приводятся лишь самые главные, итоговые формулы. Набор формул производится в редакторе формул Microsoft Equation с параметрами: обычный – 14, крупный индекс – 9, мелкий индекс – 7, крупный символ – 20, мелкий символ – 14.
- Вставка в текст статьи формул в виде графических объектов недопустима.
- Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Статьи, оформленные не по правилам, редколлегией рассматриваться не будут.

ШАБЛОН ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

DOI: 10.18287/2542-047X-2021-7-1-XX-XX
УДК 340.13

Дата: поступления статьи / Submitted: 11.12.2020
после рецензирования / Revised: 24.01.2021
принятия статьи / Accepted: 27.02.2021

Научная статья / Scientific article

В. В. Иванов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: smy@samaradom.ru

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Аннотация – не менее 250–300 слов: В статье дан краткий исторический экскурс правовой институционализации гражданского общества в США. Делается вывод, что существующие организационные формы и практики деятельности некоммерческого сектора – результат совмещения укорененной в американском обществе традиции филантропии и гражданского участия с государственной политикой по поддержке определенных направлений деятельности некоммерческого сектора. В разные периоды американское государство использовало различные инструменты для направления добровольческой активности и благотворительных капиталов в публично важные сферы деятельности. В настоящий момент американское общество находится в процессе постоянного экспериментирования с правовой формой и статусом организаций некоммерческого сектора, которые были бы способны вобрать в себя преимущества всех трех главных секторов: государства, бизнеса и общества.

Ключевые слова: гражданское общество, некоммерческая организация, налоговые льготы, публичные социальные услуги, благотворительный фонд, государство всеобщего благосостояния.

Благодарности. Статья подготовлена...

Цитирование. Иванов В. В. Название статьи // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 1. С. XX–XX. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-1-XX-XX>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

V. V. Ivanov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: smy@samaradom.ru

ARTICLE TITLES

Abstract: The article offers the brief historical excursion of legal institutionalization of civil society in USA. The article concludes that existent organizational forms and practices of activity of noncommercial sector are the result of combination between embedded traditions of philanthropy and civil engagement in American society and the state policy to support some directions of activity of non-profit sector. The American government made use of different tools to turn voluntary activity and philanthropy funds to major public spheres in various ages. Now the American society is in the process of permanent experimentation with the legal form and status of non-profit sector's organizations which would able to absorb advantages of all three major sectors: the state, the business and the society.

Key words: civil society, non-profit organization, tax privileges, public social services, charity foundation, welfare state.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Samara Region within the framework of the research project № 18-411-630004 «Specific historical forms of corruption in the Moscow state (XV–XVI centuries)».

Citation. Ivanov V. V. *Pravovaya institutsionalizatsiya grazhdanskogo obshchestva v SShA (istoricheskii aspekt)* [Legal institutionalization of civil society in the USA (historical aspect)]. *Juridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, Vol. 7, no. 1, pp. XX–XX. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-1-XX-XX> [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© **Виктор Валерьевич Иванов** – звание, должность, кафедра, место работы, адрес места работы в формате: 440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40.

Тема кандидатской диссертации: «Структуры гражданского общества ...», тема докторской диссертации: «Структура права...». Автор более 50 научных работ, в т. ч. монографий: «Название» (год), «Название» (год).

Область научных интересов: история теории гражданского общества, современное состояние данной теории, право некоммерческих организаций.

© **Viktor V. Ivanov** – senior lecturer of the Department of Civil and Business Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of future Candidate's thesis: «Structures of civil society and their regulation: foreign and Russian experience (comparative legal analysis)». Author more 50 works.

Research interests: history of theory of civil society, current state of this theory, right of non-profit organizations.

ТЕКСТ СТАТЬИ

Ссылки в тексте [1; 4] или [1–6; 16, с. 12–14].

Библиографический список по порядку цитирования (с указанием DOI, URL)

1. Коэн Д. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. Москва: Весь мир, 2003. 784 с.
2. Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис. 1995. № 5. С. 16–27. DOI: <http://doi.org/12123/56/87/99>.
3. Вайнштейн Г. И. Закономерности и проблемы посткоммунистических трансформаций // Политические институты на рубеже тысячелетий. Дубна: Феникс+, 2001. С. 136–170.
4. Мельвиль А. Ю. Демократические транзиты // Политология. Лексикон / под ред. А. И. Соловьева. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 123–134.
5. Либоракина М. Некоммерческий сектор: международный опыт. URL: <http://www.SocPolitika.ru>.
6. Фурман Ф. Филантропия в Америке. Москва: Издательские решения, 2015. 256 с.
7. Berman Lila Corwin. Donor advised funds in historical perspective. URL: <http://www.bc.edu>.

References

1. Cohen J. L., Arato A. *Grazhdanskoe obshchestvo i politicheskaiia teoriia* [Civil Society and Political Theory]. Moscow: Ves' mir, 2003, 784 p. [in Russian].
2. Shmitter F. *Razmyshleniia o grazhdanskom obshchestve i konsolidatsii demokratii* [Reflections about civil society and consolidation of democracy]. *Polis* [Polis. Political Studies], 1995, no 5, pp. 16–27 DOI: <http://doi.org/12123/56/87/99> [in Russian].
3. Vainshtein G. I. *Zakonomernosti i problemy postkommunisticheskikh transformatsii* [Conformities and problems of post-communist transformations]. In: *Politicheskie instituty na rubezhe tysiacheletii* [Political institutions on the boundary of millenniums]. Dubna: Feniks+, 2001, pp. 136–170 [in Russian].
4. Melvil A. Yu. *Demokraticheskie tranzity* [Democratic transits]. In: *Politologiya. Leksikon. Pod. red. A. I. Solovieva* [Political science. Vocabulary. A. I. Solovyev (Ed.)]. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN), 2007, pp. 123–134 [in Russian].
5. Liborakina M. *Nekommercheskii sektor: mezhdunarodnyi opyt* [Nonprofit sector: international experience]. Available at: <http://www.SocPolitika.ru> [in Russian].
6. Furman F. *Filantropiia v Amerike* [Philanthropy in America]. Moscow: Izdatel'skie resheniia, 2015, 256 p. [in Russian].
7. Berman Lila Corwin. Donor advised funds in historical perspective. Available at: <http://www.bc.edu> [in English].